ВСЕХ ПОИМЕННО НАЗВАТЬ

Автор и составитель Игорь Станкевич

часть 1

Станкевич И. – Всех поименно назвать
часть 1. – 2021 г. – 344 с.

Post Bellum

TRANSITION

Ministerstvo zahraničních věcí
České republiky

Посвящаю своим репрессированным прапрабабушке и прапрадедушке Иосифу и Марии Каменским, прабабушке и прадедушке Анне (Каменской) и Захарию Ходевцевым, их репрессированным родственникам Каменским, Цеханским, Лижевским.

Глубокую благодарность выражаю потомкам расстрелянных в Орше Ларисе Орениной, Дине Кацер, Марине Зачиняевой, Анатолию Буласову, Стасу Лазовскому, Вадиму Филиповичу, Анатолию Логинову, Валентине и Александру Разумным, а также оршанским активистами Игорю Казмерчаку, Юрке Коптику, Виталию Павлову, Виктору Михасеву, Юрию Нагорному (посмертно), Виктору Степанову и всем, кто все эти годы ухаживал на мемориалом на Кобыляцкой горе.

Введение

“Всех поименно назвать” — название этой книги — фрагмент стихотворения Анны Ахматовой, в нем поэтесса попыталась описать состояние, в котором в 1930-1950-х пришлось жить не только ей самой, но и всему народу. “В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде”, — напишет позже Ахматова. Фрагмент стихотворения “Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать…” будет начертан сначала на символическом обелиске, а позже на таблице на большом природном валуне, который в начале 1990-х установят на одном из мест массовых расстрелов 1930-х годов под Оршей — Кобыляцкой горе.

Еще в 1982 году при строительстве подъездной железнодорожной ветки к заводу ЖБИ “Межколхозстроя” через лесной массив южнее деревни Андреевщина строители обнаружили останки 50 человек с пулевыми отверстиями в затылках. В акте обследования братской могилы на Кобыляцкой горе (опубликован в сборнике) государственная комиссия зафиксировала: “расстрелы советских людей производились в 1937-1939 гг. органами НКВД”. В документе указывалось, что “в этот период лес так называемой Кобыляцкой горы был местом массовых расстрелов ни в чем не повинных людей, так же, как лесной массив по Могилевскому шоссе у дер. Поддубцы”[1]. Акт подписали секретарь Оршанского районного отделения Белорусского общества охраны памятников истории и культуры Пищалов Г.Х., прокурор Андрейкова Г.Н., врач судебно-врачебной экспертизы Лосев В.А., старший лейтенант Оршанского военкомата Ризатов В.Д., старший лейтенант милиции Лучина Н.С. Человеческие останки перезахоронят рядом.

В апреле 1989 года в соответствии с постановлением ЦК КПСС “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-х, 40-х и начале 50-х годов” и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года бюро горкома КПБ и исполком городского Совета народных депутатов Орши образовали Комиссию по оказанию содействия в обеспечении прав и интересов реабилитированных и созданию па-

1 По воспоминаниям очевидцев и старожилов, в лесном массиве на Могилевском шоссе возле деревни Поддубцы НКВД массово расстреливал священников.

мятников жертвам репрессий, содержанию в надлежащем порядке мест их захоронений. На комиссию возложили обязанности по глубокому изучению материалов о реабилитации лиц, пострадавших от беззакония в период культа личности, и по внесению предложений по вопросам увековечением памяти жертв репрессий и мест их захоронения. Редакции газеты "Ленінскі прызыў" предписывалось систематически информировать жителей города о работе комиссии.

Но уже 6 августа в клубе объединения "Оршастройматериалы" участники встречи с представителями группы поддержки Белорусского народного фронта "Адраджэнне" приняли резолюцию с требованием предать полной гласности деятельность комиссии, а информацию о результатах ее работы регулярно публиковать в "Ленінскім прызыве". Для упрощения работы комиссии и эффективного контроля со стороны общественности подписанты требовали снять со всех материалов архивов МВД и КГБ республики, сроки которых превысили 50 лет, гриф секретности и обеспечить свободное использование этих материалов для ознакомления граждан и публикации в печати. Собрание также потребовало, чтобы комиссия поручила городской и районной прокуратурам возобновить следствие по уголовному делу по факту массовых расстрелов советских граждан в районе Кобыляцкой горы в 1930-е годы. Резолюцию поддержало абсолютное большинство участников собрания — 244 человека. К сожалению, сведений о возобновлении уголовного дела у нас нет.

Позже в интервью "Ленінскаму прызыву" (опубликовано в сборнике) коммунист, заместитель председателя Оршанского горисполкома Александр Калуга оправдывался, что, мол, гласность существует с первых дней работы комиссии.

28 октября 1989 года БНФ организовал первое шествие на Кобыляцкую гору от остановки "Ремзавод". Несколько десятков человек несли красные и белые цветы, чтобы возложить на камень рядом с местом обнаружения останков. Милиция и люди в штатском напряженно следили за происходящим.

В октябре 1990 года на страницах газеты "Літаратура і мастацтва" появилась статья корреспондента газеты "Ленінскі прызыў" Юрия Коптика "Крумкачы" на Кабыляцкай гары" (опубликована в сборнике) — результат огромной работы по расследованию преступлений коммунистической власти на Оршанщине. Юрий Коптик не только

нашел места в окрестностях Орши, где в 1930-е годы советы уничтожали репрессированных граждан, но и записал воспоминания свидетелей. А заведующая отделом культуры Оршанского горисполкома Галина Врублевская передала журналисту копию акта 1982 года.

2 ноября того же года по решению городской комиссии по оказанию содействия в обеспечении прав и интересов реабилитированных и увековечивании памяти жертв репрессий городские власти организовали на Кобыляцкой горе торжественное открытие памятника на могиле жертв сталинских преступлений. На металлическом обелиске впервые появились слова Ахматовой. Небольшой траурный митинг открыл зампредседателя горисполкома Александр Калуга. А председатель комиссии Алексей Рябушев заявил, что шефство над местом захоронения взяли ученики местной средней школы из деревни Андреевщина. Он также пообещал, что еще один обелиск будет установлен на другом предполагаемом месте расстрелов — на Могилевском шоссе.

Мероприятие проводилось в будний день. Участников собирали второпях, массовость обеспечивали два автобуса со школьниками. Позже Юрий Коптик в заметке "Чаму ж так?" удивлялся, почему торжественное открытие знака в память о невинно убиенных осуществлялось в спешке, а "Ленінскі прызыў" даже не успел оповестить оршанцев о предстоящем мероприятии.

А спешили власти потому, что уже на следующий день, в субботу, 3 ноября, на Дзяды БНФ организовал новое шествие на Кобыляцкую гору. Несмотря на дождливую погоду, собралось около 50 человек. Журналистка оршанской газеты Алла Танчевская в статье "Дзяды" написала: "Аднымі з першых прыйшлі старыя людзі — дзеці тых, хто быў знішчаны гіганцкай сталінскай машынай рэпрэсій. Агульнае гора аб'яднала іх, і людзі цесна стаялі пад дажджом, чакалі прыезду святароў. Апоўдні пачалося маўклівае шэсце ў бок Андрэеўшчыны. Нялёгка даўся гэты амаль двухкіламетровы шлях старым людзям, усё жыццё пражыўшым пад страхам быць арыштаванымі ў любы момант. Нават цяпер, калі атрыманы ў сем'ях рэабілітацыйныя даведкі, некаторыя не хочуць называць свае прозвішчы: "Ведаеце, прачынаюся сярод ночы ў жаху, здаецца: вось-вось пастукаюць"[2].

Из Орши на руках принесли и вкопали большой деревянный крест с надписью "Ахвярам генацыду". Его изготовили братья-баптисты Ле-

2 "Ленінскі прызыў". 6.11.1990 г.

онид, Павел и Петр Демидчики, надпись делал Алесь Кожемяко. Православный священник Виктор Радомысльский и ксендз Ян Войткевич освятили крест и установленный накануне обелиск и отслужили молебен. "І калі прагучалі апошнія словы малітвы "...и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь", у натоўпе пачуліся рыданні: "Татачка мой родненькі", "Брацік наш, брацік". Прамоў не было, напэўна, і не патрэбны яны былі ў гэты памінальны дзень. А калі пачалі разыходзіцца, нехта раптам усхвалявана ўскрыкнуў:

— Людзі, костка! — і ў імгненна наступіўшай цішыні падняў з зямлі вялікую пачарнелую костку ад чалавечай нагі. Відаць, яе выкапалі напярэдадні пры ўстаноўцы помніка, і ў спешцы ніхто гэтага не заўважыў"[3], — описывала этот момент Алла Танчевская.

Через несколько лет место стандартного металлического памятника займет большой природный валун. Его найдет журналист Юрий Коптик, а городские власти организуют доставку и установку. Вскоре на валуне появились табличка и строки Ахматовой.

Таблицу отольют из силумина — сплава алюминия и кремния — на оршанском заводе "Красный Октябрь". Через какое-то время ее украдут вандалы. Позже украдут и барельеф из чугуна с силуэтами жертв террора. На камне останутся лишь следы креплений, словно следы от пуль энкавэдэшников.

Во второй половине 1990-х Оршанская Рада БНФ на заводе "Легмаш" изготовит очередную, уже третью, таблицу со словами из Евангелия от Луки: "...Гора вам, смеючыся цяпер, бо заплачыце і зарыдаеце…" и пояснением "Тут захаваны ахвяры рэпрэсій, учыненых бязбожным камуністычным рэжымам. 1930-1953 гады". Ее установят рядом с валуном.

В середине 1990-х государственная политика в отношении сталинских репрессий резко изменится. Архивы КГБ захлопнутся, так и не успев толком открыться. Места массовых расстрелов советских граждан карательными органами ОГПУ-НКВД перестанут быть заметными для властей. Городские власти Орши и местная школа решат, что страница с репрессиями уже перевернута, и отвернутся от Кобыляцкой горы. Официальный памятник постепенно превратится в настоящий народный мемориал. Следить за ним, благоустраивать, ежегодно проводить уборки на протяжении нескольких десятков лет будут оршанские активисты.

3 Там же.

В 2017 году возникнет инициатива "Кобыляки. Расстреляны в Орше". Она объединяет потомков расстрелянных. Мы ищем детей, внуков и правнуков репрессированных, помогаем запрашивать документы в архивах КГБ, собираем сведения о репрессированных, публикуем их истории, вносим свой вклад в благоустройство и развитие мемориала. Некоторые потомки, узнав, что их родные расстреляны в Орше, устанавливают на Кобыляцкой горе символические таблички, кресты и даже памятники с именами расстрелянных родственников. Мемориал превращается в символическое место поклонения тем, чьи жизни отняла советская власть.

Год спустя по инициативе оршанского библиотекаря Ирины Пучковой и матушки Александра-Невского храма Светланы Тереховой мемориал на Кобыляцкой горе был включен в православно-патриотический маршрут "Адреса молитвы и памяти".

В 2018 году по настоянию участников инициативы "Кобыляки. Расстреляны в Орше" Оршанский райисполком установил на валуне новую гранитную таблицу с надписью "Место памяти и скорби" на беларусском, русском языках и иврите. Польский язык исполком заменил английским, мотивируя тем, что польский в Беларуси не распространен, а поляков в Орше не расстреливали. Но именно эти четыре языка в БССР в 1920-1930 годах были государственными. Кроме того, среди расстрелянных в Орше из 1871 человека (это минимум, который нам известен) около 1100 — беларусы, и около 600 — поляки. Евреев, русских, литовцев и латышей в Орше расстреливали в несколько раз меньше.

21 декабря 1990 года Верховный Совет БССР принял постановление № 479-XИ "Об утверждении Положения о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий в 20-50-х годах" (не отменено до сих пор), которое утвердило "Положение о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий в 20-80-х годах, наделении пострадавших льготами" (впоследствии полностью ликвидированы). Главным архивным управлениям при Совете Министров, областным и Минским городским Советам народных депутатов предписывалось организовать составление списков пострадавших в политических репрессиях 1920-1980-х годов, а издательству "Белорусская Советская Энциклопедия" — ускорить подготовку и выпуск специального издания с этими списками. Редакции газет и журналов,

телевидения и радиовещания обязали систематически информировать граждан о работе по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий.

В 1999 году в издательстве "Белорусская энциклопедия" выйдет первый том двухтомника "Память" — историко-документальной хроники Орши и Оршанского района. В нем будут опубликованы почти 1800 имен репрессированных жителей города и района. Более 500 из них расстреляны, не у всех, правда, указано место расстрела. Однако это далеко не полный список жертв сталинского террора.

В 2019 году инициатива "Кобыляки. Расстреляны в Орше" создала свой сайт kobylaki.by, на котором аккумулируются данные о репрессированных. На данный момент в списке 3635 имен высланных за пределы Оршанского района, в удаленные уголки СССР, в лагеря ГУЛАГа, расстрелянных в Орше, Смоленске, Минске и других городах. Это имена людей, не просто оболганных государством, советы отняли у них жилье, имущество, здоровье, молодость, у многих жизнь.

На родных и близких этих людей коммунисты навешивали ярлык — "член семьи врага народа". Жен репрессированных нередко отправляли в лагеря, а детей — в детские дома. Подавляющему большинству ярлык ЧСИР ломал жизнь, лишал будущего. Ведь упоминание в анкете о не рабоче-крестьянском происхождении, а тем более о репрессированных родственниках сразу ставило крест на поступлении на учебу или продвижении по карьерной лестнице. Многие из потомков до сих пор переживают эту глубокую родовую травму, но это травма для всего нашего общества. До конца не осознав разыгравшуюся тогда трагедию, сегодня мы проживаем ее снова.

Мы очень хотим назвать всех репрессированных поименно, мы постоянно пополняем список. Но, к большому сожалению, поставить точку будет невозможно. В списке преобладают осужденные по уголовным делам — это лагеря и расстрелы. А доля репрессированных по административным делам — высылки, поражение в правах и др. — ничтожно мала. Если документы уголовных дел хранятся в архивах КГБ, и потомки репрессированных могут получить к ним доступ, то административные дела, например, о высылках в рамках так называемой "кулацкой" операции начала 1930-х годов, практически не сохранились. Сведения о них иногда встречаются в личных делах репрессированных в 1937-1938 годах. Но доступа к этим делам нет.

Между тем многие, определенные к высылке, часто были обречены на смерть. Например, в 1930 году Орша была одной из ключевых станций, откуда кулаков массово высылали в Архангельскую область или на Урал. Высылали в холод, с минимумом одежды и инструментов, а привозили нередко в заснеженную тайгу, где не было ни малейших условий для жизни — ни домов с печками, ни продовольствия. Многие умирали от холода, голода и болезней. Учет жертв почти никто не вел. Зачем, ведь большевики "уничтожали кулаков как класс".

После завершения Большого террора 1937-1938 годов прошло более 80 лет. Гриф секретности с личных дел репрессированных должны были снять по прошествии 75 лет. Но, увы, КГБ до сих пор прячет от общества свидетельства преступлений своих предшественников — ОГПУ-НКВД.

В 2018 году Национальный архив незаконно ограничил доступ к уникальной базе данных "Сведения о необоснованно репрессированных гражданах Белоруссии". База насчитывает более 180 тысяч учетных карточек репрессированных и реабилитированных жителей Беларуси. Для сравнения, базы "Мемориала", "Открытого списка" или "Картатэкі Сталіна" насчитывают примерно 60-80 тысяч имен — в 2-3 раза меньше. Получается по Ахматовой, "... но отняли список, и негде узнать…".

Этот сборник воспоминаний, документов и имен — результат четырехлетней работы инициативы "Кобыляки. Расстреляны в Орше". В книге собраны не только статьи автора, но и публикации из "Ленінскага прызыву", воспоминания участников событий, тексты потомков репрессированных. Главная задача книги — не дать стереть воспоминания о тех мрачных временах из народной памяти.

Как и кого репрессировали в Орше и Оршанском районе

В книге собраны данные на 3635 репрессированных. Из них только 281 женщина (это всего 7,7%), остальные мужчины. Многие из них неоднократно попадали в жернова сталинской карательной машины. Так, например, Антона Каменского арестовывали несколько раз. Впервые в 1927 году, но тогда не нашли доказательств и отпустили, в 1930-м - вместе с престарелыми родителями выслали в Котлас, в 1931 году после бегства из ссылки снова арестовали и сослали на Урал. Здесь в 1934 году осудили на 3 года лагерей. В последний раз Каменского арестовали в 1937-м в Орше. Его расстреляли 10 ноября 1937 г., а вместе с ним и его родственников: родную сестру с мужем, двоюродных сестер и братьев.

Основная часть репрессированных - 1892 человека - жители Оршанского района, 914 из них проживали в самой Орше. Однако есть в списке и 1681 житель других районов. Во время “Большого террора” 1937-1938 годов их привозили в Оршу на “бойню”. Вероятно, эти районы входили в так называемый оперативный сектор Оршанского РО НКВД.

Расстрелянные в Орше жители районов БССР (чел.):

Лепельский - 184
Сенненский - 180
Бегомльский - 159
Ушачский - 152
Заславльский - 144
Крупский - 108
Толочинский - 99
Чашникский - 97
Дзержинский - 81
Минский - 77
Горецкий - 68
Круглянский - 62
Дубровенский - 49
Логойский - 44
Богушевский - 34
Холопеничский - 31
Ветринский - 26
Плещеницкий - 23
Смолевичский - 14
Краснослободский - 11
Копысский - 9
Борисовский - 8
Копыльский - 7
Пуховичский - 4
Белыничский - 3
Старобинский - 3
Дрибинский - 3
Слуцкий - 1

Национальность обозначена у 3175 человек:

беларусы - 2115
поляки - 748
русские - 91
евреи - 88
латыши - 49
литовцы - 27
украинцы - 24
немцы - 28
эстонцы - 4
грек - 1

Уровень образования репрессированных

неграмотный	незаконченное начальное	начальное	незаконченное среднее	среднее	среднее специальное	незаконченное высшее	высшее
310	1314	885	113	187	6	15	73

Происхождение репрессированных

Из крестьян - 2682 человека, из рабочих - 208, из служащих - 87, из шляхты и дворян - 34, из духовного сословия - 22, из купцов - 10.

Социальные и профессиональные группы

В списке содержатся сведения о 838 колхозниках, 506 единоличниках, 57 домохозяйках, а также работниках различных организаций и учреждений Орши и Оршанского района. Самая массовая профессиональная группа репрессированных - железнодорожники, их в списке 353 человека. Сотрудников льнокомбината - 70, мясокомбината - 30, работников торфозавода “Осинторф” - 31, БелГРЭС - 24, преподавателей и сотрудников железнодорожного техникума - 6, педтехникума - 7. Также в списке 59 учителей, 8 директоров школ, 14 врачей и 41 репрессированный священник, в основном, православной конфессии, 1 ксендз и 1 раввин. Как правило, служителей культа репрессировали несколько раз. Например, Михаила Величко ОГПУ-НКВД арестовывали трижды, впервые арестовали в 1929-м, но освободили, в 1931-м осудили на 1 год лишения свободы, а в 1937-м расстреляли в Орше.

Были репрессированы и 10 монашек. Их арестовали в апреле 1932 года и приговорили к высылке на 3 года, вероятно, в Северный край. В 1937-м “тройка” НКВД приговорила 10 годам лагерей 4 человека, которых обвинили в участии в группе сектантов-униатов и ведении контрреволюционной религиозной агитации.

Среди осужденных были и дети. Некоторые умирали в ссылке. Так, Евгения Демешкевича 1924 года рождения вместе с родителями и сестрой еще в 1931 году ОГПУ выслал на Урал. Здесь в 1934 году мальчик умер. Ему было всего 10 лет.

Среди расстрелянных в 1937-1938 годах в Орше (данные на 1738 человек) колхозников - 771, рабочих - 417, единоличников - 126.

Кто выносил приговоры

В основном приговоры выносили несудебные органы. “Тройки” ОГПУ и НКВД осудили 1466 человек, “двойка” - Комиссия НКВД и Прокурора СССР - 1540, коллегия ОГПУ - 89, суды - всего 153.

Характер приговоров

За антисоветскую агитацию и деятельность осуждены 1306 человек, еще 556 - за контрреволюционную деятельность. 26 человек обвинялись в участии в Польской войсковой организации. В шпионаже обвинялись 1597 репрессированных, в том числе в пользу Польши - 1228, Латвии - 50, Германии - 12 и даже Японии - 3.

Вынесенные приговоры с 1927 по 1950 гг. (3583 решений)

	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
расстрел				5	6	1	28	3			1334
15 лет ИТЛ											
10 лет ИТЛ	2		3	12		10	19		4		218
8 лет ИТЛ						2		8		4	5
7 лет ИТЛ										4	2
6 лет ИТЛ											
5 лет ИТЛ			5	31	29	64	53	16	16	20	5
4 года ИТЛ											2
3 года ИТЛ			6	25	27	75	19	14	9	13	
1 год ИТЛ				10	4						
3-6 мес. ИТЛ				7							
5 лет высылки						2			2		
3 года ссылки		3	16		12	14	16	2	3		
ссылка				73	18		3				
пораж. в правах					4	2					
лиш. права прожив. в опред. местах.	2	2	4		9	2					
Всего	4	5	34	163	109	172	138	43	34	41	1566

Анализ данных нашего списка показал, что в период с 1927 по 1950 были освобождены всего 57 человек. Многие из них позже репрессированы повторно.

Из 3635 человек в разные годы приговорены к высшей мере наказания 2323. Из них в разные годы в Орше расстреляны минимум 1859. Пик рас-

Многие репрессированы неоднократно.

1938	1939	1940	1941	1942	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	всего
943	1		1	1								2323
6						5		2				13
109		2		5	2	10	9	5		2	2	414
26		3		3	2				2			55
23	2											31
						2						2
			6	3	2	3	2	4				259
2												4
4				2								194
												14
												7
2							12					18
						3	3					72
										2		96
												6
												19
1115	3	5	7	14	6	23	26	11	2	4	2	3527

стрелов пришелся на период Большого террора - 1937-1938 годы. В это время в Орше убили по меньшей мере 1852 человека, в Минске, Смоленске и Витебске уничтожили соответственно минимум 51, 22 и 9 жителей Орши и Оршанского района. В Смоленске в основном расстреливали железнодорожников.

Расстрелы жителей Оршанского и других районов в 1930-1940 годах

	1930	1931	1932	1933	1934	1937	1938	1939	1941	1942	**всего**
Без указания места	4	6	1	26		121	213		1	1	**373**
Орша	1			2	3	1202	650	1			**1859**
Витебск						4	5				**9**
Смоленск						3	19				**22**
Полоцк						1	1				**2**
Минск						1	50				**51**
Нижний-Тагил						1					**1**
Сандармох						1					**1**
Бутово (Москва)							1				**1**
Ленинград							1				**1**
Семипалатинск							1				**1**
Томск							2				**1**
Всего	**5**	**6**	**1**	**28**	**3**	**1334**	**943**	**1**	**1**	**1**	**2323**

Расстрелы по месяцам в 1937-1938 гг.

	янв	фев	мар	апр	май	июн	июл	авг	сент	окт	ноя	дек
1937							2	10	91	179	509	472
1938	612	3	12	16	12	2	50	0	0	52	46	0

В таблице отражена статистика расстрелов по месяцам в 1937-1938 годах. Данные на 2068 человек. Среди них те, у кого обозначено - место расстрела Орша, а также жители Орши и Оршанского района, у кого место не обозначено. Скорее всего, их останки покоятся где-то на Кобыляцкой горе или в лесу вдоль Могилевского шоссе. У части осужденных к высшей мере наказания даты расстрела не указаны, поэтому они не вошли в статистику.

Жители Оршанского района, умершие в местах лишения свободы (57 чел.)

1932	1934	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1947	1948	1952	без даты
1	1	3	9	3	2	2	13	11	6	2	1	1	1	1

Умерли в заключении еще минимум 57 человек. Вероятно, многие погибшие в сталинских застенках даже не попали в статистику, а позже и в списки репрессированных. Например, 87-летнего Людвига Кочановского Особая "тройка" 20 октября 1937 года. приговорила к 10 годам лагерей. На момент осуждения он находился в оршанской тюрьме, затем его перевели в могилевскую ИТК №7. 29 мая 1938 года он скончался в больнице колонии. "Страдал старческим маразмом и гриппом. Смерть наступила от старческого маразма", - зафиксировали тюремщики. Но самого Людвига Францевича нет в списках репрессированных, ведь формально он умер в больнице от старости, а не от пыток и невыносимых тюремных условий.

В личных данных Заштовта Станислава Владиславовича указано - умер в заключении от паралича сердца. Однако доверять этой информации на 100% нельзя. У многих потомков репрессированных нередко хранится два свидетельства о смерти родственника, причем, с указанием разных причин смерти.

Так, в свидетельстве Михаила Шафранского за 1959 год указано: умер 19 апреля 1942 года от аневризмы сердца. А документ 2008 года свидетельствует - расстрелян 13.10.1937 года. Аналогичная история с Иваном Гилем. 3 февраля 1970 года ЗАГС Чашникского района выдал официальный документ с записью: умер в местах заключения 11 октября 1942 года. А в 1991 году родные получили другое свидетельство с указанием истинной причины смерти - расстрелян 1 октября 1937 года. Так коммунисты нагло врали семьям репрессированных, чтобы скрыть масштабы своих преступлений.

В разделе "Документы свидетельствуют" представлен текст приказа НКВД СССР № 00515 "О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных" за май 1939 года, в котором предписывается информацию о репрессированных родственникам сообщать устно. Справки о казненных должны были выдавать только спецотделы.

Статистика принятых решений о реабилитации с 1939 по 2000 год. (3631 решений о реабилитации)

Год	Реабилитировано	Год	Реабилитировано	Год	Реабилитировано	Год	Реабилитировано
1939	10	1954	4	1969	12	1985	1
1940	2	1955	39	1970	10	1986	2
1941	3	1956	82	1971	8	1987	1
1942	0	1957	203	1972	5	1988	13
1943	0	1958	358	1973	2	1989	1516
1944	0	1959	402	1974	11	1990	68
1945	0	1960	253	1975	1	1991	21
1946	1	1961	110	1976	1	1992	107
1947	1	1962	83	1977	4	1993	59
1948	2	1963	41	1978	0	1994	14
1949	0	1964	53	1979	2	1995	6
1950	3	1965	25	1980	1	1996	8
1951	0	1966	32	1981	2	1997	3
1952	0	1967	24	1983	1	1998	1
1953	0	1968	18	1984	1	2000	1

Небольшая, но очень короткая волна реабилитации репрессированных жителей Оршанщины началась в 1939 году с приходом на пост народного комиссара внутренних дел Лаврентия Берия. Берия арестовал своего прежнего патрона Николая Ежова и его соратников, в том числе руководителей НКВД БССР Бориса Бермана и Алексея Наседкина. Тогда же были арестованы и другие палачи, которые в оршанской тюрьме пытали, лично расстреливали своих жертв, фальсифицировали документы. Среди них Власов, Пименов, Ракитский, Щуров, Шлифенсон - список опубликован в разделе “Документы свидетельствуют”. Некоторые из них были уволены из НКВД, кто-то получил срок и даже расстрелян.

Следующая волна реабилитации началась через несколько лет после смерти Сталина – в 1955 году. В 1956-м ее подхлетнул доклад Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева на XX съезде КПСС "О культе личности и его последствиях". Хрущев перечислил многочисленные факты преступлений второй половины 1930-х — начала 1950-х, а вину за них он возложил на Сталина. Тогда же Никита Сергеевич поднял вопрос о реабилитации партийных и военных деятелей, репрессированных при Сталине. К 1959-му реабилитация достигла пика, а потом пошла на спад.

При Брежневе количество реабилитированных продолжало снижаться от года к году, иногда опускаясь до нуля. Эта же тенденция наблюдается вплоть до 1989 года, когда по всей стране началась массовая реабилитация жертв коммунизма. Только за один год были реабилитированы 1516 человек, в то время как за прошедшие 50 лет до этого власти реабилитировали 1827 человек.

Государственные органы, принимавшие решения о реабилитации

прокуратура	1159
Военный трибунал БВО	941
Витебский, Минский, Могилевский и Смоленский областные суды	377
Военная прокуратура БВО	359
Верховный суд БССР	242
Верховный суд СССР	56

Основную работу по реабилитации провела прокуратура и Военный трибунал Белорусского военного округа. По имеющимся данным, последним в нашем списке реабилитировали жителя хутора Березовки Лепельского района Виктора Жизневского. Его расстреляли в Орше 26 ноября 1937 года. Однако это не означает, что процесс реабилитации жертв коммунистического террора завершен. Думаю, он возобновится, когда архивы КГБ о репрессиях, наконец, будут доступны для беларусов. Однажды это должно случиться.

Орша и Оршанский район

“Крумкачы” на Кабыляцкай гары

У кастрычніку 1990 года ў газеце “Літаратура і мастацтва” быў апублікаваны вялікі артыкул карэспандэнта газеты “Ленінскі прызыў” Юрыя Копціка “Крумкачы” на Кабыляцкай гары”. Гэты артыкул — вынік вялікай працы журналіста па расследаванні злачынстваў камуністычнай улады. На падставе сведчанняў ён знайшоў мясціны ў ваколіцах Оршы, дзе ў 1930-я гады знішчалі рэпрэсаваных грамадзян. Копцік паспеў запісаць успаміны сведак жудасных падзей сталінскага перыяду.

Расказвае Юрый Копцік:

— Я захапіўся даследаваннямі рэпрэсій у Аршанскім раёне ў канцы 1980-х гадоў. Вельмі дапамагла Галіна Урублеўская. Яна дала копію Акта абследавання камісіяй месца пахавання расстраляных людзей. Гэты дакумент складзены ў 1982 годзе. У ім зафіксавана, што на Кабыляцкай гары знаходзіцца пахаванне расстраляных людзей у 1930-я гады. Дзякуючы таму, што я працаваў у газеце, мог збіраць і распаўсюджваць матэрыялы на гэтую тэму.

Яшчэ быў СССР, але ўжо тады пачалі думаць пра ўстаноўку помніка на гэтым месцы. Пасля правядзення “Дзядоў” у Менску ў 1988 годзе Юрый Санько сказаў, што калі ў Оршы ёсць свае Курапаты, то трэба гэта данесці да грамадскасці. Першае ўскладанне кветак на Кабыляцкай гары арганізаваў Віктар Сцяпанаў у 1989 годзе. Шэсце суправаджала міліцыя. На месцы ўскладання кветак яны з КДБ ўсё ачапілі. Але нікога не затрымлівалі.

У 1990 годзе ад месца збору да месца пахавання ўжо ішла калона чалавек з 40-50. Алесь Сярожкін нёс крыж, які быў усталяваны на тым месцы. Палітыка была усім па барабану, людзі думалі пра сваіх родных, якія там маглі знаходзіцца.

Тэма сталінскіх рэпрэсій дэ-факта сёння забароненая ў Беларусі без якіх-небудзь юрыдычных падстаў: няма ні ўказа, ні дэкрэта, які б забараняў ёю займацца, але чыноўнікі сядзяць і разважаюць, што ж падумаюць там наверсе?

Таму мы вырашылі зноў змясціць артыкул **“Крумкачы” на Кабыляцкай гары”**[4] для новага пакалення чытачоў.

Юрка Копцік, 1990

Так, не адны курапацкія сосны жалобна шумяць над пакутніцкімі магіламі. Не толькі рэквіем магілёўскіх кар’ераў гучыць над Беларуссю. Ёсць і ў Оршы свае Курапаты. Ды хіба толькі ў Оршы? Нават па даваенных мерках Орша не належала да буйных гарадоў. У пачатку вайны тут жыло 65 тысяч чалавек.

Лес Кабыляцкай гары, што ўзвышаецца над паўночнай ускраінай Оршы, карыстаецца ў мясцовых жыхароў нядобрай славай. Менавіта гэтае месца стала для Оршы тым, чым для Менска сталі Курапаты. Першая хваля тэрору, узведзенага ў ранг дзяржаўнай палітыкі, пакінула на Кабыляцкіх узгорках свой першы крывавы ўраджай яшчэ ў самым пачатку трыццатых. Менавіта ў 1930 годзе аршанская раённая газета “Змычка” паведамляла пра выязныя сесіі Вярхоўнага суда ў Оршы. Абвінавачванні па 69-м артыкуле Крымінальнага кодэксу - эканамічная контррэвалюцыя ці, прасцей кажучы, шкодніцтва. Да гэтага прыкладаліся пагромы “беларускага нацыянал-дэмакратызму” і разгортванне татальнай калектывізацыі. Наступствы апошняй перакрылі па сваіх памерах першыя дзве разам узятыя. Каго ж раскулачвалі? Паслухаем відавочцаў.

Марыя Карпаўна Ляховіч, жыхарка вёскі Лучыншчына Барздоўскага сельсавета:

— Жылі мы тады на сваім хутары, мелі 11 гектараў зямлі, 2 кані, 2 каровы, ну і сям’я значная — 11 душ. Побач быў хутар Дзям’яна Харкевіча. У яго было 20 гектараў, 2 кані і трымаў ён пяць кароў. Дык ён жыў з гэтых кароў, бо здароўе ў яго было не надта. Каму трэба было на вяселле або хрэсьбіны, бралі заўсёды ў яго тварог ды смятану. Таму і сеяў ён у асноўным канюшыну. Была ў яго і жнейка.

Раз прыйшоў ён да бацькі: можа, твае сыны памогуць скасіць канюшыну: палягла, каб яе, жнейка не бярэ. Браты пайшлі, скасілі. Ён за гэта потым нам бочку агуркоў даў.

4 “Літаратура і мастацтва” от 12.10.1990 г.

І што ты думаеш — раскулачылі! Калі іх забралі, паглядзела я: божа мой, божа, кашуля ў яго жонкі лапленая-пералапленая! Дзе ж тых кулакоў знайшлі?

Соф'я Харытонаўна Кандрацeнка, жыхарка вёскі Бабінічы Панізоўскага сельсавета:

— У нашай вёсцы тады раскулачылі двух гаспадароў — Шавельчанку Захара[5] і Алесенку Якіма. У Алесенкі было 2 кані і 2 каровы, дык ён і спаў у суткі 3-4 гадзіны, а так усё юшыўся на гаспадарцы. А ў Шавельчанкі жыла дзяўчынка, дачка яго сястры. Тая нарадзіла яе ў дзеўках. Гэта цяпер ніхто не зважае на падобнае, а тады — ого! Сястра яго потым замуж выйшла, а дзяўчынку пакінула ў брата. Так яна ў яго і жыла. Дык яму паставілі гэта ў віну, сказалі, што ён трымае ў сябе парабчанку. І раскулачылі. А быў жа бедны з бедных, у іх елі не заўсёды дасыту.

Уладзімір Мікалаевіч Шкураценка, жыхар вёскі Міцькаўшчына Андрэеўшчынскага сельсавета:

– Нарадзіўся я ў вёсцы Солаўе, тут непадалек. Жыў у нас тады такі Каплун Васіль. Было ў яго 3 каровы, кабыла белая, і меў ён малатарню, машыну такую. Яе яшчэ бацька яго купіў некалі.

У трыццатым годзе пачалі арганізоўваць калгас. Былі тут у нас да гэтага дзве камуны: у Міцькаўшчыне і ў Чарнякове, дык адны гультаі сабраліся. Бывала, паедзе хто на базар ці так куды што павязуць, дык яны падпільнуюць ды адбяруць мяшок які збожжа, і так было. Таму асабліва ніхто ў калгас дужа не ішоў. Тады ноччу і забралі Каплуна як кулака, а ў яго не то 6, не то 7 дзяцей было.

І гэтак было паўсюдна. Такія метады калектывізацыі выклікалі натуральны пратэст у сялян, і тут у дзеянне ўступала рэпрэсіўная машына АДПУ. Яна патрабавала новых ахвяр, і іх знаходзілі.

У. Шкураценка:

— У Солаўі царква была. Дзячком быў Мамыка, а папа прозвішча было Розаў. Забралі іх у 1932 годзе, а царкву скасавалі і крыжы з яе паздымалі.

З трыццатага года я працаваў у камяніцы — гэта такі кар'ер быў пад Кабыляцкай гарой, здабывалі там пясок ды гравій. Дык у 1933 годзе адкапалі мы з пяску папа: відаць, не так даўно расстралялі яго тут. Зя-

5 Шавельченко Захар Иванович расстрелян в Орше 21.12.1937 г.

лёнае паліто на ім было, крыж. Што зрабілі? Укінулі ў вагон разам з пяском. Так і паехаў.

У 1935 годзе тут жа, у камяніцы, адкапаў расстралянага Фёдар Канстанцінавіч Крузо, жыхар вёскі Пашына Крапівенскага сельсавета. Па яго сведчанні, закапаны ён быў неглыбока, на паўметра.

Факт расстрэлаў у гэтым месцы пад Кабыляцкай гарой у першай палове 1930-х пацвердзіў і жыхар Оршы Віктар Андрэевіч Баско:

— Жылі мы тады на паўночнай ускраіне Оршы, шмат хто з жыхароў трымаў кароў і нават коней. Мы, падлеткі, ганялі жывёлу пасвіць.

Памятаю, аднойчы загналі мы кароў пад Кабыляцкую гару. Там былі ў той час равы такія, парослыя хмызняком. Якраз на гэтым месцы цяпер "чармет" знаходзіцца.

Гляджу я, а зямля там уся пакапаная, як быццам шукалі што. Тут раптам з каровамі пачало тварыцца нешта няладнае, яны як звар'яцелі: вочы наліліся крывёй, з пашчаў сліна цячэ, равуць, зямлю капытамі і рагамі рыюць.

І да мяне дайшло, што тут закапаны расстраляныя людзі, ды, відаць, неглыбока, бо каровы і пачулі свежую кроў. Напалохаўшыся, мы кінуліся выганяць адтуль кароў. І больш на гэтае месца ніколі ўжо не ганялі. Тады я зразумеў, што за страляніна чулася вечарамі з гэтых мясцін.

Не адна Кабыпяцкая гара стала апошнім прытулкам ахвяр генацыду. Лес абапал шашы Орша — Магілёў, адразу за паўднёвай ускраінай горада, таксама быў месцам расстрэлаў.

Шмат хто яшчэ думае, што рэпрэсіі пачаліся з 1937 года. Але ж са сведчанняў вымалёўваецца іншая карціна: рэпрэсіі пачаліся з 1930 года і практычна не спыняліся да самай вайны. Цяжка ўспамінаць людзям тое, што не хочацца ўспамінаць, што хацелася б выкрасліць з памяці як цяжкі, пакутлівы сон.

Жыхар вёскі Андрэеўшчына Ігнат Фёдаравіч Мядзвецкі ўспамінае:

— Тое, што папоў расстрэльвалі пад гарой, я добра помню, аб гэтым тады ўсе гаварылі. Хаця дакладна, у якім годзе гэта было, сказаць не магу. Недзе ў прамежку з 1930 па 1932 год. Але затое добра помню наступны выпадак.

Было гэта летам 1936 года. Я тады працаваць хадзіў у Оршу на цэментавы завод. Да таго часу расстрэльвалі ўжо ў лесе і на Кабыляц-

кай гары. Але рабілі тое вечарам ці ноччу. А гэта здарылася раніцай, таму мне і запомнілася.

Ідзём мы праз лес на працу, як заўсёды — мы заўжды так хадзілі напрасткі. Раптам гляджу: конная міліцыя, увесь лес ачэплены. Сюды нельга, кажуць, давай у абыход. Дык спознімся ж, кажу, на працу, тады з гэтым строга было. А міліцыянер мне: а вы скажыце там, каб пазванілі куды трэба, там ім пацвердзяць усё пра гэта.

Ладна, ідзём з мальцамі пад вечар дамоў. Вырашылі забегчы паглядзець туды, дзе расстрэльвалі. Гляджу, яма вялікая закапана, а па свежай зямлі насенне лёну раскідана: гэта, значыцца, каб месца гэтае хутчэй пазарастала. Мне выпадак гэты добра запомніўся.

Пётр Ціханавіч Каліноўскі, жыхар вёскі Міцькаўшчына Андрэеўшчынскага сельсавета:

— Нарадзіўся я ў вёсцы Пашына ў 1923 годзе, там і рос. У сярэдзіне трыццатых пачалі расстрэльваць на Кабыляцкай гары, з левага боку ад дарогі на Віцебск. Там якраз пачалі капаць камяні для будоўлі льнокамбіната. Месца параслае хмызняком, зручнае, во ў гэтых ямках іх і расстрэльвалі. Ну, а з іншымі хлапчукамі бегаў туды збіраць стрэляныя гільзы. Гільзы былі доўгія такія, ад вінтовак.

Прывозілі звычайна апоўначы - у дванаццаць, у гадзіну, калі і раней. Чуў і стрэлы, і машыну бачыў, як выязджала. Бачыў, зразумела, і свежыя магілы. Даводзілася бачыць, як зямля на гэтых ямках дыхала, варушылася. А цяпер гэтае месца забудавалі ўсё, МПМК-56 там і яшчэ нешта.

Наўрад ці здагадваюцца нашыя будаўнікі, дарожнікі, транспартнікі ды іншыя, на якім жахлівым месцы ім даводзіцца працаваць. Наўрад ці адчуваюць яны, як стогне ад болю ў іх пад нагамі зямля. І гэта ці не страшней нават за тое, што адбывалася на гэтым месцы паўстагоддзя таму.

Успамінае жыхарка Оршы Ніна Міхайлаўна Сядлецкая:

— Я і да вайны жыла на гэтай жа вуліцы Красіна. Усё добра помню, усё адбывалася на маіх вачах. Забіралі без разбору: і начальнікаў, і простых чыгуначнікаў, і стаханаўцаў, і нічым не вызначаўшыхся, грэблі ўсіх.

Некалькі разоў была ля турмы на Смаленскай вуліцы. Што там тварылася! Народ стаяў ля варот і дзень і ноч, усё родныя арыштаваных.

Ад станцыі падганялі таварныя вагоны. Да іх з турмы выводзілі арыштаваных. Народ разганялі канваіры з сабакамі. Столькі сабак

ніколі ў жыцці не бачыла! У падагнаныя вагоны заганялі арыштаваных, дзверы добра зачынялі і на кожным вагоне на дзвярах пісалі вялікімі літарамі: “ВРАГИ НАРОДА”. Вагоны гэтыя тут жа адпраўлялі.

На станцыях да гэтых вагонаў людзі нават блізка не падыходзілі, ніхто не мог даць гэтым няшчасным людзям кавалак хлеба ці глыток вады. Мо, таму шмат хто з асуджаных нават не даязджаў да месцаў пазбаўлення волі. Іх невядомымі магіламі адзначаны ўсе маршруты ГУЛАГа.

У Оршы другой паловы 1930-х часам пусцелі цэлыя вуліцы пасля чарговай хвалі абвастрэння класавай барацьбы. Адладжаная машына рэпрэсій АДПУ, пазней пераўтвораная ў НКУС, працавала без збояў, перамолваючы нават вінцікі ўласнага механізму, якія па нейкіх прычынах перашкаджалі яму.

Гаўрыла Сямёнавіч Кухарэнка, жыхар вёскі Андрэеўшчына:

— Ведаў я да вайны аднаго хлопца, звалі яго Мікалай Акулаў[6]. Ён служыў у Ленінградзе, а недзе ў сярэдзіне трыццатых яго перавялі ў ДПУ ў Воршу. Быў ён тут шафёрам на гэтых машынах, што вазілі людзей на расстрэл.

Ён колькі разоў распавядаў, як возіць людзей па начах на Кабыляцкую гару, і як там іх забіваюць, дык іншы раз аж плакаў. Казаў, людзі плачуць, равуць, што звяры, у машыне, калі іх вязеш. Не магу больш, кажа. Стаў прасіць, каб перавялі яго на іншую машыну. А, кажуць там, дык ты іх шкадуеш! Праз які час даведаўся, што і яго расстралялі.

Сведкам трагічных падзей у невялікім ляску абапал шашы Орша — Магілёў на паўднёвай ускраіне горада стаў і жыхар Оршы Георгій Харытонавіч Пішчалаў:

— Я тады жыў у вёсцы Бабінічы. Магу засведчыць, што ў лесе, які пачынаецца за цяперашнім лясгасам, ужо ў 1930 годзе пачалі расстрэльваць людзей. Расстрэльвалі па абодва бакі ад дарогі. У гэтым месцы тады былі спецыяльна зроблены тры з’езды, каб машыне было можна адразу з магістралі завярнуць у лес.

Па правым баку (калі ехаць з Оршы) расстрэльвалі святароў і, як іх

---

6 Вероятно, речь про Акулова Николая Адамовича 1891 г.р. До ареста заведовал гаражом Белвоенторга. Расстрелян 29.11.1938 г.

тады звалі, кулакоў. Гэта, бачна, былі ўсе мясцовыя, аршанскія людзі, бо сваякі ўсё ж нейкім чынам даведваліся, дзе ляжаць іх родныя, і ставілі на магілы свечкі. А па левы бок свечак не было. Там былі брацкія магілы людзей, у якіх сваякоў блізка не было, — чужых, прывезеных аднекуль з іншых мясцін.

І па левы бок, і па правы магілы пачыналіся недалёка ад шашы, метраў за сорак, іншыя за сто. Памеры магіл розныя, у сярэднім 4 на 2 метры. Побач вёска Паддубцы, дык там ледзь не кожны вечар а 23-й гадзіне з лесу чуліся стрэлы.

Летам 1931 года быў такі выпадак: ішоў гэты “чорны крумкач”, везлі некага на расстрэл. А трэба сказаць, што машына ў тыя часы была рэдкасцю на вёсцы, і кожная звяртала на сябе ўвагу, асабліва дзяцей. І хлапчукі падчапіліся на заднюю падножку гэтай машыны, пакатацца ўздумалі. Як яны ўскоквалі, дык іх не заўважылі, а калі машына пачала зварочваць у лес і хлапчукі саскочылі з падножкі, то заўважылі і адкрылі страляніну па іх. Думалі, мусіць, што прысуджаныя ўцякаюць.

А пасля магілы былі па ўсім гэтым лесе, дзе былі праезды для машын. Рабілі іх без усялякай сістэмы: то ў сярэдзіне, то ў пачатку, то на краі. Расстрэлы доўжыліся круглы год, нават зімой. Каля свежых магіл на ствалах дрэў, на лісці часта можна было ўбачыць распырсканую кроў і мазгі: стралялі, відаць, толькі ў галаву. Ямкі закопвалі абы-як, часам з зямлі тырчалі ногі ці рукі, над якімі віліся мухі. Цяжкае відовішча, проста немагчыма было глядзець на гэта. Я нават прыходзіў з рыдлёўкай і прысыпаў усё гэтае вар’яцтва зямлёй.

Аднойчы я нават стаў нявольным сведкам аднаго арышту. Гэта якраз было вясной трыццаць сёмага года, на Вялікдзень. Быў я тады яшчэ малады малец і, як усе, хадзіў на танцы ў саўгас “Бабінічы”. Аднаго разу ішлі мы адтуль у 5 гадзін раніцы.

Раптам насустрач легкавая машына. У машыне — трое ў чорнай форме. Легкавушка спынілася ля мяне, адзін, высунуўшыся, пытаецца:

— Дзе дырэктар саўгаса Бабашынскі[7] жыве, ведаеш?

— Ведаю, — кажу.

— Садзіся, паедзеш з намі, пакажаш.

7 Бабашинский Александр Александрович. До ареста — директор совхоза “Бабиничи”. Расстрелян 28.11.1938 г. в Минске.

Пад'ехалі мы да дому, зайшлі. І тут я стаў сведкам сустрэчы двух старых баявых сяброў. Аказалася, што Бабашынскі і старшы з легкавушкі ваявалі разам пад Кахоўкай. Пачаліся ўспаміны.

Але хутка прагучала непазбежнае пытанне, і тут характар размовы рэзка змяніўся.

— Сядай, — загадалі дырэктару.

Яго пасадзілі на табурэтку пасярод хаты і пачалі вобыск. Я даведаўся, што Бабашынскі быў афіцэрам царскай арміі, які перайшоў на бок рэвалюцыі. Бачыў канфіскаваныя бінокль і імянную шашку, якія ўручаў Бабашынскаму ў Першай коннай Будзённы.

Затым усе селі ў машыну, а мне на развітанне сказалі:

— Калі даведаемся, што камусьці пра тое, што бачыў і чуў, нешта сказаў — 10 год без суда і следства.

Бабашынскага пасля гэтага ўжо ніхто не бачыў больш, а праз месяц-два ў горадзе арыштавалі і яго жонку.

Яшчэ адно сведчанне, якое датычыць гэтага месца — лесу ля вёскі Паддубцы. Гаворыць згаданая ўжо С. Кандраценка:

— Вясной трыццаць сёмага года ішла я са сваячаніцай Марфай Пішчалавай у Воршу на базар. Выйшлі раненька з Бабініч, яшчэ цёмна было. Калі падыходзілі да горада, світала ўжо. Раптам бачым, сядзіць проста на дарозе чалавек. Падышлі да яго. Малады, у бялізне, увесь у зямлі, і плача, дапамогі просіць. Плячо ў яго было прастрэлена. Вылез, бедалага, з ямкі, дзе яго закапалі разам з іншымі расстралянымі.

Ну, дапамаглі мы яму, чым змаглі, есці далі. Пайшлі далей мы, адышлі трошкі, а насустрач машына гэтая. Глядзім, падышла яна да яго, з машыны выйшлі, пасадзілі яго ў машыну, і машына гэтая пайшла назад, у горад. Знаць, нехта ўжо паведаміў.

Пра лес гэты я ўжо ведала, яшчэ вясной трыццаць пятага года быў такі выпадак.

Хадзілі мы з дваюраднай сястрой Ганнай Васкрасенскай у Воршу. Каб раней трапіць у горад, выйшлі ў 2 гадзіны ночы. Непадалёк ад горада сустрэлі машыну — "крумкач" з двума ліхтарамі на будцы. Яна ішла насустрач і непадалёк ад нас звярнула ў лес на левы бок.

Мы гэтае месца запомнілі. Недзе праз тыдзень ішлі з Аняй з горада. Пайшлі, кажу, зойдзем, паглядзім, куды машына з'язджала — там яшчэ з'езд з шашы добры быў.

Зайшлі мы ў лес. Бачым, сядзіць дзяўчынка маленькая, магілка свежая, сядзіць ля яе бабка старая. На магілцы стаіць стограмовая пляшачка гарэлкі, каша ячная ў місачцы — канун называецца. Павіталіся мы. Бабка кажа:

— Садзіцеся, памяніце нябожчыка.

— А хто тут пахаваны? — пытаемся.

— Мой сыночак, дзетухны, — кажа старая, — святаром ён быў, расстралялі яго тут. А гэта мая ўнучка, — паказала яна на дзяўчынку.

Паглядзела я, а там не адна гэтая магілка. Навокал усюды зямля была ўскапаная. Іншыя магілы нават добра не закапаны, зямля на іх правалілася.

Бабка гэта незнаёмая была, хаця нашага святара з Бабініч таксама недзе ў гэты час забралі, Валюжынец яго прозвішча было. З царквы тады ж крыжы паздымалі, іконы пабілі і павыкідвалі. Некалькі бабы ўратавалі, забралі дамоў, а кнігі з царквы ўсе парвалі. Яны яшчэ доўга потым размяклыя пад дажджом ляжалі, пакуль дзеці не парасцягвалі іх. А царкву неўзабаве разабралі і школу ў Панізоўʼі з яе пабудавалі.

Асобнай ўвагі заслугоўвае тое, якім чынам рыхтавалася глеба для даносчыкаў, гадаваліся паўлікі марозавы, паслугамі якіх так ахвотна карысталіся кампетэнтныя органы, намаганнямі якіх у карагод смерці траплялі новыя сотні ахвяр. Для мяне нечаканым адкрыццём стала тое, што грамадскую думку ў гэтым кірунку самым актыўным чынам фарміраваў мясцовы друк, прычым не так рэспубліканскі, колькі абласны і раённы. Яшчэ ў кастрычніку 1925 года аршанская акруговая газета “Камуністычны шлях” апублікавала невялічкую нататку “Укрыватели” (на рускай мове), якая па сутнасці з’яўляецца прымітыўным даносам. Падпісана яна не менш сімвалічна — “селькор № 3105”. У далейшым “нумарныя” карэспандэнты сталі на старонках газеты звычайнай з’явай. А крыху пазней, калі жыццё чалавека стала каштаваць роўна столькі, колькі каштаваў аркуш паперы, на якім пісаўся данос, шмат якія рабселькоры з нумарам станавіліся сакрэтнымі супрацоўнікамі карнай машыны.

Спачатку гэтыя нататкі насілі характар крытычнага сігналу і мала чым адрозніваліся ад іншага крытычнага матэрыялу на старонцы. Але пакрыху тон іх станавіўся ўсё больш нецярпімы, з лёгкасцю перасякалася мяжа прыстойнасці, у іх усё часцей сустракаліся такія словы, як “класавы вораг”, “абяззброіць”, “выкрыць”, “ізаляваць”, “ачысціць” і

да таго падобныя. Аўтары нібы спаборнічалі між сабою ў рэзкасці і непрымірымасці да “выкрываемых” імі замаскіраваных ворагаў і сваёй рэвалюцыйнай пільнасці. А ў масавую свядомасць паступова ўкаранялася натуральнасць такога ладу жыцця. Чытаючы гэтыя нататкі і артыкулы, кожны савецкі чалавек мусіў усвядоміць, што і яму не толькі трэба, але і належыць рабіць гэтак жа ў адпаведных выпадках.

І трэба сказаць, што такая апрацоўка не праходзіла бясследна. Чалавек губляўся ў нелагічнасці арыштаў і не ведаў, хто будзе наступны, ён паступова даходзіў да такога стану, што садзіўся і пісаў данос на суседа, мяркуючы такім чынам застрахавацца ад даносу на сябе. Напрыклад, давялося пачуць аповяд, як супрацоўнік аршанскай міліцыі (прозвішчы па зразумелых прычынах я апускаю) заявіў на свайго суседа, з якім быў у дрэнных адносінах. Прычына: апярэдзіць суседа, каб самому не трапіць пад яго “заяву”.

Але цалкам бессістэмнымі арышты назваць нельга: забіралі ў першую чаргу тых, у каго нешта было ў мінулым, на каго меўся нейкі кампрамат. Ім магла стаць любая, на цяперашні погляд, нязначная рэч: дэталь біяграфіі, сваяцкая сувязь, сацыяльнае паходжанне.

Здаралася, родныя арыштаванага, маючы падазрэнне на пэўнага чалавека ў даносе, плацілі той жа манетай. Іншы раз гэта выклікала ланцуговую рэакцыю арыштаў і даводзіла амаль да поўнага вынішчэння “варожых кланаў”. Але такія выпадкі былі рэдкія. Людзі ўсведамлялі недарэчнасць і жахлівасць таго, што адбывалася. Ды вось аматары даносаў былі. Адзін з іх пэўны час працаваў разам з маёй маці — да вайны ён жыў у Віцебскім раёне. Аднаго разу ён прызнаўся, што па яго даносах забралі 17 чалавек. Ніводны з іх не вярнуўся.

Як ні дзіка гэта гучыць, але даводзілася чуць і такія тлумачэнні масавага знішчэння народа: Сталін рыхтаваўся да вайны. З расстраляных 20-30 чалавек хоць адзін ды быў сапраўдны вораг, і тым самым рэпрэсіі можна калі не апраўдаць, дык хоць неяк растлумачыць. Але вось сведчанні відавочцаў аб пачатку вайны.

У першыя ж дні вайны адбыўся вялікі налёт нямецкай авіяцыі на горад і чыгуначны вузел Оршы. У час налёту ў небе было аж светла ад ракет. Аб супрацьпаветранай абароне тады яшчэ і гаворкі не магло быць. Ракеты запускалі сапраўдныя шпіёны і дыверсанты фашысцкай разведкі, каб наводзіць самалёты на цэлі. Прамое пападанне бомбы знішчыла тады стратэгічны вайсковы вузел сувязі ў раёне станцыі Орша-Цэн-

тральная, будынак ваенкамата ў цэнтры горада. У пад'ездах сваіх дамоў застрэлілі ваеннага камісара горада і іншых афіцэраў ваенкамата.

Каго ж столькі год забівалі на Кабыляцкай гары? Адказ можа быць толькі адзін: структуры АДПУ (НКУС) аказаліся малаэфектыўнымі ў барацьбе з іншаземнымі выведкамі, іх дзейнасць была скіравана зусім у іншы бок.

Забіралі звычайна ноччу. Расказвае ўзгаданы ўжо жыхар вёскі Міцькаўшчына Уладзімір Шкураценка:

— Ноччу 26 снежня 1937 года ў хату зайшлі трое ў вайсковай форме. Нічога не тлумачачы, загадалі бацьку[8] збірацца і пачалі вобыск. Знайшлі схаваныя бацькавы зберажэнні — 250 рублёў і забралі. Вялікія грошы па тых часах: карова 50 рублёў каштавала. Забралі таксама ўсе фотакарткі, так што аб бацьку нічога і не засталося, унукі нават не ведаюць, як дзед выглядае.

Маці раніцай пайшла ў гэтае ДПУ даведацца, за што мужыка забралі, а ёй там і кажуць: нікога нідзе гэтай ноччу яны не забіралі, так што ідзі, цётка.

Роўна праз 52 гады Уладзімір Мікалаевіч Шкураценка атрымаў даведку з абласной пракуратуры аб рэабілітацыі бацькі. З яе вынікае, што яго расстралялі 30 снежня (27 студзеня 1938 г. — І. С.), праз 4 дні пасля арышту. Ні канфіскаваных фотаздымкаў, ні грошай не вярнулі.

Забіралі і днём. Успамінае жыхар вёскі Пашына Крапівенскага сельсавета Фёдар Канстанцінавіч Крузо:

— Добра помню, як у трыццаць сёмым забіралі Івана Іванавіча Слуцкага[9]. Прыехалі днём на машыне, у форме, маладыя такія. Жонка яго стала плакаць: куды вы яго цягнеце, ён жа стары ўжо, хутка сам памрэ. А яны смяюцца: папрасіў падвезці да горада, кажуць. Як павезлі, дык да сёння няма.

А во другога пашынца, Паруса Мартына Іванавіча[10], у трыццаць восьмым забралі з працы проста. Ён тады ў кар'еры працаваў, пясок яны грузілі. Ды ў нас яшчэ што, вось ў Шугайлаве аж чацвярых тады забралі.

Трымаю ў руках дакумент аб рэабілітацыі, які перадаў мне сын загінуўшага — Васіль Мартынавіч Парус. Вось гэтая папера.

---

8 Шкуратенко Николай Иванович расстрелян в Орше 27.01.1938 г.

9 Слуцкий Иван Иванович расстрелян в Орше 13.10.1937 г.

10 Парус Мартин Иванович 15.06.1938 г. осужден к 10 годам ИТЛ.

“Прокуратура Витебской области.

Справка 13.12.89 № 13/4293-89 о реабилитации.

Парус Мартын Иванович, 1983 года рождения, репрессированный по решению внесудебного органа от 15.06.38, на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов”, реабилитирован.

Парус Мартын Иванович до ареста 12.04.38 проживал в д.Пашино Оршанского района Витебской области и был рабочим Оршанского камнедробильного завода.

Прокурор области государственный советник юстиции 3 класса
Г.А.Молодцов.

— Пайшоў я з гэтай паперай да юрыстаў, — гаворыць Васіль Мартынавіч. — Што мне з ёй рабіць, пытаю. А мне і гавораць: звяртайся, маўляў, да адміністрацыі таго прадпрыемства, дзе ён працаваў да арышту, яны вам абавязаны выплаціць кампенсацыю. А куды мне звяртацца цяпер, калі гэты камнедрабільны завод ужо з паўсотні гадоў як не існуе?

Ёсць некалькі сведчанняў, якія дапамагаюць уявіць, як гэта рабілася. Гаворыць Г. Пішчалаў:

— У пачатку шасцідзесятых гадоў я працаваў на будаўніцтве, дзе пазнаёміўся з Ціханам Цітавічам Казімірскім. Неяк у размове высветлілася, што ў трыццатыя гады ён працаваў у цэнтральнай турме забеспячэнцам. Ён пацвердзіў, што быў такі выпадак на магілёўскай шашы, калі з магілы вылез расстраляны чалавек. Ён казаў, што яго не сталі расстрэльваць яшчэ, а некуды адправілі. Але я так думаю, што адправілі яго не далей Кабыляцкае гары. Казімірскі паведаў яшчэ пра тое, што часам асуджаных расстрэльвалі проста ў турме, у падвалах, затым трупы кідалі ў машыны і вывозілі. Па яго словах, турма абслугоўвала ўсю тагачасную Аршанскую акругу. На жаль, Казімірскага няма ўжо ў жывых.

Жыхарка Оршы Акуліна Міхайлаўна Сіўцова распавяла проста аб надзвычайным выпадку, які адбыўся ля станцыі Орша-Паўночная, на беразе невялікай балоціны:

— Сама я гэтага не бачыла, сведкай была мая знаёмая, былая ма-

нашка жаночага Успенскага Куцеінскага манастыра Агаф'я, з яе слоў я і пераказваю. Тады манастыр гэты быў ужо зачынены, манашак павыганялі адтуль. І Агаф'я жыла ў нашым раёне Гразілаўка (тады называлася Гразіўка).

На станцыю Паўночная прыгналі таварны цягнік з людзьмі. Ноччу іх выпусцілі з вагонаў, пастроілі і падагналі да берага балоціны побач са станцыяй. На беразе балоціны ўвесь гэты натоўп расстралялі з кулямётаў. Тут жа іх і закапалі.

На наступную ноч Агаф'я схадзіла на гэтае страшнае месца і нават раскапала на адной ямцы зямлю. Людзі, якіх яна адкапала, былі ў чорных расах — святары або манахі нейкія.

З таго часу я, Агаф'я і яшчэ дзве жанчыны кожны год на Вялікдзень хадзілі туды, адпявалі паніхіду і клалі яйкі на магілы. Агаф'я памерла гады тры таму, пражыўшы 105 гадоў. Памерлі і астатнія мае таваркі, цяпер адна я пра гэта і ведаю.

У 1989 годзе на гэтым месцы паставілі абраз.

Куцеінскі Успенскі манастыр зачынілі ў сярэдзіне 1920 гадоў, але манашкі жылі пры дзіцячым прытулку, створаным у былым манастыры, і толькі ў сярэдзіне 1930-х іх выгналі адтуль канчаткова. Значыць, прыгаданая падзея адбылася ў другой палове 1930 гадоў, у разгар рэпрэсій. Зараз на тым месцы вуліца прыватнай забудовы. І ці здагадваліся жыхары 4-га Першамайскага завулка, што за косці трапляліся ім часам на прысядзібных участках?

Гаворыць жыхар вёскі Андрэеўшчына, ляснік Валянцін Міхайлавіч Паўлоўскі:

— З пачатку шасцідзесятых у нашым Дняпроўскім лясніцтве пачаў працаваць ляснічым Іван Сямёнавіч Барысенка. Аднаго разу, абыходзячы лес каля Андрэеўшчыны, ён пачаў мне паказваць месцы, дзе расстрэльвалі людзей у трыццатыя гады і да самага пачатку вайны. Ну, а неяк за чаркай расказаў мне, што ў сярэдзіне пяцідзесятых яго, тады маёра КДБ, і іншых супрацоўнікаў, звязаных з рэпрэсіямі перыяду культу асобы, звольнілі з органаў. Якім жа чынам, пытаюся, ты быў з імі звязаны? А ён і кажа, што да вайны тут, у Оршы, вазіў расстрэльваць людзей. У яго распараджэнні быў "чорны крумкач" і шафёр. Прыходзіў ён ноччу, браў два пісталеты, насыпаў кішэню патронаў. Машыну падганялі да дзвярэй Саборнага храма і загружалі ў будку 6 чалавек (Саборны храм — былы касцёл трынітарыяў, помнік архітэктуры

XVIII стагоддзя. З-за перагружанасці цэнтральнай турмы з 1937 года ў Саборным храме пачалі ўтрымліваць арыштаваных. Знаходзіўся на вуліцы Камсамольскай, знесены ў 1958-1961 гг. па распараджэнні гарадскіх улад. — Ю. К.).

Унутры будка "чорнага крумкача" была падзелена на 6 асобных аддзяленняў, у кожым памяшчаўся адзін чалавек. Такім чынам, за адзін рэйс забіралі 6 чалавек. У Барысенкі была норма — за ноч зрабіць два рэйсы, гэта значыць, расстраляць 12 чалавек. Загад адзін: жывым нікога не прывозіць.

Барысенка расказваў, што ў лесе на Кабыляцкай гары машыну ставілі так, каб фары высвечвалі выкапаную яму. Выводзілі людзей па адным. На кожнага ішло 2-3 патроны.

— Звычайна я страляў у патыліцу і, калі чалавек валіўся, рабіў яшчэ адзін стрэл у скроню. Першага выводзілі лёгка: сам ішоў. А з астатнімі было цяжэй. Пачуўшы стрэлы і ўсё зразумеўшы, яны пачыналі крычаць, адбівацца і ўсяляк супраціўляцца, не жадаючы выходзіць з машыны. На гэты выпадак у нас была прызапашана доўгая такая жалезіна з крукам на канцы, нешта накшталт багра. Вось гэтым крукам выцягвалі чарговую ахвяру з машыны і забівалі, — узгадваў Барысенка.

Іншы раз, гаварыў ён, трапляліся асабліва дужыя і ўпартыя, тады прыходзілася прыстрэльваць проста ў машыне. Барысенка яшчэ казаў, што пасля гэтага адчуваў сябе нармальна, а шафёр яго дужа перажываў, есці не мог.

Такім чынам, у начную Барысенка адпрацаваў каля года, а затым яго перавялі на іншую пасаду. Гаварыць аб гэтым ён не любіў, а калі гаварыў, то толькі за чаркай. Памёр ён у 1973 годзе.

Даставернасць перададзенай Паўлоўскім інфармацыі не выклікае сумненняў. Амаль усе ўказаныя месцы расстрэлаў знайшлі тое ці іншае пацверджанне. Адно з іх — лагчына ля турыстычнага палатачнага гарадка. Высветлілася, што ў мясцовых старажылаў яна мае надзвычай рэдкую для лясных мясцін назву — Стрэльбішча. Другое нечакана знайшло сваё дакументальнае пацверджанне. Лепш за ўсё гэты дакумент скажа сам за сябе.

Праўда, у паўднёва-заходняй частцы лесу ёсць і брацкая магіла, дзе пахаваны ўдзельнікі партыйна-патрыятычнага падполля, расстраляныя немцамі ў час акупацыі. Тут 7-8 лістапада 1942 года адбыліся масавыя расстрэлы вязняў аршанскай турмы СД. Гэта засведчыла ўжо

знаёмая нам А. Сіўцова, удзельніца партызанскага руху на Аршаншчыне, сувязная атрада "Знішчальнік" першай Заслонаўскай брыгады. Восенню 1942 года яе арыштавалі і толькі цудам не расстралялі разам з астатнімі вязнямі турмы. Пра гэтую магілу добра ведаў летапісец і даследчык аршанскага падполля Я. Крашанніннікаў. Што перашкодзіла ўшанаваць гэтае месца гібелі падпольшчыкаў? Тлумачэнне тут можа быць толькі адно: суседства гэтай магілы з магіламі ахвяр ГУЛАГа, на адно згадванне якога накладзена табу.

Хочацца сказаць яшчэ вось аб чым. Размаўляючы са сведкамі тых далёкіх падзей, колькі разоў даводзілася бачыць, як у немаладых, пажыўшых і пабачыўшых шмат чаго людзей пры словах "Кабыляцкая гара", "расстрэлы" бялеюць твары і шклянеюць вочы. Многія наогул адмаўляліся аб гэтым гаварыць. Страх, непазбыўны, падсвядомы страх жыве ў тых, хто хоць аднойчы сутыкнуўся з гэтым, убачыў і перажыў. І гэты страх, гэтае рэха Кабыляцкай гары будзе жыць у людзях да скону. Адзін васьмідзесяцігадовы селянін так проста і сказаў:

— Ты, хлопец, там дзе-небудзь нешта напішаш, а нам потым капец.

Людзі не вераць, што ўсё гэта канула ў нябыт, што ўсё прайшло беззваротна і заўтра зноў не паўторыцца. Рэха Кабыляцкай гары я бачу ў пасіўнасці людзей, іх нявер'і ў тое, што хоць нешта можна змяніць да лепшага. Курапацкі сіндром паразіў увесь наш народ, і складанасць нашага сённяшняга стану — яскравае гэтаму пацверджанне.

Бурныя падзеі апошняга часу зацянілі тэму сталіншчыны. Аднак карані сённяшняй грамадска-палітычнай сітуацыі ў рэспубліцы менавіта там, у трыццатых. Народ маўчыць. Нельга ж лічыць якіх-небудзь 50-70 тысяч на стадыёне сапраўдным голасам народа, давайце цвяроза глядзець на рэчы. І нельга сказаць, што людзі нічога не бачаць, не разумеюць.

Першы камуніст раёна рвецца да дэпутацкага мандата, парушаючы ўсе пісаныя і няпісаныя законы. Людзі бачаць гэта і маўчаць. А калі і звяртаюцца куды, дык не ў раённую і нават не ў цэнтральную выбарчую камісію, а да арэхаўскага святара Віктара Радамысльскага, спадзеючыся толькі на яго. Ці не чуецца тут рэха Кабыляцкай гары?

Да таго часу, пакуль пра злачынствы той пары не будзе сказана ўсё, да таго часу, пакуль архівы КДБ паўвяковай даўнасці будуць за сям'ю замкамі, пакуль не назавуць усе імёны і лічбы ахвяр сталінскага фашызму, да той пары будзе існаваць небяспека паўтарэння гэтага.

Складаецца ўражанне, што праўду пра Кабыляцкую гару ўпарта не жадаюць ведаць. Створаная пры Аршанскім гарвыканкаме камісія па рэабілітацыі ахвяр рэпрэсій абмяжоўваецца паўмерамі. Але нават пры гэтым, абапіраючыся на ўказаны акт 1982 года, яна робіць запыт у абласную пракуратуру з просьбай перадаць у яе распараджэнне матэрыялы аб рэпрэсіях у Оршы. І, як восем год таму, атрымлівае адпіску, дзе паведамляецца, што пракуратура такіх матэрыялаў не мае. Тая самая пракуратура, якая выдае дакументы аб рэабілітацыі рэпрэсіраваных. Дзіўна.

У канцы кастрычніка 1989 года моладзь горада, сваякі рэпрэсіраваных прыйшлі на Кабыляцкую гару, каб ускласці кветкі на месцы расстрэлаў, ушанаваць памяць загінуўшых.

І што яны ўбачылі? Узмоцненыя нарады міліцыі з машынамі. Некаму спатрэбілася стварыць штучнае напружанне, канфрантацыю, запалохаць людзей. Каму?

У апошні час у савецкія органы горада звяртаюцца жыхары Прыбалтыкі. У даведках аб рэабілітацыі іх родных указваецца месца расстрэлу — Орша. Яны прыязджаюць у горад з надзеяй пакланіцца праху бацькоў, узяць зямлю з іх магілы. Што ім могуць паказаць? Нават астанкі тых, каго знайшлі ў 1982 годзе, не перазахаваны, а перазакапаны, і месца гэтае зараз знайсці не так проста. Не можа быць поўнай рэабілітацыі загінуўшых да той пары, пакуль не вызначаны ўсе месцы іх пахаванняў. Не можа быць рэабілітацыі, пакуль косці гэтых няшчасных выварочваюць экскаватары і бульдозеры. І ў літаральным сэнсе слова на касцях будуюць дамы і цэхі. Калі мы — людзі, то такога быць не павінна. Зрэшты, відавочна, што неабходна стварыць кампетэнтную камісію па вызначэнні месцаў расстрэлаў і пахаванняў ахвяр фашызму ўсіх кшталтаў, стварэнні там помнікаў і памятных знакаў. А, магчыма, і па ўзбуджэнні крымінальнай справы па факту масавых забойстваў. Падставы для гэтага ёсць.

Пакланіцца праху бацькі ды яго брата... [11]

“Паважаныя таварышы! Звяртаецца да вас ваш зямляк, ураджэнец Ушацкага раёна на Віцебшчыне. Вырас я ў вёсцы Наваселле, прыкладна за 35 кіламетраў ад Лепеля.

У 1937 годзе, у лістападзе, у гэтый вёсцы быў арыштаваны мой бацька — калгаснік, які працаваў заатэхнікам. Разам з ім быў арыштаваны і яго брат, каваль. Імя бацькі Антон Пятровіч Багаткевіч, дзядзькі — Апанас Пятровіч. Абодва былі рэабілітаваны ў 1959 годзе.

Пасля доўгіх пошукаў я атрымаў сёлета дакладныя звесткі пра лёс бацькі і яго брата: за “шпіянаж на карысць буржуазнай Польшчы” па прысуду “тройкі” бацьку расстралялі 16 снежня ў Оршы (Апанас Багаткевіч расстраляны 19 снежня).

Значыцца, у вашым горадзе былі свае Курапаты. Калі рэдакцыя мае хоць якія звесткі пра месца, дзе расстрэльвалі і хавалі бязвінных, або зробіць спробу гэтае месца ўстанавіць, вельмі прашу паведаміць мне пра гэта. Можа быць, у гэтым дапамогуць чытачы газеты, хаця наўрад ці застаўся хто са сведкаў жывы.

Але я не страчваю надзеі, што з вашай дапамогай знайду месца пахавання родных і змагу яшчэ прыехаць пакланіцца праху бацькі. Трэба спяшацца, бо мне самому ўжо 58 год. Пра сябе паведамляю: юрыст па адукацыі, член КПСС з 1958 года. Часова жыву і працую ў Мангольскай Народнай Рэспубліцы”.

Віктар Багаткевіч
Памяць трывожыць

Інтэрв’ю з намеснікам старшыні Аршанскага гарвыканкама А.І. Калугам[12]

— Некалькі месяцаў, Аляксандр Іванавіч, існуе камісія па аказанню садзейнічання ў забеспячэнні правоў і інтарэсаў рэабілітаваных і стварэнні помнікаў ахвярам рэпрэсій, меўшых месца ў перыяд 30-х – 40-х і пачатку 50-х гадоў. Аднак цікавасць да дзейнасці гэтай камісіі, якую вы ўзначальваеце, надзвычай вялікая. На сходзе групы падтрымкі Беларускага народнага фронта “Адраджэнне”

11 Письмо опубликовано в газета “Ленінскі прызыў” №203 за 1989 год, а затем перепечатано в газете “Літаратура і мастацтва” 12.10.1990 г. вместе со статьей Юрки Коптика “Крумкачы на Кабыляцкай гары”.

12 “Ленінскі прызыў”. 13.10.1989 г.

нават прынята рэзалюцыя, патрабуючая прыдаць публічнасць рабоце камісіі.

— Патрабаваць, бадай, лішняе. Публічнасць — найпершая ўмова ў рабоце камісіі. Адзін з трох пунктаў сумеснай пастановы гаркама КПБ і гарвыканкама па стварэнні камісіі датычыць публічнасці, прадугледжвае сістэматычную інфармацыю насельніцтва праз газету аб рабоце па аднаўленню справядлівасці ў адносінах ахвяр рэпрэсій.

— Магчыма, гэтым інтэрв'ю і скарыстаецеся, каб праінфармаваць?

— Публічнасць, бадай, існуе з першых дзён існавання гэтых камісій, якія створаны ў рэспубліцы і ў вобласці. Людзі адгукнуліся. Аб гэтым сведчаць і матэрыялы, якія надрукаваны ў газеце з успамінамі сваякоў рэабілітаваных, з пастаўленымі пытаннямі аб парадку кампенсацыі страт. Аўтарам надрукаваных пісем дадзены тлумачэнні. Акрамя таго, звярнуліся непасрэдна ў камісію — з Менска, Талачына, вядома, і з Оршы.

— Вось і цяпер, Аляксандр Іванавіч, у рэдакцыйнай пошце два пісьма на гэту тэму. "У сувязі з публікацыяй у газеце рашэння аб стварэнні камісіі ў мяне ўзнікла пытанне аб тым, ці могуць родныя расстраляных у "аршанскіх Курапатах" наведваць месца расстрэлу, ускладаць кветкі і здзяйсняць абрады памінання ў агульнапрынятыя дні і дні гібелі. У надрукаваным дазволе на мітынгі і ўскладанне кветак у Дзень памяці 9 мая "аршанскія Курапаты" адсутнічалі. Між тым, месцы пахаванняў знішчаюцца арганізацыямі і нават у апошні час падлеткамі". З такім пісьмом звярнуўся ў рэдакцыю аршанец П. Бязлюдаў[13]. Аналагічнае пытанне ўтрымліваецца ў пісьме аршанкі Н. Бутар. Людзі чакаюць, калі будзе ўстаноўлены памятны знак на гэтым месцы, прапануюць для яго адкрыць спецыяльны рахунак у банку.

— Н. Бутар звярнулася і ў камісію з пісьмом. Былі і публікацыі ў газеце з гэтай прапановай, і яны не засталіся безуважнымі. Сустрэўся з П. Бязлюдавым, а на днях члены камісіі разам з прадстаўнікамі райвы-

13 Сложно определить, о каком Безлюдове речь. Известно, что житель д. Зайцево Оршанского р-на Безлюдов Иван Семенович 1884 г.р. расстрелян 24.09.1937 г., а житель д. Погост Оршанского р-на Безлюдов Иосиф Францевич 1888 г.р. расстрелян 9.12.1937 г. Места их расстрелов неизвестны. Кроме того, житель д. Погост Безлюдов Адольф Адамович осужден 24.02.1934 г. к 5 годам ИТЛ, а 28.09.1938 г. к 10 годам ИТЛ осужден житель д. Зайцево Безлюдов Флориан Адамович 1903 г.р. Все реабилитированы.

канкама, праваахоўных органаў, грамадскасці агледзелі месца мяркуемых расстрэлаў. Спрабавалі знайсці сведкаў, але ўсе, з кім давялося гаварыць, у тым ліку і П. Бязлюдаў, спасылаюцца на чуткі.

Ніводны чалавек не пацвердзіў, што ён асабіста штосьці бачыў. Архіваў жа горад не мае. Таму камісія рашыла звярнуцца з просьбай у абласную пракуратуру аб расследванні па факту магчымага расстрэлу. Калі дадзеныя пацвердзяцца, будуць прыняты меры па добраўпарадкаванню гэтага месца і ўсталяванню памятнага знака.

Карыстаючыся выпадкам, хачу звярнуцца да магчымых сведкаў падзей на Кабыляцкай гары, аб якіх пішуць П. Бязлюдаў, Н. Бутар. Калі штосьці вядома, няхай адгукнуцца, дапамогуць у расследванні падзей, каб устанавіць ісціну, якая б горкая яна ні была.

—Застаецца, Аляксандр Іванавіч, заклікаць чытачоў расказаць аб людзях, пацярпеўшых ад беззаконня ў перыяд культу асобы. Гэта ж старонкі нашай гісторыі, якія доўгі час заставаліся невядомымі. Каб не спазніцца запоўніць іх, час ідзе…

— Толькі хацелася б перасцерагчы. Тэма далікатная, людзі, якія перажылі такое, хваравіта ўспрымаюць кожнае неасцярожнае слова, не заўсёды хочуць, каб нават прозвішча іх успаміналася. Таму чуткі, прыблізнасць тут не павінны прысутнічаць.

Інтэрв'ю вяла В. Сідаровіч.

“Мама, заўтра мяне расстраляюць”

Бальшавіцкія расстрэлы адбываліся ў Воршы не толькі ў 1930-х. Яны пачаліся неўзабаве пасля кастрычніцкага перавароту 1917 года. У гэты час у Воршы было неспакойна. У 1918 годзе горад быў падзелены на часткі. Адна з іх была занятая чырвоным войскам, а другая — кайзераўскім. Само мястэчка з уліку на памежнае становішча пераўтварылася ў сталіцу кантрабандыстаў з крадзяжамі ды забойствамі.

У наступным, 1919-м, да Воршы хутка набліжаўся польска-савецкі фронт. Перадавая была каля Барысава. У гэты час бальшавікі актыўна мабілізавалі ў войска мясцовых мужчын. А тых, хто не хацеў станавіцца пад чырвоныя сцягі, садзілі ў аршанскую турму, а потым расстрэльвалі ў турме альбо на Кабыляцкай гары. Аднаго з нешчаслівцаў звалі Дзяніс Купава. На момант арышту яму было якіх 18-19 год.

Знакаміты беларускі мастак Мікола Купава распавядае, што Кабыляцкую гару ён добра ведае з ранняга дзяцінства — маленькім па-

стухом ганяў сюды коз. Тады яшчэ жыла яго баба Ганна. Яна памерла, калі хлопчыку было гады чатыры. Але тое, што яна распавядала сваім дзецям, назаўжды адклалася ў сямейнай памяці ды самога Міколы.

“Баба Ганна расказвала, што сына яе, Дзяніса Купаву, расстралялі на Кабыляцкай гары. Баба Ганна расказвала, што Дзяніса забралі бальшавікі і трымалі там у турме. Яна хадзіла да яго. Ён сказаў: “Мама, заўтра мяне расстраляюць!” Бацьку майму тады было 10 гадоў, а ён (Дзяніс) родам прыблізна з 1901-га. Дзянісу гадоў 18-19 было ў 1919-м годзе. Ён адмовіўся ісці з бальшавікамі ў Чырвоную армію. Ён не хацеў з імі нічога мець супольнага. Яго такім чынам пакаралі”, — кажа Мікола Купава.

Паводле старэйшых сваякоў, пасля апошняга спаткання баба Ганна на наступны дзень прыйшла да аршанскай турмы. “Яе сына Дзяніса Купаву расстралялі ў яе на вачах”, — распавядае мастак і дадае, што недзе тут, на Кабыляцкай гары, спачываюць косці Дзяніса.

Мікола Купава расказвае, што яго продкі паходзілі з вёскі Селішча, што ў Аршанскім раёне. У 1930 гады ў гэтай вёсцы было рэпрэсавана восем чалавек з прозвішчам Купава. Большасць з іх як сябры антысавецкіх суполак атрымала ў 1932 і 1935 гадах па 3-5 год папраўчых прац у савецкіх лагерах, а адзін, Купава Архіп Маркавіч, быў расстраляны ў Воршы 13 кастрычніка 1937 года нібыта за антысавецкую агітацыю.

Вместо ссылки — бочка селедки

Федос Яковлевич Коптик — дед журналиста и исследователя массовых репрессий в Оршанском районе Юрки Коптика — родился в 1894 году в деревне Селище Оршанского уезда. В разгар принудительной коллективизации Федос, его старший брат Степан Яковлевич и ряд односельчан отказались вступать в колхозы.

24 ноября 1932 года ОГПУ арестовал братьев Коптиков и шестерых жителей Селища. 26 декабря 1932 года “тройка” ОГПУ осудила их по “народным” на тот момент статьям Уголовного кодекса БССР — 72 и 76 — участие в групповой антисоветской организации, антисоветская агитация и пропаганда, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти.

Степана Коптика приговорили к 5 годам высылки с конфискацией имущества. Столько же получили братья Купавы — Василий Федо-

рович и Ефим Федорович. Видимо, "тройка" назначила их главарями антисоветской группировки. К 3 годам лагерей приговорили Купаву Василия Петровича, Купаву Захара Ермолаевича, Купаву Михаила Константиновича, Купаву Кузьму Наумовича, Коробана Василия Ивановича.

Столько же должен был отбыть в неволе и Федос Яковлевич Коптик. Находясь в оршанской тюрьме, он вспомнил, что дома среди документов бережно хранится записка от Владимира Ленина, написанная еще в 1917 году.

Жена Федоса отыскала документ и предъявила его ОГПУ. Увидев бумажку с подписью вождя революции, перепуганные огэпэушники не только выпустили Федоса Коптика на свободу, но даже выписали ему бочку селедки. Юрка Коптик рассказывает, что семья ела эту селедку целый год. Сам Федос Яковлевич благополучно пережил репрессии, войну и умер своей смертью в 1953 году.

Судьба высланных сельчан неизвестна. Вместе с Федосом прокуратура Витебской области реабилитировала их 22 июня 1989 года.

Но в 1932-м репрессии против жителей деревни Селище не закончились. 4 августа 1935 года Особое совещание осудило на 3 года лагерей Купаву Никифора Федоровича. А 19 сентября 1937 года НКВД арестовал колхозника колхоза "Луч осветления" Купаву Архипа Марковича. Его обвинили по той же 72-й статье УК БССР — антисоветская деятельность. "Тройка" приговорила его к расстрелу. Приговор исполнили 13 октября того же года в Орше. Никифор и Архип также были реабилитированы.

Трагедия нового села:
18 человек высланы, 3 — расстреляны

Эту историю я хотел посвятить одному человеку — дважды репрессированному беларусу Тимофею Степановичу Мишкорудному из деревни Новое Село Оршанского района. Но вдруг поиск выдал имя и фамилию его брата — сцепщика железной дороги на станции Орша Мишкорудного Василия Степановича. А следом посыпались фамилии других жителей этой же деревни — Мишкорудные, Зайцевы и другие. Многие из них были близкими или дальними родственниками.

Судя по скудным сведениям "Открытого списка" и книги "Память" Оршанского района, репрессии против жителей Нового Села начались

еще в 1930 году. Именно тогда в жернова большевистской репрессивной машины попала первая семья — 65-летнего крестьянина-единоличника Мишкорудного Гавриила Нестеровича. Он был арестован вместе с сыновьями Марком (1909), Яковом (1912), дочерью Анастасией (1916) весной 1930 года. "Тройка" при ПП ОГПУ по Белорусскому военному округу приговорила их к высылке. Известно, что жена Гавриила Нестеровича — Пелагея Артемовна (1868), арестована 1 марта 1930 года, а 10 апреля "тройка" приговорила ее к 2 месяцам исправительных работ. По всей видимости, в эти же даты коммунисты арестовали и осудили и других членов семьи.

Следующая волна репрессий накрыла деревню в 1932 году. Тогда было арестовано около полутора десятка крестьян-единоличников. Почти всех за антисоветскую деятельность "тройка" приговорила к исправлагерям. Одного — к расстрелу. Вспомним всех поименно.

Мишкорудный Павел Нестерович (1879) получил 5 лет ИТЛ. Родственники вспоминали: "Мишкорудный Гавриил Нестерович и Мишкорудный Павел Нестерович были братьями. Их род, идущий от их отца Нестера, в деревне Новое Село Оршанского (Дубровенского) района Витебской области был известен как Нестерёнки. Похоже, фамилия Мишкорудные появилась впоследствии одновременно у всех односельчан. У Павла Нестеровича были дочери Ольга и Мария, которые проживали в Осинторфе Оршанского района.

Мишкорудный Гавриил Нестерович был осужден и выслан с семьей: женой — Мишкорудной Пелагеей Артемовной, и детьми — Марком, Яковом и Анастасией. Марк и Яков оказались впоследствии в Хабаровске. О судьбе Гавриила Нестеровича, Пелагеи Артемовны, Анастасии Гавриловны ничего неизвестно. В родне никто не знает об Анастасии Гавриловне, она была самой младшей из детей. В 1930 году ей было всего 14 лет. Остальных детей (скорее всего, старших) судьба забросила в разные города: Татьяна Гавриловна проживала в Шатуре под Москвой, Степан Гаврилович — в Шарье Костромской области, Надежда Гавриловна —в Калуге. Ольга Гавриловна (1894) к 1930 году проживала в семье своего мужа Мишкорудного Тимофея Степановича (1896) в деревне Новое Село Оршанского района. Их семью тоже не обошла стороной беда".

Мишкорудный Тимофей впервые был арестован вместе с родным братом Василием Степановичем 9 октября 1932 года. За антисовет-

скую деятельность “тройка” приговорила Тимофея к 10 годам исправработ, Степана – к расстрелу. Оба приговора были довольно жесткими для того времени. Видимо, братья чем-то сильно “провинились” перед властью, которая называла себя рабоче-крестьянской, но при этом беспощадно уничтожала этих самых рабочих и крестьян.

О судьбе Тимофея Степановича Мишкорудного известно, что до революции он служил в царской армии. После первой высылки в 1932 году, к моменту второго ареста весной 1938 года, оказался уже в селе Гаркучей Вознесенского района Ленинградской области, где работал десятником лесхоза. В справке УФСБ по Ленобасти указано, что на тот момент он был одинок. 13 марта по обвинению в антисоветской агитации и участии в контрреволюционной группе был арестован УНКВД по Ленобласти. Постановлением особой “тройки” УНКВД 15 апреля 1938 года осужден к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 26 апреля 1938 года в Ленинграде. Точное место захоронения неизвестно.

Вообще, 9 октября 1932 года был черным днем для деревни Новое Село. В этот день были арестованы: Мишкорудный Тимофей Нестерович (1873) — 5 лет ИТЛ (повторно арестован 19 сентября 1937 года, расстрелян 13 октября 1937 года в Орше). Возможно, его 17-летний сын, Мишкорудный Федор Тимофеевич (1913), а также Мишкорудный Филипп Адамович (1907), Мишкорудный Василий Иванович (1911), Зайцев Ефим Якимович (1877) — получили по 3 года ИТЛ. Мишкорудный Сидор Алексеевич (1892) и Зайцев Афанасий Григорьевич (1898) были осуждены на 5 лет лагерей, а Зайцева Лукерья Адамовна (1911) — на 3 года высылки. Из воспоминаний сына Тимофея Мишкорудного — Василия Тимофеевича, следует, что тогда, в 1932-м году, всего в деревне Новое Село было арестовано и осуждено 14 крестьян-единоличников. Вероятно, их судили за отказ вступать в колхозы.

Но в 1932-м аресты не закончились. В январе 1933 года арестовали, а 28 февраля “тройка” при ПП ОГПУ БВО осудила: колхозного сторожа Кухаренко Егора Васильевича (1878) — к 5 годам ИТЛ; единоличника Зайцева Ефима Якимовича (1877) — к 10 лет ИТЛ с конфискацией имущества (срок отбывал на Дальнем Востоке, освобожден в ноябре 1942-го). Жителя Нового Села, единоличника Кулика Иосифа Яковлевича (1898), осудили дважды. Первый раз в 1933 году (данных о приговоре нет). Второй раз —26 декабря 1937

года — его снова арестовали. “Тройка” приговорила его к расстрелу. Место расстрела не указано.

Имена жителей Нового Села снова встречаются и в списках репрессированных в 1938 году, причем уже в других регионах. Например, в Смоленской области. Так, 11 апреля 1938 года УГБ УНКВД Смоленской области арестовало уроженцев деревни Новое Село, плотников совхоза “Кощино” Смоленского района Мишкорудного Романа Адамовича (1898), Несона Василия Алексеевича (1896). 18 сентября 1938 года “тройка” УНКВД Смоленской области приговорила обоих к 10 годам ИТЛ. Позже все были реабилитированы.

Из докладной записки НКВД БССР о политических настроениях колхозников за 17.09.1938 г.

Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР — тов. Берия от народного комиссара внутренних дел БССР майора государственной безопасности Наседкина

“...Колхозник Казакевич, член с/х артели “Новое Село” Оршанского района, в беседе с нашими работниками, заявил: “Произведенные аресты мы одобряем. Вот раньше Соскин, быв. секретарь Оршанского РК КП(б)Б (арестован как участник а/с организации), приезжал к нам в колхоз и заставлял нас сеять в снег и угрожал арестами, если мы не будем выполнять его указаний, производил обыски у населения и изъятие имущества. После его ареста в деревне стало лучше, спокойнее, никто нас не запугивает, каждый твердо знает свои обязательства перед государством и выполняет их в срок”.

...Колхозник колхоза “Новое Село” Межевского сельсовета Оршанского района Казакевич рассказал, что недавно в их деревню вернулись из ссылки ранее осужденные за а/с деятельность Дервоед, Лучко и Кулашко, которые собираются вместе и проводят а/с агитацию на селе”.

В 1992 году Василий Тимофеевич Мишкорудный — сын Тимофея Степановича Мишкорудного — напишет стихи-воспоминания о том, как в 1932-м забирали и судили отца и других односельчан. Как в семье осталось пятеро детишек, которые впроголодь дотянули до весны, а потом собирали и ели мерзлую картошку, рвали липовые листья и крапиву и пекли из них пироги.

Каровы звар'яцелі, натрапіўшы на расстрэльныя яміны на ўскрайку Оршы

Цяпер шмат пішуць пра гады сталінскіх рэпрэсій, пра жудасныя злачынствы той пары. Злавесным сімвалам гэтага сталі вядомыя ўсяму свету Курапаты. Але не адны Курапаты расцвілі крывавымі кветкамі на нашай зямлі. Свае "Курапаты" былі і на ўскрайку нашага горада. У канцы сакавіка ветэран вайны і працы, наш зямляк Г. Бялянка, які жыве цяпер у Харкаве, дзяліўся на старонках нашай газеты сваімі ўспамінамі пра расстрэлы аршанцаў у раёне Кабылякоў. Успаміны яго ўсхвалялі многіх сведкаў тых падзей. Наш няштатны карэспандэнт Юрый Копцік запісаў расказ старажыла Оршы Віктара Андрэевіча Баско:

"Жылі мы да вайны на самым ускрайку горада, апошнія дамы на вуліцы Леніна знаходзіліся якраз на тым месцы, дзя цяпер размяшчаецца СПТВ-110. Далей ніякіх будынкаў не было, пачыналася поле. Таму многія жыхары прыватных дамоў трымалі жывёлу, нават коней і кароў.

З сярэдзіны трыццатых гадоў па горадзе папаўзлі цьмяныя чуткі пра шкоднікаў і ворагаў народа, якіх выкрываюць на прадпрыемствах і ў розных арганізацыях. Па начах з боку Кабыляцкай гары сталі даносіцца стрэлы, а часам, калі пільна прыслухацца, можна было пачуць і невыразныя крыкі.

Тады я быў яшчэ хлапчуком-падлеткам і многага не разумеў. Штодзень мы з суседскімі хлапчукамі па чарзе звычайна ганялі пасвіць кароў. Аднойчы загналі свой статак у хмызняк, што знаходзіўся на захад ад цяперашняй аўтазаправачнай станцыі. Тады на тым месцы быў яр, парослы рэдкім алешнікам. Адразу кінулася ў вочы, што зямля ў многіх месцах перакапана, бо глеба там пясчаная і свежы пясок яшчэ не прасох як след. Нас, хлопцаў, гэта вельмі зацікавіла: хто тут што шукаў?

Толькі раздумваць над гэтым не давялося – каровы быццам звар'яцелі. Вочы наліліся крывёю, яны пачалі раўці, рыць капытамі і рагамі гэты жвір. Нас ахапіў сапраўдны жах. Адразу ўспомніліся стрэлы па начах — значыць тут былі закапаныя людзі. Ды, відаць, неглыбока, і каровы пачулі свежую кроў. З крыкамі і слязамі мы ледзьве адагналі бізунамі кароў з гэтага яра і больш ніколі не прыганялі іх на гэтае жахлівае месца. І зусім па-іншаму ўслухоўваўся я з таго часу ў начныя стрэлы.

Шмат гадоў прайшло з тае пары, шмат падзей мінула. Але ніколі не забываў я шалёны рык кароў, іх дзікія вочы і пену на пашчы. Доўгі час я маўчаў пра гэта, але цяпер, у наш час галоснасці, маўчаць не магу. Няхай усе ведаюць, што адбывалася ў тыя гады на паўночнай ускраіне горада".

На жаль, гэта апошняе, што паспеў расказаць Віктар Андрэевіч. Добры чалавек і сумленны працаўнік, ён і пасля выхаду на пенсію да самага апошняга дня працаваў слесарам у аздараўленча-лазневай службе. Ветэран Вялікай Айчыннай вайны, ён пражыў нялёгкае жыццё. Нядаўна яго ня стала. Але ўспаміны яго засталіся, і мы палічылі магчымым не пакінуць іх неапублікаванымі.[14]

Пасмяротна адноўленыя ў Кампартыі

"Бюро абкама КПБ (Камуністычнай партыі Беларусі), разгледзеўшы прапанову камісіі партыйнага кантролю, аднавіла некаторыя асобы ў КПСС (Камуністычнай партыі Савецкага Саюза) з ліку тых, хто быў выключаны з партыі і прыцягнуты да крымінальнай адказнасці па палітычных матывах у 1937-1939 гадах. Сярод рэабілітаваных пасмяротна Касцюкевіч Аляксандр Ананьевіч, былы загадчык Аршанскага райземаддзела, і Шульгоўскі Георгій Несцеравіч, былы дырэктар торфазавода "Асінторф" у тыя гады Аршанскага раёна"[15].

У нашых спісах ёсць звесткі пра гэтых людзей. Так, вядома, што беларус Аляксандр Ананьевіч Касцюкевіч нарадзіўся ў 1903 годзе ў вёсцы Новая Мотча Барысаўскага раёна, паходзіў з сялянскай сям'і. Да арышту пражываў — Ворша, вул. Леніна, 9, кв. 8. Яго арыштавалі 8 верасня 1937 года. "Тройка" абвінавaціла яго ў контррэвалюцыйнай дзейнасці і прысудзіла яму вышэйшую меру пакарання — расстрэл. Аляксандр Касцюкевіч быў расстраляны ў Воршы 21 снежня 1937 года. Яго пасмяротна рэабілітаваў Віцебскі абласны суд у 1961 годзе.

Рускі па нацыянальнасці Шульгоўскі Георгій Несцеравіч нарадзіўся ў Мсціслаўі, паходзіў з сям'і служачых. Напярэдадні арышту працаваў дырэктарам торфазавода "Асінторф". Быў кандыдатам у сябры УКП (б). Яго арыштавалі 1 верасня 1937 года. Камісія НКУС СССР і Пракурора СССР асудзіла як польскага шпіёна да расстрэлу. НКУС расстраляў

14 "Ленінскі прызыў" 28.07.1989 г., №119.
15 "Ленінскі прызыў" 30.10.1990 г. Нататка пад назвай "Рэабілітаваныя".

яго 16 студзеня 1938 года ў Воршы. Георгія Шульгоўскага рэабілітавала Вайсковая калегія Вярхоўнага суда СССР у 1957 годзе.

Тое, што абодвух аднавілі ў Кампартыі толькі ў 1990 годзе, сведчыць, што самі камуністы станоўча ставіліся да сталінскіх рэпрэсій і баяліся тых, каго яны наракліі на смерць, нават праз паўвека пасля сваіх злачынстваў.

Полвека боялись вернуть доброе имя…

Бюро обкома Коммунистической партии Беларуси изучило материалы комиссии партийного контроля и реабилитировало (посмертно) группу товарищей, репрессированных в партии в период 30-40-х и начале 50-х годов. Среди них — Бабаша(и)нский Александр Александрович — бывший директор совхоза "Бабиничи" нашего района. Таким образом, возвращено еще одно доброе имя, имя сельского коммуниста, внесшего достойный вклад в развитие сельскохозяйственного производства Орши[16].

Бабашинский Александр Александрович родился 2 января 1888 года в селе Красины Лиозненского района. Происходил из дворян рода Бабашинских герба "Сас". До революции семья имела 57 десятин земли, 10 коров и 4 лошади. Учился в гимназии.

С 3-го курса историко-филологического факультета Киевского университета в 1915 году ушел в армию. Служил ратником 2 разряда батареи 7 запасного дивизиона с правами вольноопределяющегося 1 разряда. После окончания учебной команды произведен в младшие фейерверкера. В сентябре 1916 года выдержал экзамен на прапорщика легкой артиллерии при штабе Минского военного округа и был назначен младшим офицером 2-й батареи 7 запасного дивизиона. За отличие в боях у местечка Крево Виленской губернии награжден Георгиевским крестом 4 степени с лавровой веткой. А.Бабашинский был награжден солдатской наградой. При временном правительстве существовал порядок, когда по решению солдатского коллектива производилось награждение крестами. 14 октября 1917 года был избран председателем батарейного комитета.

В январе-ноябре 1918 года был председателем Стасевского сельсовета, затем Королёвского волисполкома.

16 "Ленінскі прызыў".

С ноября 1918 по август 1923 года служил в Красной Армии командиром батареи, артдивизиона, помощником начальника артиллерии 5-й Витебской стрелковой дивизии. Участвовал в боях с немцами в 1916-1918 гг., в гражданской войне на Западном и Южном фронтах с 4 ноября 1918 года по 17 ноября 1920 года. Контужен в бою у деревни Черная Долина Таврической губернии.

До революции представлялся к званию подпоручика, к орденам святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и святой Анны 3-й степени также с мечами и бантом. За отличия в боях на Каховском плацдарме в 1920 году был представлен к ордену Красного Знамени. В 1922 году вступил в ВКП(б). В 1928 году РВС СССР "За проявленное мужество, энергию и решительность в борьбе трудящихся против врагов Социалистического отечества на Западном и Южном фронтах" наградил А. Бабашинского к 10-летию РККА почетной грамотой. Грамоту подписал заместитель Народного Комиссара по Военным и Морским делам и Председатель Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихт.

После демобилизации жизнь Александра Александровича была связана с Витебщиной. Он работал заведующим Высочанского и Витебского райфо, директором Витебской биофабрики №5, заместителем директора мясо-молочного треста. С февраля 1936 года по 13 марта (день ареста) 1938 года — директор совхоза "Бабиничи" Оршанского района.

Бабашинского обвинили в работе на разведку Польши, по заданию которой на территории СССР проводил шпионскую работу. В частности, "в марте 1937 года передал сведения о расположении совхоза "Бабиничи", о его экономическом состоянии, наличии в нем скота, количестве лошадей". Постановлением особой "тройки" НКВД БССР от 13 ноября 1938 года Александр Бабашинский приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 28 ноября того же года в Минске.

На свое обращение жена Александра Бабашинского — Мария Петровна получила ответ, что ее муж в 1938 году был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей и, будучи в местах заключения, умер 27 декабря 1940 г. от воспаления легких.

28 ноября 1957 года Военный трибунал БВО отменил постановление от 13 ноября 1938 года, дело Бабашинского было прекра-

щено за отсутствием состава преступления. Он был реабилитирован посмертно.

Однако восстановить его в своих рядах товарищи по КПСС посмели только полвека спустя. Личное дело убитого № 6816-н хранится в УКГБ по Витебской области.[17]

Умер от авитаминоза. Компенсация — два месячных оклада

В период хрущевской оттепели в конце 1950 – начале 1960-х вдова расстрелянного 21 декабря 1937 года в Орше Федора Малиновского Мария Ивановна Малиновская активно добивалась реабилитации своего мужа и выплаты соответствующих пособий.

В 1959 году одним из первых документов, который ей удалось получить, была справка о смерти Лепельского ЗАГС №114656. В ней отмечалось, что Малиновский Федор Никифорович умер 19 марта 1943 года от... авитаминоза.

В следующем году вдова получила справку из Военного трибунала Белорусского военного округа, в которой сообщалось о реабилитации мужа, а также о том, что по постановлению Совета министров СССР от 8 сентября 1955 года № 1655 семье репрессированного должны выплатить пособие в размере двух месячных окладов (недорого ценило руководство СССР жизни своих подданных) по месту работы мужа до его ареста. В письме также подчеркивалось, что если при аресте мужа было конфисковано какое-то имущество, то по вопросам его возврата или его стоимости следует обращаться в УКГБ по Витебской области. Туда же следовало обращаться за справкой о времени пребывания мужа в заключении.

В 1963 году Мария Ивановна получила письмо из Военной прокуратуры БВО, в котором также говорилось про постановление Совмина, два месячных оклада и подчеркивалось, что выплата других пособий постановлением не предусмотрена.

В 1960 году из Управления КГБ по Витебской области пришло уведомление, что в Лепельский райсобес направлена справка о пребывании в местах заключения ее мужа — Малиновского Федора Никифо-

17 М.Кривенок “Виновен в передаче сведений…” из газеты “Народнае слова”, 1.06.1991 г. (N 22). С. 6

ровича. Сама справка была представлена только райсобесу.

В 1963 году Мария Ивановна добилась от Лепельского ЗАГС выдачи копии свидетельства о браке со своим расстрелянным мужем. Из свидетельства следовало, что в брак с Федором Мария вступила в 1934 году. Скорее всего, свидетельство должно было облегчить доказывание брачных отношений Марии Малиновской с ее мужем.

Видимо, женщина добивалась от "любимой советской власти" более справедливой компенсации и пыталась обжаловать полученные решения, поскольку в 1969 году она получила новое уведомление от Военного прокурора Витебского гарнизона. В документе говорилось, что ее жалоба по делу репрессированного мужа поступила для разрешения в прокуратуру БВО и проверяется. О результатах разрешения жалобы ей обещали сообщить дополнительно после окончания проверки. К сожалению, других документов о результатах проверки у нас нет.

Федор Малиновский 1912 года рождения, беларус, проживал в деревне Замошье Лепельского района, работал на смолокуренном заводе рабочим. Был неграмотен. Его арестовали 19 ноября 1937 г. и обвинили в шпионской деятельности. 6 декабря Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 21 декабря в Орше. 10 августа 1960 г. Военный трибунал БВО принял решение о реабилитации Федора Малиновского.

Расправа над братьями Каменскими и их родственниками

В основу материала легли выдержки из следственных дел, возбужденных ОГПУ-НКВД в отношении братьев моей прабабушки Анны Ходевцевой (Каменской) Антона и Николая Каменских. Эти документы я получил летом 2015 — зимой 2016 гг. из Госархива административных органов Свердловской области. Я был поражен, что в обвинительных заключениях, в показаниях свидетелей и протоколах допросов скрупулезно задокументирована история моих предков Каменских, проживавших некогда на хуторе Руклино-Гляково под Оршей. Эта история зафиксирована по годам, месяцам, а иногда даже по дням.

Антон и Николай Каменские — главные фигуранты…

Из протокола допроса от 3 апреля 1934 года: Антон Иосифович Каменский — беларус, беспартийный. До революции имевший звание дворянина, женат, занимающийся хлебопашеством и проживающий на хуторе Гляково, окончил школу 2-й ступени и 10-месячные курсы инструкторов по электрификации сельского хозяйства, ранее не судившийся".

Из протокола допроса: "Родился в 1899 году в Белоруссии Оршанского района. До 1919 года учился в гор. Орша, где окончил школу 2-й ступени. В 1918 году во время оккупации немцами Белоруссии я участвовал в партизанских отрядах против немцев, где простыл и заболел тифом. После тифа получил осложнение на сердце и легкие, поэтому меня как в Белую армию, так и Красную не приняли. Больной лежал около 2-х лет. В 1923 году пошел учиться на курсы инструкторов-техников по электрификации сельского хозяйства, курсы окончил в 1924 году (в Москве), после работал до 1926 г. в совхозах по электрификации последних, одновременно с 1924 по 1928 гг. организовал товарищество огнеупорного производства "Борьба с пожаром".

Каменский Николай Александрович: 1900 г.р., беларус, из дворян, проживавший на хуторе Руклино-Гляково Крапивенского с/с, Оршанского р-на и округа, занимающийся земледелием, женат вторично, беспартийный, окончивший три класса реального училища и один кадетского корпуса.

У Антона Каменского был родной брат Петр, а у Николая — Михаил и Константин. Братья — бывшие царские офицеры, после революции ушли в Польшу и вступили в Войско Польское. В 1927 году это станет поводом для первого ареста. 18 июня начато следствие, а 19 июня арестованы Каменский Николай и Ляхович Вильгельм (муж сестры Николая Александры Ляхович), а 12 июля — Каменский Антон. Их обвинили в укрывательстве и пособничестве польской разведке. Каменские Антон и Николай, а также Ляхович Вильгельм "изобличены в способствовании шпионской деятельности Каменским Константину, Михаилу и Петру". Их даже предлагали выслать за пределы БССР как социально-опасных элементов. Но из-за недостатока "изобличающих материалов, возбужденное уголовное преследование против указанных лиц было прекращено". Каменских и Ляховича освободили. Правда, ненадолго.

Раскулачивание. Ссылка. Побег. Арест. Снова ссылка

Из показаний Антона Каменского: "Работал с 1926 по 1929 год на фабрике Белгосстроя около Орши по электрике. В 1930 году в марте месяце наше хозяйство раскулачили и нас — моего отца Иосифа Павловича 72 (года), мать Марию 72 (года), меня, жену Елизавету 29 лет — выселили на Урал в гор. Котлас. Дорогою отец и я из Котласа в июне месяце 1930 года из ссылки бежали в гор. Москву" (отец трагически погиб во время побега).

Тогда же, в 30-м, раскулачили и выслали в Котлас Николая Каменского и его мать Михалину Викторовну. Через месяц после Антона в бега пускается и Николай. Оба брата добираются до Москвы. С помощью родственников они устраиваются на работу. Антон — на завод "Серп и молот", Николай — грузчиком в гараж 3-го госстройтреста. Через год обоих снова арестовал ГПУ и через полтора месяца следствия этапом направил в новую ссылку в Нижний Тагил на спецпоселение.

В апреле 1934 года за антисоветскую и контрреволюционную агитацию, саботаж "с целью ослабить власть и деятельность госпредприятий" Антона Каменского по групповому делу "тройка" при ПП ОГПУ Свердловской области постановила отправить в исправтрудлагерь на 3 года.

После освобождения Антон навестил брата и выехал из Нижнего Тагила.

Вероятно, в августе 1936 года он устроился на предприятие "Водосвет" в городе Горловка на Донбассе. По его словам, здесь его вскоре разоблачили, как бежавшего из высылки, поэтому Антон направился на родину — в Оршу.

Сюда он прибывает весной 1937-го. Сначала живет у одной сестры, Анны Ходевцевой, затем перебирается за Днепр ко второй сестре — Виктории. У Виктории поселилась и старушка-мать, которая вернулась из ссылки. Двоюродный брат Клим Цеханский предлагает Антону нелегально уйти в Польшу и скрыться от преследования. Но Каменский боится попасться и отказывается.

22 августа 1937 года его арестовали чекисты. Больше домой он не вернется. Во время допроса Каменского обвиняют в участии в контрреволюционной шпионской организации. Антон это подтверждает и называет имена родственников и знакомых, которые якобы вовлечены в шпионскую сеть. Среди упомянутых и Николай Каменский.

20 октября 1937 г. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР вынесла Каменскому вердикт — расстрелять. Приговор исполнили 10 ноября 1937 г. в Орше.

27 октября 1937 года в Нижнем Тагиле НКВД арестовал бригадира гаража Высокогорского железного рудника Николая Каменского. Его также обвинили в участии в контрреволюционной шпионской организации. Николай отрицал это. "Тройка" при УНКВД Свердловской области 16 ноября 1937 года приговорила Николая Александровича заключить в исправтрудлагерь на 10 лет.

В марте 1939 года его супруга Мария Касперовна Каменская пишет председателю Верховного Совета СССР Михаилу Калинину: "Мой муж Каменский Николай Александрович арестован 27.10.37 г. органами НКВД Н-Тагильского горотдела. Мне неизвестно, за что и по какой причине. Находился в тагильской временной тюрьме "Красный камень" до 27.11.1937 г., после чего отправлен в лагерь на станции Тайшет Восточно-Сибирской железной дороги ТайшетЛАГ НКВД, 1-й лагпункт, участок Квиток (название поселка) по статье 58 сроком на 10 лет, где находится в настоящий момент. Проживая с мужем 11 лет, я не замечала никаких антисоветских или контрреволюционных поступков, вообще что-нибудь плохого, кроме хорошего. Мой муж честно работал на производстве, отдавая этому все свои силы, не считаясь со временем и ни с какими трудностями. Об этом можно убедиться по месту работы. Я считаю, что все это ложь, клевета на моего мужа, которую он не заслужил. Убедительно прошу Вас пересмотреть дело моего мужа и освободить из-под заключения, вернуть отца детям, мужа. Он также будет честным, полезным работником, что еще раз прошу не отказать моей просьбе и освободить мужа. Проситель Каменская".

19 ноября в связи с жалобой облпрокуратура опротестовала решение "тройки" УНКВД. Дело было передано на доследование. На прежней работе Николая запрашиваются производственные характеристики. Ответы приходят исключительно положительные.

23 марта 1940 года начальник отдела УГБ УНКВД С/О ст. лейтенант госбезопасности И. Попов ответил Марии Каменской, что "в процессе проверки материалов следствия, имеющихся в деле, обнаружен ряд недочетов, при наличии которых следственное дело не может быть направлено для решения вопроса о снятии судимости с Каменского". В частности, показания Антона Каменского не проверены, а подозре-

ние в шпионаже за 1927 год также не выяснено. Попов выносит постановление начать дополнительное расследование.

10 февраля 1941 года следователь Следственного отделения Н-Тагильского горотдела УНКВД Свердловской области, сержант Орлов нашел, что “произведенным по делу дополнительным расследованием путем допроса лиц, знающих Каменского по работе и быту, причастность его к к-р. оганизации не подтвердилась, а также не установлены факты якобы проводимой им к-р. деятельности”, протоколы о допросе лиц, свидетельствовавших против Каменского, “являются неправдоподобными, не соответствующими действительности, а потому и доказательной силы иметь не могут, в силу чего предъявленное обвинение Каменскому не доказано и считать его членом к-р. организации нет оснований. Однако из материалов дела видно, что Каменский происходит из социально-чужой нам среды, в прошлом сын дворянина, сам в 1930 году раскулачен и выслан в трудссылку, откуда совершал побеги, дважды арестовывался органами НКВД, из них в 1927 году в подозрении в к-р. шпионской деятельности и в 1932 (1931?) году за побег из мест административного поселения. Кроме этого по показаниям разоблаченного польского агента Каменского Антона Иосифовича, Каменский Н.А. изобличается как участник к-р. шпионской организации, а потому полагал бы — решение “тройки” при УНКВД по Свердловской области от 16 ноября 1937 года в отношении осуждения Каменского Николая Александровича оставить в силе”.

28 февраля 1941 года помощник оперуполномоченного оперативно-чекистской группы ОИТК УНКВД по Свердловской области Морозов пишет: “Жалобы от Каменского на необоснованность осуждения не поступало. На основании изложенного можно предполагать, что Каменский, находясь в ссылке, также поддерживал связь с иностранной разведкой, а потому постановил: следственное дело №28969 по обвинению Каменского передать в 3 отд. УГБ УНКВД по Свердловской области на предмет установления связей и выявления шпионской деятельности осужденного”.

Спустя 20 лет, 9 февраля 1959 года, жена Николая Каменского Мария обращается к военному прокурору Свердловской области, пытается выяснить судьбу супруга и просит разобрать его дело: “До сего время я не могу знать, где он. За что осужден или арестован. От себя я

сообщаю, что он был обыкновенный работник, как и все, работал шофером на ВЖР, честно и добросовестно трудился. Я считаю его арест незаслуженным, неправильным. Прошу Вас разобрать его дело, его виновность справедливо и мне сообщить, а также сообщить, где он в настоящее время. В чем прошу не отказывать".

18 апреля 1959 года Президиум Свердловского облсуда установил, что "обвинение Каменского было построено на имеющихся в деле выписках из протоколов допросов по другим делам… Упомянутые выписки из протоколов допроса не могут служить доказательством по делу, т.к. в них осужденный назван участником контрреволюционной организации, а что он конкретно сделал, в них не отражено".

"Из имеющегося в деле объяснения сержанта Князева видно, что упомянутые выписки из протокола допроса обвиняемых… не соответствуют действительности, т.к. они сфальсифицированы".

"Приобщенная к материалу проверки копия протокола допроса осужденного по другому делу Каменского А.И. не может служить доказательством в отношении Каменского Н.А., т.к. в этом протоколе не указывается, в чем конкретно заключалась его контрреволюционная деятельность. В нем указывается, что Каменский Н.А. являлся участником шпионской организации, тогда как он за это вообще не осужден. Учитывая, что материалы дела сфальсифицированы, осуждение Каменского следует признать неправильным".

"Президиум областного суда постановил: Протест прокурора Свердловской области удовлетворить. Постановление тройки при УНКВД Свердловской обл. от 16.11.1937. в отношении Каменского Николая Александровича отменить. Дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления".

Дальнейших сведений о судьбе Николая Каменского нет. Вероятно, он погиб в лагерях Тайшетлага, где заключенные строили Байкало-Амурскую магистраль, в 1960-е годы превратившуюся во всесоюзную комсомольскую стройку.

Сын Николая от первого брака Витольд также был репрессирован, но уже в 1944 году как солдат Армии Крайовой. С дочкой Эвой он проживал в Польше, долгое время поддерживал контакт с Марией Касперовной Каменской, которая до конца 1970-х жила в Перми. Но в 1980-х связь прервалась.

Антон Каменский был дважды реабилитирован. По делу 1934 года его честное имя 20 апреля 1989 года восстановил прокурор Свердловской области. А расстрельную статью с него снял еще 2 июня 1960 г. Военный трибунал Белорусского военного округа. Дочь Антона Каменского Мария в 1980-х жила в Свердловске.

В 1937-1938 годах коммунисты расстреляют в Орше родную сестру Антона Каменского Анну с мужем Захарием Ходевцевым, родную сестру Николая Каменского — Александру Ляхович, с братом мужа Мечеславом Ляховичем. Супруга Александры, Вильгельма Ляховича, расстреляют на подмосковном полигоне Бутово. Казнят в Орше также двоюродную сестру Анну с мужем Александром Раковым и двоюродного брата Клима Цеханского.

И умерли в один день…

Они были абсолютно разными. Она католичка из мелкой шляхты. Он православный из крестьян. Она полька, он беларус. Она закончила женскую гимназию в Орше, владела иностранными языками и давала частные уроки детям местных помещиков. Он имел незаконченное среднее образование, работал писарем на винном складе в Орше, после окончил курсы счетоводов в Москве, словом, пробивался из низов. Он был старше ее на 11 лет.

Когда и при каких обстоятельствах познакомились мои прадедушка Захарий Ходевцев и прабабушка Анна Каменская, не знаю. Известно, что в 1910 году Захарий подарил Анне золотой кулончик со своей фотографией. На ней аккуратным каллиграфическим почерком выведено: “На память Анне Иосифовне от З.Х. 26.7.1910”. З.Х. — инициалы прадеда. А на внутренней стороне медальона нацарапано: “Любовь моя навеки”. Поводом для подарка, вероятно, стало 20-летие прабабушки. Она родилась 20 июля 1890 года. Захарию тогда был 31 год.

Родители долго противились браку Анны с Захарием, пока, как гласило семейное предание, тот не перешел в католичество. Точную дату венчания назвать сложно. Известно, что уже 15 декабря 1918 года у четы появился первенец — Ирена. Девочку крестили в католическом костеле Симбирска. Крестными родителями стали родные Анны сестра Виктория и брат Петр. В Симбирске молодожены с родственниками оказались в эвакуации. В 1918-м году через Оршу прошла линия

советско-германского фронта, город был разделен между кайзеровскими и советскими войсками. Оставаться здесь было небезопасно.

Впрочем, сам Симбирск был не менее опасен. Из-за гражданской войны коммунальное хозяйство пришло в упадок. Зимой тут рвало трубы отопления, не хватало дров, а за город велись ожесточенные бои. Он несколько раз переходил то в руки белых, то красных. В итоге в Симбирске воцарилась власть большевиков, а вместе с ней начал орудовать карательный орган молодой советской власти — Чрезвычайная комиссия.

ЧК арестовала брата Анны — бывшего царского офицера Петра Каменского. Ему грозил расстрел, но Петру удалось сбежать. Он вернулся на родину и вместе с двоюродным братом Константином Каменским навсегда ушел в Польшу. Там оба брата стали офицерами Войска Польского и даже воевали с большевиками во время Польско-советской войны.

Еще летом 1920-го Анна с Захарием прислали родителям на хутор Гляково, что рядом с Оршей (сейчас тут деревня Лариновка), фотографию маленькой Рени с надписью "Дорогой бабушке от Ренюси". Но вскоре семья снова бросает пожитки, хватает ванночку для купания Рени и бежит из Симбирска. Поволжье охватил голод, организованный большевиками. Семья возвращается в родовое гнездо Каменских — на хутор Гляково. Здесь в 1921-м у четы Ходевцевых родилась вторая дочь Яна, а три года спустя — сын Георгий.

В 1927-м году — первые тревожные сигналы. За связь с Польшей и пособничество польской разведке арестовывают родного и двоюродного братьев Анны — Антона и Николая Каменских, а также мужа сестры Александры Вильгельма Ляховича. Ввиду отсутствия доказательств все троих вскоре отпускают. Но в марте 1930-го — новая беда. Советы раскулачивают и высылают в Архангельскую область родителей Анны — Иосифа и Марию Каменских и ее младшего брата Антона. Оба родителя уже престарелые, им по 72 года. Но советская власть не считалась с возрастом. Она беспощадно уничтожала все слои населения, которые считала врагами. Вскоре на родину приходит печальная весть: при попытке из лагеря погиб отец Анны.

Ходевцевы перебираются в Оршу. В 1933-м Захарий работает в Совхознабе по счетоводческому делу, а год спустя переходит бухгалтером на строящийся Оршанский льнокомбинат. Сюда же в 1936-м в

главную контору в расчетную часть на должность счетовода принята дочь Ирена. В марте 1937-го ее переведут в расчетную часть чесальной фабрики на должность счетовода. Анна Ходевцева смотрит за младшими детьми, она — домохозяйка.

Семья жила в доме недалеко от базара на улице Урицкого, 20. Сюда из очередной ссылки весной 1937-го возвращатся брат Анны — Антон Каменский, после он перебирается за Днепр ко второй сестре — Виктории. 27 августа Антона арестовывают. На допросе он просто называет родственников, их адреса, должности. Среди них сестра Анна с мужем Захарием.

За Ходевцевыми приходят 28 сентября. Во время обыска чекисты изымают фотоаппарат и несколько книг, в том числе на французском. Обоих помещают в оршанскую тюрьму. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвиняет их шпионаже в пользу Польши и приговаривает к расстрелу. Обоих расстреляли в Орше. Практически в один день. Его — 10 ноября вместе с Антоном Каменским, ее — 11 ноября. Младшие дочь и сын останутся на попечительстве старшей дочери Ирены — моей бабушки.

Реабилитируют Анну и Захария Ходевцева только в 1989 году. К тому времени моей бабушки уже не будет. Однажды сломанная жизнь, бесконечные утраты, болезнь сына, ранняя смерть мужа и тяжелая работа, которая привела к профессиональному заболеванию, убили ее в 1983-м году. Ей было всего 64 года. До оправдания родителей она не дожила всего 6 лет.

За расстрелянного Клима Цеханского расписались палачи?

Климентий Константинович Цеханский родился в 1900 году на хуторе Руклино Крапивенского сельсовета. До революции проживал с отцом, который занимался земледелием: имел 15 га земли, 2 лошади, 2 коровы. Клим получил среднее образование, с 1919 по 1921 гг. служил рядовым в Красной армии. Вероятно, был раскулачен и перебрался в Оршу. Вместе с женой Евой и дочкой Анной поселился в доме родной сестры Эмилии на улице Парковой. Работал техником-строителем в Оршанском аптекоуправлении.

Его племянница Галина Кумец помнит, как забирали дядю: это случилось 6 декабря 1937 года, когда ей было 12 лет: “Климуся Цеханско-

го арестовали в нашем доме на Парковой. У нас было три комнаты. Климусь с Евой жили в отдельной комнате. Климусь знал, что идет нападение на поляков. Он был поляк. В тот вечер он пришел хорошо подшофе и лег. Он спал мертвым сном, когда за ним пришли. Делали обыск. Но обыск делали только в комнате, где он жил. Его арестовали и обвинили в том, что он изменник. Ему приписали польский шпионаж. Потом мы ему передачи носили. Его расстреляли. За это же и Антю Каменскую вместе с мужем[18] арестовали и расстреляли. Тосика Каменского[19] арестовали. Он бывал у нас, прятался. Его расстреляли. И Бэту арестовали, жену его. Брат моей мамы Ромусь Цеханский уехал в Москву. Там в одной из компаний он рассказал анекдот про "сталинских бычков", за что его арестовали и посадили на два года. После освобождения ему запретили жить в Москве. Он строил дороги на севере и на юге, и в Туле, и под Тулой".

Галина Георгиевна вспоминала, что коммунисты преследовали и ее отца – Георгия Шавеко, но ему удалось избежать репрессий. Однако в семье постоянно царила тревога, что завтра снова придут: "Было ожидание. Я даже помню, я была девчонкой, меня не посвящали особенно. У нас потолок был подшит фанерой. И папа с мамой сказали мне: "Вот здесь лежат деньги. Это тебе на всякий случай".

Из протокола допроса от 7 декабря следует, что Цеханский признался в сотрудничестве с польской разведкой с 1936 года. Его якобы завербовал двоюродный брат, также "агент" польской разведки Антон Каменский (расстрелян в Орше 10 ноября 1937 г.). Каменский якобы просил добывать сведения об оборонных предприятиях Орши и дислокации частей РККА в Оршанском районе, за что якобы предложил Цеханскому 500 рублей. А тот находился в затруднительном материальном положении и согласился. Как следует из обвинительного заключения, Цеханский якобы передал через Каменского сведения о расположении частей РККА, в частности, оборудованной амбулатории штаба ПВО, а также схематический план Орши. Клим Константинович заявил, что больше никого в шпионскую организацию не вербовал. В конце документа указано: "Протокол с моих слов записан верно, мне прочитан, в чем и расписываюсь". И подпись Цеханского.

18 Анна (Каменская) и Захарий Ходевцев расстреляны в Орше 11 и 10 ноября 1937 года.
19 Антон Каменский расстрелян в Орше 10 ноября 1937 года.

Но с подписями проблема. И на анкете арестованного, и в различных листах протокола допроса — совершенно разные подписи. В них заглавная буква К — от имени Климентий — появляется то в начале подписи, то в конце, а иногда вообще исчезает. Подписи отличаются даже на одном листе через несколько строчек. Можно предположить, что это фальшивка, впрочем, как и само дело. Не исключено, что палачи из НКВД расписались вместо Клима Цеханского, а сам он эти документы мог даже не читать.

Кроме самооговора, больше никаких улик и показаний свидетелей против Цеханского нет. Не было в деле и вещественных доказательств. Тем не менее 3 января 1938 г. Комиссия наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР протоколом № 698 приговорила Цеханского Клима Константиновича к высшей мере наказания — расстрелу. 19 января 1938 года его расстреляли в Орше. 12 мая 1960 г. Военный трибунал Белорусского военного округа отменил постановление от 3 января 1938 г. и реабилитировал Клима Цеханского посмертно. В 2017 году на Кобыляцкой горе появилась памятная табличка с его именем.

К несчастью, Клим — не единственный, кто угодил в жернова большевистского террора. Гораздо раньше жертвой большевизма стал его брат Александр Цеханский. По рассказам родственников, бывший морской офицер служил в Кронштадте. В 1921 году город охватило антибольшевистское восстание, которое безжалостно раздавили красные. Потом восстание назовут мятежом. Помните советскую песню: “нас бросала молодость на кронштадтский лед...”? Александра она тоже бросила на лед Финского залива. По нему он бежал в Финляндию, а оттуда каким-то образом добрался до родного хутора Руклино рядом с Оршей. Здесь в 1922 году он умер от скоротечной чахотки на руках сестры Эмилии Цеханской. Видимо, сказалось “купание” в холодной воде Балтики.

В когти НКВД угодил еще один брат — Ромуальд Цеханский. Его арестовали за анекдот про “сталинских бычков” (в те годы сталинская пропаганда агитировала выращивать кроликов, которые быстро плодились, и за год одна пара могла дать приплод, сопоставимый по весу с молодыми бычками. Отсюда и название). Ромусю повезло: он провел в застенках НКВД месяца два и был освобожден.

Под репрессии попали также два брата Карла Фауста — мужа сестры Ядвиги Цеханской. Уроженцы деревни Крапивно Иван Альбертович (1888) и Александр Альбертович (1894) Фаусты обозначены немцами. Оба расстреляны. Первый — 10 сентября 1937 года в Свердловске, второй — осенью или зимой 1938 года в Челябинской области. Возникает вопрос, как они оказались за тысячи километров от Крапивно? Уж не в сослала ли их туда "человеколюбивая" и "гуманная" советская власть?

Как и за что уничтожили семьи Ляховичей

Мечеслав Михайлович Ляхович родился в 1901 году в Орше. Есть сведения, что еще в 1919 году во время Польско-большевистстской войны он сражался на стороне красных и попал в польский плен. После освобождения в 1924 году вернулся на родину. Но родина не оценила его патриотических порывов. При попытке попасть на территорию Советской Белоруссии Ляховича схватили и осудили за нелегальный переход советско-польской границы. Спустя 13 лет этот поступок ему еще аукнется. В 1926 году Мечеслава еще раз привлекли к ответственности, но уже за растрату.

21 сентября 1937 года его арестовал Оршанский райотдел НКВД. На тот момент Ляхович работал главным бухгалтером УВСР-69 (Управление военно-строительных работ) и проживал в Чашникском районе на 116-м км. Был кандидатом в члены ВКП(б). Его обвинили в том, что якобы в 1924-м году его завербовал Польский главный штаб и направил в Советский Союз для выполнения диверсионно-шпионских заданий.

Устроившись на жительство, говорилось в обвинительном заключении, Мечеслав Ляхович передавал в Польшу шпионские сведения об объектах военного строительства, о строительстве Оршанского и Олсуфьевского аэропортов, кавалерийского городка на 116 км возле Лепеля. Его обвинили и в том, что работая бухгалтером, якобы создавал затоваривание материальных ценностей, финансовые затруднения при строительстве, а также завербовал для диверсионно-вредительской работы трех человек.

22 октября 1937 года Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР признала его виновным и приговорила к высшей мере наказания. Мечеслава Ляховича расстреляли в Орше 10 ноября 1937 года. Его жена Се-

рафима Болеславовна Ляхович осталась одна с пятью детьми: Янине было 15 лет, Виктору —14, Владимиру — 12, Александру — 8, младшей Татьяне — всего 3 годика. Спустя полвека, в сентябре 1989 года, Военная прокуратура БВО реабилитировала Мечеслава Михайловича.

Его родного брата Ляховича Вильгельма Михайловича 1886 года рождения впервые арестовали 18 июля 1927 года вместе братьями жены Александры Ляхович — Николаем и Антоном Каменскими. До ареста Вильгельм проживал в Орше по 2-му Днепровскому переулку, 14. Работал бухгалтером Оршанского окрземотдела. Тогда Вильгельма Ляховича обвинили в хранении переписки, литературы антисоветского характера и оружия. Следствие установило, что Вильгельм вел переписку с Марией Янсоон, проживавшей в Латвии. Через нее якобы Вильгельм поддерживал связь с братьями жены в Польше. Вильгельм утверждал, что в 1923-1924 годах он получил от Марии всего 3-4 письма, но ни на одно не ответил.

12 сентября 1927 года его дело направили в Особое совещание при Коллегии ОГПУ. Окружной прокурор Оршанского округа ходатайствовал о выселении Ляховича за пределы Белорусского военного округа как укрывателя и пособника агентов польской разведки. Однако ходатайство не было отклонено. 25 сентября 1927 года постановлением ПП ОГПУ дело прекратили за недостаточностью улик.

Позже Вильгельм Михайлович еще несколько раз был репрессирован. Сначала в 1930 году (детали, к сожалению, неизвестны). Затем в 1933 году за контрреволюционную деятельность его сослали в лагерь. Позже он оказался в городе Клин Московской области, где работал старшим бухгалтером склада в МОК сбыта Главстекло.

15 февраля 1938 года палачи из НКВД снова пришли к нему. На этот раз Вильгельма обвинили в "том, что по возвращении из концлагеря возобновил контрреволюционную деятельность и передачу шпионских сведений польской разведке". 26 февраля 1938 г. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на Бутовском полигоне Московской области 27 апреля 1938 года. Вильгельм Ляхович реабилитирован лишь 4 октября 1989 года.

Жена Вильгельма Ляховича Александра Александровна Ляхович — в девичестве Каменская — родилась в Орше в 1887 году и происходила из чуждого большевикам социального слоя кре-

стьян-кулаков. Ее арестовали 4 сентября 1937 года. На момент ареста она была домохозяйкой и воспитывала 10-летнюю дочь Лялю. С дочкой они проживали в Орше на улице Ворошилова, 16. В конце лета — начале осени 1937-го только на этой улице НКВД арестовал около 60 человек.

Протокол допроса зафиксировал признательные показания Александры Александровны. Она рассказала, что ее родные братья Михаил и Константин и двоюродный Петр Каменские еще в 1919 году бежали в буржуазную Польшу, где служили в польской армии. Женщина якобы подтвердила, что "начиная с 1923 года по день ареста действительно занималась шпионской деятельностью в пользу Польши".

20 октября 1937 г. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР признала Ляхович Александру Александровну виновной в контрреволюционной деятельности и на основании ст. 68 УК БССР приговорила к высшей мере наказания. Ее расстреляли в Орше 28 января 1938 года. 2 июня 1960 года Военный трибунал БВО реабилитировал ее посмертно. Несколько лет назад потомки репрессированных установили на Кобыляцкой горе таблички с именами Мечеслава, Вильгельма и Александры Ляховичей.

Неизвестный предложил стать шпионом. Согласилась. Расстреляна с мужем

В истории Анны Викентьевны Раковой в полном объеме отразилась вся нелепость, бессмысленность, безосновательность и бесчеловечность сталинских репрессий. Если верить архивным документам, она призналась, что сотрудничала с польскими разведорганами. Но когда внимательно читаешь то, что следователь зафиксировал в протоколе допроса, и что затем легло в основу обвинения и расстрельного приговора, возникает вопрос: за что человека лишили жизни? В чем был смысл этой лютой жестокости?

Анна Ракова, в девичестве Каменская, родилась в 1895 году на хуторе Гляково Крапивенского сельсовета Оршанского района в семье потомственного дворянина из небогатой шляхты Викентия Павловича Каменского. Окончила приходское училище. В протоколе допроса отмечено, что до революции у отца было 15 гектаров земли, 3 коровы, 2 лошади, 9 овец, 8 свиней. Кроме того Викентий Каменский имел молотилку, веялку, фруктовый сад и, разумеется, дом. По советским мер-

кам — крупное кулацкое хозяйство. Что было с его хозяйством после революции, неизвестно. Но в переписи населения 1926 года указано, что Викентий Каменский все еще проживал на хуторе Гляково. Вместе с родителями жила и Анна.

На момент ареста вместе с мужем и матерью Юлией Иосифовной Каменской она жила в Орше на улице 1 Мая, 45. Анна Ракова занималась хозяйством, а муж Александр Васильевич Раков работал техником отдела промышленности при Оршанском райисполкоме. Вероятно, детей у них не было. Во всяком случае, в документах они не упоминаются. Сама Анна ни до революции, ни после репрессиям не подвергалась, судимой не была. Не упоминает она и о том, были ли ее родители раскулачены.

Анну Ракову арестовали 2 ноября 1937 года и поместили под стражу в Оршанскую тюрьму. Уже на следующий день ее повели на допрос. В этот же день, 3 ноября, арестовали ее мужа — Александра Ракова.

Традиционно первый вопрос следователя: кто из родственников проживает за границей? “Двоюродные братья Петр, Константин и Михаил Каменские проживают в Польше, куда ушли во время Гражданской войны”, - признается Анна. “Каменский Петр[20] служит офицером разведывательных войск. Чем занимаются Михаил и Константин[21] — мне неизвестно”, — записал следователь слова арестованной и спросил, откуда известно про Петра? “Мне это известно от неизвестного лица, нелегально приходившего из Польши в СССР с целью шпионажа, который мне говорил, что Каменский служит офицером разведывательных войск”, — пояснила Ракова.

После опроса о родственниках — вопрос-утверждение: “Вы арестованы как участница к/р шпионской организации. Вы подтверждаете это?” Ответ: “Да, подтверждаю. Я, действительно, до момента ареста, являлась членом контрреволюционной шпионской

20 Петр Каменский родился на хуторе Гляково Оршанского уезда, служил в царской армии, после 1919 г. офицер Войска Польского. С 1936 по 1939 гг. — комендант школы пилотов в Маслове, затем в Люблинке. В 1937 г. получил международное свидетельство на управление всеми типами самолетов.

21 Михаил и Константин Каменские закончили Полоцкий кадетский корпус, участвовали в 1-й Мировой войне, в 1918-19 годах ушли в Польшу. Михаил был офицером технических и автомобильных войск в 8-м автомобильном дивизионе. В 1928 г. вышел в отставку в звании майора и стал скульптором. Константин в 1934-39 гг. командовал 1-м батальоном аэростатов в Торуни.

организации, созданной на территории СССР польскими разведывательными органами".

В протоколе допроса Раковой записано, что в контрреволюционную шпионскую организацию она "была завербована в октябре месяце 1931 года польским агентом (польагентом), пришедшим нелегально из Польши в СССР". Вербовка происходила так: "В 1931 года в октябре месяце ночью ко мне в дом постучал неизвестный гражданин, назвал мое имя и фамилию, причем предупредил, что "не бойтесь, я свой человек".

Одновременно спросил мою девичью фамилию. Когда я ему назвала, неизвестный мне сказал: "Я нелегально пришел из Польши от Каменского Петра, который служит офицером польских разведывательных войск". Во время нашей беседы неизвестный называл свое имя и фамилию, но я сейчас не припомню", — зафиксировано в протоколе.

"Польагент" якобы заявил, что ему известно, что Анна Ракова враждебно настроена к соввласти и партии, и предложил вступить в контрреволюционную шпионскую организацию польских разведывательных органов. "На что я дала свое согласие", — лаконично записано в документе.

Лазутчик поставил женщине задачи: собирать шпионские сведения о железнодорожном узле станции Орша, о расположении частей РККА, о состоянии местной промышленности, настроении рабочих и служащих, о наличие антисоветских враждебных элементов в Орше.

В 1934 году собранные сведения женщина якобы передавала через близкого знакомого Михаила Цеханского — родственника Петра Каменского, который нелегально ушел в Польшу.

Вероятно, фантазия следователя давно иссякла, а сама история Раковой не выглядела убедительной, поэтому понадобилось выдумать еще один аналогичный эпизод с неизвестным польским шпионом, пришедшим глубокой ночью и не оставившим воспоминаний об имени и фамилии. Слова Анны Раковой записаны так: "В 1935 г. осенью ночью вторично пришел неизвестный человек, который по приходу сразу сказал: "Не бойтесь, я свой человек. Я пришел к Вам из Польши от Каменского Петра за шпионскими сведениями для польразведорганов". После нашей беседы мною было передано курьеру польразведорганов наличие районных руководителей, состояние организации ПВО и ОСОАВИАХИМ, в которой я работаю как домохозяйка, и наличие

там а/с враждебного элемента и общее настроение населения города Орша и железнодорожного узла станции Орша Зап. ж.д.".

На последний вопрос о других участниках "к/р шпионской организации" Анна Ракова ответила, что ей о них ничего неизвестно, а курьер ей об этом ничего не говорил. На этом допрос завершился.

Зафиксированного было достаточно для обвинения. 5 ноября 1937 года помощник оперуполномоченного 3 отд. УГБ Оршанского райотдела НКВД Керн вынес обвинительное заключение, в котором Ракова изобличалась как агент польских разведорганов. В заключении было перечислено все, что уже было записано в протоколе допроса. Ни свидетельских показаний, ни вещественных доказательств. Но помощник оперуполномоченного постановил направить дело на рассмотрение Народного комиссара внутренних дел Союза ССР — генерального комиссара госбезопасности тов. Ежова Н.И.

13 ноября состоялось заседание Комиссии НКВД и Прокурора СССР в составе главных союзных палачей — наркома внутренних дел Н. Ежова и прокурора СССР А. Вышинского. Комиссия не рассматривала дела обвиняемых, а выносила приговоры по спискам. В подавляющем большинстве случаев арестованным выносили смертный приговор. В этих списках была Анна Ракова и ее муж Александр Раков. Обоих приговорили к расстрелу. Приговор привели в исполнение в Орше. Александра убили 25 ноября, а его жену Анну 26 ноября.

Спустя 52 года, в 1989 году, супруги Раковы реабилитированы прокуратурой Белорусского военного округа. В постановлении о реабилитации указано: "данные о родственниках не установлены". В 2018 году на Кобыляцкой горе появились две символические памятные таблички с именами и данными расстрелянных супругов.

Отца за подарок из Германии сослали в Казахстан, сына за немецкое происхождение — в Сибирь

Житель Орши Вадим Карп в своих воспоминаниях "Война 1941–1945 гг. глазами мальчишки"[22] упомянул имя репрессированного оршанца Георгия Бреера. Карп писал: "Жил рядом сосед Митя Бреер. Родители его были немцы. Он был на год старше меня. Это был

22 Война 1941–1945 гг. глазами мальчишки. Из "воспоминаний" Карпа Вадима Анатольевича. Часть 1. http://otvaga2004.ru/voyny/wars-second/wars-2nd-ussr/vojna-1941-1945-gg-karp-chast-1/

наш заводила в играх. Он отлично рисовал, мастерил из дерева, дощечек игрушечное оружие. Орава мальчишек делилась на 2 группы. Все хотели попасть в "армию" к Мите, так как победы всегда были за ним. И это справедливо, так как он всегда мог организовать своих "бойцов" лучше для ведения "боевых действий".

Отец Мити был машинистом на паровозе. У них был свой дом, сад, громадный сарай с овчаркой на цепи. Всё было чисто и аккуратно, как и положено немцам. Большая семья — два брата (Митя младший), две сестры, одна из которых была замужем и жила в Москве. Мать не работала. Примерно в 1939 г. его отец ездил к родственникам в Германию. Привёз Мите в подарок малокалиберную винтовку, из которой можно было стрелять малокалиберными патронами. С какой гордостью он показывал нам этот подарок! Мы, пацаны, сгорали от зависти. Поездка в Германию дорого обошлась Брeeрам. Отца его арестовали как фашистского шпиона. Как говорили, он очень скоро сошел с ума в Оршанской тюрьме и умер. Семья стала бедствовать. Они вынуждены были продавать своё имущество, чтобы выжить. Винтовку, конечно, отобрали. Дом обворовали. Знаю, что семья буквально голодала. Дом Брееров находился примерно в 50-60 м от нашего дома и близко стоял к Пожарному переулку".

Во время войны, вспоминает Вадим Карп, он поддерживал дружбу с Митей Бреером. "Дом Брееров сгорел со всеми вещами. Их семья бедствовала, хотя они зарегистрировались как немцы. В 1942 году они уехали в Германию, а после войны, я слышал от бывших соседей, были за это сосланы в Сибирь. Что стало с моим лучшим товарищем той поры Митей Бреером — не знаю", — записал мемуарист.

В списках репрессированных оршанцев упоминается Бреер Георгий Юлианович 1897 года рождения. Немец по национальности, он проживал в Орше, имел незаконченное начальное образование, работал машинистом депо на станции Орша, был кандидатом в члены ВКП(б). Но арестовали его не в 1939-м, как предполагал Вадим Карп, а 26 января 1938 года. Бреера обвинили по статье 72а УК БССР в антисоветской агитации, а 13 июня того же года суд приговорил его к 7 годам исправительно-трудовых лагерей и сослал в Казахстан. Столь мягкий приговор можно объяснить тем, что к этому времени "Большой террор" поглотил основную долю своих жертв и шел на спад. К сожалению, дальнейшая судьба уроженца Орши неизвестна. 15 июля

1964 года Верховный суд СССР реабилитировал Георгия Бреера. Его дело 12973-п находится в УКГБ Витебской области.

Также в базе данных репрессированных упоминается Бреер Дмитрий Георгиевич 1928 года рождения. Скудные сведения сообщают: был репрессирован по национальному признаку, реабилитирован ГУВД Ростовской области. Возможно, это сын Георгия Бреера и тот самый Митя.

Не выдержав пыток, выбросился из окна

Сразу три таблички с именами Тельтовта Богдана Мариановича, Тельтовт Янины Мариановны и Тельтовта Юрия Мариановича установлены в лесу на Кобыляцкой горе. Появились неслучайно. Судя по фамилиям и отчествам, это два брата и сестра. Все трое родились в Слуцке, а расстреляны в 1937-м. Юрий и Янина — в Орше, Богдан — в Новосибирске.

На старом кладбище в Слуцке покоится их предок — Франтишек Тельтовт. Сын Франтишка — Мариан Францевич Тельтовт — упоминается в Памятной книжке Минской губернии за 1884 год как сельский врач в в Слуцком уезде. Старший сын — Богдан Марианович решил сделать карьеру юриста. Судя по анкетным данным, он получил высшее юридическое образование и в 1931 году работал юрисконсультом горсовета в Новосибирске, а в 1937-м накануне ареста был членом коллегии защитников.

Младший сын — Юрий — пошел по стопам отца, избрав медицинскую стезю. В 1913 году он окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге и стал военным врачом. В Первую мировую войну Юрий оказался на передовой. На сайте о Первой мировой войне есть приказ от 29.06.1916[23] о награждении, в котором лекарь Управления коменданта 110 тылового этапа Западного фронта не имеющий чина Юрий Тельтовт награжден Орденом Святой Анны III-й степени. На том же сайте - карточка[24] о ранении младшего ординатора 24 Дезинфекционного отряда Юрия Тельтовта. Вероятно, речь о нашем Юрии Тельтовте.

23 Приказ Главнокомандующего армиями Западного фронта от 29.06.1916 г. № 3969-3981. https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie57571168/
24 Карточка на выбывшего: Тельтофт Юрий https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2080498/

Из скудных анкетных данных мы узнаем, что до ареста Юрий Тельтовт работал врачом в Оршанской водолечебнице и проживал вместе с сестрой Яниной по адресу: Орша, Днепровский пер., 9. В анкете Янины указано, что она, как и ее братья, имела высшее образование (что по тем временам большая редкость для женщины) и до ареста работала бухгалтером в Оршанском лесхозе.

Имена Янины и Юрия Тельтовтов упоминаются в протоколе допроса Антона Каменского, который был неоднократно репрессирован и в итоге расстрелян в Орше в 1937 году. Каменский сообщил, что Янина Тельтовт — полька, 42 лет, работала в аптеке, являлась родной сестрой врача Тельтовта Юрия, якобы входила в контрреволюционную шпионскую организацию. Также Каменский сообщил, что в Москве встречи тайной организации проходили на квартире второй сестры врача Тельтовта – Петровской Любомиры Мариановны. Каменский утверждал, что она якобы умерла в 1935 году. Видимо, поэтому ее нет в списках репрессированных.

Характерно, что Юрий Тельтовт был арестован 23 августа, а Каменский — на четыре дня позже, 27 августа, а Янина Тельтовт — только 29 октября 1937 года. Еще раньше, 1 августа 1937-го, в далеком Новосибирске был арестован их родной брат Богдан Марианович Тельтовт.

Об оршанском враче Тельтовте упомянул в своих мемуарах "Как это было..." прошедший ад НКВД отец известного российского юмориста Ефима Шифрина Залман Шифрин. Вот что он вспоминал: "Все экзекуции начинались в 20 часов и продолжались до пяти утра. Одно время так называемое "следствие" велось и днем, но до того, как во время очередного допроса врач Тельтовт, не выдержав мук, выпрыгнул с криком: "Убивают!" из окна третьего этажа кабинета следователя. На улице в то время находился народ, стоящий у репродукторов, что торчали тогда на каждом углу, а рядом люди покупали в киосках газеты, а тут с диким криком из окна НКВД выбрасывается и разбивается насмерть человек, и все узнают в нем доктора, потом по городу только об этом и говорили. Так что вызовы на допрос были теперь днем прекращены, и начались "варфоломеевские ночи", как окрестили мы их. Пытали теперь в подвале, и до нас в каме-

ру доносились крики и стоны арестованных, слышен был мат и ругань истязателей”.[25]

Без доступа к архивным документам сложно определить, что на самом деле произошло с Юрием Тельтовтом. Анкетные данные свидетельствуют, что 20 октября Юрия Мариановича, а 29 октября Янину Мариановну обвинили в шпионаже в пользу Польши и контрреволюционной деятельности. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР приговорила обоих к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор привели в исполнение в Орше. Юрия убили 10 ноября, Янину — 13 ноября. Богдана обвинили в контрреволюционной повстанческо-диверсионной шпионской деятельности. “Тройка” УНКВД Запсибкрая также приговорила его к высшей мера наказания — расстрелу. Его убили 12 октября 1937 года.

Отец Ефима Шифрина едва не погиб в оршанской тюрьме

Залман Шифрин — отец известного российского сатирика Ефима (Нахима) Шифрина — один из тех, кто попал в жернова сталинских репрессий, испытал на себе “профессионализм пыточных дел мастеров” из оршанского НКВД, едва не умер на допросах, но выжил. О том, что ему пришлось переживать в оршанской тюрьме, он написал в своих воспоминаниях “Как это было…”.

Залман Шмуилович Шифрин родился в 1910 году в глухом местечке Дрибин Чаусского уезда Могилевской губернии. В 1919 году в местечке произошло несколько еврейских погромов. Семья Шифриных сумела избежать их, выехав в уездный город Горки. Начальное образование Залман получил в хедере. В 1920 году поступил в третий класс школы с обучением на русском языке.

После нескольких лет разрухи началась эпоха НЭПа, но она длилась недолго, начал действовать жестокий закон — люди лишались избирательных прав, становились изгоями. Вывешивались списки “лишенцев”, куда зачастую попадали более-менее крупные торговцы, средние и совсем мелкие лотошники с грошовым заработком. Детей “лишенцев” ограничивали в приеме в школу, учебные заведения, на работу их не брали. Запрещены были и кустарные

25 Шифрин З. Ш. “Как это было…” https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4013

промыслы. Отец Залмана — ремесленник — тоже был причислен к “лишенцам”.

Залман, окончив в 1926 году школу в Дрибине, поступил в Витебский еврейский педагогический техникум, но нашлись “бдительные товарищи”, сообщившие, что он сын “лишенца”, хотя отец в то время работал в артели. Так он оказался за бортом. Залман едет в Оршу на восьмимесячные курсы счетоводов-бухгалтеров, после которой начинает работать счетоводом, затем бухгалтером. Но опять придирки к бывшему “нетрудовому элементу”, и он с отцом уезжает в Джанкой, где отец работал на земле, построив лачугу из ракушечника, а сын, вставая чуть свет, отправлялся на работу за пять километров в Кредитное общество, куда устроился бухгалтером, возвращаясь домой поздно вечером. И так изо дня в день.

Вскоре Залман вновь возвращается в Оршу. Работает бухгалтером. В 1931 году поступает в Витебский финансово-учетный техникум на промышленное отделение, работает одновременно бухгалтером на дрожжевом заводе. Но из-за отца –”лишенца” снова вынужден покинуть Витебск и возвратиться в Оршу.

Мать и сестра срочно за бесценок продают дом в Дрибине, переезжают в Оршу и покупают здесь дом. Залман заочно учится в Московском всесоюзном институте финансово-экономических наук. Много читает, выписывает журналы, брошюры по специальности. Даже без законченного высшего образования считался одним из лучших руководителей отдела Белкооппромсовета в Орше. Но в 1938 году Залмана арестовали, жизнь пошла под откос. Вот как он описывал то, что случилось с ним в Орше:

“В 1938 году время было весьма напряженное, один за другим проходили процессы по разоблачению “врагов народа”. … Все жили в постоянном напряжении, вечном страхе, боясь что-либо сказать не так: люди начали бояться друг друга. Частые митинги проходили в учреждениях по выявлению “врагов” и им сочувствующих, а на следующий день оказывалось, что того, кто больше всех кричал и ратовал за укрепление бдительности, самого “взяли”. Люди были растеряны. Отменялись командировки, многие на работу шли с заготовленной заранее запиской к родным “на случай чего” и с полотенцем. Частые тревоги по линии ПВХО проводились на работе, на улице, в театре, кино, на гуляниях в парке; порой ходили в противогазе и на службе, приучаясь

работать и вести телефонные разговоры, не снимая его. Нагнетался психоз — кругом враги…

В августе 1938 года состоялась свадьба брата Менделя на Лие Гуревич, девушке, с которой он был в долгой переписке и с которой познакомился, работая с братом Гесселем еще в Биробиджане. Свадьба проходила в нашем доме. В то время, как молодежь веселилась, отцы сидели грустные, в разговорах только и было слышно: "Чтобы было тихо, мирно и благополучно". Дело в том, что начались массовые аресты в Орше, как и в других городах, работников Промсоюза. Были арестованы Фукс Залман[26], бывший главный бухгалтер Грицгендлер, в Минске — начальник отдела кадров латыш Синдер, начальник орг отдела Рыскин. В городе Орше забрано несколько руководителей из аппарата горкома партии: Соскин[27], Леонович, Черняк. Арестованы и работники горисполкома, райисполкома, и даже арестован сам начальник НКВД Пельотин и много других. Вот почему так тревожны были разговоры у моего отца и отца Лии Исроэлома, хотя свадебное веселье еще продолжалось.

19 августа 1938 года, буквально через несколько дней после свадьбы брата, вечером, придя домой, стал разбирать бумаги — я часто брал с собой работу на дом, — но что-то не работалось, да и идти никуда не хотелось. Взял роман Анатолия Франса "Боги жаждут", но главы о репрессиях якобинцев не соответствовали моему настроению, и я сел писать письма; спать не хотелось. Часы в соседней комнате пробили три раза, когда раздался громкий стук в дверь. Открываю, а на пороге работники городского НКВД в присутствии председателя уличного комитета Бунитова и соседей по улице Менделя и Ронкина[28]. Заходят в дом и просят у меня домовую книгу, затем удостоверение личности (паспортов тогда не было) и, убедившись, что я тот, за кем они пришли, а они меня и без этого знали, предъявляют ордер на обыск и арест. Одна деталь — понятые Бунитов, Мендель[29] и Ронкин будут вскоре также арестованы. Обыск, правда, не был произведен, поскольку я заявил, что у меня, кроме личных вещей, в этом доме ничего нет, а книги — а им очень уж хотелось заполучить их, это было

26 Фукс Залман Шлемович 14.11.1938 г. приговорен к расстрелу.

27 Соскин Роман Исакович — секретарь Оршанского РК КП(б), автор ряда доносов. Расстрелян в Минске 29.06.1938 г.

28 Ронкин Залман Абрамович 14.11.1938 г. приговорен к расстрелу.

29 Возможно, Модель Хаим Абрамович. 14.11.1938 г. приговорен к расстрелу.

видно по хищным взглядам, бросаемым на мою приличную библиотеку, — а также и все вещи являются собственностью родителей. Начало светать, время приближалось к пяти часам утра, и они заспешили с арестом.

Одет я был по-летнему, все, что было на мне, — это майка, трусы, брюки, белая рубашка, прихватил я с собой еще и полотенце, а очки взять с собой не разрешили …Ведут меня по Первомайской, Ленинской, по дороге грубят, обзывают шпионом …Наконец показалось здание НКВД, находилось оно сразу же за сквером. Заводят в подвальное помещение, срывают все пуговицы с брюк и рубашки и с ходу вталкивают меня в четвертую камеру, маленькое помещение — несколько шагов в длину и столько же — в ширину. В ней полно людей.

Сидят, кто на нарах, кто на полу в одних трусах. Жарко, дышать нечем, окна нет, лишь маленький волчок в двери тюремной камеры, а над дверью электрическая лампочка горит. В общем, как говорится: "ни встать, ни сесть". Здесь же встречаю знакомого из Витебска, Волотовкина, и еще несколько евреев из Дубровно: Шапиро[30], Гофмана и других, а также литовца из Верейцы Дубровенского района, начальника артиллерийских мастерских военного городка Болбасово. Здесь же в камерах и кормят, тут же и оправляются; поначалу все это показалось диким, но затем ко всему привыкаешь. Как оказалось, на прогулку и в туалет не водят, задыхаемся от вони, да еще подтапливают, гады, печь, чтобы создать нетерпимую обстановку.

Часто вспоминаю, как встретили меня: "Ну вот, еще один шпион". Я возмутился тогда, какой, мол, я шпион? А мне отвечают: "Здесь побудешь, сам не заметишь, как и шпионом станешь. Здесь все шпионы". Шутят, думаю, но как все это произойдет, узнал на свою голову значительно позже. Так началась моя тюремная жизнь, жизнь отверженного от общества человека, которого пытались превратить в скота, подвергая унижению. Да нет, за скотом хозяин, даже нерадивый, смотрит лучше, а тут к тебе относятся как к обреченной падали. Поддерживаем разговор между собой, кое-кто с грустной иронией подшучивает, стараясь подбодрить товарищей по несчастью, но шутка не доходит, каждый в своих грустных думах. Кормят: утром — селедка, а пить-то и так хочется, в обед — бурду, именуемую баландой, на ужин — чай и хлеб, на сутки — 600 грамм. Рацион арестанта.

30 Шапиро Зисько Шиманович 2.11.1938 г. осужден на 10 лет ИТЛ.

Все экзекуции начинались в 20 часов и продолжались до пяти утра. Одно время так называемое “следствие” велось и днем, но до того, как во время очередного допроса врач Тельтовт[31], не выдержав мук, выпрыгнул с криком: “Убивают!” из окна третьего этажа кабинета следователя. На улице в то время находился народ, стоящий у репродукторов, что торчали тогда на каждом углу, а рядом люди покупали в киосках газеты, а тут с диким криком из окна НКВД выбрасывается и разбивается насмерть человек, и все узнают в нем доктора, потом по городу только об этом и говорили. Так что вызовы на допрос были теперь днем прекращены, и начались “варфоломеевские ночи”, как окрестили мы их. Пытали теперь в подвале, и до нас в камеру доносились крики и стоны арестованных, слышен был мат и ругань истязателей. Едва приближается ночь, невольно нервная дрожь пробирает тебя в ожидании вызова. В камере тихо. Все в ней слышно: и как обливают кого-то водой, и вопли жертв, и крики палачей. Как-то к нам в камеру втолкнули летчика эстонца Манна. Он нескольких работников НКВД при допросе телефонным аппаратом избил. Его, конечно, избили порядком тоже, навалились все скопом, а потом решили втолкнуть во вторую камеру. О, это была особая камера — “душегубка” …Свое название она получила за то, что в одну из ночей в ней от чрезмерной жары умерли шесть человек, задохнулись. Втолкнуть в нее здорового летчика садистам не удалось; устав с ним бороться, они силой впихнули его в нашу, четвертую.

Мною занимался следователь Борис Гинзбург. Жил он в Орше на Больничной улице, я не раз видал его и не знал, что этот хлюпкий на вид, но гоношистый комсомолец станет моим истязателем, что судьба и жизнь моя будет зависеть от этого сопляка. Ему, как еврею, было, по-видимому, дано задание — из арестованных работников Промсоюза создать дело по якобы подпольной группе бундовцев, орудовавших в Орше, ставивших целью вредительство в системе промкооперации и шпионаж в пользу Польши. Резидентом, уже определили, будет Меер Бунимович. К нам в Оршу он прибыл из Бобруйска. По специальности квалифицированный портной, уроженец города Слоним. До 1919 года он был членом левого Бунда, затем вместе с Эстер Фрумкиной коллективно вступили в компар-

31 Тельтовт Юрий Марианович расстрелян в Орше 10.11.1937 г.

тию. Эстер Фрумкина до 1938 года возглавляла Коммунистический университет западных народов имени Мархлевского. Эстер Фрумкина, Янкель Левин, работавший в Биробиджане, Литваков — редактор еврейской газеты в Москве "Дер Эмес", Добрушин и многие другие были в 1938 году привезены в Минск. Мать Бунимовича жила в Западной Белоруссии.

Следователю Гинзбургу путем угроз и шантажа удалось "уговорить" Бунимовича оговорить себя в том, что он был резидентом и через мать, живущую в Слониме, пересылал шпионские сведения в Польшу. Мне привелось встретиться лично с ним, поэтому я смею столь подробно от его имени говорить, ибо, попав на крючок и оговорив других, он сам в конце концов был расстрелян. Мой и его следователь Борух Гинзбург, подлец из подлецов, не без применения к нему недозволенных методов заставил этого слабака, поверившего в искренность обещаний негодяя, взять на себя то, что он якобы как бундовец создал при Промсоюзе подпольную, бундовскую организацию, будучи председателем ее, подбирал себе соответственно штат, с которым он занимался вредительством. Со слов Бунимовича, при встрече с ним в камере, в которой волей случая оказался и я, он мне передал слова Гинзбурга: "Слушай, отсюда на свободу не выходят. Будь умницей, не мучай себя, будь резидентом. Гарантирую тебе не более трех лет тюрьмы и сохранность твоей семьи". Бунимович поверил Гинзбургу и жизнью поплатился. На очных ставках со мной, Менделем и Ронкиным, которые присутствовали понятыми при моем аресте, Бунимович настаивал на том, что он нас завербовал, что мы вредили и ему передавали шпионские данные.

Кстати, Бунимович работал у нас председателем очень мало. После него уже были председателями Гилясов, Баскин, Борщевский, да и мы с Бунимовичем мало встречались. Мы, конечно, не подтверждали его заявлений, а Гинзбург из кожи лез вон, чтобы "оформить" нас, и зато уж от него мы натерпелись! Поговаривали, что за каждого "оформленного" следователь получал по 75 рублей и повышение в должности. Как правило, следователи нас мало били, для этого имелись здоровые бугаи из охраны НКВД. Малограмотные, грубые деревенские парни. Это сейчас, по прошествии стольких лет, можно спокойно об этом говорить, а тогда…

Пытки были изощренные. Содержали в темных подвальных камерах без воды и выхода в туалет, не давали умываться, о том, что не стригли, и говорить не приходится, а то, что появлялись тучи вшей, ползающих по твоему телу, так это было в порядке вещей. В другой раз, заставив надеть шубу, в августе-то месяце, принуждали в ней делать более сотни поклонов и приседаний, да еще с грузом в руках… Это было похуже, чем когда ты получаешь зуботычину. Били кулаками, ногами, били нагайками, обливали терявших сознание людей водой, заставляли сутками стоять не шевелясь, при каждом желании присесть — удар, удар… А как издевались следователи? Вызовет на допрос, а сам курит хорошую папиросу, предлагает закурить, портсигар протянет, только ты попытаешься взять папиросу — как сильный удар по руке, и такой, что вся она одеревенеет. После ночных допросов, как правило, возвращался я окровавленный, не в силах забраться без посторонней помощи на нары.

Никаких обвинительных заключений, никаких данных о преступлении у следователя нет, но арестованный обязан ответить на четыре вопроса, а именно: "Кто тебя завербовал? Что ты успел сделать? Кого еще завербовал? Что должен был еще сделать?" Следователь в твоем присутствии разбирает пачку "документов", якобы компрометирующих тебя, — множество бумаг, газетных вырезок, приговаривая при этом: "Видишь, какая куча материала на тебя, а ты молчишь, ничего, мол, не знаешь. Лучше говори! Устрою свидание с родными, отправлю в тюрьму…"

После долгих и изнурительных допросов и моих отрицательных ответов меня наконец-то отправили в тюрьму. Каким раем оказалась тюрьма для нас после подвала НКВД! Оршанская тюрьма и ныне стоит в начале улицы Ленина; "прекрасное" сочетание: улица Ленина и тюрьма. Расположена она недалеко от Госбанка, рядом с ней здание райкома, гостиница, мельница — в общем, в самом центре, даже Зеленый театр рядом и неподалеку летнее кино в городском саду, откуда доносится музыка. Место бойкое, только окна закрыты дощатыми козырьками… Конечно, далеко не такой уж рай, но…

В тюрьме не было допросов и пыток — это раз, а во-вторых, утром и вечером водили в туалет и на полчаса, покамерно, на прогулку. Один раз в неделю водили в баню с дезинфекцией одежды. В одних камерах были нары, в других — я как раз оказался в такой — стоя-

ли железные, по две вместе, кровати, а на них поперек лежали доски, их называли “интернатки”. На таких нарах-”интернатках” лежало по пять человек, пять же человек располагались под кроватями. У входа стояла “параша” для отправления естественных нужд. Вновь прибывшие начинали, как правило, свой путь от параши, но лечивший меня когда-то доктор уха, горла, носа Алехнович узнал меня и взял к себе в “пятерку” на кровать, куда входили помимо нас еще летчик Леонид Кульдин, бухгалтер из Дубровки и военврач из Брянска. Утром приносили суточную норму — спичечную коробку сахара, 600 грамм хлеба и чай. Днем — баланда с мясными отходами, а вечером — чай. Передачи, кроме папирос, запрещались, и то у них обрезались мундштуки. Днем разрешалось негромко разговаривать. Игры были запрещены, но мы из хлеба и кирпича делали фигурки и играли в шахматы. При обысках их отбирали, и опять приходилось выделять хлеб на изготовление новых шахмат. Чтобы не стать шизофрениками от безделья, у нас было принято по очереди рассказывать что-нибудь из жизни (о работе прошлой или о недавно прочитанной книге. В нашей камере среди арестованных были еще бывший секретарь райкома партии Леонович, работник райисполкома Егинцев, врач тюрьмы Хинштейн. В тюрьме нас подстригали, брили, обычно делали это уголовники: урки или сидевшие по бытовым статьям. Всем они оставляли нам бородки — “под Троцкого”, как горько шутили мы.

В сентябре, в полночь, нас, группу арестантов, неожиданно вызвали во двор тюрьмы, погрузили в кузов автомашины, заставили лечь лицом вниз, покрыли одеждой и, посадив охранников с собаками, повезли… опять в подвал НКВД. У входа я увидел брата Моисея. Он часто там дежурил. Иногда нам удавалось выбросить из окна через деревянный щит козырька записку или окровавленную сорочку, поэтому родные дежурили, надеясь на счастье получить весточку. Я мог только кивнуть брату, чтобы он не подходил ко мне близко, сам же быстро снял верхнюю окровавленную рубаху, оставшись в майке, и, улучив минуту, когда конвоиры по прибытии проверяли нас по списку, бросил ее на землю. Уже в дверях я видел, как брат подобрал ее.

Вскоре меня вызвал Гинзбург. Встретил он меня руганью и, брызжа слюной, стал кричать: “Ты хотел быть умным, обмануть меня, юного комсомольца, собирался? Хотел провести? Наговорил, что не нужно.

Вот из Минска вернули все твои показания, ничего в них нет бундовского". Следователь Гинзбург так рассвирепел, что я даже не помню, что со мной делали, как били и куда, помню только, хоть и неловко об этом говорить, но я оправился у него в кабинете, и меня с третьего этажа, избитого и запачканного, спустили вниз, таща за шиворот в подвал, где я был брошен на цементный пол. Я после тифа страдал гастритом. Избивая, они довели меня до того состояния, что мне не хотелось жить…

20 сентября 1938 года сместили Ежова. Появились "тройки". В один из дней нас вызвали всех по одному в одну из комнат. Сидевшие за столами люди-автоматы бесстрастно спрашивали: "Признаешь ли себя виновным?" А что там в деле написано, никто ведь не знал. Когда я, как потом оказалось, так же как и другие, отвечал, что признаваться мне не в чем, что меня при допросах били, они этого заявления как будто бы и не слышали. Тогда я просил допросить следователя Гинзбурга, и мне сказали, что его ищут, но найти нигде не могут, и велели меня увести. Вскоре я в числе остальных был переведен в пересыльную тюрьму. Разрешалось передать домой, что мне необходимы для дороги вещи. Мне принесли самотканое крестьянское одеяло и летнее пальто, ватные же вещи, дабы в них "чего-нибудь" не вложили недозволенное, передать не разрешили. Хлеб разрезали на куски, так же как и колбасу, сыр и прочие продукты, чтобы в них не оказалось бы записки.

Перед отправкой на этап нас подвергли полному обыску, даже клали на живот и проверяли анальное отверстие, нет ли записок, бритв, иголок и тому подобного. Изощрялись друг перед другом в бдительности.

Узнав через людей о предстоящем этапе, хорошо знавший меня и нашу семью Николай Дягилев, работавший в Промсоюзе, смог предупредить родных о дате и времени нашего этапирования. Но мама и отец пошли не по той улице, по которой конвоировали нас, и поэтому не встретили меня. Дягилев, узнав об этом, догнал этап и, приблизившись ко мне, передал деньги, а у конвоя узнал, куда нас этапируют. В Орше на вокзале нас погрузили в теплушки по 36 человек в вагон, заперли на замок — и в путь….".

Мая расстраляная вуліца

У жніўні 1937-га толькі на адной невялічкай вуліцы Оршы Варашылава (зараз Караткевіча) цягам некалькі дзён арыштавалі каля 60 чалавек. Сярод іх быў аршанскі мастак, настаўнік педвучылішча Мікалай Варфаламеевіч Жызнеўскі з жонкай Марыяй. Амаль усе яны расстраляныя. Прыводзім успаміны аршанца, суседа гэтых закатаваных людзей і сведкі тых падзеяў Я. Сакалова. Успаміны надрукаваныя ў газеце "Літаратура і мастацтва" ў пачатку 1990-х.

"Тагачасная вуліца Варашылава ў Оршы (цяпер носіць імя беларускага пісьменніка-аршанца У. Караткевіча), на якой я жыў у 30-я гады, здавалася мне адной з самых прыгожых у горадзе. Яна пачыналася ад піўзавода, які захаваўся пасля вайны, і канчалася ля крутога схілу да Дняпра. Вясёлая, чысценькая, патанулая ў садах і кветках была вуліца. Вясной і летам тут пахла бэзам, начнымі фіялкамі, а вечарамі заліваліся салаўі.

Мая вуліца здавалася мне не толькі прыгожай, але і шчаслівай. Так было да 1937 года, да той самай чорнай ночы на 6 жніўня. На працягу ліратальна двух сутак мая вуліца, на якой стаяла 26 дамоў, была ачышчана ад "ворагаў народа". З усіх "ворагаў" самымі блізкімі для мяне былі мой бліжэйшы сусед мастак Мікалай Варфаламеевіч Жызнеўскі[32] і яго жонка, настаўніца Марыя Іванаўна[33]. Яго, сапраўднага інтэлігента, ветлівага чалавека, любілі ўсе — і нашы суседзі, студэнты педінстытута (педвучылішча — І.С), у якім ён выкладаў чарчэнне і маляванне, і школьнікі, якім ён прывіваў любоў да мастацтва. Вучань Шышкіна і Левітана, закончыўшы Строганаўскае вучылішча ў Маскве, ён быў тонкім назіральным пейзажыстам. Свет беларускай прыроды выглядаў на яго карцінах фантастычна цудоўным, рамантычным. Нярэдка ў нядзельныя дні, выпраўляючыся ў лес па грыбы ці ягады, на рыбалку (рака была побач), я бачыў Мікалая Варфаламеевіча на беразе, у лодцы ці ў цяню дрэў за работай з эцюднікам і пэндзлямі ў руках. Ягоная дачушка, як правіла, заўсёды была побач з ім.

Нелюдзі прыйшлі ў яго дом, перавярнулі ў ім усё ў пошуках доказаў "варожай дзейнасці" і, не знайшоўшы нічога, павялі яго ў чым быў, у хатніх тапках на нагах. А на наступны дзень прыйшлі па яго-

32 Жизневский Николай расстрелян 10.11.1937 г. в Орше.

33 Жизневская Мария расстреляна 11.11.1937 г., вероятно, в Орше.

ную жонку і павялі яе, пакінуўшы дома адну асірацелую Ірынку. Колькі ёй, дачцэ "ворага народа", давялося перажыць! Яна пражыла цяжкае, доўгае жыццё і, акрамя памяці пра бацьку і маці, захавала і гэты фотаздымак быцькі, які я перадаю ў рэдакцыю. Цяпер Ірына Мікалаеўна пенсіянерка, жыве пастаянна ў Маскве разам з дачкой і унучкай. Мне ўдалося сустрэцца з ёй, і мы ўспомнілі тыя дні, якія каменем ляжаць на нашых сэрцах.

Калі ў Воршы будзе пастаўлены абеліск у памяць гараджан — ахвяр сталіншчыны, то я прапаноўваю гарадскім уладам, грамадскім арганізацыям, аддзяленню таварыства "Мартыралог Беларусі" (калі яно ёсць ў горадзе), гарадскому аддзелу КДБ абавязкова ўключыць у спіс ахвяр усіх, каго я прыводжу ніжэй: Жызнеўскія Н.В. і М.І., муж і жонка Бараноўскія, муж і жонка Франц і Альвіна[34] Шафранскія, муж і жонка Пашкевічы, муж[35] і жонка[36] Ляховічы, настаўнік Лазоўскі. Ні ў якім разе не павінны быць забыты і тыя 30 чалавек манахаў-евангелістаў, якія жылі ў вялікім доме, займаючыся ўдзень хатнім ткацтвам, а па вечарах — маліліся свайму богу, спявалі рэлігійныя песні і былі пакараны вечнай ссылкай, з якой ніхто з іх не вярнуўся.

Калі мая вуліца страціла ў тыя жнівеньскія дні 1937 года каля 60 чалавек, а ў Воршы тады было каля 100 вуліц, то можна сабе ўявіць, колькі людзей страціла маленькая Орша. А колькі бязвінных было знішчана ў іншых гарадах рэспублікі, у цэлым па Беларусі! Чаму мы не называем агульную колькасць ахвяр? Каго баімся?

Нас, ветэранаў, сведкаў сталінскіх масавых рэпрэсій, застаецца ўсё меней. Але пакуль мы ёсць, мы можам памагчы мясцовым выканкамам мясцовых Саветаў, грамадскім арганізацыям, органам дзяржбяспекі правесці работу ў кожным горадзе, пасёлку, на кожнай вуліцы скласці спісы ўсіх, каго знішчылі сталінска-яжоўска-берыеўскія каты, а потым — унесці імёны і прозвішчы ахвяр у Кнігі памяці, высекчы іх залатымі літарамі на абелісках. Ці ж не заслугоўваюць ахвяры таго, каб у іх памяць і ў напамін нашчадкам ва ўсіх гарадах рэспублікі, а не толькі ў Оршы, былі закладзены Паркі

34 Лац-Шафранская Альвина расстреляна 13.03.1938 г. в Минске.
35 Ляхович Вильгельм расстрелян 27.04.1938 г. в Бутово Московской области.
36 Ляхович Александра расстреляна 28.01.1938 г.

памяці ахвяр сталінізму? На ўсё гэта не патрабуецца амаль ніякіх сродкаў, патрэбны толькі ініцыятыва мясцовых уладаў і падтрымка грамадскасці".

Я. Сакалоў, кінааператар, член СК СССР, ветэран вайны і працы.

Дочь репрессированного: помню, как забирали отца и пленных поляков

Долголович Евгения Александровна живет в Осинторфе (Оршанский район). В июле 2019 года она отметила 90-летие. Женщина помнит, как в 1938 году забрали ее отца — Долголовича Александра Константиновича. Ей тогда было 8-9 лет.

"Пришли утром и забрали, 4 милиционера. Ему тогда было 32 года. Кто-то писал (донос — И.С.), наверное. Мама знает, кто написал. Напишут, придут и заберут", — рассказывает Евгения Александровна. В семье было шестеро детей: "Мама не работала. Батька один работал. После маме трудно было".

По воспоминаниям дочери, отец был латышом. "Мама говорила, что он сам из Риги. Он латыш был. А мы не знали, он из Риги или нет. Нам неинтересно было. У него братьев не было, только сестры. А как он сюда попал в Беларусь… Знаю только, что в Орше жили они. Тогда его прислали сюда работать", — рассказывает женщина.

По ее словам, до 1927 года отец работал в Орше в милиции. Затем его перевели в Осинторф начальником спецчасти. До ареста Александр Долголович работал начальником погрузочных работ на торфопредприятии "Осинторф". Его арестовали 6 июня 1938 года, когда пик "Большого террора" уже миновал, но чекисты заканчивали так называемую "латышскую"[37] операцию. Она близилась к завершению, но спущенные сверху показатели по уничтожению латышского нацменьшинства уже были выполнены. Видимо, поэтому 11 октября 1938-го Долголовича приговорили не к расстрелу, а к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

37 Латышская национальна операция НКВД была запущена шифрограммой наркома НКВД Н. Ежова 10.11.1937 года. В рамках операции осуждены 21 300 человек, из них 16 575 расстреляны.

“Папа где-то в Сибири был. Он умер там. Маме документы пришли, что он там умер. Отчего только, не знаю”, — рассказывает женщина. После войны жена получила документы на мужа. В 1959 году его реабилитировали. “После войны маме прислали документы, за что… что забрали так… кто-то написал… И мама получила деньги. …Из Минска приезжал какой-то человек и привозил документы”, — говорит Евгения Александровна.

Еще она помнит, как перед войной в Осинторфе на строительстве железнодорожной ветки от Осинторфа до станции Осиновка работали люди, которых местные называли “пленные поляки”. “Были поляки. Пленные. Строили дорогу. Ширококолейку с Осинторфа до Осиновки, — вспоминает женщина. — Это было перед войной. Пленные какие-то, говорили соседи. А где война, была … не знаю. Я знаю, не в нашу форму они были одеты. Мы, малые, бегали и видели, что строили они дорогу”, — говорит Долголович. Сколько этих людей было и где они жили, женщина не знает, но подчеркивает: “не наша форма, видно, “поляцкая”.

“Мы жили на 2-м поселке. Там школа была. Они там строили. Сейчас дороги этой нет”, — отмечает Евгения Александровна. Дальнейшая судьба этих людей ей неизвестна. Она только отмечает, что поляков в Осинторфе не расстреливали. Во время войны людей расстреливали немцы, но это уже другая история.

Брата расстреляли. Сестре — 5 лет лагерей

Эти документы мне показала Елена Иосифовна Беззубенко. Речь в них о ее родственниках по отцу Иосифу Флориановичу Данилову, репрессированных во время “Большого террора”. Они отсутствовали в списках жертв политических репрессий “Мемориала”. Так что можно считать, нам удалось вырвать из небытия имена минимум трех человек, с кем большевики безжалостно расправились в конце 1930-х. Об этих людях сохранились лишь обрывки воспоминаний да несколько справок.

Своего деда — Флориана Данилова — Елена Иосифовна никогда не видела. Родилась она в 1952 году, а дедушки не стало, вероятно, в 1937-м. Он работал на оршанском пивзаводе и занимал руководящую должность. К несчастью, взорвался какой-то котел. Флориана Данилова тут же обвинили во вредительстве и вскоре расстреляли. Документов в домашнем архиве на него нет.

Больше всего уцелело документов о родной тете отца — Анне Игнатьевне Солтанович-Живалевской. Она жила в Орше, считала себя полькой, имела хорошие вокальные данные и часто давала концерты, в том числе на частных квартирах. В июле 1938 года Анну Игнатьевну арестовали за участие в польской контрреволюционной организации и сослали на 5 лет в Казахстан.

В молодости Елена Иосифовна пыталась узнать у родственницы, за что ее арестовали. "Она даже не могла выговорить это слово — контрреволюция, — вспоминает Елена Беззубенко. — Однако, находясь в оршанской городской тюрьме под следствием, Анна Игнатьевна дала показания против себя. "Как же было не "сознаться", — сетовала старушка, — ты сидишь в шестой тюрьме в маленькой камере метр на метр. Не можешь ни сесть, ни спать. Сверху на тебя льется вода, под ногами бегают крысы. Быстро во всем сознаешься, даже в том, чего не делал".

В лагере Анна провела больше установленного приговором срока. Документы об освобождении на несколько лет затерялись где-то в кабинетах чекистов, поэтому домой она вернулась на два года позже. Более красноречиво о своей судьбе Анна Игнатьевна рассказала в письме генеральному прокурору СССР 31 марта 1957 года.

"Генеральному прокурору Союза ССР г. Москва от Солтанович-Живалеской Анны Игнатьевны, проживающей: г. Орша, Витебской области, ул. Ленина, д. № 157

Заявление

Я, Солтанович-Живалевская Анна Игнатьевна, рождения 1900 г., была арестована в г. Орша 5 июля 1938 года органами НКГБ и обвинялась в участии в польской контрреволюционной организации, в результате чего была приговорена к 5 годам лишения свободы в ИТЛ. В основу обвинения было положено то, что якобы в 1922 году я участвовала в выше указанной организации, о которой я не имела никакого представления и никогда не участвовала в каких бы то ни было организациях.

Родилась я в д. Гаврилково Сенненского района Витебской обл. С детских лет жила в г. Орша. С Польшей никогда никакой связи не имела и не имею. Свою трудовую деятельность начала в г. Орша с 1917 года. Работала на счетной работе, а до ареста работала бух-

галтером на оршанском пивзаводе “Спартак”. 13 июня 1944 года я была освобождена от отбытия наказания, которое отбывала в г. Караганда, село Долинское, Чурбай-Иринское отделение. После освобождения из лагеря я была зачислена на работу по вольному найму в качестве бухгалтера расчетной части Чурбай-Иринского отделения вышеупомянутого лагеря, где работала до 12 марта 1945 года. В 1945 году вернулась в г. Оршу к своему мужу, где проживаю и по настоящее время, являюсь инвалидом труда с 1945 года и нахожусь на иждивении мужа-пенсионера. Отец мой Живалевский Игнатий Казимирович работал в г. Орша на городской водокачке в качестве моториста и слесаря свыше 30 лет. В 1936 году отец ушел на пенсию, а в 1940 г. умер. Мать Михалина Ивановна была домохозяйкой — умерла в 1932 году. Я считаю, что к моему осуждению не было никаких оснований. Я без вины отдала лучшие 5 лет жизни, позорное наказание и в настоящее время тяготит меня. Прошу пересмотреть дело, по которому я была осуждена, и снять с меня позорное пятно государственного преступника.

31 марта 1957 года. Солтанович-Живалевская”.

Документ о реабилитации пришел через год. Военный трибунал Беларусского военного округа 30 января 1958 года выдал справку №108, в которой говорилось, что дело по обвинению Солтанович-Живалевской Анны Игнатьевны пересмотрено. Постановление от 11 сентября 1939 г. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Подпись: зампредседателя военного трибунала БВО полковник юстиции В. Кондратьев.

А вот родному брату Анны Игнатьевны — Живалевскому Францу Игнатьевичу — повезло меньше. Его жизнь оборвала нквдэшная пуля. Франц родился в 1892 году в местечке Сидерко Гродненской области. До ареста 1 октября 1937 года жил в Орше и работал налоговым инспектором Оршанского райфо. Во время ареста его обвинили в контрреволюционной деятельности, а Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 22 октября приговорила к высшей мере наказания. Франц Живалевский был расстрелян 10 ноября 1937 года. Место захоронения его неизвестно. Возможно, где-то под Оршей. Посмертно реабилитирован 10 сентября 1955 года. Его дело № 5297-п хранится в УКГБ Витебской области.

8 апреля 1958 года выдана архивная справка из Верховного суда на Франца Живалевского №05.3718-55: "Дана в том, что определением Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 10 сентября 1955 года постановление НКВД СССР от 22 октября 1937 года в отношении Живалевского Франца Игнатьевича 1892 года рождения отменено и дело о нем в уголовном порядке производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. До ареста Живалевский работал налоговым инспектором Оршанского райфо. Основание: Н/пр-во 05.3718-55 г. Начальник Центрального архива Верховного суда Союза ССР С. Климачев".

В списках репрессированных оказался и муж Анны Игнатьевны Солтанович-Живалевской — Иван Захарович Солтанович. Беларус, он родился в 1895 году в Сенно. Происходил из крестьян, имел начальное образование. Перед арестом 19 марта 1933 года работал инспектором горсовета, проживал в Орше на улице Ворошилова, 11. 13 мая 1933 года Особая "тройка" приговорила его к 3 годам исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую агитацию. Иван Захарович отбыл срок и благополучно вернулся в Оршу. Он практически никогда об этом не рассказывал. Был реабилитирован 21 июня 1957 года Судейской коллегией по уголовным делам Верховного Суда БССР. Много лет работал на силикатном заводе. Похоронен под Оршей.

Людвиг Качановский, 87 лет. Умер от "старческого маразма"

Советская власть была бесчеловечна. Она не знала ни пощады, ни милости. Каждый раз убеждаешься в этом, открывая архивные дела НКВД. И хотя в этой папке, сохранившейся и доступной в зональном архиве города Орши, всего 10 листов, это как раз тот случай, когда даже додумывать ничего не нужно, настолько все очевидно. Известно, что лучше всего суть государства видна по его отношению к детям, женщинам, инвалидам и пожилым людям. Случай с белорусским крестьянином Людвигом Качановским показывает, как относилось советское государство к старикам.

Людвиг Францевич Качановский, поляк, родился в 1850 году в деревне Козелки Чашникского уезда. В 1929 г. он и его близкие потеряли все — были раскулачены, т.е. лишены дома, земли и имуще-

ства, и высланы на север. Уже тогда, во время высылки, тяжелейших переездов, пребывания в северных лесах, часто под открытым небом или в наспех построенных бараках, Людвигу было 79 лет. В 1931 г., когда государство из-за высокой смертности и необходимости кормить нетрудоспособных стариков, разрешило им вернуться, Качановский с женой Марией вернулись в Беларусь и жили в деревне Чересово Лепельского района единоличным хозяйством (правда, в анкете указано: колхозник, но вряд ли в 87 лет человек работал в колхозе).

Людвига Качановского арестовали 19 сентября 1937 года. Известно, что арест проводил помощник начальника Лепельского ОКРО РКМ (окружного отдела рабоче-крестьянской милиции) НКВД младший лейтенант милиции Волынец. История донесла до нас и еще несколько фамилий участников расправы над стариком: начальник отделения ОКРО лейтенант госбезопасности Нечиперович[38] и начальник Лепельского ОКРО старший лейтенант госбезопасности Василий Ермолаев[39].

Качановского обвинили в агитации против советской власти. К сожалению, в деле не осталось ни показаний свидетелей, ни оперативно-розыскной информации, ни допросов. Только короткая выжимка: "Обвиняется в том, что выступал в защиту врага народа Троцкого, распространял провокационные слухи о войне и гибели сов. власти". Дополнительно указывалось, что Качановский — "пособник польских оккупантов". Этого оказалось достаточно, чтобы на заседании Особой "тройки" НКВД БССР от 20 октября 1937 г. Качановский Людвиг Францевич, ранее не судимый, беспартийный, неграмотный, был приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Из оршанской тюрьмы Людвига Францевича переведели в ИТК-7 в Могилеве, где 25 апреля 1938 года врачебно-трудовая комиссия в составе начальника колонии Петрусенки, врача Розенцвейга и инспектора УРУ Свердлина признала заключенного Качановского негодным к физическому труду по причине старческой дряхлости. А уже 29 мая Петрусенко, Розенцвейг и ответственный дежурный Крицкий соста-

38 Вероятно, Бронислав Владиславович Нечиперович.

39 Василий Андреевич Ермолаев. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1924 г. 30.05.1939 г. приговорен к расстрелу. 5.09.1939 г. приговор изменен на 10 лет лишения свободы. 25.07.1942 г. исполнение приговора отсрочено до окончания военных действий, погиб на фронте.

вили акт о том, что “сего числа Качановский Людвиг Францевич, находившийся на излечении в больнице ИТК № 7, умер. Страдал старческим маразмом и гриппом. Смерть наступила от старческого маразма”.

30 июля 1930 года были осуждены к срокам от 5 до 10 лет Антон, Бронислав, Викентий и Франц Людвиговичи Качановские — с большой долей вероятности это сыновья Людвига Францевича Качановского. 29 сентября 1937 года за деятельность в составе контрреволюционной организации Бронислав[40] был расстрелян. Все они реабилитированы, т.е. признаны невиновными. А вот про самого Людвига Францевича Качановского ни в одном из известных списков нет сведений о реабилитации.

К сожалению, в деле нет фотографии 87-летнего старика, одного из десятков тысяч, кого советская власть лишила всего, разрушила семьи, уничтожила сыновей и дочерей, а потом издевалась и пытала бессильных стариков за одно только “преступление”: ненавидеть эту власть — власть людоедов.

Дмитрий Дрозд

Хацелася б расказаць…

Апошнім часам шмат гаворыцца і, што радуе, робіцца па ўвекавечванню імён абаронцаў Айчыны і ахвяр беспадстаўных рэпрэсій. Вось і мне, сыну шматдзетнай, няпростага лёсу сям’і, захацелася расказаць пра яе цяжкую і супярэчлівую гісторыю.

Бацька мой, Кучынскі Захар Патапавіч, 1886 года нараджэння, быў актыўным прыхільнікам калгаснага ладу. “Вольная праца” — такую назву атрымаў створаны ў 1931 годзе ў вёсцы Панізоўе калгас. Арганізатарам і першым кіраўніком яго быў мой бацька.

У той час я быў зусім маленькім. Але дзіцячая памяць захавала ўспаміны пра тое, з якім патрыятызмам жылі і працавалі людзі. Цяпер у гэта нават цяжка паверыць, але ў дні рэвалюцыйных святаў у вёсках праходзілі святочныя шэсці. З чырвонымі сцягамі і песнямі сяльчане праходзілі праз усю вёску і збіраліся каля сельсавета на мітынг. Аднак як цяпер памятаю і падзеі зусім іншага характару.

…Глыбокай ноччу 19 верасня 1937 года на вясковай вуліцы пачууўся шум аўтамабіля. У той час такое было ледзь не цудам, і я, дзесяцігадовы хлопчык, саскочыў з ложка і кінууўся да вакна.

40 Кочановский Бронислав Людвигович расстрелян 29.09.1937 г.

Машына спынілася каля дома нашых суседзяў. І тут я ўбачыў, як уздоўж плоту, адзін за адным, са зброяй напагатове, прыгнуўшыся, перабежкамі — як у баі — у напрамку нашага дома рухаецца група людзей. Як высветлілася, такім чынам яны блакіравалі наш дом, каб узяць "ворага народу". Не стану апісваць, як уся наша сям'я сядзела пад арыштам, а гэтыя, з дазволу сказаць, "абаронцы" савецкага народу перавярнулі дагары нагамі ўсё, што маглі, і ўсюды, дзе маглі — у доме, на гарышчы, у хляве.

Бацьку павезлі з сабой. У тую ж ноч з гэтай вёскі ўзялі П. Шульгіна, інваліда, і С. Пахомчыка[41] — людзей, якія нават уяўлення не мелі пра палітыку і, зразумела, не былі "ворагамі народу". Ніколі не забуду таго пачуцця сораму і горычы, калі раніцой падыходзіў да школы. У той час была яна вялікая, і мне здавалася, што ўсе яе вокны, дзверы крычалі: вось ён, сын ворага народу!

Пра лёс бацькі мы нічога не ведалі аж да паслясталінскіх часоў. Цяпер устаноўлена, што пасля арышту 19 верасня, ужо 24-га, адбылося рашэнне "тройкі", а 12 кастрычніка прагавор быў прыведзены ў выкананне. А каты з той ды іншых "троек", магчыма, спакойна адпачываюць, атрымліваюць добрыя пенсіі і не адчуваюць дакораў сумлення за бязвінна загубленых людзей, якім прыпісалі ўсе магчымыя злачынствы. Бацьку, да прыкладу, абвінавацілі ў агітацыі супраць савецкай улады і калгаснага ладу.

А цяпер два словы пра тое, як склаўся далейшы лёс сям'і "ворага народу". У сям'і было шасцёра сыноў. Трое загінулі ў Вялікую Айчынную. Дваіх вайна зрабіла інвалідамі. Цяпер застаўся я адзін. А з немцамі змагаліся ўсе: хто на фронце, хто ў партызанах. Любоў да радзімы аказалася ўсё ж мацней за ўсё…

У. Кучынскі, ветэран вайны і працы[42].

Рэпрэсаваныя жыхары Панізоўя

Раней за ўсіх у жорнавы рэпрэсій трапіў жыхар вёскі Шачыкаў Павел. "Тройка" асудзіла яго 9.05.1933 г. да 3 гадоў папраўча-працоўных лагераў умоўна. Юрэвіча Станіслава расстралялі ў Воршы 17.12.1937 г., Кучкоўскага Ерафея і Сакалоўскага Цімафея расстралялі ў Воршы 21.12.1937 г. Савіцкага Іосіфа Адамавіча 11.06.1938 г. асудзілі за антысавецкую агітацыю, аднак потым справа была спыненая.

41 Вероятно, Пахомчик Степан Иванович. 28.11.1937 г. осужден к 10 годам ИТЛ.
42 Газета "Ленінскі прызыў", 1989 г.

Активно проводили а/с агитацию, выступали против стахановского движения

В 2006 году из фондов Государственного архива Владимирской области в Зональный архив в Орше передали многие документы довоенного времени. Среди них оказалось и несколько дел, касающихся Оршанской тюрьмы. Это личные дела осужденных в 1937 году, для которых она стала своеобразным "перевалочным пунктом". Их всех объединяет одно: все фигуранты были осуждены внесудебными органами — особыми "тройками" НКВД, получили по 10 лет исправительных трудовых лагерей и умерли в заключении.

Это уголовное дело было заведено на Трофима Ивановича Базыленко. Однако в его документах упоминается и его родной брат Митрофан Иванович Базыленко. Биографические сведения о Трофиме Ивановиче следующие. Родился в 1876 году. Беларус. Служил в старой армии. Из крестьян-кулаков (к ним обычно относили всех зажиточных крестьян, а также неугодных власти середняков). Бывший стражник. На момент ареста был рабочим на БелГРЭС. Проживал в родной деревне Орехи Оршанского района. Имел жену Марию Артемовну, сыновей Егора, Ивана, дочерей Елизавету и Тамару.

Его родной брат Митрофан Базыленко был на 10 лет младше — с 1886 года. Он также родился в деревне Орехи, имел начальное образование. В документах указывается, что Митрофан Иванович был бывшим жандармом. На момент ареста работал на строительстве БелГРЭС, проживал в поселке Выдрица.

Братьев арестовали 19 ноября 1937 года. Постановление на арест выписал оперуполномоченный Оршанского РО НКВД Савельев[43]. В нем говорилось, что Трофим Базыленко "систематически среди рабочих БелГРЭС проводит контрреволюционную агитацию, направленную против проводимых мероприятий партии и советской власти". Привлекался к ответственности по ст. 72 УК БССР.

Братьев бросили в оршанскую тюрьму, на них завели следственное дело №34594. Уже 28 ноября "тройка" НКВД БССР обвинила их в антисоветской агитации.

В выписке из протокола заседания особой "тройки" НКВД БССР вместе с Трофимом Базыленко указан и Митрофан Базыленко.

43 Савельев Иван Тимофеевич до 22.08.1940 г. — следователь Оршанского ГО УНКВД, уволен в связи с арестом судебными органами.

Здесь сказано, что братья “активно проводили а/с агитацию, выступали против стахановского движения, распространяли клевету о положении трудящихся в СССР и на советскую власть”. Особая “тройка” постановила обоих “заключить в исправтрудлагерь сроком на десять лет каждого”.

Медицинская справка свидетельствует, что Трофим Базыленко страдал болезнью Паркинсона и не был годен к физическому труду. На листе с дактилоскопическими данными приписка: ”обе руки поролизованы” (орфография сохранена). Других документов в личном деле Трофима Ивановича нет. Лишь на обложке дела запись: ”Умер 9/IV-1940 г.”.

О судьбе младшего брата сведений никаких нет. Возможно, он отсидел срок от звонка до звонка. Обоих братьев реабилитировал в 1958 году Витебский областной суд.

В книге “Памяць. Орша и Оршанский район” упоминается и дочь Митрофана Ивановича Базыленко Софья Базыленко. Она работала воспитательницей оршанского детского дома. 27 июля 1944 года Оршу освободили от оккупации, а уже через несколько месяцев, 23 декабря 1944 года, арестовали Софью. Ее обвинили в “предательском поведении в годы войны”. Сведений о вынесенном ей приговоре, к сожалению, нет. Возможно, ее выслали. Известно только, что 16 июля 1946 года постановлением следственного УМГБ по Кировской области она была освобождена.

В нашем списке репрессированных упоминается еще один Базыленко — Роман Порфирьевич, 1894 года рождения, из той же деревни Орехи. До ареста проживал в Орше и работал директором оршанского торфозавода. Его арестовали 30 августа 1937 года. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвинила его в сотрудничестве с польскими разведорганами и 22 ноября 1937 приговорила к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 19 декабря 1937 года в Орше. Роман Базыленко также был реабилитирован в 1958 году Военным трибуналом Белорусского военного округа.

По материалам Виктора Лютынского

“Проводил пораженческую агитацию и высказывал террористические настроения”

Антон Михайлович Островский родился в деревне Краснолучка Лепельского района в 1878 году. Происходил из крестьян, имел незаконченное начальное образование. До ареста жил на хуторе Схеда Лепельского района, работал в колхозе имени Кирова.

Антон Михайлович был арестован 24 августа 1937 года оперуполномоченным Лепельского РО НКВД Немковским, обвинен в антисоветской деятельности и заключен в оршанскую тюрьму.

Его дело было рассмотрено на заседании особой “тройки” НКВД БССР 24 ноября 1937 года. В выписке из протокола заседания “тройки” отмечается, что Островский 1878 г.р., поляк (в другом документе – беларус), “бывший контрабандист, работал в колхозе, обвинен в том, что проводил антисоветскую агитацию по адресу руководителей партии и правительства”.

На основании статьи 72 Уголовного кодекса БССР (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) “тройка” приговорила 64-летнего мужчину к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 24 августа 1937 года. Из Орши Островского направили в Могилевскую ИТК №7.

В деле Островского подшит весьма любопытный документ — постановление за 1940 год. Приведем текст целиком: “Я, следователь Лепельского РО НКВД БССР Кожемякин, сего числа рассмотрел архивно-следственное дело №24534 по обвинению Островского А.М. по ст. 72 УК БССР. Нашел, что Островский А.М., арестованный Лепельским РО НКВД 23-го августа 1937 г., основанием для ареста послужили показания допрошенных свидетелей о террористических и антисоветских высказываниях Островского А.М. Допрошенный свидетель Новацкий В. Я. показал, что Островский происходит из крестьян кулаков, в период с 1912 по 1925 г. занимался контрабандной деятельностью, а также проводил антисоветскую и пораженческую агитацию и высказывал террористические настроения. Свидетель Мишуто показал, что Островский вел агитацию против подписки на заем. Будучи допрошенным по сущности предъявленных обвинений Островский виновным себя не признал. 24/XI-37 года дело по

обвинению Островского А.М. было рассмотрено Особой “тройкой” и вынесено решение Островского А.М. заключить в ИТК сроком на 10 лет. 13/XII-37 г. решение особой “тройки” НКВД от 24/XI-37 г. было опротестовано прокурором по следственным делам прокуратуры БССР и направлено для доследования в Лепельский РО НКВД БССР. Путем допроса свидетелей установлено, что Островский А.М. происходит из кулаков, в хозяйстве отца его было пахотной земли 20 га и леса около 60 га, лошади — 3, коров —10. В 1935 г. Островский А.М. выступил на колхозном собрании против хлебозакупок и подписки на Заем (л.д. 20, 22, 26, 27).

Вновь допрошенные свидетели показали, что Островский А.М., Мишуто С.П., Демко М.Т. жили между собой в хороших отношениях, также свидетельскими показаниями подтверждается антисоветская и провокационная деятельность, проводимая Островским А.М., а потому постановляю: Решение Особой “тройки” от 24/XI-37 г. о заключении Островского А.М. в ИТЛ сроком на 10 лет снизить до 5 лет. О чем сообщить обвиняемому по месту нахождения”.

Постановление завизировал в марте 1940 года нарком внутренних дел БССР Цанава и прокурор БССР. Правда, сообщить об этом было уже некому. Как следует из документов дела, Антон Островский страдал “старческой дряхлостью и паховой грыжей” и был годен лишь к легкому труду. 20 марта 1938 года он умер в больнице — за два года до “благодетельства” советской власти. Антон Островский реабилитирован прокуратурой Витебской области 24 ноября (день в день, когда его осудили, считай, на смерть) 1989 года.

Виктор Лютынский

Репрессирован дважды. Расстрелян в Катыни

Максимович Адам Иванович, поляк, католик, родился в 1891 году в деревне Филатово Павловской волости Толочинского района Могилевской губернии. Из тщательно собранных потомками архивных документов известно, что его отец — Иван Максимович, был кузнецом, имел свою кузню. В автобиографии, которая была написана в 1931 году после первого ареста и сохранилась в архивных делах, Адам Максимович указывал, что отец занимался земледелием, арендовал у Богушевского помещика 20 десятин земли, за что ежегодно платил ему по 200 рублей. В хозяйстве имел три лошади и несколько построек в

аренде. Семья состояла из 7 душ. Помимо отца с матерью были еще четыре сына и дочь.

Адам Иванович писал, что в 1908 году отец "бросил арендовать у помещика землю" и уехал с матерью в деревню Филатово на свою землю в 3 десятины. Вскоре отец умер, а ведение хозяйства полностью легло на плечи матери. Со временем дети подросли и разлетелись в разные стороны. Сестра Сабина вышла замуж за Станкевича в застенок Мостище Оршанского уезда. Один брат уехал в Сибирь, два других подались в Вологду, где устроились в депо Северной железной дороги. Вскоре к ним приехал и Адам. Он также поступил на службу в железнодорожное депо слесарем и помощником машиниста. Через несколько лет вслед за сыновьями перебралась в Вологду и мать.

В октябре 1912 года Адама Максимовича мобилизовали в царскую армию на флот и направили в Кронштадт в машинную школу. Спустя три года откомандировали в Архангельск во флотский экипаж, а еще позже — на тральщик Т-32 в Мурманск (Беломорская флотилия), где он служил в должности старшего машиниста до февраля 1918 года.

В автобиографии Адам Иванович упоминает, как на его корабле встретили известия из Петрограда о революциях 1917 года: "Февральскую революцию встретил в Мурманске, там же и Октябрьскую, которая у нас прошла очень спокойно, только прогнали всех плохих офицеров, а которые были лучше — остались".

В одном из документов мелькнул любопытный факт, который сам Адам Максимович почему-то опустил. Оказывается, в том же 1917-м его избрали председателем корабля в Мурманске. Тогда матросы, охваченные революционными веяниями, отстраняли от командования офицеров (а иногда и убивали их) и выбирали себе новых командиров из своей среды. Видимо, нечто подобное произошло и с Максимовичем. Вероятно, он пользовался большим уважением и доверием у сослуживцев.

После демобилизации в феврале 1918 года Максимович приехал в Вологду, погостил месяц у брата, а затем перебрался в Оршу. Здесь поступил в автомобильную мастерскую, а когда она закрылась, устроился в депо станции Орша помощником машиниста. Как раз в это время город частично оккупировали кайзеровские войска. На допросе в 1937 году Адам Иванович сообщал, что во время оккупа-

ции в армию его не призывали, а он управлял эшелонами с военной амуницией.

В 1924 году Адам Максимович женился на Марии Дзержинской. На момент первого ареста в 1931 году пара жила в поселке при станции Орша, по адресу: 2-й Застенковский переулок, 8. Вместе с супругами жили мать Мария Фоминовна (71 год), сыновья Мечислав и Эдуард, дочь Валентина (1 год), тетка Кристина Алехнович (68 лет). В семье было всего двое трудоспособных, а пятеро — на иждивении.

“С 1919 года все время работаю в депо Орша и по настоящее время. В настоящее время я работал хорошо в должности машиниста, не имею (неразборчиво) административных взысканий. Национальность — католик римско-католического вероисповедания. В костел я не хожу, мать же моя и тетка ходят и сейчас. Судимостей не имею”, — писал в 1931 году Адам Иванович.

Из анкеты арестованного за этот период мы узнаем и другие любопытные бытовые детали. Например, что свой дом Максимович застраховал на 3000 рублей, что в 1930-м он заплатил 50 рублей налога за дом, а в следующем — уже 77 рублей. В графе “состояние здоровья” указано, что арестант страдает от катара желудка и ревматизма, а семья на его иждивении — мать, жена и тетка — от женских болезней.

К этому моменту сталинские репрессии уже коснулись его родни — сестры Сабины Станкевич и ее мужа. Из той же автобиографии мы узнаем, что осенью 1929-го муж сестры был выпущен из оршанского исправдома, где отбывал наказание за неуплату налога (надо полагать, сельхозналога, которым в СССР облагали всех крестьян). А “потом через месяц уже их забрали на высылку”. “Сабина жила в застенке Мостище с 1904 по 1930 года и была выслана как кулачка со всей семьей. Имели 2 лошади рабочих и две молодых, земли 20 десятин. Когда была семья с малыми детьми, то нанимали работников, когда подросли, то они обрабатывали сами”, — писал Максимович. Сведений о Сабине Станкевич и ее муже в открытых базах данных обнаружить не удалось.

А через год и сам Адам Иванович впервые угодил в жернова сталинских репрессий. Его арестовал в июле 1931 года ТООГПУ на станции Орша и поместил под стражу в оршанский исправительный дом. Согласно обвинительному заключению от 29 июля 1931 года Максимо-

вич обвинялся “в проведении антисоветской агитации, направленной против мероприятий партии и правительства, выражал недовольство политикой раскулачивания крестьян, проведением государственных займов у населения (ст. 72 УК БССР)”.

Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 2 октября 1931 года Максимович А.И. был приговорен к высылке через полномочное представительство ОГПУ в Восточную Сибирь сроком на 3 года. Наказание отбывал на Викторовском золотом прииске Енисейской губернии. (По этому приговору реабилитирован в 1989 году (уголовное дело № 21038-п). По отбытии наказания Максимович вернулся в Смоленск и устроился механиком на Локотский спиртзавод, где проработал до 1936 года, и затем был переведен механиком на спиртзавод “Петрова” Ярцевского района.

Примерно в 1933-1934 годах умерла первая жена Мария, и Адам женился на Анастасии Попкович. На какое-то время она заменила детям мать.

30 июля 1937 года нарком НКВД Ежов подписал секретный Приказ НКВД № 00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов”. Приказ предписывал НКВД расстреливать или отправлять в лагеря заядлых антисоветчиков и в первую очередь тех, кто уже побывал в цепких когтях ОГПУ-НКВД.

20 августа 1937 года Максимович повторно арестован Ярцевским РО УНКВД. Его бросили в тюрьму в Смоленске. Анкету арестованного 22 августа заполнил сотрудник НКВД некто Балдовский.

Следствие обвиняло Адама Ивановича в поджоге водокачки на спиртзаводе, проведении контрреволюционной агитации среди рабочих, критике новой сталинской Конституции, во вредительстве во время ремонтных работ на спиртзаводе. Рукописный протокол допроса был краток — всего несколько страниц. “Во время ремонта спиртзавода в 1936 году никакого вредительства я не допускал. Завод был отремонтирован своевременно и доброкачественно!” – заявлял Максимович. Отрицал он и другие обвинения. Но это его не спасло.

В обвинительном заключении говорилось, что Максимович “после отбывки наказания за контрреволюционную деятельность, оставаясь на враждебных позициях, до момента ареста проводил контрре-

волюционную агитацию. Процесс над врагами народа — шпионами, Максимович использовал для контрреволюционной агитации, высказывал террористические намерения в отношении тов. Сталина. Виновным себя не признал".

Дело было передано судебной инстанции. Заключение 2 октября 1937 года подписали помощник оперуполномоченного 3 отдела УГБ УНКВД С\О Беляев, согласие дал пом. начальника 3 отдела УГБ УНКВД С\О лейтенант госбезопасности Федосеенко.

8 октября 1937 года Адам Максимович был расстрелян в Катынском лесу. А его дети — сыновья Эдуард и Мечеслав, младшая дочь Валентина — были отправлены в детдом. Они долго не знали об участи отца.

Только в 1953 году, уже после смерти палача всех народов Сталина, дочь Валентина отважилась написать заявление Генеральному прокурору СССР с просьбой сообщить о судьбе отца. Она рассказала, где и как они жили, где работал ее отец, как после ареста отца ее с братьями разбросали по разным детским домам, как мачеха пыталась им помочь. "Об отце ничего больше было неизвестно. Очень прошу Вас не отказать в моей просьбе", — завершила свое обращение Валентина Адамовна.

Лишь в ноябре 1957 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приступила к рассмотрению дела Максимовича. Она установила, что в основу обвинения 1937 года легли показания свидетелей Иванова Л.И., Отрохова Е.П., Егоренкова Ф.Я., Лукашова Г.Т., а сам Максимович виновным себя ни в чем не признал. "Однако в показаниях свидетеля Егоренкова не содержится данных о проведении Максимовичем антисоветской агитации. Высказывания Максимовича, о которых показали свидетели Иванова, Отрохов, являясь обывательскими рассуждениями, не образуют состава контрреволюционного преступления. Вместе с тем, эти показания крайне неконкретны и неубедительны. Допрошенный 18.7.1957 года в качестве свидетеля Быдин охарактеризовал Лукашова отрицательно. Допрошенные при проверке дела свидетели Рукашина И.А., Крупанева М.Ф., Иванова Т.П., Иванов И.И. и Бобров Ф.И., хорошо знавшие Максимовича по работе, не дали показаний о его антисоветской деятельности и охарактеризовали его исключительно с положительной стороны. При таких обстоятельства нельзя признать обоснованным осуждение Максимовича", — констатировала судебная коллегия.

16 декабря 1957 года родственники получили справку из Верховного суда. В ней говорилось, что "постановлением Комиссии НКВД СССР и Прокурора от 5 октября 1937 года Максимович, работавший механиком на спиртзаводе совхоза "Петровка", был осужден по ст. 58-10 УК РСФСР. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда от 20 ноября 1957 года отменено с прекращением делопроизводства за отсутствием в его действиях состава преступления". Подпись: зампредседателя Верховного суда РСФСР В. Крюков. Но ни слова о том, что Адам Максимович был расстрелян!

В 1989 году из прокуратуры Витебской области родные получили еще одну справку о реабилитации по делу 1931 года.

В 2017 году в Катынском лесу недалеко от Смоленска, рядом с памятником расстрелянным здесь польским офицерам, российские власти открыли мемориал в память о жертвах политического террора. В центре комплекса — скульптура падающего расстрелянного мужчины. В стороны от него расходятся две стены с фамилиями расстрелянных. На одной из памятных досок высечено имя Адама Максимовича.

"Какая-то гнида решила выслужиться, звездочку получить"

Эдуард Витольдович Барановский родился в 1910 году на станции Миасс Самано-Златоусской железной дороги (Южный Урал). До ареста жил на станции Орша-Западная, работал мастером подъемного цеха паровозного депо станции Орша. Из книги "Память" Орши и Оршанского района можно узнать, что 20 ноября 1937 года постановлением Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР Эдуард Витольдович был осужден как участник контрреволюционной организации к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 19 декабря 1937 года. Эдуарду Барановскому было всего 27 лет.

Место расстрела в книге "Память" не указано. Но можно предположить, что расстреляли его в Орше. Известно, что в тот же день, 19 декабря, в Орше расстреляли по меньшей мере около 100 человек.

В справке Верховного суда БССР за 10 апреля 1959 года, которую получили дети репрессированного, указано, что дело по обвинению Эдуарда Барановского пересмотрел Верховный суд 30 марта 1959 года, и ноябрьское постановление 1937-го в отношении него отменено за отсутствием состава преступления, а сам он реабилитирован посмертно.

Внук Эдуарда Витольдовича — Дмитрий Барановский (живет во Ржеве), вспоминает: “Дедушка работал мастером в депо, неплохо играл в футбол за местную команду. Был женат, имел двух малолетних детей. После ареста бабушку допустили к нему на свидание только один раз. Дедушка был со следами побоев на лице. Расстреляли довольно-таки быстро. Ему всего 27 лет было, молодой по сути. Какой он враг, так, возможно, по глупости, что-то сказал. А какая-то гнида решила выслужиться, звездочку получить…”

Жена Барановкого с детьми перед войной много претерпели — как семья врага народа. “Все отвернулись от бабушки, а она горя хлебнула сполна. В итоге осталась с детьми в Орше в оккупации. Ее не стали эвакуировать. Побоялись и не включили в список эвакуируемых”, — рассказывает потомок репрессированного.

Дмитрий говорит, что родственники делали запрос в белорусский КГБ на получение сведений о дедушке, и ведомство даже дало ответ, но в связи с переездом из одного города в другой документы затерялись. Теперь предстоит делать новый запрос.

Дачка вярнула бацьку і брата са ссылкі

Пра гэтага чалавека няма звестак ані ў кнізе “Памяць” Воршы і Аршанскага раёна, ані ў спісах “Мемарыялу”. Аднак памяць пра яго захоўваюць нашчадкі. Ілля Андрэеў, даследчык і рэканструктар, узгадвае пра свайго рэпрэсаванага прадзеда: “Барташэвіч Парфён Паўлавіч, мой прадзед, нарадзіўся ў 1882 годзе ў вёсцы Гарбацэвічы (зараз у складзе Тарчылава). Чалавек быў працавіты, заможны, пісьменны. У маладосці, гэта яшчэ да Першай сусветнай, працаваў купцом дзесьці ў Расіі, сплаўляў лес. Купец — гэта як зараз індывідуальны прадпрымальнік, статус таксама трэба было афармляць і плаціць падатак.

Калі прадзед вярнуўся ў Беларусь, набыў зямлю пад Хімінічамі (гэта каля Барані) і розныя прылады сельскагаспадарчыя, малацілку і іншыя. У 1924 годзе, у пасведчанні аб нараджэнні маёй бабулі Волі, у графе “чым займаецца”, пазначана — хлебароб. У канцы 1920-х, калі яшчэ кулакоў не расстрэльвалі і не высылалі вагонамі, быў раскулачаны, як казалі, за выкарыстанне наёмнай працы. Быў высланы без сям’і, толькі са старэйшым сынам Рыгорам. Але дачка Парфёна Паўлавіча — Маруся, была замужам за “красным камандзірам” (так і казалі) і здолела вярнуць бацьку і брата. Адна ўмова была: каб падпісаў паперу, што

прэтэнзій не мае. У архівах КДБ справу прадзеда не знайшоў: паперы аршанскага архіва, як вядома, згарэлі падчас Другой сусветнай.

Але памяць захавалася. З хутара ўсё вывезлі і паставілі калхоз у Хімінічах. Парфён Паўлавіч переажыў вайну, але загінуў з-за няшчаснага выпадку ў верасні 1945 года. Казалі, што не сам загінуў, а пхнулі яго пад колы цягніка, бо нешта ведаў ці то пра паліцаяў, ці то пра партызан. Цёмная гісторыя, і распытаць ужо няма каго".

Говорил, что госзаймы идут на тюрьмы. 10 лет лагерей

Беспартийный малограмотный беларус Борташевич Евдоким Самуилович родился в 1883 году в деревне Горбацевичи Оршанского уезда в крестьянской семье. До революции, с 1912 по 1916 годы, служил в полиции в Копыси: сначала конюхом, затем стражником. В анкете арестованного записан городовым — низший чин полиции в Российской империи. Однако переворот 1917 года сломал и его жизнь. Привычный уклад жизни рухнул. Евдоким вынужден был пойти в чернорабочие на мельницу на местном льнозаводе.

Новая власть не простила Борташевичу службу царскому режиму. В 1927-1928 годах его как бывшего городового лишили прав собственности. А еще через 10 лет, 18 ноября 1937 года, его арестовал Оршанский РО НКВД и бросил в оршанскую тюрьму. Тут ему припомнили службу в полиции, а вдобавок обвинили в антисоветской агитации, будто бы Евдоким Самуилович агитировал не сдавать деньги по госзайму, якобы говорил, что деньги по госзайму идут на строительство тюрем.

Несмотря на то, что Борташевич своей вины не признал, 28 ноября 1937 года "тройка" приговорила его к 10 годам лишения свободы. Его сослали в Южлаг (Южный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь) НКВД в город Улан-Удэ на каторжные работы. Здесь заключенные занимались железнодорожным строительством на трассе Тайшет — Братск, лесозаготовками и лесообработкой.

Еще в 1940-м Евдоким Борташевич писал протест против вынесенного решения, но безуспешно. Из лагеря он не вернулся. В анкете арестованного в графе "состав семьи" значилась жена Савицкая Дарья Антоновна — работница завода "Пролетарий" в Копыси. Данных о детях в анкете нет. В 1989 году Борташевич реабилитирован прокуратурой Витебской области.

“Бацька вячэраў, калі ў хату ўвайшлі трое і абвесцілі, што ён арыштаваны”

Беларус Сказецкі Павел Мікалаевіч нарадзіўся ў 1900 годзе ў вёсцы Мальжонкава Межаўскага сельсавета Аршанскага раёна. Яго сын Пётр Сказецкі ў 1992 годзе скіраваў у “Аршанскую газету” ліст, дзе ўзгадваў пра бацьку: “Да 1924 года жыў з бацькамі і займаўся сельскай гаспадаркай. У 1924 годзе ажаніўся з Чарняўскай Надзеяй Захараўнай і застаўся жыць з бацькамі жонкі ў вёсцы Чарняўскія Стайкаўскага сельсавета. Бацькі жонкі выдзелілі маладым зямлю, далі пабудову, у якой рыхтавалі корм жывёле. У 1930 бацька ўступіў у калгас у вёсцы Чарняўскія.

У 1932 годзе чацвёра мужыкоў, у тым ліку бацька, павезлі ў дзяржпастаўкі збожжа. Пры ўзважванні на прыёмным пункце вага яго аказалася на 40 кілаграмаў меншай за тую, што была ў калгаса. Усе чацвёра атрымалі па 5 гадоў. Бацька адбываў свой тэрмін у Находцы, будаваў порт. У сакавіку 1937 года ён вярнуўся дадому і адразу пачаў працаваць у калгасе.

У жніўні 1937 года бацька, прыйшоўшы дадому з вячэрняй змены, малаціў збожжа, сеў есці. І ў гэты момант у хату зайшлі трое ў ваеннай форме, абвесцілі бацьку, што ён арыштаваны, і павялі. Забралі па заяве аднавяскоўцаў Рыжыкава Сяргея, Сталбунова Івана, Корзуна Мікіты.

У жніўні 1937 года бацьку асудзілі на 10 гадоў і саслалі ў Сыктыўкар, дзе ён працаваў цесляром, будаваў баржы на рацэ Вычагда.

Як запісана ў пасведчанні аб смерці, бацька памёр ад туберкулёзу лёгкіх 9 жніўня 1943 года. Іншых дадзеных пра бацьку ў нас няма. Няма нават фотаздымка.

Прашу рэдакцыю кнігі “Памяць”: хоць Вы адпусціце пару радкоў у сваёй кнізе нашаму бацьку”[44].

Апроч звароту Пётр Паўлавіч Сказецкі даслаў у рэдакцыю газеты і даведку з пракуратуры. У ёй адзначана: “Заява пракуратурай вобласці задаволена з праверкай архіўнай крымінальнай справы ў адносінах Вашага бацькі Сказецкага Паўла Мікалаевіча. Устаноўлена, што па пастанове пазасудовага органа ад 29 жніўня 1937 года Сказецкі П.Н. заключаны ў выпраўленча-працоўны лагер на 10 год. Далейшы лёс яго невядомы. Пастановай прэзідыўма Віцебскага абласнога суда ад 9 ліпеня 1960 года Сказецкі П.Н. рэабілітаваны. Іншых звестак пракуратура не мае”.

44 “Аршанская газета”, 29.12.1992 г., рубрыка “З пошты кнігі “Памяць”.

Память нужна не мертвым

30 октября — День памяти всех жертв репрессий. К сожалению, мало кто знает о существовании этой даты. Несмотря на свою значимость, она так и не смогла врезаться в людское сознание. Однако мы не должны забывать о тех трагических событиях. Ведь, как известно, без прошлого нет будущего.

В деревне Демидовичи в далеком 1937-м[45] (на самом деле, в 1936 году — И.С.) за одну ночь было арестовано сразу 10 человек. Семьи потеряли своих отцов и мужей, а деревня лишилась десяти настоящих тружеников. Сегодня мало осталось в живых очевидцев той страшной трагедии. Один из них — ветеран войны, инвалид II группы (а в то время двенадцатилетний паренек) Федор Никифорович Товпинец — делится своими воспоминаниями.

"…На улице тогда стояла весна, и я вместе с другими соседскими ребятишками был на улице. Родители после дневных работ спать ложились рано, а мы, случалось, играли допоздна.

Вот и в тот вечер не успели и оглянуться, а уже совсем темно. Но все равно домой уходить не торопились. Неожиданно дорогу осветил луч автомобильных фар. Машины тогда для деревенских жителей были в диковинку, а тут еще ребячье любопытство подогревало — вот мы сразу и побежали навстречу автомобилю. А тот остановился рядом с домом Бориса Кореня, по соседству с нашим. "Это "черный ворон", — прошептал кто-то из старших ребят. — Кого-то заберут…".

Из машины вылезли несколько человек, они стали ломиться в хату Бориса. Когда сонный хозяин открыл дверь, люди в форме без всяких объяснений ворвались в дом. Один же из них, стоя на пороге, крикнул, чтобы мы убирались отсюда. Заходя к себе в дом, я услышал голос жены Бориса. Женщина кричала: "За что?"

На следующее утро в деревне был настоящий переполох. Из разговоров взрослых я узнал, что арестовали сразу 10 человек. А когда пришел на колхозное поле, где трудилась вся деревня, то просто удивился тому, что мужчин почти не осталось, а всю работу выполняли женщины. Досталось тогда и нам, детям. Я в 12 лет даже за плугом ходил.

---

45 Автор воспоминаний ошибся на год. Все эти люди были арестованы в 1936 году. Попади они в руки НКВД годом позже, в 1937-м, вероятно, большинство из них было бы приговорено минимум к 10-25 годам ИТЛ, максимум к расстрелу.

Через 2-3 месяца по деревне пошли слухи, что арестованных осудили в Орше. Говорили и о том, что в качестве свидетелей вызывали местного милиционера Сеньку, председателя колхоза Егора Товпинца и жителя деревни Павла Латыша. Хорошо помню, как подошел однажды к Сеньке и спросил: “Дядя Сеня, а когда мужички домой вернутся?”, а он мне как дал подзатыльника, да со злобой крикнул: “Убирайся отсюда, щенок!”

Я тогда долго не мог понять, что такого обидного спросил. А позже люди заговорили о том, что за антисоветскую агитацию осужденных сослали в Магадан. Борис Корень и Харитон Легчилов получили по 10 лет, а остальные — от семи до трех. Поговаривали и о том, что их оклеветали Егор Товпинец и милиционер Сенька…

А что же арестованные, как сложились их судьба? По-разному. Кто-то вернулся домой, другие остались навсегда в лагерях Магадана. Затем была хрущевская “оттепель”, реабилитационные сообщения, денежные компенсации. Однако сможет ли все это вычеркнуть из памяти людей годы, проведенные их родственниками в тюремных лагерях по нелепым обвинениям? Вряд ли. А потому пусть эти строки будут реквиемом для десяти невинных жертв. Поименно:

Борис Корень — 10 лет ИТЛ, умер в заключении в 1942 году.

Харитон Легчилов.

Устин Белоус — 5 лет ИТЛ, освобожден в 1941 году.

Алексей Асмос — 7 лет ИТЛ, освобожден в 1943 году.

Иван Александрович — 7 лет ИТЛ, освобожден в 1943 году.

Филипп Корень — 10 лет ИТЛ, умер в заключении в 1938 году.

Василий Александрович — 5 лет ИТЛ, освобожден в 1941 году.

Антон Ваштай — 5 лет ИТЛ, освобожден в 1941 году.

Михаил Товпинец — 3 года ИТЛ, освобожден в 1939 году.

Степан Соколовский — 3 года ИТЛ, освобожден в 1939 году.

Ю. Александрович [46]

46 Газета “Чырвоны прамень” за 4.11.2000 г. Лепель.

Расстрелянный директор мясокомбината

Денис Филаретович Васильев, русский по национальности, родился в 1899 году в латвийской деревне Рытань. До октябрьского переворота работал бетонщиком. В ноябре 1917 года его призвали в армию и зачислили в 6-й латышский стрелковый полк. В то время латышские стрелки были надежной опорой советской власти. В Рабоче-крестьянской красной армии прослужил до ноября 1922 года.

Годом ранее по Рижскому договору родная деревня Дениса Филаретовича Рытань после установления госграницы отошла Латвии. На отрезанной территории оказались родители — Филарет Васильевич и Татьяна Арсентьевна, и две сестры — Ефимия и Анна.

Со временем Денис Васильев осел в Орше, где устроился на мясокомбинат. Обзавелся семьей. Вместе с женой Блиновой Екатериной Федоровной, ее матерью Матреной Владимировной проживал в поселке мясокомбината. Освоил профессию технолога-мясника и, несмотря на незаконченное среднее образование, дослужился до директорского кресла. В 1935-м у четы родилась дочь Галина, а год спустя — сын Юрий.

Но 1937-м в дом Васильевых пришла беда. Дениса Филаретовича исключили из рядов ВКП(б), а 27 июля 1937 года его арестовал Оршанский РО НКВД. Арестанта бросили в Оршанскую тюрьму. Если верить документам, здесь он провел больше года.

Из архивной справки Витебского УКГБ следует, что допрос проводился только 29 июля 1938 года. Денис Васильев упомянул, что в Ленинграде проживает одна из его сестер — домохозяйка Васильева Прасковья Филаретовна, а в поселке станции Звонок Северной железной дороги — вторая сестра — Сысорина Вивея Филаретовна. Упомянул он и про своих родителей и двух сестер в Латвии.

Дениса Васильева обвинили в шпионаже в пользу Польши. 2 ноября 1938 года заседание Особой “тройки” НКВД БССР приговорило его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 18 ноября 1938 года. Лишь спустя 30 лет, 29 ноября 1968 года, Военный трибунал Белорусского военного округа отменил постановление Особой “тройки” и прекратил дело Васильева за отсутствием состава преступления.

Лишь в 2013 году сын Юрий Денисович Васильев смог узнать судьбу отца и получить отдельные документы из архива УКГБ по Витеб-

ской области, а в 2014 году — справку о реабилитации. Вскоре Юрий Денисович и сам побывал на Кобыляцкой горе.

"Когда отца арестовали, моей маме Блиновой Екатерине Федоровне — врачу больницы мясокомбината — добрые люди посоветовали срочно уезжать из Орши, чтобы не повторить судьбу мужа. Она взяла нас, малышей — сестру и меня, и с нашей бабушкой уехала в Забайкалье, в Читу, где прожила всю жизнь и умерла, не узнав о реабилитации мужа. Рассказов об отце никогда не было. Это была запретная тема, но моя бабушка немного рассказывала, что он был хорошим организатором, добрым и внимательным к людям. К сожалению, больше ничего про него не знаю. Я случайно набрал в интернете ФИО отца, получил небольшую информацию и решил, что просто обязан найти место захоронения расстрелянных в оршанской тюрьме. Потихоньку читал информацию белорусов, искавших, как и я, место захоронения, и один раз наткнулся на название Кобыляцкая гора. Даже кто-то выложил фото этого мемориального валуна. Осенью мы с женой специально поехали в санаторий "Летцы", чтобы посвятить один день поиску этого места. Нас возил добрый человек из Витебска, который, как и мы, был потрясен и местом гибели людей, и информацией о массовых расстрелах. В Орше местные жители с улицы Строителей направили нас на железную дорогу, и мы по шпалам дошли на Кобыляцкую гору. Состояние наше трудно было описать. Как будто стонало каждое деревце, на которое мы смотрели. Мы стояли и плакали… Я рад, что на склоне своих лет отдал дань памяти своему папе, которого никогда не видел, но которому благодарен за те человеческие качества, доставшиеся от него. Я в этом уверен на 100%. После посещения Кобыляцкой горы я написал запросы в архив (Витебского УКГБ — И.С.) и Генеральную прокуратуру Беларуси и получил копии всех документов", — поделился воспоминаниями сын репрессированного Юрий Денисович Васильев.

По собранным данным, всего в 1930-е годы был репрессирован минимум 31 сотрудник Оршанского мясокомбината.

Мама не знала, что
“10 лет без права переписки” — это расстрел

Трудно писать о родном деде, которого никогда не видел, и о судьбе которого в семье старались не говорить. Хотя я знал, что назван в его честь. Ярко помню один эпизод. Однажды дома мой отец заполнял автобиографию для загранпоездки и в графе анкеты ”отец” я с ужасом прочел, что он был расстрелян и посмертно реабилитирован. Естественно, у меня возникли вопросы, ответы на них были весьма уклончивы, и эту тему постарались побыстрей свернуть. В 1990-е годы, когда стало возможным делать запросы в КГБ, мои отец и тетя (дети Анатолия Сергеевича) получили ряд документов из Беларуси, в том числе и свидетельство о смерти. На основании этих документов им был присвоен статус потомков репрессированных, который предполагает ряд льгот. В 2017 году, разговаривая со своей тетей, я затронул тему репрессий, и вдруг она сказала, что хранит архив, который остался от ее мамы — моей бабушки Валентины Дмитриевны.

После этого я решил, что должен сам все увидеть. Свидетельство о рождении деда сохранилось, доказать родство не составило проблем, и после обращения в УКГБ по Витебской области (кстати, мне очень помогли в этом сотрудники московского “Мемориала”) я получил приглашение приехать и ознакомиться с архивно-следственным делом своего деда. В январе 2018 года, ровно через 80 лет после его убийства, мне читали дело. Да! Трудно описать мое состояние. Я был готов ко всему, но слез сдержать не смог, когда мне показали диплом деда об окончании Московского ветеринарного института. Позже я получил диплом почтой и передал своему отцу.

Хочу предложить воспоминания моей тети, Беликовой Алевтины Анатольевны о своем отце. Я публикую их полностью и без изменений. Я буду комментировать рассказ и фотографии. Мои комментарии будут отмечены звездочками и курсивом.

Анатолий Логинов — внук расстрелянного
в Орше Анатолия Логинова

Беликова Алевтина Анатольевна: “Мой отец Логинов Анатолий Сергеевич родился 31 марта 1907 года в Костроме. После окончания средней школы он работал на Костромском сыроваренном заводе, помогал сестре Марии закончить финансово-экономический техникум. Родители отца умерли в 20-е годы, отчего, не знаю.

Папа познакомился с мамой в 1930 году, когда мама была на практике либо в командировке в Костроме или в Ярославле, точно не помню. В 1931 году они поженились и стали жить в квартире родителей мамы на Никитском бульваре (*центр Москвы). В это время папа учился в ветеринарном институте.

29 октября 1932 года у них родилась дочь Алевтина.

В 1933 году папа окончил Московский ветеринарный институт и был направлен на работу в Оршу, где занял должность главного врача Оршанского мясокомбината.

В Орше мы жили недалеко от мясокомбината на первом этаже 2-этажного оштукатуренного кирпичного дома, выкрашенного в белый цвет, в двухкомнатной квартире с большой террасой, дверь на которую была забита. Я хорошо помню эти места. Напротив дома был большой сквер с деревьями, кустарником, газонами и цветниками. Помню, там росли цветы, которые я больше никогда не видела живыми. Такие цветы, искусственные, стояли в вазочке на столике в квартире тети Нюры, маминой сестры, на Никитском бульваре.

Часто из окна я видела, как на этом сквере проводились учения гражданской обороны (в то время это делалось повсеместно. Готовились к войне?). Бегали люди в противогазах с носилками, ревела сирена.

Папа часто ездил в командировки, на конференции и всегда привозил нам с мамой подарки и приветы, которые мне удалось потрогать и попробовать. Как-то он протянул мне маленький зеленый огурчик-мыло, и я откусила от него кусочек.

У родителей было много друзей, семей сослуживцев папы. Они часто ходили друг к другу в гости, отмечали вместе юбилеи и праздники. Встречи обычно заканчивались поздно вечером пением русских, беларусских и украинских песен. У папы был красивый голос, баритон. Семья Логиновых была очень музыкальная. Дети пели в школьных и церковных хорах и играли на разных музыкальных инструментах. В студенческие годы папа играл на домре в "Великорусском ..." под управлением Преображенского, брата химика.

У папы было хобби — охота. Среди его друзей были заядлые охотники. Под Оршей хорошие леса и много болот, где водилось много разной дичи. В сезон охоты они отстреливали водоплавающую птицу и зайцев.

25 ноября 1936 года у меня появился братик Гена. Появление брата меня очень расстроило, и я сказала родителям, что они "старчатся", а детей "купляют", а потом умрут, а мне придется их воспитывать. У брата почему-то долго, как мне казалось, не было имени, и он был просто "мальчик", и когда он плакал, я звала родителей: "Идите! Там ваш мальчик плачет!"

В начале лета 1937 года я заболела скарлатиной и попала в больницу, где меня обрили наголо. Там я познакомилась с "местными обычаями". Когда дети ругались и аргументов уже не хватало, они поворачивались к врачам спиной и задирали рубахи (трусов под ними не было).

Когда я выздоровела, обратно домой меня везла одна мама. Мы ехали с извозчиком в фаэтоне с большим козырьком. Мама была в белом маркизетовом платье с вытканными желтыми овальчиками, внутри которых были черные точечки (потом из него мне перешили платье).

Папы дома не было. Его арестовали в июне 1937 года.

В нашей квартире мы уже не жили, нас переселили в какую-то ванную комнату с окном и без ванной. Помню, как мне казалось, она была не маленькая.

Мама осталась одна, в чужом городе, с двумя маленькими детьми, практически без денег. (Все деньги были изъяты при аресте.) Счастье, что не все от нас отвернулись, и маме удавалось что-то заработать шитьем и переделкой одежды. Помогали, чем могли, и родственники. Из Москвы присылали деньги и посылки. Мама носила отцу в тюрьму передачи: письма, продукты и вещи. Свиданий не давали.

Текст записки: *"Логинову Анатолию Сергеевичу: Толюша! Передаю тебе брезентовый плащ, шерстяной шарф, верхнюю рубашку, пару белья, носки и кусок туалетного мыла. Две буханки черного хлеба, одну белого, кило сахара и полтора кило колбасы. Валя".* В правом верхнем углу: *"Передай Терентьеву о присылку передал".* (очень плохо читается).

Друг папы, бухгалтер Брукер, арестованный в то же время, якобы за недостачу, находился в той же тюрьме. Когда его освободили, он рассказал, что находясь в тюремной больнице, он встретил там папу, которого доставили туда с распухшими, как бревна, ногами. (Вероятно, стоял в "шкафу"). (Дедушку пытали. —А.Л.).

И еще он намекнул, что на рубашке, которую папа передал маме в стирку, было что-то написано. Но, мама ее выстирала, не рассматривая. Об этом маме рассказала его жена. С самим Брукером маме встретиться почему-то не удалось.

(Небольшое дополнение про рубашку, которую дед передал в стирку и на которой, как позже выяснилось, он что-то написал. Как рассказывала бабушка, рубашка вся была в крови, и это так сильно на нее подействовало, что она, как во сне, ее постирала. После она постоянно об этом жалела. — А.Л.).

“Валюша! Передачу получил полностью, за что благодарю. Больше мне ничего не присылай, за исключением съестного. Советую скорее уехать в Кострому. Целую, Толя”.

В конце 1937 года меня с бывшей сотрудницей папы отправили в Москву к дедушке с бабушкой. Мама с Геной осталась в Орше в ожидании приговора отцу. Однажды, когда мама гуляла с Геной, она сидела на скамейке в сквере, какой-то мужчина, проходя мимо, сказал сквозь зубы: “Вам срочно нужно уезжать!” Она не обратила на это внимания, но через несколько дней ей опять было сказано, что надо срочно уезжать.

Это разные стороны одного листка. На первой стороне в левом верхнем углу рукой деда написано: *“Переведи по почте на тюрьму для меня 25-35 рублей”.* Приговоренным к расстрелу сообщали, что их в ближайшее время отправят в лагерь и в пути понадобятся деньги. Цинизм высшей пробы! И людей успокоили, и денег заработали. Текст записки: *“Логиновой Валентине Дмитриевне: Милая Валюша! Передачу получил полностью. Посылаю обратно три пары белья, двое носок, верхнюю рубашку, брюки и пиджак, полотенце, фуражку и кашне. Принеси мне брезентовый плащ, шерстяной шарф, пару белья, кусок туалетного мыла и посылаемую верхнюю рубашку. Добейся передать мне коричневое ватное пальто, черное отошлю тебе обратно. Я чувствую себя хорошо. О мне не беспокойся, береги себя и детей. Крепко Вас целую. Очень хорошо, что едешь в Кострому. Толя. У какой бабушки?” Слева снизу вверх: “В деньгах не стесняйся, продавай мои вещи”. Левый верхний угол: “Переведи по почте на тюрьму для меня 25-35 руб.”.*

Обратная сторона записки. *“Логинову Анатолию Сергеевичу: Толя! Посылаю тебе: пиджак, брюки, свитер, двое кальсон, две нижние рубашки, шерстяные и бумажные носки, портянки, полотенце, перчатки*

и кашне. … Пиши, как твое здоровье и вообще каково твое состояние. …… Аля у бабушки третий месяц. В январе месяце поеду в Кострому, где думаю устроиться работать, в настоящее время не работаю, правда,занимаюсь шитьем чем ….. Генке пошел второй год, растет очень хорошим веселым мальчиком, уже немного говорит, скоро будет ходить, говорит "папа"! Как жаль, что он не знает папы. Пока, целую, Валя. 8.01.37 г.". Под датой: "Пусть Терентьев поспешит за передачей". По диагонали фиолетовыми чернилами: "Сходи на 1-ую Пустынскую улицу дом № 10(16), Кузьмина. И передай ей, чтоб она принесла теплую одежду ветврачу Дубровскому. Сходи к Болотину или Стасенко и попроси пропуск на съестную передачу".

Здесь появляются две фамилии сотрудников Оршанского РО НКВД. Тот же Болотин и его коллега Стасенко. Ветврач Дубровский Михаил Николаевич, о котором писал дедушка, был его другом, расстрелян 19 января 1938 года. Интересна дата, которая стоит в правом нижнем углу записки — 8 января 1937 г. Безусловно, это просто описка. Подобные описки случаются с каждым в начале нового года. Дедушку арестовали 11 июня 1937 года. Так что дата записки — 8 января 1938 года. Неделя до расстрела.

Отца осудили на 10 лет в дальние лагеря без права переписки. Тогда еще не знали, что это означает, и мама писала письма в НКВД с просьбой о пересмотре дела отца.

Бабушка писала письма в разные ведомства, также писала Берии, Сталину. Ответы были похожи на ответ т. Штукина из Оршанской прокуратуры. Обратите внимание на дату документа -— 2 октября 1939 года. Прошло почти два года со дня убийства дедушки! Уверен: помощник прокурора знал, что произошло. Более того, знал, где это произошло.

В начале 1938 года мама вернулась в Москву. Жить нам было негде, ее комнату в квартире родителей занял женившийся брат Коля с женой Варей, и мы отправились в Кострому.

Там нас хорошо встретили. Брат отца Павел уступил нам часть своей площади, а потом переехал в дом родителей жены на Советскую улицу. В итоге мы заняли одну большую комнату. В квартире вместе с нами жила старшая сестра отца, тетя Шура, с дочерью Татьяной. В квартире была огромная кухня-столовая с русской печью, а в каждой комнате были печки-голанки (голландки). Мама поступила на рабо-

ту экономистом на льнокомбинат им. Зворыкина, где проработала до отъезда в Москву в 1940 году.

“Позабыт-позаброшен, с молодых юных лет
Я остался сиротой, счастья в жизни мне нет”.
Эту песню папа напевал всю жизнь.
В этой песне трагический финал:
“Вот умру я, умру я, похоронят меня.
И никто не узнает, где могилка моя.
И никто не узнает, и никто не придет,
Только ранней весною соловей пропоет.
Пропоет и просвищет и опять улетит,
А моя скромна могилка одиноко стоит”.

Репрессированные директора и работники Оршанского льнокомбината

“История Оршанского льнокомбината[47] связана с именами его первых директоров — Липчука, Негневицкого, Козелева, Родителева. В мае 1941 года комбинат возглавил Семенов Георгий Васильевич, который в общей сложности руководил предприятием 30 лет”, — так коротко, без лишних деталей, имен и отчеств в разделе “История” сайт Оршанского льнокомбината упоминает первых руководителей. Белорусская страница “Википедии” перечисляет директоров в том же порядке. Одно лишь уточнение: указан год работы Липчука —1930-й. Больше никаких сведений. Пришлось потрудиться, чтобы собрать хоть какие-то данные.

Про Негневицкого есть единственное упоминание в книге воспоминаний Василия Ковалева “День первый — день седьмый”. Вспоминая атмосферу 1930-х, уроженец хутора Зеленый Гай близ села Козловичи Оршанского района Василий Кузьмич писал: “Наступили тяжелые времена. Это был повальный страх перед арестами. Я не преувеличи-

47 Проект льночесальной фабрики разработан архитекторами А. Фисенко и И. Николаевым в 1928-1930 гг. (оба пережили репрессии). В 1929 г. начал действовать рабфак, а в 1930 г. выпущена первая продукция. В 1934 г. на предприятии стала выходить газета “Трибуна стахановца”. А в 1937-м вступили в строй цеха основных производств первой очереди — прядильного, ткацкого, отделочного. Для подготовки квалифицированных кадров открыта школа ФЗУ.

ваю: почти каждый ждал своей участи. Сестра заранее сушила сухари из черного хлеба. В одну из ночей арестовали почти все начальство льнокомбината: директора Негневицкого (почему-то запомнилась эта фамилия), инженеров, бухгалтеров, техников…"[48]. К сожалению, точную дату арестов автор не упоминает. Не удалось найти в списках репрессированных и самого Негневицкого.

Зато про государственного и профсоюзного деятеля Козелева Бориса Григорьевича материалов в избытке. Известно, что Козелев родился в 1891 году в Ростове-на-Дону в семье служащего. Окончил 4-классное городское училище. С 17 лет участвовал в революционном движении. До 1909 года вступил в подпольную организацию большевиков, а в 1910 году — в РСДРП. Несколько раз царские власти арестовывали его и отправляли в ссылку. В ходе октябрьского переворота 1917 года Борис Козелев избран от Союза металлистов в Московский Военно-революционный комитет. Позже работал в Московском комитете профсоюза металлистов, редактировал журнал "Металлист", возглавлял расценочно-конфликтную комиссию. В 1921 году избран председателем ЦК Союза работников просвещения, а в 1922-1923 годах — председателем Нижегородского губернского Союза металлистов, затем направлен Профинтерном на работу в Германию. В 1924 году — кандидат в исполком III Конгресса профсоюзного интернационала. В 1920-1927 годах был членом ВЦИК и членом Президиума ВЦСПС.

Козелев был организатором профессионально-технического обучения и разработчиком первых программ профобучения. Он активно выступал против вмешательства партии в дела профсоюзов. В своем дневнике писал об антисталинских настроениях в профсоюзной среде. Дневник выкрал один из его товарищей и передал в Центральную контрольную комиссию Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Известно, что Козелев участвовал в "сходках" на своей квартире, где велись разговоры о насильственном изменении состава ЦК партии. В июне 1930-го этот эпизод обсуждался на Политбюро ЦК ВКП(б). А.И. Микоян предлагал расстрелять виновного, но Сталин решил ограничиться исключением из партии.

48 Ковалев В.К. День первый — день сѐдьмый. стр. 59. Минск, "Белпринт", 2018 г. http://pawet.net/files/pervyjden.pdf

В 1929 году Козелев отстранен от работы в профсоюзах за “правый уклон” и критику генеральной линии. В ноября того же года выступил с покаянным заявлением: “По всем основным вопросам экономики и политики я целиком и полностью разделял и разделяю генеральную линию нашей партии”. Позже его восстановят в Коммунистической партии. Вскоре его направили слесарем на завод “Серп и молот” в Москве.

В 1929-1934 годах работал начальником планового отдела Магнитогорского металлургического комбината. В письмах жене признавался, что рядовые строители комбината живут в “скотских условиях”. В 1934-1936 годах назначен директором института “Севгипроцветмет” в Ревде. А в марте 1936-го назначен начальником строительства Оршанского льнокомбината, но уже 12 сентября того же года арестован.

4 мая 1937 года Козелева приговорили к 10 годам заключения и отправили в Мариинскую тюрьму Новосибирской области. Там его 19 ноября 1937 года приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 23 ноября. Реабилитировали Бориса Козелева посмертно в 1950-х.

Следующим директором, вероятно, с сентября 1936-го по май 1941-го (?) был некто Родителев. О нем удалось найти единственное упоминание в газете “Советская Белоруссия” за 25 декабря 1940 года. В заметке “Предприятия, выполнившие годовую норму” указывается Оршанский льнокомбинат (директор тов. Родителев). И снова ни имени, ни отчества. Вероятно, он руководил предприятием вплоть до мая 1941 года, когда директорский пост на 30 лет занял известный многим оршанцам старшего поколения Георгий Семенов. Причины смены руководства также установить не удалось.

Таким образом, из пяти довоенных директоров льнокомбината как минимум двое были репрессированы. В чем могли обвинить этих несчастных? Может, в срыве сроков постройки комбината или плохих условиях для работников? Мне удалось найти два документа ОГПУ-НКВД за 1930 и 1938 годы, которые могут иметь отношение к репрессиям против директората.

Из документов ОГПУ-НКВД

Спецсводка № 28 ИНФО ОГПУ о перебоях в снабжении промрайонов и городов. 5 октября 1930 г.

Гор. Орша. Постройка льнопрядильного комбината. Качество обедов в столовой низкое, имел место случай, когда рабочие бросили обед из-за его недоброкачественности. На собрание, созванное по этому поводу, рабочие прийти отказались.

Гор. Минск. Швейная фабрика "Октябрь". 24 августа рабочие 1-го и 2-го агрегатов демонстративно отказались от обеда, приготовленного из испорченных продуктов, с червями.

Аналогичные факты отмечены в столовых ЦРК, на обувной фабрике (г. Минск), на швейной фабрике "Профинтерн" (г. Витебск) и на постройке льнопрядильного комбината (г. Орша)[49].

В сборнике документов особого отдела ЦК КП(б) "Улада і грамадства. БССР у 1929-1939" историка Ирины Романовой нашелся очень интересный документ за 1938 год под грифом "Совершенно секретно" и названием "Материал о контрреволюционной деятельности Объединенного антисоветского подполья в Беларуси". Приведем его полностью: *"В области индустриализации участники организации направили свою вредительскую деятельность на срыв промышленного строительства. Арестованный Петрович в показаниях говорит: "Мы максимально растягивали строительство по большинству важнейших объектов и омертвляли капиталовложение. Затянули строительство Оршанского льнокомбината на 2 года, Минской обувной фабрики (расширение) на 2 года, Могилевского труболитейного завода на 2,5 года, механического цеха Минского металлозавода им. "КИРОВА" на 3 года, Гомельского жирового комбината, Быховского ацетонового завода на 3,5 года, стекольного завода "Октябрь" на 1 год".*[50]

Репрессированные работники льнокомбината

В 1930-х на Оршанском льнокомбинате бухгалтером работал мой прадед Захарий Ходевцев. Здесь же в 1936 году после окончания школы начинала свою трудовую деятельность и его дочь, моя бабушка Ирена Ходевцева. Ее приняли в главную контору в расчетную часть счетоводом, а спустя год перевели в расчетную часть чесальной фа-

---

49 "Совершенно секретно": Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 г.г.), т .8, ч. 2, 1930 г., Москва, 2008 г. Стр. 1082-1090. Архив: ЦА ФСБ Ф. 2. Оп. 8. Д. 674. Л. 364-375.

50 НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 12059, л. 117-144. Копия.

брики на такую же должность. Сохранился и профсоюзный билет Захария Ходевцева — члена профсоюза работников льняной промышленности. В этом профсоюзе прадед состоял с 1934 года, а билет ему вручили 15 мая 1936-го. Билет как новый. Хозяин им практически не успел воспользоваться. Осенью 1937-го вместе с женой Анной Ходевцевой его расстреляли в Орше.

Всего же в нашем списке репрессированных содержатся имена **70 репрессированных сотрудников** Оршанского льнокомбината: кладовщики, чернорабочие, электромонтеры, художники. Из них 45 человек расстреляны в 1937-1938 годах, в основном в Орше, несколько человек — в Минске и Витебске. Ряд сотрудников получил от 3 до 10 лет исправлагерей в период с 1934 по 1950 годы.

Арест мужа первой учительницы

Брат сказал, что уже нужно записываться в школу. Где-то в конце августа 1924 года я и мой друг Ефим отправились в село Козловичи-вторые (это в двух километрах от нашего хутора). На крыльце школы нас встретила моя будущая учительница Анна Владимировна Козлова-Лисовская. Спросила фамилию. Мой друг своей фамилии не знал. Я назвал ее — Шинкарев. Первый класс был большим — человек за сорок. Почти все мальчики, девочек мало. Учительница мне понравилась. Я не помню случая, чтобы она кричала на детей — в этом не было необходимости. Ее слушались все.

Школа была двухкомплектная — одна учительница вела два класса (1-й и 2-й), учитель, он же и директор школы, также 2-й и 4-й. Каждый из них доводил своих учеников до выпуска. Учился я ровно, любил и школу, и учебу. Старался быть дисциплинированным, не опаздывать, вовремя делать уроки, быть активным. Меня по этой причине часто ставили в пример. Не помню случая, чтобы было неинтересно или одолевала лень. Родня подбадривала: учись, будешь учителем, как Никита Федорович (муж моей сестры Прасковьи). О других профессиях на селе и не мечтали. Правда, один раз отец, задумавшись, ляпнул: “Вот если бы старые времена, выучиться бы тебе на батюшку… Вечная и непыльная работа! А теперь что? Не в почете у них церковники, больше – люди из ОГПУ”.

Экзамены сдавали по-старому — в одну из школ сельсовета приезжал инспектор из Орши или Витебска. Каждый учитель привозил

туда своих детей. Ехали на подводах, мобилизованных для этой цели. Писали диктанты, изложение, решали задачки. Все письменно — устных экзаменов в ту пору не было. В конце получали справки, написанные от руки, с печатью сельсовета и характеристики от учителя, заверенные печатью. У меня, кроме всего, было написано, что выпускник начальной школы не сделал за четыре года учебы ни одной грамматической ошибки. Жаль, что эта характеристика не сохранилась. Все [документы] сдали при поступлении в пятый класс уже в Яковлевичскую семилетку.

Вскоре был арестован и муж моей учительницы, работавший инспектором райфинотдела. Точный год ареста в памяти не удержался, но эту жуткую картину, когда из живого человека на глазах соседей делали кровавую мумию, запомнил на всю жизнь! С самого раннего утра, почти ночью, через село несколько раз проехал грузовик с закрытой будкой в кузове.

Автомобиль в те времена, да еще в таком глухом месте, был для всех новинкой, и многие жители при звуках мотора повыскакивали на улицу. Я тоже услышал натужный рев и выскочил посмотреть на это механическое чудо. В кабине два человека — шофер и кто-то в гимнастерке и фуражке. Потом люди говорили, что видели других в будке. Те прятались за брезентовой тряпкой, но она колыхалась во время езды по нашим знаменитым колдобинам и приоткрывала лица “борцов с внутренними врагами”. Всем стало ясно, что эти посланцы ада искали дом новой жертвы. От наших соседей слышал слова: „…Снова арестовывать…”, “Что это за власть — убивать по ночам своих?“

Люди, поняв опасность, попрятались по домам, но продолжали наблюдать через окна. Когда грузовик остановился возле хаты [учительницы], из кузова посыпались вооруженные люди с винтовками наперевес — человек восемь или десять. Они, как черти, перепрыгнули через забор и стали цепью вокруг. Несколько заскочило внутрь. Оттуда раздались истошные крики и вопли! Мои волосы и кожа первый раз в жизни встали дыбом! Главный, до поры сидевший в кабине, важно вышел из нее и, не глядя по сторонам, с револьвером в руке пошел к сеням.

Оттуда прямо на ступеньки выкатился муж моей любимой учительницы. Со связанными за спиной руками он грохнулся головой о камень и остался лежать. Лицо, рубаха, руки его были в крови. Мель-

кнула мысль: когда же эти смогли избить его до такой степени? Из сеней, из окон, через печную трубу рвался на волю, к людям, истошный женский крик. Солдаты никого не выпускали из дома. Старший махнул револьвером — к избитому, который уже начал дико ворочать окровавленными глазами, подскочили двое, схватили под руки и потащили в будку. Подняли, посадили на борт и сильно швырнули внутрь, в темноту. Внезапную тишину пронзил тот же женский крик, переходящий то в хрип умирающего, то опять взмывавший к начавшему светлеть небу... Чекисты спешили, впереди было много работы...

Это было начало! И теперь, кто бы мне ни говорил, что советская власть вела ожесточенную борьбу против всяких многочисленных настоящих врагов и внутри и снаружи, отвечу прямо: это было наибольшее преступление — уничтожать миллионы своих безвинных людей только за то, что они не подходили полностью под постоянно менявшиеся мерки так называемой народной власти?!

Главным стержнем, скреплявшим намертво ряды ЧК, было чувство общего цеха, повязанность невинной кровью и еще то, что отсутствие найденных врагов в течение недели или, не дай Бог, месяца, сразу же безо всяких обиняков ставилось в вину и конкретному оперработнику, и всему райотделу, а это было чревато! Могли расстрелять и самих! К сожалению, сейчас вновь и вновь раздаются голоса с тоской о Сталине, голоса тех, кто кровно или духовно повязан с тем временем! Камо грядеши?

Куда идем? А не зашли ли уже?[51]

10 лет ИТЛ за падеж двух коров

"Младшая сестра моего отца Мария Яковлевна Антонова (Ковалева) проживала недалеко от нашей усадьбы, метрах в 400. Ее муж Сидор рано умер. Остались два сына Логин (Логвин), Павел и дочь Евдокия. У них был общий земельный надел на двух братьев, поэтому дома стояли рядом. У Павла трое детей — Адам, мой ровесник и друг, Ваня и Надя. Адам окончил оршанское педучилище, но на год позже меня. Жена Павла Матрена Яковлевна была из богатой семьи, хорошая швея, грамотная, пела в церковном хоре. Иногда шила нам верхнюю одежду: рубахи, штаны, простые куртки.

51 Ковалев В.К. День первый – день сѐдьмый. стр. 83-86. Минск, "Белпринт", 2018 г.http://pawet.net/files/pervyjden.pdf

Мой двоюродный брат Логин детей не имел. Мать жила при нем. Часто приходила к нам поговорить с мачехой или братом. Судьба Логина оказалась трагичной: после появления колхоза он работал ветеринаром, единственным на всю округу. В колхозе сдохли две коровы (мало ли что бывает!), но власти обвинили его в преступлении. Он был арестован и через пару дней расстрелян в подвалах Оршанского НКВД. Детали неизвестны.

Его мать повесилась в 1930-м (вероятно, в 1938-м — И. С.) в своем доме на следующий день после отказа НКВД в свидании. От сторожа школы узнала, что ее сын и еще 12 человек расстреляны в пригородном лесу в воскресный день.

Дочь тети Марии — кузина, вышла замуж в чужое село. Помню только ее шумную свадьбу. Историю ареста Логина и подобные трагедии с другими родственниками я узнал из уст отца в день нашей встречи в 1940 году в Могилеве"[52].

Это фрагмент из книги воспоминаний Василия Ковалева, уроженца хутора Зеленый Гай близ села Козловичи Оршанского района. Но автор ошибался. По имеющимся данным, Логин Сидорович Антонов 1901 года рождения, действительно, до ареста проживал в деревне Козловичи Яковлевичского сельсовета и работал ветфельдшером. Его арестовали 8 августа 1938 года уже на излете Большого сталинского террора. "Тройка" обвинила его в шпионаже в пользу Польши, но приговорила не к расстрелу, а к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с отправкой в Каргопольлаг. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитировали Логина Сидоровича только в 1989 году.

Расстрелян летом 1941-го в пересыльной тюрьме Орши

Историю про своего деда Лявона Довыденко прислал Игорь Лапо. Вот что он пишет: "Я крайне мало знаю о моем прадеде по материнской линии. Знаю только, что его звали Лявон Довыденко, что он из деревни под Витебском (предположительно жил в ныне снесенной деревне Павловичи).

До войны семья прадеда была как середняки, т.е. держали какой-то скот. Прадед вступил в колхоз, где его назначили бригадиром. Он был хозяйственный. Ездил на лошади. Когда его арестовали, я не знаю. В на-

52 Там же. стр. 40-41.

шей семье эта тема была под запретом, мне вообще в детстве сказали, что он погиб на войне — летом 1941-го. И только недавно я узнал от дядьки (маминого брата), что на самом деле он был арестован. Его расстреляли в тюрьме в Орше, как только началась война. Это со слов дядьки. Больше я ничего не знаю о моем прадеде. К сожалению, бабушка — его дочь — умерла 5 лет назад. И уже больше ничего узнать не смогу".

Отца расстреляли в Орше, сына отправили в психбольницу

Станислав Сигизмундович Корженевский, поляк по национальности, родился в 1901 году. В анкетных данных арестованного указано место рождения — Орша, но родственники утверждают, что Смоленск. С происхождением тоже не все так просто. В анкете арестованного Станислав Корженевский указал, что происходил из семьи крестьян-бедняков. Однако потомки имеют документы о его дворянском происхождении.

В анкете указано, что до революции Станислав Сигизмундович жил на иждивении матери, которая работала кухаркой у помещика Сипайло, но и тут запись не соответствует действительности. "Мать дедушки до революции, после смерти первого мужа, вышла замуж второй раз за богатого дворянина. У них был огромный дом в Орше около Днепра. Так что вряд ли она работала кухаркой. А сведения, которые сообщал мой дед, видимо, были даны в целях безопасности", — считает внучка Станислава Корженевского Маргарита Орлова.

Станислав Сигизмундович имел высшее образование. Еще до революции мать отправила Станислава учиться на юг России к родственникам, где он окончил юридический факультет. Как следует из документов, Станислав Корженевский служил в Красной армии с 1918 по 1925 год, а после состоял на учете в Оршанском райвоенкомате в младшем начсоставе. Однако родственники эту информацию опровергают.

После революции Станислав уехал с мамой жить в Москву к родственникам. Работал адвокатом. Там в 1928 году он впервые попал в поле зрения советских карательных органов. Тогда "тройка" ОГПУ приговорила его к 3 годам высылки. "На каком-то заводе поддержал демонстрацию рабочих, выступил с речью, видимо, позволил себе слишком, ну и отправили в Сибирь. Бабушка после некоторого време-

ни поехала к нему, в Бирилюсы, недалеко от Ачинска. После ссылки бабушка очень хотела вернуться в "мир", в Москву, побывать в театрах, но их не пустили. Вернулись в Оршу", — рассказывает внучка Маргарита Орлова.

Некоторое время Станислав Сигизмундович работал юрисконсультом на торфозаводе "Осинторф". По роду службы ему приходилось часто обращаться в суды. Именно поэтому при обыске в августе 1937 года у него на квартире нашли бланки со штампом и печатью "Осинторфа". Позже Корженевский устроился юрисконсультом в оршанский "Швейпромсоюз". В этой организации в 1938 году будут арестованы еще несколько человек, среди которых и отец Ефима Шифрина Залман Шифрин.

Вплоть до ареста 23 августа 1937 года вместе с женой Татьяной (34 года) и дочкой Хеленой (11 лет), сыновьями Генрихом (8 лет), Романом (6 лет), Станиславом (3 года) и Ричардом (7 месяцев) проживали в Орше на улице Первомайской, 58.

Следующий арест 23 августа 1937 года производил сотрудник Оршанского РО НКВД Яцкевич.

Корженевского поместили в оршанскую тюрьму. 18 октября допрос проводил начальник Горецкого РО НКВД в звании младшего лейтенанта (возможно, своих сил оршанским карателям из НКВД не хватало).

На допросе Станислав Корженевский якобы признался, что в августе 1937 года дал согласие на сотрудничество с польскими разведорганами человеку, который пришел к нему под предлогом помощи в трудоустройстве. Корженевскому поручили собирать сведения об оршанских артелях, количестве их работников и служащих. Скорее всего, это был самооговор, поскольку в августе Корженевского арестовал НКВД. Также известно, что в отношении заключенных в оршанской тюрьме НКВД активно применял пытки. Кроме устного заявления о работе на Польшу, в материалах дела арестованного больше никаких доказательств. Но устного признания было достаточно, чтобы не вернуться домой.

Обвинительное заключение вскоре легло на стол "двойки" во главе с наркомом НКВД Николаем Ежовым. Такие материалы комиссия рассматривала в альбомном порядке, быстро, не вникая в суть дела. 26 октября комиссия решила, что вина Корженевского полностью до-

казана и на основании ст. 68 УК БССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор привели в исполнение 10 ноября 1937 года. В этот же день в Орше расстреляли, по меньшей мере, 181 человека.

“Про репрессии я слышала рассказы от бабушки. Кстати, ей вообще ничего не сообщили о расстреле моего деда. Забрали, и ни слова. Всю жизнь она надеялась узнать о его судьбе, хотя догадывалась о его гибели, но все-таки была надежда. Я узнала официально про расстрел деда, когда бабушки не было в живых“, —рассказывает внучка Маргарита Орлова. Фотография, где дедушка держит на руках дочку Хелену, — единственная в семье. Хелена смогла пронести ее через всю войну и сохранить для потомков.

Станислав Сигизмундович Корженевский был реабилитирован Военным прокурором Белорусского военного округа 16 октября 1989 года. Его дело 18977-п хранится в УКГБ Витебской области. Недавно на Кобыляцкой горе потомки установили символическую табличку с именем Станислава Корженевского.

Однако на этом беды семьи Корженевских не закончились. Во время войны жену Татьяну с детьми немцы вывезли в Германию. “После войны она осталась на Западе, не хотела возвращаться туда, где так издевались над ее семьей. Она говорила мне: “Пока те сволочи во власти, я туда не вернусь!” Это были ее чувства”, — рассказывает Маргарита Орлова.

В начале 1950-х сын Станислава Ричард Корженевский решил вернуться в СССР искать отца. Ему было всего 16 лет. “Не сказав никому ни слова, он направился в советское посольство в Берлине. Там его посадили на поезд и отправили в Оршу на поиски отца. Целый год бабушка не знала, где он, пока не пришла телеграмма от Ричарда: “Мама, помоги!” Ричард ходил по учреждениям и просил предоставить информацию про отца. Везде закрывали двери. Когда он, наконец, понял, каким был наивным и какую глупость совершил, попытался бежать. Можете представить, что это значило тогда! Он не переставал требовать выезда. И вот его посадили в нервную клинику, а потом сослали в лагерь в Ташкент“, — делится воспоминаниями Маргарита Орлова.

Из документов известно, что 21 ноября 1956 года по обвинению в антисоветской агитации был арестован рабочий швейной мастерской Орши Ричард Корженевский. После смерти тирана Иосифа Сталина и

доклада о культе личности на XX съезде КПСС Никиты Хрущева политических уже не расстреливали. Ричарда Корженевского приговорили к принудительному лечению в психбольнице. А 26 февраля 1957 года его реабилитировала судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Витебской области. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Арест семьи преподавателя оршанского педтехникума

По городу ползли слухи: исчезли секретари горкома партии, многие руководители предприятий и организаций. Фантасмагорическая чистка набирала обороты! Жуткое дуновение от круговерти арестов коснулось и меня. Только случайно остался на свободе. Будучи студентом, жил какое-то время у знакомых моей сестры Прасковьи — преподавателя белорусского языка и литературы педтехникума М.В. Шатерника и его жены Лидии Вячеславовны: мест в общежитии всем не хватало. У них была трехкомнатная квартира, детей не было.

Однажды в техникуме был вечер, посвященный Октябрьской революции. Мне поручили сделать доклад от студенчества, и я громко и искренне распинался на трибуне, рассказывая о наших победах на всех фронтах :учебном, научном, политическом. Видел в зале лица — напряженные, старательно вслушивавшиеся в особенности моей интонации и тщетно пытавшиеся обнаружить в словесах что-то новое, кто — и враждебно-ревизионистское…

Вечер был в субботу и порядочно затянулся. Идти домой было поздно, и я заночевал на пустой койке у своего друга Вани Малыгина. Следующий день воскресный, и я, радостно подпрыгивая под лучами осеннего солнца, поскакал к Шатерникам.

До льнокомбината, где они жили, было километра три. Поднимаюсь на второй этаж, знакомый номер на двери — 18. На обшарпанной площадке темновато. Вставляю ключ в замочную скважину, поворот — и вдруг за спиной тихо: “Не трогай! Не открывай! Ты что, пломбу не видишь?” Я повернулся, от неожиданности сердце начало громко стучать.

Передо мной стояла соседка из 17-й квартиры и держала в руках кусочек синей бумажки. Я ее знал давно. Лидия Вячеславовна и соседка хорошо дружили, а ее дочь Альбина часто приходила к моим хозяевам послушать граммофон. Тогда я бросал свои занятия и мы втроем с удовольствием слушали пение Вертинского, Шаляпина, Собинова…

— А где же они? — растерянно спросил я у Веры Ивановны.

— Забрали ночью! Лидия успела мне сунуть эту бумажку, а узелок для тебя выхватил милиционер…

И соседка скрылась за своей дверью. Я остолбенел! Вот оно — рядом! А что будет со мной? Арестуют? А за что? За то, что жил у них. Где же ночевать? В квартире остались учебники, книжки из библиотеки, конспекты, вещи. Вышел во двор, зашел в беседку, сел. Руки дрожали. Никогда не испытывал такого напряжения. Состояние было близкое к обмороку.

Заставил себя собраться, развернул записку: "Мадам Троц, Богом прошу, дайте приют моему братику. Он должен закончить учебу, иначе пропадет… Верная Вам Вера". Ее подружка с гимназических времен Лилия Леонардовна Троц проживала в деревушке Пустынки на берегу Днепра. Я ходил туда часто к кому-то за молоком. Мадам была то ли сестрой, то ли горничной богатого горожанина, сосланного советами в Сибирь.

Мысли путались, руки дрожали. Могли забрать и меня? Ну и что, что не член их семьи? Кто бы стал разбираться? Сибирь большая — всем хватит места! Было жаль и конспектов, и учебников. В опустевшей квартире осталась любимица гитара, огромный граммофон, напольные часы, швейная машинка "Зингер"… А главное — сокровищница знаний: "Энциклопедический словарь Брокхауза и Эфрона", девяносто два тома! Они занимали почти четыре полки в книжном шкафу. Эту уникальную во все времена энциклопедию Михаил Васильевич обещал подарить мне, когда я сам стану учителем.

Все пропало! А примет ли меня эта мадам теперь, в это опасное время? На меня, шестнадцатилетнего сельского юношу, еще подростка, сразу навалилось такое горе! Хлебну я горя без помощи и опекунов. Но желудок напомнил — не обедал, не ужинал, а было уже под вечер. Мне оставалось только пойти по адресу в это село. Дорога не заняла много времени. Отыскал дом. Двери открыла сама хозяйка. Удивилась, но пригласила зайти в комнату.

— Что случилось? Какая просьба, от кого?

Я начал рассказывать. Она слушала, сложив руки на коленях. На глазах появились слезы. Потом собралась и спросила, ел ли я и когда? Я признался, что во рту ни крошки с самого утра. Потом рассказал о семье, об отце, нашей деревне. О том, что у меня ни гроша, а теперь и

места для жилья. За деньгами я смогу пойти к отцу только через неделю. А туда не ходил никакой транспорт, только пешком — четыре с хвостиком часа по пыли летом или по грязи осенью! Далеко, тяжело, но я все выдержал, перетерпел и выстоял. Прожив у чужого человека какое-то время, перебрался в общежитие. Конечно, отец и мачеха помогали как могли, больше продуктами — картошкой, мукой, хлебом, салом, реже деньгами. Большое им всем спасибо![53]

P.S.: К сожалению, установить дальнейшую судьбу преподавателя белорусского языка и литературы Оршанского педагогического техникума Михаила Васильевича Шатерника и его жены Лидии Вячеславовны не удалось. Нет их имен и в историческом очерке “От учительской семинарии до университетского колледжа” Л.В. Ершовой, посвященном 100-летию заведения. Оно и понятно. Не любят наши госучреждения и госпредприятия вспоминать о массовых сталинских репрессиях. Ведь государственная идеология предпочитает переворачивать страницы истории насилия над собственными гражданами.

Репрессированные преподаватели и учащиеся оршанского педтехникума

Репрессии 1930-х затронули абсолютно все слои советского общества. Не обошли они стороной и Оршанский педагогический техникум. Вот что нам удалось собрать в открытых источниках.

Под репрессии начала 1930-х попали прежде всего деятели культуры — были разгромлены молодежное литературное объединение “Молодняк” и краеведческое общество. Попал под репрессии один из наиболее активных оршанских краеведов Данила Минович Василевский, который работал в Оршанском педтехникуме. В 1931 году в газете “Звязда” №12 вышла статья, которая обвинила его в “нацдемовщине”. Из Орши Василевский переехал в Могилев, а затем в Москву. Но в 1936-м его арестовали и сослали на поселение на 5 лет. Ссылку отбывал в Коми АССР. Освобожден 10 августа 1954 года, реабилитирован в 1956 году.

“Советской стране требовались новые учителя, которые бы не только обучали знаниям и умениям, но и воспитывали подрастающее поколение в духе коммунистических идей. Они были близки де-

53 Ковалев В.К. День первый — день сѐдьмый. стр. 95-96. Минск, “Белпринт”, 2018. http://pawet.net/files/pervyjden.pdf

тям рабочих и трудящихся крестьян, поэтому их в первую очередь и принимали в техникум. На учебу стали направлять членов партии и комсомола. Примером является И.И. Якубовский, который поступил в 1930 г. в техникум по путевке Горецкого райкома комсомола [6 , оп. 3, д. 439, л. 4]. При регулировании социального состава учащихся техникума не обошлось и без “перегибов”. Архивные документы свидетельствуют, что ряд учащихся исключались из техникума по политическим мотивам. Согласно приказам только в 1933 г. 15 учащихся были отчислены как “классово чуждые элементы”, так как их родители были исключены из колхозов, признаны кулаками или арестованы органами ОГПУ[54].

А это уже воспоминания жителя Оршанского района, очевидца тех давних событий Сергея Ковалева. “В техникуме (тогда его не называли педучилищем) пережил множество трагических и непонятных событий: хорошо помню, как был убит С.М. Киров в 1934 году. Все газеты вышли с широкими черными рамками — плерезами (траурная рамка вокруг портрета умершего). Об этом убийстве ходили разные слухи, но я уже тогда старался уклоняться от всяких разговоров об этом случае. После этого — аресты многих преподавателей, некоторых руководителей города.

Почти каждую неделю шепотом сначала среди старших, потом уже и среди нас расползались тревожные слухи: ночью арестован первый секретарь Оршанского горкома компартии Соскин (расстрелян в Минске в 1938-м), второй секретарь…

Однажды в 1933 году приходим на занятия. В девять наша сторожиха дает звонок. Мы ждем преподавателей. Проходит пять, десять минут — никого, их просто нет?! Послали дежурного группы в преподавательскую узнать, в чем дело, — никакого вразумительного ответа. Но в некоторых аудиториях занятия все же велись. Нас отправили в библиотеку.

День так проходит, второй… Снова ждем. Никто ничего не понимает – куда подевались любимые учителя?

54 Л.В. Ершова “От учительской семинарии до университетского колледжа. Исторический очерк”. Орша. Оршанская типография, 2011. с.17. https://okvgu.vsu.by/upload/files/letopis_kolledzha.pdf

Только через неделю узнали, что в стенах нашего скромного заведения сверхбдительные местные чекисты выявили целую подпольную антисоветскую организацию, и в связи с этим и были арестованы бедолаги:директор техникума И.Н. Зенюк (руководил техникумом в 1932-1935 годах), он же преподаватель русского языка и литературы, математик Барановский[55], учитель рисования и сам художник П.А. Жизневский[56], преподаватель пения П.М. Косач, физик Ф.В. Тодрин, преподаватель белорусского языка и литературы, автор книги "Словарь Червеньщины" М.В. Шатерник, преподаватель психологии П.П. Мышко, преподаватель астрономии и географии Виноградов (говорили, что это бывший профессор из Москвы) и другие. Всех теперь, к сожалению, не помню.

Нас никто и никогда не информировал о том, что происходило вокруг. Тем более такое таинственное и непонятное! Еще долго, многие дни и месяцы, в коридорах и аудиториях техникума царила зловещая тишина, а среди преподавателей и студентов чувствовались настороженность и страх. Этих несчастных, исчезнувших внезапно из нашего и из других техникумов, было еще человек тридцать!

На занятия не явились некоторые студенты, в том числе и мой друг Янка Толстик. Он отказался петь песню-агитку, посвященную смерти Ю. Пилсудского, где был припев: "Сдох Пилсудский, сдох!" На уроке пения он неосторожно сказал: "О человеке нормальные люди никогда не говорят "сдох", а говорят „умер"…".

Новый преподаватель пения с "двойной профессией" тут же донес в НКВД. Потом этот любитель наушничанья быстро переехал в областной центр, да еще с повышением, где сделал пристойную карьеру, вплоть до преподавания в высшем учебном заведении. Наверное, его оценили не только за труд, но и за склонность к предательству и бесчестью. Я встречал его после войны. Вот на таких подонках, выслуживавшихся за счет доносов, и держалась в те годы наша великая держава!

Мы пришли после новогодних каникул, а преподавать некому. Кто постарше и поопытнее, нашептывал, что нужно опасаться сторожа, жившего вместе с женой в угловой маленькой комнате с отдельным входом.

55 Вероятно, Барановский Александр Васильевич. Расстрелян в Орше 17.01.1938 г.
56 Вероятно, Николай Варфоломеевич Жизневский. Расстелян в Орше 10.11.1937 г.

Жена работала уборщицей и истопником, а ее муж заготавливал дрова и исполнял обязанности завхоза.

Вспоминаю одну довольно странную особенность его поведения: по праздникам, после торжественных собраний или вечеров, к нему частенько заходили преподаватели-мужчины пропустить по рюмочке, посидеть в его каморке и поболтать о жизни. Он не только слыл гостеприимным хозяином, но и приторговывал самогонкой, которую привозил из деревни от своих родственников. Ну, а от стаканчика и ломтика домашней ветчины отказаться никто не мог.

Преподаватели менялись каждый год — их арестовывали по непонятным причинам, а этот веселый человечек, зимой и летом ходивший в вонючих валенках и сыпавший анекдотами, оставался цел и невредим. Уже после окончания учебы я случайно узнал, что еще до войны он тоже уехал с супругой в Минск, в столицу, и там тоже устроился завхозом в какой-то институт. Видимо, для зачистки уже вузовской, всегда ненадежной молодежи.

Чудеса, да и только! Со временем, в течение пары месяцев, арестованных временно заменили городские учителя, а позже начали присылать новых. Тревожная жизнь продолжалась…”[57].

В нашей базе есть имена и других репрессированных преподавателей Оршанского педтехникума.

В докладной записке секретаря Оршанскога РК КП(б)Б Р.И. Соскина в ЦК КП(б)Б Я. Яковлеву указывается: “разоблачен и исключен во время проверки партдокументов директор Института — контрреволюционер нацдем Зенюк, организатор двух контрреволюционных нацдемовских ячеек на границе в Копыльщине”, а также “Зенюк — безусловный враг народа и шпион, который имел возможность уехать, и проживает сейчас в Западной области”.

Также были репрессирован преподаватель Потес Владимир Васильевич. За участие в контрреволюционной кулацкой организации осужден 16 апреля 1931 года к 5 годам концлагерей. Реабилитирован.

Преподаватели Соколов Сергей Ефремович и Семенова Лариса Николаевна расстреляны в Орше 10 ноября 1937 года.

---

57 Ковалев В.К. День первый – день сѐдьмый. Стр. 92-95. Минск, “Белпринт”, 2018. http://pawet.net/files/pervyjden.pdf

Трэба памятаць

У трыццатыя гады ў нашым горадзе жыў і працаваў Раман Ісакавіч Соскін — першы сакратар Аршанскага райкома ЦК КП Беларусі, дэлегат 13-га з'езда партыі, паважаны чалавек. У 1937 годзе яго арыштавалі і расстралялі. Але 8 судзеня 1957 года прысуд ваеннай калегіі ад 29 чэрвеня 1938 года быў адменены з-за адсутнасці складу злачынства. Р.І. Соскін рэабілітаваны пасмяротна.

У часопісе "Уральский следопыт" №7 за 1989 год сваімі ўспамінамі дзеліцца малодшая дачка Соскіна Валянціна у артыкуле "Незваротнае". Трагічны лёс напаткаў усю іх сям'ю. Праз некалькі месяцаў арыштавалі жонку. Яна працавала ў Оршы загадчыцай бібліятэкі. У сям'і было тры дачкі: Алена, Дзіна і Валя. Яна прайшла праз лагеры і ссылкі. Памерла пасля вайны. На яе мармуровым помніку фотакартка двух Соскіных і подпіс: Соскін Р.І. загінуў у 1937 годзе".

Што гэта азначала? У 1937 годзе сям'ю ператалі наведваць нават блізкія, сябры. Баяліся! Але аднойчы летам жонку і дзяцей наведаў чалавек, ласкавы і добры. Калі госць пайшоў, маленькая Валя запыталася:

— Што гэта за дзядзька такі добры, і чаму ён не пабаяўся да нас прыйсці?

— Гэта сапраўдны чалавек, — адказала маці. — Запомні: Янка Купала.

У гэты час вялікі паэт жыў і працаваў у Ляўках, што на Аршаншчыне. Магчыма, ёсць яшчэ людзі старэйшага пакалення, якія памятаюць Соскіна, чалавека, які многа зрабіў для Аршаншчыны.

Але не толькі, каб напомніць, пішу гэтыя радкі. А каб мы маглі яшчэ раз пераасэнсаваць пражытае, бо ад кожнага залежаць нашыя лёсы, намаганнямі ўсіх складаецца гісторыя. Якімі мы ў ёй будзем выглядаць, якую пазіцыю зоймем? Час падрыхтоўкі XXYIII з'езда КПСС дае нам шансы, каб праявіць сябе. Трэба імі скарыстацца, успомніўшы многае, што, можа, і хацелася б забыць.

Л.Паўлоўская, Чырвоны завулак[58]

58 "Ленінскі прызыў", 10.04.1990 г.

Янка Купала — единственный, кто поддержал семью репрессированных Соскиных (с сокращениями)

Валентина Романовна Соскина (Балашова) живет в г. Екатеринбурге. Окончила факультет иностранных языков. 48 лет проработала преподавателем французского языка. Сейчас на пенсии. Автор двух книг.

Я, Дрогицкая Лена, внучка Соскина Романа Исаковича[59], 1900 г.р. (моя мама — Соскина-Дрогицкая Дина Романовна, 1926 г.р.), обращаюсь к Вам с просьбой. Мой дед по матери, первый секретарь райкома партии г. Орши, был репрессирован: арестован в июле-августе 1937 г., в 1938 г. — расстрелян. Эти сведения из справки о посмертной реабилитации от 8 января 1957 г. В 1938 году была арестована моя бабушка, Соскина-Цемехман Юлия Иосифовна[60], о чем я знаю тоже из документа о реабилитации. Трое их детей – три дочери: Лена, Дина и Валя – отправлены в детский дом.

Впоследствии младшая, Валя, написала маленькую повесть о себе и своей семье. Старшая, Лена, в конце 1980 — начале 1990-х обращалась во всевозможные архивы, чтобы получить сведения об отце. Теперь эти документы хранятся у меня.

Я, конечно, не могла знать своего деда, а мне очень бы этого хотелось. Может быть, кто-то помнит его, читал о нем, слышал и т.д. В семье пересказывается, как после ареста деда вся семья подверглась остракизму окружающих, бабушку уволили с работы, младшую девочку отправили домой из детского сада и т.д., и навестил их только один человек, им был белорусский писатель Янка Купала. Нельзя ли со страниц Вашего журнала обратиться к читателям с просьбой: откликнуться и рассказать о Романе Соскине кто что помнит".

Лена ДРОГИЦКАЯ, Иерусалим

Из книги Валентины Соскиной "Необратимое"[61]

"Нас три сестры: Лена, Дина, Валя. Валя — это я. Я — младшая! У меня свои привилегии. Лена и Дина уже в школе, а я еще думаю: вставать или не вставать? Но мама говорит, что нужно вставать

59 Роман Соскин — автор ряда доносов (см. раздел "Документы свидетельствуют"), расстрелян в Минске 29.06.1938 г.

60 Соскина-Цемехман Юлия Иосифовна осуждена 8.10.1938 г. к 5 годам лагерей.

61 Валентина Соскина. "Необратимое" http://mishpoha.org/n24/24a13.shtml

сразу же, не раздумывая. Быстро вскакиваю с кровати и бегу в комнату папы.

Ну, конечно, папа уже готов к зарядке. Он марширует. Становлюсь за ним и начинаю шагать. Потом мы идем умываться. Я очень люблю смотреть, как умывается папа. Говорят, что человек аппетитно ест, а мой папа аппетитно умывается: шумно, звонко и, похлопав ладошками, обрызгивает меня. Я стараюсь подражать ему: тоже хлопаю.

Потом мы завтракаем, папа, мама и я, и отправляемся на работу. Папа — секретарь райкома партии, мама к себе в библиотеку, а я — в детский сад.

…Папа получил путевку в санаторий, но поехать не может, поэтому поедет мама с детьми! Ура! Мы едем в санаторий. Ой, как нам везет! В санатории много интересных людей. Здесь отдыхают беларусские артисты. Быть актрисой — моя давнишняя мечта. Я люблю подражать. Посмотрю кинофильм, например, “Юность Максима”, ложусь на пол и воображаю, что я у реки, в руках у меня гитара, я пою: “Люблю я летом с удочкой на берегу сидеть”. Это я подражаю Чиркову. Все смеются и говорят, что из меня выйдет толк.

А скоро будет “Большой концерт”. Я никому ничего не говорю, иду на репетицию и сообщаю, что тоже хочу выступать. Ура! Меня включают в концерт…

Так весело — не может быть лучше. И вдруг лучше — к нам в санаторий приезжает папа. Ура! Папа, папочка! Я бросаюсь к нему и не оставляю его ни на минуту. Я рассказываю обо всем сразу: о том, что я научилась есть макароны, как Чарли Чаплин, что я заслуженная артистка БССР и что в санатории много хороших людей. А вечером папа уезжает, и я начинаю рыдать.

— Папочка, не уезжай!

Я цепляюсь за папины брюки и не отпускаю его. Папа уговаривает меня. Потом, зареванную, быстро отдает маме и, поцеловав всех, уходит. Я не успокаиваюсь. Я задыхаюсь от горьких-горьких слез, и у меня начинается жар.

Чемоданы собраны. Поезд, дороги, рельсы, деревья, вокзал. И вот мы дома. Мама открывает дверь ключом, и мы входим. Пусто, никого нет. Мама звонит по телефону в райком, и ей сообщают, что папа вызван в Минск. Мама вызывает Минск. Лицо ее становится серым. Она

тяжело садится на стул и смотрит в пол:

— Папу арестовали…

Маме плохо. Лена и Дина уходят в детскую. Я ложусь с мамой, но не могу уснуть. Мне страшно. Вдруг в дверях, прямо передо мной, я вижу маленького старичка, с наперсток величиной. Он кивает мне головой и смотрит на меня в упор.

— Мамочка, – шепчу я, — там старик пришел. Но в это время старик исчезает.

— Спи, доченька, — говорит мне мама, — никого нет.

“Где мой папочка?” – думаю я и со слезами мгновенно засыпаю.

...

Мама ведет меня в детский сад. Мы всю дорогу молчим. Мамина горячая рука крепко держит мою. Нам попадаются навстречу знакомые, они почему-то отводят глаза. Я смотрю на маму и вижу: губы ее сжаты, голова гордо откинута назад.

— Мамочка, за что арестовали папу?

— Не знаю, доченька, разберутся. Папа наш — честный человек. Его скоро отпустят.

“Папочка, папка, хороший мой!” — думаю я и вспоминаю.

Вот папа выступает с докладом в кинотеатре. Говорит горячо, его слушают внимательно, его речь даже передают по радио, и я горжусь им. Мой папа — кировец. Я не знаю, что это значит, но только это очень хорошо. Лена всегда говорит: “Наш папа — большевик”. Нет, папу, конечно же, скоро выпустят. Это при царе он сидел в тюрьме. А сейчас кругом свои.

Мои мысли прерывает голос мамы:

– Вот детский сад. До свидания, доченька.

Я целую маму и привычно распахиваю дверь детского сада… Здесь меня встречают странно. Со мной не играют, на меня косятся.

— Витя, — говорю я своему дружку, — почему все на меня так смотрят?

— Моя мама говорит, что твой папа очень хороший, а никакой не враг народа…

— Враг народа? Почему враг? Мой папа — враг?

Слезы душат меня.

— Идем со мной, — говорит мне воспитательница.

Она уводит меня к столикам. Мы садимся. Она некоторое время

молчит. Потом очень мягко, как будто боится обидеть меня, говорит:

— Передай маме, чтобы она тебя больше не приводила в детский сад. Хорошо?

Я встаю и направляюсь в раздевалку.

— Сегодня ты можешь пробыть до конца дня, — говорит она мне вслед.

Я ухожу не оглядываясь. "Сами вы все враги народа", — думаю я зло…

По улице я бегу не останавливаясь. Вот сейчас откроется дверь, и папа дома. Сердце бьется. Я взлетаю по лестнице. Звоню, звоню, звоню… Открывает дверь какая-то незнакомая тетя.

— Вы кто? — спрашиваю я.

— А ты кто? — отвечает она.

— Я здесь живу, — хмуро сообщаю я.

— Тогда проходи. Не стой в дверях. Мы — ваши новые соседи. Для четверых у вас многовато места. Так-то!

Не нравится мне эта тетя. Я закрываю глаза, открываю в надежде, что она исчезнет… Но она не исчезает. Тогда я вхожу.

— Тебе сюда, — говорит она мне.

Иду в детскую. Здесь Лена сидит одна.

— Леночка, — шепчу я. — Что значит "враг народа"? Почему меня прогнали из детского сада? Что там за тетенька у нас в квартире?

Лена вскакивает, хватает меня и прижимает к себе.

Маму уволили с работы. Она больше не заведует библиотекой. Теперь она швея. Дома у нас пусто и скучно. Мамина подруга тетя Рая даже по телефону боится звонить. Соседи с нами не разговаривают. Я хожу в школу в первый класс, хотя по возрасту мне еще ходить в школу рано. Долгая-долгая зима. Каждый день одно и то же. Мы ждем папу. Мама ездит в Минск, возит ему передачи. Ждем.

И вдруг однажды вечером раздается звонок. Мы уже отвыкли от звонков, к нам никто не ходит. А тут пришел гость. Мама ему очень обрадовалась. Мы сидим в детской…

Мама и гость смеются. Он сажает меня на колени и гладит по голове. Я сижу у него на коленях. И пусть он очень ласковый и добрый, и пусть мама впервые улыбается за эту зиму, и пусть он даже мне нравится — все равно мне неудобно у него на руках, потому что удобно

было у папы. И я тихонечко сползаю с его колен и сажусь рядышком с мамой.

Когда гость прощается и уходит, я спрашиваю у мамы, что это за дядя такой хороший и почему он не побоялся к нам прийти.

— Это настоящий человек, — говорит мне мама. — Запомни: Янка Купала.

Каждый день я прибегаю в мамину швейную мастерскую. Там мне нравится. Вбежишь в дверь — и сразу за углом мамина швейная машина. Шум стоит какой-то необыкновенный. Здесь я узнаю новое слово: поток. Вот одна мастерица делает какие-то швы и передает лоскутки другой, другая пришивает пуговицы, третья гладит… И все так ладненько. Все швеи мне нравятся, только я не люблю, когда меня жалеют. А они часто говорят какие-то жалостливые словечки.

Ночью я сплю всегда с мамой. Утром просыпаюсь, а мамы уже нет — она ушла на работу.

В это утро я просыпаюсь, как обычно, но почему-то спрашиваю:

— А где мама?

— Маму арестовали, — говорит мне Дина.

— Нет, ты врешь, врешь, — кричу я ей.

Я хватаю платье, надеваю его наспех и мчусь в швейную мастерскую. "Сейчас, сейчас я увижу маму…" Вбегаю, а мамы нет…

— Где мама? — спрашиваю я с отчаянной надеждой.

Швеи смотрят на меня растерянно. Я выбегаю на улицу.

— Бедные дети, — слышу я убегая.

Я бегу домой. Я на что-то надеюсь, я надеюсь, я надеюсь…

Дома застаю каких-то военных.

— Собирайтесь, — говорит нам один из них. — Папа и мама ждут вас в Витебске. Мы отвезем вас к ним.

Я уже совсем хочу обрадоваться, но по глазам Лены и Дины вижу, что они не верят, и тоже начинаю сомневаться.

— А это правда? — спрашиваю я.

— Разве я буду вас обманывать? — говорит военный.

Мы быстро собираемся. Потом они что-то наклеивают на дверь нашей комнаты, что-то зажигают, что-то шипит.

— Сургуч, — говорит Лена. — Квартиру опечатывают. А зачем это?

— Так никто сюда не войдет. А то, пока вы ездите, вас ограбить могут.

Мы выходим на улицу, садимся в машину, едем… Но не проходит и пятнадцати минут, как машина останавливается. Шофер выходит и долго копается в машине, а мы сидим и ждем. Потом он садится, но не закрывает дверцу, а говорит:

— Машина вышла из строя. Ее надо в ремонт.

— Придется выйти, — обращается к нам военный.

Я оглядываюсь вокруг, и…

— Лена, — шепчу я, — это детдом. Мы здесь были тогда, помнишь, с Джимиком.

Ах да, Лена не помнит. Они тогда с Диной были в лагере.

— Не выходим, — приказывает нам Лена и добавляет укоризненно: — Вы обещали, везите нас в Витебск к маме и папе.

— Но машина сломалась. Мы не можем ее ремонтировать, когда в ней люди. Придется все-таки выйти и остаться здесь, но я вам обещаю, что это только на одну ночь.

Прошел уже месяц, как мы попали сюда. Мы возвращаемся с Днепра, на линейке объявляют распределение по детдомам. Мы попадаем в Украину. Поезд довозит нас до Корыстовки Кировоградской области. Машина доставляет в село Ясиноватка. Вот наше новое жилье. Огромная территория обнесена высокой стеной.

— Здесь была раньше колония, — отвечает на вопрос Лены шофер.

Нас распределяют в разные спальни… по возрасту. Мне — семь лет, я попадаю в спальню семилеток.

...

Во второй класс меня не взяли, потому что мне мало лет, и я еще должна переучиваться на украинский язык. И вот я снова в первом классе. Учительница мне нравятся: красивая, стройная украинка с каштановой косой, толстой-претолстой, уложенной вокруг головы. В конце урока мы все ей громко хором кричим:

— До побачення!

На уроках мне скучно: я уже все это знаю. Ведь первый класс в Белоруссии я закончила с похвальной грамотой. По всем предметам я получаю “видминно” (отлично), а по поведению “погано” (плохо). После уроков я боюсь идти в детдом, потому что меня будут ругать за поведение. И я хожу за моей учительницей Верой Якымовной до тех пор, пока она не сжалится надо мной. Она смотрит на меня мягкими, ласковыми глазами и, взяв дневник, ис-

правляет “погано” на “видминно”. Счастливая, я мчусь в детдом. Сердце поет!

Воспитательница рассказывает о Сталине. Она говорит о мальчике, который, оказавшись в лесу, заблудился и подошел к обрыву. Он не мог перепрыгнуть огромный ров.

— Веди, наш Сталин, вперед, — воскликнул он, и ров сузился, и он легко перескочил его.

Теперь, когда я встречаю сельских мальчишек, а они дразнят нас инкубаторскими и всегда дерутся, я произношу мысленно: “Веди, наш Сталин, вперед, чтобы они меня не тронули”. И с уверенностью прохожу мимо. Мальчишки не трогают меня.

...

Лена, моя сестренка. Она все время жалеет меня, старается мне помочь, чем только может. Но я ее гоню, потому что совсем забрать к себе она меня не может, а после ее прихода Клавка Регина всегда начинает издеваться:

— Ах, неженка! Ах, сестра. Ах, сюсю.

И все опять принимаются смеяться и кривляться. Я боюсь Клавку и злых насмешек девочек, и гоню мою хорошую, мою родную Лену. Я говорю уже только по-украински. Гляжу на Лену и Дину и зло кричу:

— Идить вид мэнэ, можэ, я нэ хо, якого чорта!

Но когда они уходят, передо мной встает обиженно-печальное лицо Лены, и, уткнувшись куда-нибудь в уголок, я тихо плачу. Лена понимает меня. Когда утром мы делаем зарядку на улице, она останавливается на секунду, смотрит на меня и проходит мимо. И вот однажды радостная весть. От тети Леи из Могилева пришло письмо. Она прислала еще и посылку. А главное, в письме своем она сообщает адрес мамы. Мама в ссылке в Казахстане, но у нее есть право переписки, и мы можем ей писать.

Радость! Радость! Радость! И пусть Клавка Регина отбирает все мои сладости из посылки, я счастлива — нашлась моя мама, моя черноглазая красавица. Мама Юля очень красивая. Волосы у нее лежат черными волнами вокруг головы, а самое прекрасное — это мамины две родинки: одна над верхней губой, другая на этой же стороне под глазом. Полная, свежая, она запомнилась мне в зеленом модном пальто и в зеленом берете. Моя мама, мамочка моя Юля нашлась!

Сегодня мы едем в Корыстовку. Мы будем фотографироваться и вышлем фотокарточку маме. Нам выдают сухой паек на день, и мы втроем: Лена, Дина и я — уезжаем. Директор детдома дает нам разрешение и свой адрес. Если мы устанем, мы можем зайти к нему домой и отдохнуть. Мы нашли маму, мы едем фотографироваться, день мы будем вместе, день я не увижу Клавку Регину. Жизнь все-таки хороша!

Находившись по городу, уставшие и голодные, мы еле-еле добрались до дома директора детдома… Нас встречают вежливо, но холодно. Мы просим разрешения поесть свой холодный паек. Нам разрешают. Пока мы едим, я замечаю, что у Лены портится настроение. Я спрашиваю:

— Что с тобой?

— Потом, – отвечает мне она.

Когда мы, простившись, выходим, Лена говорит:

— Дина, ты обратила внимание на их кровати?

— Ага, там наши подушки. Я их хорошо знаю.

— Точно, — говорит Лена. — Подумать только, взять у детей. Я вспомнила, как директор говорил мне, что спать в детдоме на своих подушках не разрешается…

— А зачем тогда он дал вам свой адрес? — спрашиваю я. — Мы бы не увидели никаких подушек.

— Да ну их, эти подушки, — говорит Лена. — День все равно испорчен.

...

Первый класс я закончила вновь с похвальной грамотой, да меня еще награждают лыжами. Лена просит вместо лыж разрешить мне поехать с ней в Могилев. Лена закончила седьмой класс, а значит, окончила детдом. Она может уехать, куда хочет. Мне разрешают поехать погостить на родину. Я еду в Белоруссию. Я очень рада, но решаю твердо: что бы со мной ни случилось, в детдом больше не возвращаться. Мы едем вдвоем. А как же Дина? Мы ее оставляем одну?

— Уезжайте, — говорит она нам. — А я буду писать маме, чтобы она меня забрала к себе. Может, ей разрешат взять одну дочку.

— Будем писать, — говорит Лена.

— До свидания, Дина, — кричу я, когда поезд трогается, и мысленно добавляю: “Веди, наш Сталин, вперед, чтобы я никогда сюда не вернулась”.

...

Мы идем по улицам Могилева. Мы идем к нашей тете. Могилев разделен Днепром как бы на две половины. Одна половинка — просто Могилев (город), другая — Луполово. Наша тетя живет на Луполове. Я вспоминаю, что один раз была уже здесь. Мы приезжали, все три сестры с мамой, в гости к тете, маминой сестре… Здесь на углу живет мальчик, помню, что он мне понравился тогда. Я прошу Лену:

— Идем быстрее!

Волосы мои острижены наголо. Руки чешутся. На лбу красуется огромный чирей… Мы быстро проходим этот дом. Я с облегчением вздыхаю. Вот и тетина калитка. Мы стучим… Тетя сбегает со ступенек крыльца. Открывает нам калитку и начинает охать:

— Бедные, бедные мои!

На крыльцо выходит дядя. Из-за спины его выглядывает черная кудрявая голова моей двоюродной сестры Ани.

— Перестань их оплакивать. Они живы и здоровы. Приглашай их в дом, — говорит дядя.

— Я в детдом больше не поеду, — сообщаю я на ходу. Тетя молча, растерянно смотрит на дядю.

— Она остается у нас, — спокойно говорит он. Дядя мне нравится. Я восторженно смотрю на него.

Лена решает пойти работать на завод копировщицей и учиться в вечерней школе в восьмом классе. Она будет жить у другой маминой сестры, по ту сторону Днепра, в городе.

Утром следующего дня мы идем в милицию. У меня есть старенькая бабушка — папина мама. Жить я у нее не могу, но в милиции мы говорим, что я хочу остаться у бабушки. Тетя отдает начальнику милиции паспорт бабушки и ее подпись, что она согласна взять меня. Начальник милиции долго рассматривает паспорт, потом меня и говорит:

— Оставьте нас одних.

Все выходят.

— Как тебя зовут, малышка? — спрашивает он.

— Валя.

— Что же ты, Валя, делаешь, извини, такую глупость. Как ты будешь жить у такой старой бабушки? Тебе же за ней придется ухаживать. А тебе надо учиться. В детдоме лучше…

— Лучше?

Я больше ничего не слушаю.

— Умру под забором, в детдом не поеду, – выпаливаю я, да еще как зло.

Он растерянно смотрит на меня. Качает головой. И, не сказав ни слова, подписывает документ.

— Будь счастлива, — говорит он.

Я выхожу из кабинета. Прощай, детдом!

Тетя поместила меня в отдельную комнату. Эта комната находится прямо за кухней. От печки в комнату выходит теплая лежанка. В комнате две кровати, но временно в ней нахожусь одна я. Тетя купила все ту же черную мазь, и теперь каждое утро смазывает меня этой мазью. Я никуда не выхожу, ко мне никто не входит.

В школе меня выбирают старостой класса, неизвестно почему, ведь я новенькая. Я же полна рвения. Перед каждым уроком заставляю ребят стоя ждать Ольгу Григорьевну. Если кто-нибудь не слушается меня и пытается сесть или разговаривать, я, не задумываясь, больно бью чем попало всякого без разбора. Чувствую, что меня боятся. Откуда это у меня взялось? На собрании весь класс обрушился на меня, и с позором я переизбрана. Что-то во мне испортилось, как в той моей сломанной кукле. Характер надо менять. Я медленно бреду по улице из школы. Мне плохо, плохо, плохо. Вдруг я вся встрепенулась, сердце забилось: впереди в зеленом пальто идет женщина.

— Мама, — кричу я и бегу, бегу за ней, догоняю, обгоняю, заглядываю с бешеной надеждой ей в лицо…

Нет, это не моя мама. Совсем раскисшая, бреду домой…

Школу я заканчиваю отлично. Ура, начинаются каникулы. Каждый вечер я выбегаю на улицу. Мы собираемся в соседнем дворе и играем в разные игры: классики, лапту, прятки. Здесь появились гости из Москвы — брат и сестра. Брата зовут Игорь, сестру Оленька. Оленька младшая, капризная девочка. Игорь старше меня на год. Они так красиво акают. Я слушаю их с удовольствием. Мне хочется научиться говорить, как они. А я говорю на тарабарском языке: русские, белорусские и украинские слова — все перепуталось в моей голове. Я стыжусь своей речи, а Оленьке нравится. Правда, я ей не верю. По-моему, она хитрит. Почему-то перед выходом на улицу я долго рассматриваю

себя в зеркале. Все мне в себе не нравится: глаза какие-то серые, нос длинный, веснушки…

А Игорь такой красивый, но мне все равно хочется, чтобы он никого, кроме меня, не замечал. Мне почемуто кажется, что так оно и есть…

…

Среди зимы вдруг начинаются сильные морозы. Потом в магазинах появляются очереди. Я долго стою на морозе на улице за постным маслом. Все обеспокоены. Ведь совсем еще недавно хлеб в фургонах развозили по домам и говорили, что это первые признаки коммунизма. Но все внезапно разъясняется. Оказывается, началась финская война. Тетя плачет: ее сын Яков на фронте… Она то и дело смотрит на его фотографию и что-то шепчет, как будто молится или колдует. И Яков приезжает домой. У него обморожены ноги.

Через два месяца Яков поправился и уехал в Ленинград в военное училище. И вдруг новое событие. Неожиданно с сопровождающим из детдома появляется Дина.

— Дальше я ее не повезу, — заявляет сопровождающий.

— Мы с удовольствием ее оставили бы у себя, но трудно с питанием. У нас ведь своя семья и еще… – начинает тетя.

— Да я и не собираюсь оставаться. Мне разрешили жить с мамой. Я поеду к маме, — заявляет Дина.

— Но кто же, кто тебя отвезет? — удивленно спрашивает тетя.

— Я повезу. Валю из Украины привезла, отвезу и Дину в Казахстан, — сообщает Лена.

Никто не возражает. Я радуюсь, что все так хорошо складывается, но завидую Дине и Лене, что они увидят маму. Вечером перед сном в кровати я представляю Дину и Лену. Вот они разговаривают с мамой, обнимают, целуют ее. Я крепко зажмуриваю глаза и представляю маму Юлю.

…Утром не успела я открыть глаза, как меня хватает, обнимает и целует Лена.

— Леночка, расскажи мне про маму.

— Мама живет в поселке Тогузак, — начинает Лена.

— Это я знаю. Расскажи, какая она?

— Разве ты не помнишь маму?

— Не знаю. Ведь уже прошло почти три года…

Лена смотрит на меня одно мгновение, потом весело продолжает:

— Казахи маму называют Юластоловой. Мама работает в столовой. Сначала ее поставили работать посудомойкой, но однажды повар заболел, некому было готовить обед, и мама вызвалась приготовить его. С тех пор в мамино дежурство в столовой полно народу. Все ее хвалят…

— Я тоже хочу увидеть маму, — капризно тяну я. — Когда она приедет?

— Увидишь. Маме осталось еще два года ссылки. Потерпи, — вдруг как-то строго возражает Лена.

В воскресенье, 22 июня, мы у нас дома играли в фантики. Девочек было много. Я насобирала уже много фантиков. Вдруг открывается дверь и вбегает тетя. Волосы растрепались, она запыхалась. Поставив корзину с продуктами, она подбегает к радио и включает его. Говорит Молотов.

— …Немецкие фашисты вероломно напали на нашу страну… Они бомбят Киев, Одессу… Наше дело правое — мы победим.

Вечером тетя нарезает длинные полосы бумаги.

— Помогай нам с Аней, — говорит она. — Заклеим окна, а то при бомбежке, говорят, вылетают стекла.

Я намазываю длинные полосы крахмалом, а Аня наклеивает их крест-накрест на стекла…

Днем тетя в хлопотах. Мы собираем какие-то вещи, грузим их на телегу. К вечеру в телегу впрягают корову, и, когда дядя приходит с работы, трогаемся в путь. Мы едем в деревню, потому что в городе много заводов и рядом с нами тоже завод. Жить в городе опасно.

....

— Поедем к маме, — не то говорит, не то спрашивает меня Лена.

—К маме! К маме! — прыгаю я от радости. Мы мчимся к тете.

— Мы едем к маме, — заявляет Лена.

— Правильно делаете, — отвечает ей дядя. — Вам тоже надо уезжать, — это он уже тете и Ане.

Он деловито раскрывает чемодан Лены, выбрасывает из него все, кроме фотографий. Дядя заполняет чемоданчик большими кусками сахара.

До моста мы доходим быстро, но через мост не пропускают. Бежим к берегу. Лена уговаривает отплывающих милиционеров перевезти нас в лодке. Один из них, такой голубоглазый, симпатичный, протягивает нам руку. Мы вскакиваем в лодку, и она отчаливает от берега. Я все

время смотрю в небо. “А вдруг бомбы, а мы посреди реки”, — размышляю я вслух…

На том берегу через улицу Подвальную мы по лесенке поднимаемся в центр города и мчимся к вокзалу. Наконец мы на перроне. Я чувствую, что у меня вроде бы сузилось пальто. Смотрю, одного бота нет. Я выбрасываю и второй. На пути стоит эшелон. Яблоку негде упасть. Народу тьма. Все рвутся в теплушки. Движемся вдоль состава. Небо темнеет. Тучей над вокзалом летят немецкие самолеты. Мы прижимаемся к стене. Оказываемся у какой-то будки, обходим ее и видим: тихо, спокойно к вагону, да не к теплушке, а к настоящему пассажирскому вагону движутся дети.

— Вы кто? — спрашивает Лена у первого попавшегося мальчика.

— Минский детдом, — отвечает он.

Лена вталкивает меня в очередь, сама становится рядом… Мы входим в вагон. Наконец, поезд трогается, набирает скорость… Мы в пути. Но не прошло и полчаса, как он останавливается. Под окнами нашего вагона раздается крик:

— Выходи! Все выходи! Немецкие самолеты!

Выскакиваем и мчимся в поле. Прячемся в густую рожь. Лена мне шепчет:

— У меня документы остались в поезде.

Я ее не понимаю. Лишь бы живыми остаться, другой мысли нет…

Отбой. Мы садимся по местам, поезд снова трогается. В пути происходит знакомство. Я, оказывается, всех младше, поэтому надо мной все подшучивают.

… Скорее бы Орша, говорят, что за Оршей уже не бомбят…

В дороге нас кормят соленой камсой, да еще каждый день. На каждой станции мы долго-предолго стоим — пропускаем эшелоны на фронт. Камса и сахар из моего чемодана — вот все, что мы едим. Пить хочется, хоть плачь.

Мы едем уже две недели. Подъезжаем к Пензе. Выходим из вагона, а прямо на перроне стоят столы и тарелки, и хлеб. Всем раздают суп. Я съедаю всю тарелку супа и прошу еще. Сытые, счастливые, мы вползаем в вагон. Поезд вздрогнул и поплыл, поплыли и мы. Всем плохо. У всех болят животы. А меня так тошнит, кошмар один. На одной из станций недалеко от Казани Лена мне говорит:

— Здесь мы выходим. Нам к маме через Казань, а этот поезд свернет

на другой путь.

— Куда вы? Поехали с нами. Пропадете, две девчонки! — говорит воспитательница.

— Нет, — возражает Лена, — мы едем к маме. Спасибо за все!

...

Добираемся до Кустаная. Машина везет нас в Карабалык, а потом другая в Тогузак.

Рядом мама. Сердце выпрыгивает из груди. Идем мимо сараев, где аккуратными рядами лежат черно-серые кирпичи. Лена все здесь знает. Она уверенно ведет меня к какому-то дому. У первого подъезда она спрашивает у женщины:

— Скажите, в каком подъезде живет…

Но договорить не успевает. Навстречу нам из третьего подъезда бежит маленькая, худенькая женщина; седая прядь волос выбивается из-под косынки.

— Дети мои! — кричит она.

— Кто это? — спрашиваю я у Лены.

— Мама. Это наша мама.

Мама моя! Милая, нежная! Теперь, когда я вспоминаю тебя, образ красивой полной черноволосой женщины заслоняется другим. Я помню тебя во время войны, худенькую, хрупкую… Вот ты бежишь с маленьким ведерком-кастрюлькой в руках, спешишь донести теплый военный суп, который все называют баландой. Нас трое, три дочери, а ты одна и тебе нужно всех накормить. Я помню тебя, когда ты ухаживала за мной, больной тифом, и выполняла все мои капризы. Потом, когда я поправилась, снова, как в детстве, учила меня ходить.

Я вспоминаю тебя в жару, в ознобе, когда ты узнала, что где-то кто-то видел папу. Теперь уже я бегала за кипятком и мчалась к тебе, чтобы влить теплую каплю в твой плотно сжатый рот, согреть тебя. Я вспоминаю твои письма мне — студентке, где ты смешно писала, думая, что я еще дитя: “Учись, как завещал Ленин”.

Ты всегда отказывалась от всего самого вкусного, говорила, что тебе это есть нельзя. Я помню, ты отдала мне свои последние туфли, сказала, что они тебе жмут.

Мама! Мамочка! Сколько нежности своей я тебе недодала. Как часто я была невнимательной, несправедливой к тебе. Как больно, как горько это сознавать теперь, когда ты ушла навсегда. Это непоправи-

мо, невозвратимо… Прости меня за все, мама!

В Минске на могиле мамы стоит памятник из мрамора. На обелиске — фотография. На ней папа и мама. Под фотографией надпись: "Соскин Р.И., погиб в 1937 году". Но мы не знаем, где могила папы… Мама так и не дождалась его. Он был реабилитирован посмертно в 1956 году"[62].

"Распространял слухи о войне и гибели соввласти, запугивал колхозников"

Яким Петрович Медведский (в документах дела — Медвецкий) родился в 1872 году. Жил в деревне Горная Веровойша Оршанского района. Беларус, из крестьян, работал в колхозе "Красная Горка". Арестован 19 ноября 1937 года. Арест Медведского как "злостного врага советской власти" инициировал сотрудник Оршанского РО НКВД Дорфман. Кстати, подписи обвиняемого под постановлением об аресте и заключении в оршанскую тюрьму нет.

Медведский был осужден особой "тройкой" НКВД 28 ноября 1937 года. В выписке из протокола заседания "тройки" сказано, что Медведский как "кулак, бывший старшина волости", обвиняется в том, "что распространял провокационные слухи о войне и гибели советской власти, запугивал колхозников, проводил а/с (антисоветскую) агитацию против подписки на заем обороны". "Тройка" определила "заключить в исправтрудлагерь сроком на десять лет, считая срок с 18-го ноября 1937 г."

16 декабря Яким Медведский был отправлен из Орши в Могилевскую ИТК № 7. В одной медицинской справке отмечено, что 65-летний Медведский страдал паховой грыжей и старческой слабостью и, соответственно, был годен лишь к легкому труду. В другой указывалось, что заключенный "страдает старческой дряхлостью… и не годен к физическому труду". Яким Медведский умер 5 августа 1938 года от "упадка сердечной деятельности".

В книге "Памяць. Орша і Аршанскі раён" Яким Медведский упоминается в рубрике "Вернутыя імёны" как жертва политических репрессий. Реабилитирован 27 ноября 1989 года. Архивное дело Медведского хранится в Государственном зональном архиве г. Орша.

62 Мишпоха. 1995-2011 г. Историко-публицистический журнал. http://mishpoha.org/n24/24a13.php

Кстати, здесь же упомянут и Медведский Емельян Петрович (вероятно, родной брат Якима). Он родился в 1877 году в деревне Горная (Веровойша?), также работник колхоза “Красная Горка”. Осужден 24 сентября 1937 года. Расстрелян 12 октября 1937 года. Реабилитирован в 1989 году.

Виктор Лютынский

Сообщили, что умер от язвы. Оказалось, расстрелян в Орше

Поляк Франц Иванович Цвирко родился в 1905 году в деревне Ужа (ныне Слуцкий район). В анкетных данных указано происхождение — из крестьян. Однако беглый просмотр материалов в интернете наталкивает на мысль, что Франц Цвирко происходил из шляхетского рода.

27 декабря 1929 года Франц Цвирко женился на Юзефе Бабицкой. В 1934-м у них родилась дочь Арналида. До ареста 22 декабря 1937 года семья проживала в местечке Смольяны (Коханово). Франц Иванович работал бригадиром тракторной бригады Толочинской машинно-тракторной станции (МТС).

“Моего деда забрали, когда он отказался ехать работать на ломаных тракторах. Тогда забрали всю бригаду, а когда бабушка пошла правды добиваться, ей знакомый милиционер сказал, чтобы она все бросала и уезжала подальше. Тогда он ее искать не будет. Бабушка в тот же день бросила все хозяйство и дом и, взяв один узелок и дочку — мою маму, уехала к родственникам в Борисов. А на нее был выписан ордер на арест. Вот так ее спас милиционер”, — рассказывает внучка репрессированного Валентина Фролкова.

10 января 1938 года Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвинила Франца Цвирко в участии в шпионской организации и приговорила к высшей мере наказания — расстрелу. Его расстреляли в Орше 28 января 1938 года.

Спустя 20 лет, 25 марта 1958 года, Военный трибунал БВО пересмотрел дело Франца Цвирко и постановил дело за отсутствием состава преступления прекратить. Цвирко Франца Ивановича реабилитировать посмертно. В том же году вдова Юзефа Цвирко получила справку Военного трибунала и направила запрос в МВД

с просьбой предоставить свидетельство о смерти мужа. Тогда органам госбезопасности было запрещено сообщать истинные причины смерти репрессированных. Поэтому в свидетельстве ЗАГС было указано, что Франц Цвирко умер 17 июня 1942 года от язвы желудка. Истинную причину смерти родственники узнали только сейчас, обнаружив имя предка в нашей базе репрессированных.

"То, что произошло с моим прадедушкой, испортило жизнь моей бабушки и даже моей мамы. К нам стали пренебрежительно относиться даже родственники. Моя бабушка всю жизнь жила с клеймом и психологической травмой. Найдя справку в интернете, я расплакалась. Потом расплакалась моя мама. Это трагедия всей нашей семьи", — написала правнучка Анастасия Лауда.

Оршанцы немецкого происхождения, расстрелянные в Москве

Братья Кернеры Александр (1883) и Густав (1890) родились в Орше в семье мещанина лютеранского вероисповедания, немца по национальности Роберта Кернера. У каждого была своя судьба, своя карьера. Обоих объединил финал — оба были признаны "врагами народа" и расстреляны в Москве. Александр — 14 июня 1938 года, а Густав — 20 февраля 1939 года.

Про Александра Кернера известно немного. Накануне ареста проживал в Москве, имел низшее образование, был беспартийным, заведовал граммофонной мастерской. Был арестован 2 февраля 1938 года, обвинен в шпионской деятельности. 31 мая Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР приговорила его к высшей мере наказания. Александра расстреляли 14 июня 1938 года на Бутовском полигоне НКВД[63].

Про Густава Кернера известно больше. Он окончил Санкт-Петербургскую техническую школу при Балтийском судостроительном заводе. Затем в 1906 году поступил в училище судовых механиков торгового флота в Петербурге. Перед этим в течение двух месяцев и одиннадцати дней Густав совершил плавание в качестве матроса на пароходе "Николай Белоцветов". С 1914 года Кернер на службе в составе 1-го Балтийского флотского экипажа. С 19 июля

63 Бутовский полигон — одно из крупнейших в Москве и Подмосковье мест, где проводились массовые казни. Всего с 8 августа 1937 по 19 октября 1938 на полигоне были уничтожены 20761 человек.

1914 года — прапорщик по механической части в запасе. Густав Кернер награжден светло-бронзовой медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 года — в 1912 году, светло-бронзовой медалью по случаю 300-летия царствования дома Романовых — в 1913 году, орденами Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом (29.06.1915 г.) и Святой Анны 3 степени с мечами и бантом (6.06.1916 г.).

Известно, что в 1916 году Густав Робертович был холост. После октябрьского переворота 1917 года он, судя по всему, перешел на сторону красных. В 1930-х годах он — старший военный представитель Управления кораблестроения Военно-морского флота СССР, военный инженер 2-го ранга. Проживал в Харькове. Арестован 8 августа 1938 года. 20 февраля 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР обвинила Кернера в шпионаже и участии в контрреволюционном заговоре в Рабоче-крестьянской Красной армии. В тот же день Густава Кернера расстреляли и, вероятно, кремировали на Донском кладбище в Москве. Александр Кернер был реабилитирован 6 июля 1959 года в связи с отсутствием состава преступления, а его родной брат Густав —11 января 1969 года.

А на Бутовском полигоне был расстрелян еще один уроженец Орши, также немец по происхождению — Лазер Вильгельм Карлович, 1902 г.р. Перед арестом он жил в Москве и работал заведующим технико-нормировочного бюро на заводе “Красный пролетарий”. Его арестовали 11 марта 1938 года, а казнили 1 июля 1938 года за шпионаж.

Два брата Свиридовы расстреляны в Орше. Третий — священник — сослан на БАМ

А в списках значатся они: Иваны, Прохоры, Петры.

Здесь шаг и вдох последний — впитала кровь земля.

В обнимку, в братской тишине, лежат они в сырой земле.

Эти слова на православном кресте в память о репрессированных братьях Свиридовых Петре и Прокофии из деревни Свистелки Оршанского уезда установили на Кобыляцкой горе родственники репрессированных.

Свиридовы происходили из крестьян. Прокофий родился в 1875 году, Петр — в 1891-м. Прокофий записан неграмотным. Петр имел

незаконченное начальное образование. Оба обозначены как единоличники. Вероятно, противились вступлению в колхоз.

До ареста братья проживали в родной деревне Свистелки. Здесь их вместе и арестовали 19 сентября 1937 года. 24 сентября "тройка" обвинила Свиридовых в антисоветской деятельности и приговорила к высшей мере наказания — расстрелу. Обоих расстреляли в Орше. Петра — 13 октября 1937 года. Дату убийства Прокофия еще предстоит выяснить. С разницей в один день в апреле 1989 года прокуратура Витебской области реабилитировала обоих.

Но нет на символической табличке имени среднего брата — Свиридова Ивана Пахомовича. Видимо, потому что в 1937-м его не расстреляли, а дали 10 лет лагерей. Про Ивана удалось собрать гораздо больше сведений.

Иван Свиридов родился 24 июня 1878 года. Окончил Оршанское народное училище. Какое-то время занимался земледелием в Оршанском уезде, а с 1917 года проживал в имении Ропно.

Вскоре Иван решил посвятить себя служению Богу. Он принял монашеский постриг и под именем Иоанникий в начале 1920 годов ушел в витебский Марков Свято-Троицкий мужской монастырь.

По одним данным в 1924-м, по другим — в 1925 году Иоанникий был рукоположен в иеромонахи[64] и назначен на службу в церковь села Ропно Полоцкого округа. Здесь он крестил детей, венчал, отпевал усопших, вел службы вплоть до первого ареста — 9 марта 1930 года. 14 марта "тройка" при ПП ОГПУ по Белорусскому военному округу обвинила его в "участии в антисоветской группировке, противодействии мероприятиям советской власти" и приговорила к 3 годам высылки в Сибирь.

Из ссылки Иван Свиридов возвратился на родину и поселился в Орше по адресу: 2-й Могилевский переулок, 8б. Здесь он проживал до повторного ареста 17 ноября 1937 года. Неизвестно, продолжал ли он вести богослужения. В анкетных данных указано, что в этот период он работал разнорабочим в Орше.

28 ноября Особая "тройка" при УНКВД БССР обвинила его по статье 72 УК БССР в "антисоветской агитации, антисоветской деятельности" и приговорила к 10 годам ИТЛ.

64 Иеромонах — монах, имеющий сан священника.

Ивана Пахомовича отправили в заключение в Южлаг НКВД (Южный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь) в Бурят-Монгольскую АССР в село Усть-Кяхта. Южлаг, а позднее Тайшетлаг занимались строительством Байкало-Амурской магистрали, которая в поздние советские времена превратится в грандиозную комсомольскую стройку.

Здесь Иван Пахомович подорвал здоровье и стал инвалидом. Известно, что в феврале 1940 года его поместили в больницу № 3 села Усть-Кяхта. Дальнейшая судьба его неизвестна.

27 ноября 1989 года прокуратура Витебской области его реабилитировала.

Георгиевский кавалер. Расстрелян по доносу

Беларус Семен Андреевич Тепляков родился в 1882 году в деревне Свистелки Оршанского уезда в крестьянской семье. Имел начальное образование — окончил 4 класса. До революции в хозяйстве была пасека, корова, лошадь, поросята, куры. Возможно, Семен воевал в русско-японской войне. Точно известно, что он участвовал в 1-й Мировой войне старшим унтер-офицером 119-го пехотного Коломенского полка. За проявленный героизм его дважды наградили Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней.

У Семена Андреевича и его жены Агафьи родилось пятеро детей, но двое умерли от дифтерии. Выжили трое —старшая дочь Анна и сыновья Владимир и Павел.

"Дедушка был лучшим пчеловодом в деревне. Все городское начальство покупало у него мед. А когда дедушку забрали, лучшим пчеловодом стала его жена Агафья", — вспоминает внучка Валентина Федоровна Разумная.

С началом массовой коллективизации Семен Андреевич отказался вступать в колхоз и считался обособником (единоличником). Его арестовали по доносу 19 сентября 1937-го и бросили в оршанскую тюрьму НКВД. 24 сентября "тройка" обвинила его в антисоветской агитации и приговорила к расстрелу с конфискацией имущества. По данным родственников, Семен Тепляков был расстрелян 12 октября 1937 года в лесу вдоль Могилевского шоссе (район лесхоза). Прокуратура Витебской области реабилитировала его 11 апреля 1989 года.

"Мама (Анна Семеновна Теплякова) училась на рабфаке Оршанско-

го педтехникума. Ее сразу выгнали, когда деда забрали. Из училища удалили, не дали доучиться, жизнь испортили", — рассказывает Валентина Разумная. Младших братьев Владимира и Павла не тронули, они еще учились в школе.

В 1930-1940 годы в той же деревне Свистелки были репрессированы еще минимум 9 человек. Дубовский Александр Евдокимович в 1932 году был осужден к 3 годам ИТЛ (дальнейшая судьба неизвестна). 19 сентября 1937 года арестованы и вскоре расстреляны в Орше Ляпунов Семен Моисеевич, братья Свиридовы. 28 января НКВД расстрелял в Орше Аксамита Александра Михайловича. 8 февраля 1938 года в Витебске расстрелян житель деревни Свистелки, фельдшер на станции Орша Милосердный Тит Григорьевич. В 1946 году к 10 годам лагерей был приговорен житель деревни Швецов Иван Иванович.

Агитировал за советскую власть. Расстрелян за антисоветскую агитацию

Бернард Мечиславович Станкевич родился 17 апреля 1898 года в Вильно в семье рабочего Мечислава Вацлавовича и Вероники Семеновны Станкевичей. Всего в семье было семеро детей, Бернард был старшим. Примерно в 1906 году вся семья перебралась в Минск.

Здесь отец Мечислав Станкевич работал маляром на стройках и умер в 1919 году. До 1918 года маляром работал и сам Бернард, но позже вступил в ряды РККА. В 1920-1921 годах проходил службу в Московской объединенной школе красных коммунаров. После демобилизации Бернард Мечиславович вернулся в Минск и снова приступил к старому ремеслу: работал маляром и чернорабочим на стройках Минкоммунхоза вплоть до 1924 года. На работах в Минском доме грудного ребенка Бернард познакомился со своей будущей супругой — Никульшиной Марией Михайловной (1900). В то время она работала кухаркой.

В 1924-1925 годах Станкевич работал агентом таможенного поста в Негорелом, а после ликвидации таможенных постов перебрался в Днепропетровск, где трудился маляром на вагоноремонтном заводе. В 1927-м его откомандировали на учебу в Харьковский комвуз (коммунистическое высшее учебное заведение). А в конце 1928 года мобилизовали на работу в пропагандистскую группу в Краснокутском районе Харьковской области. С 1929 по 1930 год он руководил пропа-

гандистской группой ЦК КП(б) Украины в Шостенском районе Черниговщины.

В 1930 году Станкевич досрочно закончил комвуз с дипломом учителя. ЦК КП(б)У назначил его директором Технической двухгодичной совпартшколы.

В 1933 году партия перевела его на директорскую должность Запорожской совпартшколы. Здесь в 1934 году его исключили из партии. Неизвестно, за какие провинности Бернарда Станкевича так наказали, однако позже это станет пятном на его биографии и вскоре приведет к трагедии. Вероятно, Станкевича сняли с директорской должности партшколы, поскольку в 1935 году он перебрался из Украины в Беларусь, в Лоев, где стал директором местной школы. А в 1935 году Бернарада Мечиславовича перевели на аналогичную должность в железнодорожную школу №38 в Орше. Здесь он работал до ареста в 1937-м.

Бернард Станкевич с женой, домохозяйкой Марией, четырьмя детьми — Эмилией (14 лет), Альбертом (12 лет), Леонорой (9 лет), Геней (8 лет) — проживал на станции Орша. 23 августа 1937 года в дом Станкевича пришли сотрудники оперативного пункта станции Орша дорожно-транспортного отдела УГБ НКВД Западной железной дороги. Предъявили ордер на обыск и арест. При обыске нашли незарегистрированный пистолет Браунинг с патронами.

Станкевича бросили в оршанскую тюрьму. Его обвинили в антисоветской пропаганде и агитации, подрыве трудовой дисциплины, срыве учебной программы и незаконном хранении оружия. 7 декабря 1937 года Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговорила Бернарда Мечиславовича к высшей мере наказания — расстрелу. Станкевича расстреляли 19 января 1938 года, вероятно, в Орше.

Супруга репрессированного Мария Михайловна Станкевич активно добивалась пересмотра дела своего мужа. После XX съезда КПСС, на котором Никита Хрущев разоблачил культ Сталина и впервые заговорил о массовых репрессиях, дело сдвинулось. В 1956-1959 годах по заявлению жены уголовное дело по обвинению Бернарда Станкевича пересмотрела судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР. За недоказанностью обвинения Бернарда Станкевича реабилитировали.

“Бабушка до самой смерти боялась узнать причину смерти отца”

Михаил Иванович Шафранский, поляк по национальности, родился в 1885 году в деревне Шумки Ульяновской волости Сенненского уезда Могилевской губернии. Имел незаконченное начальное образование. Проходил воинскую службу в царской армии на территории Польши рядом с городом Сувалки. После 1917 года поселился в Орше. Работал на железной дороге. Некоторое время был проводником вагонов оршанского резерва, после 1930 года работал бригадиром поезда Орша — Мариуполь.

В анкете арестованного Михаила Шафранского в графе “состав семьи” указаны жена Шафранская Пелагея Ануфриевна — домохозяйка, и четверо детей: Владислав, Казимир, Франц и Анна. Старший Владислав 1914 года рождения в 1937 году проходил обучение в военной школе танкистов в г. Горки, что под Москвой, остальные дети были маленькие: Казимиру — 9 лет, Францу — 5 лет, Анне — 7 лет.

20 сентября 1937 года Михаила Шафранского арестовал Отдел дорожно-транспортного отделения Главного управления государственной безопасности (ОДТО ГУГБ) НКВД станции Орша и бросил в оршанскую тюрьму. Его необоснованно обвинили якобы в проведении активной пораженческой агитации с призывом к вооруженному восстанию против советской власти, клевете на проводимую партией политику в деревне, запугивании колхозников расправой при перемене власти.

Уже 27 сентября 1937 года “тройка” НКВД БССР приняла постановление о расстреле Михаила Шафранского и конфискации его личного имущества. Постановление приведено в исполнение 13 октября 1937 года в Орше.

“Семья моей бабушки Анны — младшей дочери Михаила, осиротела и была вынуждена уехать из города в течение 24 часов после вынесения приговора. Их очень поддержали родственники из деревни, которые помогли пережить несколько тяжелых лет”, — рассказывает правнук расстрелянного Стас Краснер.

Семья долго боялась обращаться в КГБ с запросом о предоставлении документов об отце и муже. Еще в 1950 годы родным, настойчиво пытавшимся выяснить судьбу арестованного, “объяснили”: этого делать не надо. Когда в 1959 году судебная коллегия по уголовным

делам Верховного суда БССР отменила постановление “тройки” НКВД БССР и реабилитировала Михаила Шафранского, родные получили справку — умер в заключении 17 апреля 1942 года от аневризмы сердца. Только спустя почти полвека семья узнала истинную причину смерти отца.

“Менее чем за год до своей смерти в 2008 году бабушка получила архивную справку, документы отца и статус потерпевшей от политических репрессий. До этого момента она опасалась узнавать информацию о тех событиях“, — вспоминает Стас Краснер.

Дискредитировал принцип критики и самокритики, срывал культурное обслуживание. Расстрел

26 ноября 1937 года по постановлению “тройки” в Свердловской области расстрелян уроженец деревни Орловщина Оршанского района Лижевский Бронислав Иосифович. Это один из сотен уроженцев Оршанщины, убитый советской властью вдалеке от родины. Но как и почему Лижевский оказался за 2 тысячи километров от родного дома? Ответ — в личном деле Стефана Касперовича, которое хранится в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

6 августа 1937 года в Нижнем Тагиле на Уралвагонстрое в бараке №22 в комнате 12 трудового поселенца, электромонтажника 4-го разряда ТЭЦ Лижевского Стефана Касперовича Нижне-Тагильский сотрудники горотдела НКВД Карамышев и Столяров провели обыск. Они изъяли 3 экземпляра чертежей коммутации ТЭЦ и 6040 рублей совзнаками. Лижевского арестовали.

В анкете арестованного отмечено: белорус, родился в 1989 году в деревне Орловщина Оршанского района. Паспорта как трудпоселенец не имел. Происходил из кулаков. Закончил семилетку. Служил в Красной армии в 1919-1922 годах рядовым. Одинокий. Состав семьи: мать Лижевская Ядвига Степановна на иждивении и четыре брата: Бронислав (30 лет, работал на Уралвагонзавод бухгалтером), Михаил (23 года, Уралвагонзавод — слесарь), Валентин (24 года, учащийся медтехникума), Франц (19 лет, учащийся горнометаллургического техникума) и Эдуард (18 лет, учащийся Свердловского энергетического техникума).

10 августа 1937-го — первый протокол допроса. Он и проливает свет на то, как Стефан Касперович оказался на Урале. Оказалось, что в 1930 году Лижевского арестовал оршанский ОГПУ и выслал на Урал. Похоже, именно тогда в Свердловскую область выслали всю семью Лижевских. Но сведений об их высылке нет ни в оршанской книге "Память", ни в базах "Мемориала" и "Открытого списка".

Позже вместе с мужьями в ссылке на Урале оказались и сестры Стефана Елизавета Касперовна и Мария Касперовна. Они были замужем за Антоном Каменским (расстрелян в Орше) и Николаем Каменским (осужден в 1937 году на 10 лет ИТЛ, из лагеря не вернулся). На Урал Каменских выслали в 1931 году после ареста в Москве, куда они годом ранее бежали из ссылки в Котлас.

В протоколе осмотра вещественных доказательств за 29 августа указано, что изъятые при обыске чертежи секретности не имели, но на всякий случай их приобщили к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Про деньги — ни слова. Не исключено, что чекисты, как это часто бывало, их попросту присвоили.

Следователь Нижне-Тагильского горотдела НКВД Грунский обвинил Лижевского в проведении "дезорганизаторской деятельности". Дескать, в 1935 году бригада, которой руководил Стефан Касперович, бросила работу на жилищном строительство, позже то же самое произошло и в цеху колес Уралвагонстроя.

Следователь заявил, что целью был умышленный срыв планового строительства Уралвагонстроя. Лижевский пояснил, что в 1935 году его бригада действительно работала на жилищном строительстве, но за неимением работы была переведена в цех колес. Через 10 дней бригаду снова перебросили на жилищное строительство. "Но дезорганизаторской деятельностью я не занимался", — заявил арестованный.

Также следователь сообщил, что в том же году бригада Лижевского не вышла на работу, а сам арестант якобы заявил: "На этих кровопийцев я не пойду работать, когда они всех людей с голоду уморили. Я отработаю на другой день!" Стефан Касперович обвинение отмел.

Грунский наседал: "Вы, будучи режиссером клуба ТЭЦ, умышленно срывали постановки и разваливали работу. На вопрос к Вам, почему не работаете в клубе, ответили: "Что дураков учить, как были дураками, так останутся дураками, а я работать не буду". Лижевский пояснил, что режиссером клуба не был, там играл его брат Франц. "Мне предла-

гали играть на сцене в барачном красном уголке, но вследствие своего болезненного состояния я отказался", — отметил арестант.

"Вы арестованы за проведение а/с дезорганизаторской деятельности среди трудпоселенцев Уралвагонстроя. Следствие требует Ваших правдивых показаний", — добивался чекист. Лижевский снова отрицал. Больше вопросов в протоколе не было. Видимо, допрос закончился.

Повторный допрос месяц спустя, 9 сентября, длился дольше. Лижевского обвинили во вредительстве во время работы в 1932 году в колхозе Паворинского, мол, срывал посевную, разлагал трудовую дисциплину и расхищал социалистическую собственность. В частности, получая для колхоза сахар, специально завозил мешки в реку, чтобы они намокали и больше весили. Излишки сахара Лижевский якобы присваивал. Стефан Касперович это отрицал.

Следователь заявлял: "Ваши показания следствие определяет как ложные. Вы продолжаете скрывать от следствия вашу преступную деятельность", "Вы продолжаете лгать о вашей проводимой к/р деятельности". Следователь озвучил высказывания Лижевского, в которых усмотрел крамолу. "Несмотря на уличение Вас фактами вашей проводимой к/р деятельности, вы упорно скрываете от следствия и продолжаете давать ложные показания. Следствие требует ваших показаний по существу вопроса!" — добивался Грунский. "Я еще раз утверждаю, что никакой к/р деятельности не проводил!" — настаивал Лижевский. На этом протокол допроса закончился.

В тот же день, 9 сентября, ст. инспектор Нижне-Тагильского горотдела НКВД Грунский строчит обвинительное заключение. Он якобы установил, что "Лижевский на протяжении всего времени своего пребывания в трудпоселке проводил к/р деятельность, обрабатывая в к/р духе окружающую среду путем систематической а/с агитации, направленной против политики партии и соввласти". В качестве доказательств Грунский указывает, что летом 1935 года Лижевский агитировал за срыв субботника, в марте 1937 года высказывал к/р измышления, дискредитирующие принцип критики и самокритики, в июле 1937-го по вопросам оплаты труда пытался проповедовать к/р теорию уравниловки. Кроме того, энкаведист указал, что в 1932-1933 годах в Табаринском районе Лижевский, будучи бригадиром, работу проводил вредительски, срывал посевную и подготовку к севу новой площади, занимался хищением

соцсобственности, в 1934 году умышленно срывал культобслуживание в клубе. А в 1935 году умышленно снял бригаду в цехе колес гриффин, следствием чего явился простой производства. “Виновным себя не признал, но уличается свидетельскими показаниями”, — заключил Грунский и постановил направить дело на рассмотрение “тройки” УНКВД по Свердловской области.

27 сентября в выписке из протокола заседания “тройки” записано: “Обвиняется в том, что, оставаясь непримиримым врагом советской власти, среди рабочих вел махровую к/р пропаганду против политики партии и советского правительства. Неоднократно пытался организовать к/р саботаж среди трудпоселенцев, распространяя ложные слухи о труде рабочих и жизни в СССР. Неоднократно высказывал террористические намерения по адресу местного партийно-советского актива. Открыто заявлял о своей ненависти к советской власти”. ”Тройка” постановила Лижевского Стефана Касперовича расстрелять, а лично принадлежащее ему имущество конфисковать. Выписку из протокола подписал секретарь “тройки” лейтенант госбезопасности Калугин. *(Вероятно* Калугин Федор Тимофеевич, до 22.06.1939 г. особоуполномоченный УНКВД Свердловской обл., русский. Родился в 1902 году. Арестован 24.02.1939 г. 20.06.1939 г. приговорен к 15 годам лишения свободы). В выписке из акта указано, что Стефана Лижевского расстреляли в 24 часа 2 октября 1937 года.

Прокуратура Свердловской области реабилитировала его лишь 11 апреля 1989 года. Его братья так и остались жить в Нижнем Тагиле. Некоторые из них породнились с семьями репрессированных Каменских из Оршанского района.

А 26 ноября 1937 года НКВД расстрелял жителя Орши, поляка Лижевского Бронислава Иосифовича. Он родился в 1906 года в той же деревне Орловщина. Вероятно, со Стефаном Лижевским они были родственниками. Бронислав до ареста работал инструментальщиком в депо на станции Орша. Его обвинили в антисоветской агитации и приговорили к расстрелу. Место расстрела не указано. Это могли быть как Орша, так и Смоленск. В смоленских лесах НКВД расстрелял многих оршанских железнодорожников.

Оршанский НКВД против подростков

2 июля 1939 года секретарю ЦК КП(б) Белоруссии тов. П. Пономаренко поступила докладная записка. Была она не только отмечена стандартным грифом "совершенно секретно", но кроме того носила и дополнительный "подлежит возврату в секретный архив Особого Сектора". Содержание документа наверняка заставило Пономаренко завзволноваться: на дворе стояло лето 1939 года, основная кампания по борьбе с "врагами народа" (теперь известная нам как "Большой террор") уже свернута. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" отмечалось: что в 1937—1938 гг. органы НКВД проделали большую работу "по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции", а "задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов…"

Докладная записка на имя секретаря ЦК КП (б) Белоруссии Пономаренко. Сов. секретно

В постановлении отмечалось, что эта героическая борьба "при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры. Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в тоже время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности, засевших в органах НКВД".

Среди недостатков отмечалось, что получив лимиты на аресты, сотрудники НКВД не занимались агентурно-осведомительной работой, не вскрывали полностью вражеские организации, ограничивались признаниями обвиняемых своей "вины", не под-

твержденной ни показаниями свидетелей, ни экспертизой, ни вещественными доказательствами. При этом следователи массово фальсифицировали протоколы допросов и при полном попустительстве прокуратуры штамповали уголовные дела против невинных людей. Конечно, в документе отмечалось, что это делали не честные коммунисты, выполняя приказ партии, а враги, пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры. А где враги – там и беспощадная борьба с ними.

Вскоре началась кампания по зачистке особо активных руководителей и сотрудников НКВД, участвовавших в массовых репрессиях. После прихода к власти в НКВД Л. Берии в 1939 году было арестовано 937 и уволено со службы 7372 сотрудников НКВД по всему СССР. Правда, многие из непосредственных участников фальсификаций и бесчеловечных пыток отделались легким испугом – в большинстве случаев даже не расследованием и судом, а только увольнением. Многие, даже те, кто попал за свои преступления в лагеря, были восстановлены в органах и продолжили свою "героическую борьбу" с "врагами народа" и "шпионами" во время войны, заслужив новые ордена и звания. Для большинства же их преступления оставались без последствия и сейчас улицы многих городов Беларуси носят имена палачей и их идейных заказчиков.

Сам Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, назначенный в БССР первым секретарём летом 1938 года, в самый разгар "Великого Террора", отметился своими традиционными для того кровожадного времени выступлениями с требованием выкорчевать всех "врагов народа", а также просьбой на имя Сталина увеличить число репрессированных по 1-й категории (расстрел) на 2000, а по 2-й (лагеря) на 3000 человек.

Обстановка в стране заставила первого секретаря внимательно вчитаться в докладную записку. В ней сообщалось о вскрытии сразу нескольких "подпольных" организаций:

"В январе мес. 1939 года нами вскрыта в г. Орше антисоветская молодежная организация (АСМО), носящая название "Три плюс Икс", созданная из числа антисоветски настроенных учеников старших классов 3-й средней школы, в которой состояло 15 человек. Руководителем АСМО являлся Олейников Александр Александрович, 1919 г.р., сын бывшего офицера старой армии, в настоящее время арестованного по делу данной организации.

Антисоветская молодежная организация ставила своей задачей:

– вести активную борьбу против советской власти путем проведения антисоветской агитации, с целью вызова недовольства среди молодежи существующим строем;

– вербовку новых членов в организацию из антисоветской, морально разложившейся части молодежи, а также детей репрессированных;

– приобретение оружия для совершения террористических актов над представителями советской власти.

Антисоветская молодежная организация "Три плюс Икс" имела свою программу и устав, а в целях конспирации участница АСМО Беккер разработала печатный шифр, которым должны были пользоваться участники организации.

По делу этой организации арестовано и привлечено к следствию 10 человек. Арестованные на допросе подтвердили свою принадлежность к АСМО. Следствием установлена антисоветская деятельность участников организации, а также и то, что молодежная организация по своей антисоветской работе была связана с а/с настроенными лицами: Олейниковым Александром – бывшим офицером старой армии, Олейниковым Иваном Тихоновичем, проживающим на Украине (последний устанавливается).

Оставшиеся на свободе менее активно проявившие участники АСМО обставлены квалифицированной агентурой и разрабатываются".

Интересно, какие мысли возникли в голове Пономаренко, отлично знавшего, как стряпаются подобные дела? Будь это в 1937 или 1938 году – здесь бы можно было подумать об орденах и внеочередных званиях для следователей. Какую организацию вскрыли! А каковы масштабы деятельности врагов среди белорусской молодёжи!

"В мае месяце 1939 года УНКВД по Полеской области была вскрыта АСМО, носящая название "Союз угнетенных крестьян", состоящая из учеников старших классов Докольской неполной средней школы. Следствием установлено, что руководителем АСМО являлся ученик 7-го класса Федоров Иван Наумович, 1923 г.р., до ареста состоял в комсомоле, сын колхозника. Всего в состав АСМО входило 22 человека, в возрасте от 16 до 18 лет, учеников неполной средней школы – 15 чел., работающих в колхозах – 3 чел., и работающих на своем единоличном хозяйстве 4 человека. Из числа участников организации УНКВД по Полесской обл. арестовало 7 человек.

Участники АСМО "Союз угнетенных крестьян" для обсуждения организационных вопросов устраивали нелегальные собрания на квартирах участников организации и в лесу. АСМО проводила нелегальные совещания, где обсуждала вопросы об усилении проведения антисоветской агитации среди населения, вовлечения в организацию а/с настроенных лиц, приобретение оружия, изготовления а/с листовок и распространения их среди населения, а также организация должна была иметь свое знамя, состоящее из красно-белого цвета. Красный и белый цвет должен был обозначать символ объединения красной и белой армии за дело освобождения крестьян и установления власти "народного собрания".

Участники АСМО напечатали 140 штук а/с листовок. Дальнейшая работа по печатанию а/с листовок была прекращена из-за отсутствия бумаги, после чего, обмениваясь мнениями, участники организации решили организовать кражу имущества неполной средней школы и на вырученные деньги закупить всё необходимое для печатания листовок. Руководитель АСМО Федоров ставил вопрос о том, чтобы опыт а/с работы организации перенести в другие районы с тем, чтобы создать широко разветвленные антисоветские организации в других районах БССР.

Указанная организация, в целях конспирации своей работы и предотвращения провала, была разбита на отдельные группы по месту жительства участников, из которых 1-2 участника должны были поддерживать связь с руководящим ядром организации. Эти двойки являлись на нелегальные собрания руководящего ядра, где им давались установки о проведении дальнейшей а/с деятельности, после чего каждая двойка должна была ознакомить свою группу о решении руководящего ядра.

Как показали арестованные участники АСМО "Союз угнетенных крестьян" ставила перед собой следующие задачи:

"- Свергнуть Советскую власть и все передать народному собранию.

– В случае нападения на Советский союз капиталистических стран помочь последним поднятием бунта в тылу Красной армии.

– Если войны не будет, в ближайшее время Советскую власть свергнуть путем вооруженного восстания".

Участник АСМО Малащук собирался уйти за границу на жительство в фашистскую Германию. При обыске по делу изъяты изготовленные

участниками организации 140 листовок а/с содержания.

Следствие по данному делу направлено на установление связей участников организации с а/с элементом в Глусском, Бобруйском и др. особенно в пограничных районах БССР".

"7 апреля 1939 года в Лоевской средней школе были обнаружены антисоветские листовки и знаки фашистской свастики. Проведенным предварительным следствием установлено, что а/с настроенные ученики Лоевской средней школы Плющ и Якименко при содействии Гунько и Лапковского изготовляли и распространяли листовки а/с содержания и фашистские свастики.

Участники распространения Якименко Владимир Александрович, 1922 г.р., ученик средней школы, отец которого репрессирован за антисоветскую деятельность органами НКВД в 1938 году, и Плющ Михаил Иванович, 1923 г.р. (исключенный из комсомола в связи с данным делом) арестованы и привлечены к следствию в качестве обвиняемых. Оставшиеся на свободе их соучастники обставлены агентурой и нами разрабатываются".

"Наличие вскрытых антисоветских молодежных формирований в школах свидетельствует о том, что партийно-комсомольские организации недостаточно уделяют внимания воспитательной работе среди учащейся молодежи и в особенности городах Орше, Глуске, Лоеве", - резюмировал автор докладной народный комиссар внутренних дел БССР, старший майор госбезопасности Лаврентий Цанава.

Пономаренко ограничился резолюцией "Ознакомить тов. Головкина". Василий Яковлевич Головкин был 1-м секретарём ЦК ЛКСМ Белоруссии, и, очевидно, что именно на него должна была лечь ответственность в подобном провале работы с молодежью.

И все-таки, это были не 1937-1938 годы. Это был уже 1939-й. И после серьёзного нагоняя в виде постановления СНК прокуратура и суды наконец-то стали заниматься своей работой, а не соучаствовать в преступлениях НКВД. И здесь мы имеем и отличный пример для современных белорусских судов, молчаливо исполняющих любые политические заказы власти. Далее произошло маленькое чудо справедливости.

Всего через месяц после докладной дело об антисоветской молодежной организации "Три плюс икс" с обвинениям по статьям 72 "а"

(“Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений…”), 74 (“Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения…”) и 76 (“Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в ст. ст. 63-75…”) Уголовного кодекса БССР поступило в Судебную коллегию по уголовным делам Витебского областного суда.

2–5 августа 1939 года в Витебске состоялся закрытый процесс в составе: председателя – зам.председателя Витебского облсуда Гиндина, членов суда, народных заседателей Дук и Щербаковой, при секретаре Хазак, с участием прокурора Т. Эстеркина и защитников Хазанова и Левитана.

В преступлении против советской власти обвиняли девять человек: Олейникова Александра Александровича 1919 г.р., украинца, окончил 9 классов средней школы, б/п, уроженец г. Киева, до ареста проживал в г. Орша, Кимры, холостого, служащего, не судимого. Олейникова Александра Тихоновича, 1896 г.р. украинца, грамотного, б/п, ур. с. Деревичи Любарского р-на Житомирской обл., жителя г. Кимры, женатого, служащего, бывшего торговца, лишался избирательных прав, происходил из социально-чуждой семьи, в 1930 года за контрреволюционную деятельность подвергнут высылке. Страда Владимира Яновича, 1920 г.р., беларуса, окончил семилетнюю школу, б/п, ур. г. Витебска, жителя г. Орша, ученика, на иждивении родителей-служащих, не судимого. Кузнецова Исаака Михайловича, 1922 г.р., еврея, ур. мест. Ляды Дубровенского р-на, жит. г. Орша, ученика. Беккер Хаю-Сару Ароновну, 1923 г.р., еврейку, образование 9 классов, ур. м. Смоляны. Фукс Нохима Янкелевича, 1922 г.р., еврея, образование 7 классов, ур. г. Орша. Везер Марию Эльмаровну, 1922 г.р., немку, образование 7 классов, ур. пос. Выдрица Оршанского р-на. Закржевского Владимира Николаевича, 1920 г.р., беларуса. Заблоцкого Александра Владимировича, 1920 г.р., беларуса, обр. 7 классов, ур. г. Дзержинска, жит. г. Орши., рабочего, из служащих, не судимого.

Как видим, группа была многонациональной, самой младшей из “преступников-террористов” было 16 лет, троим – 17, троим – 19, одному – 20 лет. Самым старшим был Александр Тихонович Олейников. Сложно представить, с каким волнением эти фактически еще дети

ждали решения суда. Зачитанный приговор не обещал никаких сюрпризов, с большего повторяя предъявленное обвинение:

"Тщательным исследованием материала предварительного следствия на суде, подробным допросом подсудимых, свидетелей, проверкой имеющихся документов в настоящем деле установлено:

25 января 1939 года Оршанским городским отделом НКВД был допрошен комсомолец, ученик 3-й средней школы г. Орши подсудимый Кузнецов Исаак Михайлович, показавший, что он является с 1938 года участником подпольной организации, созданной из числа учеников старших классов – подсудимым Олейниковым Александром Александровичем, на основании чего, последний 15.03.39 был арестован…

Предварительное следствие пришло к выводу, что все подсудимые составляют собою контрреволюционную подпольную молодежную организацию именовавшую себя "Три плюс икс", ставившую своей задачей активную борьбу против советской власти, путем проведения а/с агитации с целью вызова недовольства среди молодежи существующим строем, вербовку новых членов в организацию из антисоветской, морально разложившейся части молодежи, приобретение оружия для совершения террористических актов над представителями Советской власти, с целью грабежа и подготовки своих участников для нелегального перехода за границу".

Согласно обвинительному заключению… организация возникла на основе систематических бесед между участниками организации, общности к/р взглядов и оформилась в 1937 году. Практическая деятельность организации проводилась под руководством Олейникова А.А., политические установки которого сводились к утверждению и идеализации политических и экономических основ буржуазной и фашистской системы, противопоставляемых диктатуре пролетариата.

За период существования организация провела ряд нелегальных совещаний, где обсуждались вопросы о дальнейшей деятельности организации и методы борьбы с советской властью; выработала устав и программу организации, а для конспирации к/р деятельности организации разработан шифр; завербовано 16 человек и подготовлены для вербовки еще около 6 человек; проведена работа по разоблачению молодежи и обработка последней в а/с духе с целью вербовки их в организацию.

Участники организации якобы систематически между собой и на нелегальных совещаниях вели к/р разговоры, которые сводились к утверждению и идеализации, высказывали пораженческие взгляды, восхваляли врагов народа, фашистскую диктатуру. Одним из методов борьбы должны были стать террористические акты против представителей совласти.

Все эти выводы в основном подтверждены "выдержками из личных признаний обвиняемых на предварительном следствии, а также ссылкой на документы в виде устава, программы, шифра организации и протоколов совещаний последней..."

В 1937 или 1938 годах всех сразу бы приговорили к высшей мере наказания. Но это был 1939-й. Конвейер массовых, в основном внесудебных (т.е. незаконных) репрессий уже остановлен. Органам НКВД и прокуратуры уже запрещено "производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению", ликвидированы "тройки", созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также "тройки" при областных, краевых и республиканских управлениях рабоче-крестьянской милиции. Все предупреждены, что "за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и прокуратуры, не взирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности". Однако это дело уже прошло через прокуратуру и направлено в суд, значит, прокурорские работники не увидели никаких нарушений, и свобода, а может и жизнь девяти участников "подпольной" организации практически предрешена.

Но следствие и обвинение ждал серьезный удар. Суд пришел к выводу: "Всесторонняя, глубокая, объективная проверка выводов обвинения о самой сущности организации "Три плюс икс", история ее возникновения, исследование практической деятельности организации за период ее существования, анализ имеющихся в деле программы и устава организации, протоколов совещаний, оценки имеющихся в деле материалов в их совокупности, в соответствии с требованием 319 ст. УПК дают суду основания признать, что выводы следствия об организации "Три плюс икс" как об а/с подпольной с задачами борьбы с советской властью, совершения терактов, с направлением практической деятельности организации именно в этом направлении, а также утверждение, что организация возникла на основе общности к/р взглядов участников организации – являются необоснованными,

для этого в деле нет никаких фактических данных и доказательств. Несмотря на такие внешние формы организации, как наличие своей программы, своего устава и шифра, нет никаких оснований признавать, что эта организация преследовала своей целью подготовку или совершение предусмотренной ст.ст. 63-75 УК БССР преступлений". Можно только предположить, с какими выражениями лиц услышали подобное обвиняемые и обвинители.

В судебном разбирательстве выяснилось, что "участники этой организации "Три плюс икс" прежде всего и сами не отдают себе отчета в сущности этой организации, куда были втянуты руководителем последней подсудимым Олейниковым А.А., сами не разбираются в "уставах" и "программных" вопросах организации. Доказано, что большинство участников организации: подсудимые Беккер, Страд, Кузнецов, Везе и др., начитавшись фантастической литературы, попав под влияние морально разложившегося типа – подсудимого Олейникова А.А., последним вовлечены в организацию, имеющей целью: подготовку участников таковой к путешествиям, поездке в Сибирь, а затем был взят курс на поездку-переход границы в одну из капиталистических стран, для грабежа банкиров и дележа награбленного с беднейшим населением. В организации имела также место идея подготовить освобождение из фашистских застенок Эрнста Тэльмана и т.д."

В итоге суд постановил: "предъявленное обвинение подсудимым… по 72-а, 76 ст.ст. материалами дела не доказано, так как конкретных фактов к/р агитации с их стороны по делу не выявлено. Подсудимые Страд, Заблоцкий, Закржевский, Везе к концу 1938 года от организации отошли, были пассивными членами… Что касается предъявленного обвинения подсудимому Олейникову А.Т. по 72-а, 76 и 74 ст.ст., то суд находит его обвинение в принадлежности к организации "Три плюс икс", а также в проведении к/р агитации совершенно не доказанными". Семь человек: Страд, Кузнецов, Беккер, Закржевский, Фукс, Везе и Заблоцкий были освобождены прямо в зале суда. Дело А.Т. Олейникова, содержащегося под арестом в Киеве, было отправлено на доследование. Он остался под арестом в тюрьме.

Но был найден в деле и главный "козел отпущения" - социально чуждый советской власти А.А. Олейников. Его обвинили в том, что он… отвлекал советскую молодежь от социалистического строительства:

“Не считая таким образом организацию “Три плюс икс” а/с с точки зрения квалификации ее по 76 ст. УК, исходя из ее сущности, организационных принципов построения, конспиративной формы работы, наличия устава, программы, шифра, суд признает сам факт существования этой организации недопустимым — преступным и ставит это обвинение в вину подсудимому Олейникову А.А., расценивая его действия в этой части по признакам 72 ст. УК. Ибо:

а) участие этой группы подсудимых в организации “Три плюс икс” приводило к морально-бытовому разложению советской молодежи;

б) отвлекало молодёжь, в частности, подсудимых от активного участия в социалистическом строительстве, уводило от влияния комсомольских и других общественно-политических организаций.

Кроме того, по делу установлено, что подсудимый Олейников А.А., будучи выходцем из семьи торговца-контрабандиста, как морально разложившийся элемент, прямо в беседе с участниками организации Беккер, Страдом и др. агитировал против вступления в комсомол, противопоставлял ленинскому комсомолу свою организацию, прививал молодёжи взгляды, одобряющие дезертирство из рядов РККА в случае нападения на Советский Союз… Посему преступная деятельность Олейникова А.А. является вполне доказанной, подлежащей квалификации по 72 ст. УК БССР”.

Суд постановил: “Олейникова А.А. по 76 ст. оправдать, его же на основании 72-а подвергнуть лишению свободы в ИТЛ отдаленных местностях СССР сроком на 5 лет, без поражения в правах. Меру пресечения не изменять – оставить содержание под стражей, началом срока считать 15.03.39”.

Казалось бы, дело закрыто. Суд разобрался. Виновные наказаны. Невиновные – на свободе. Однако были в этом деле реальные движущие силы всей этой “контрреволюции”, и они практически не попали в приговор. Разве что в виде маленького намёка: “Кузнецов ещё в начале 1939 года поставил в известность соответствующие органы об этой организации, а также участвовал в разоблачении деятельности участников организации, в чем приняла участие и подсудимая Беккер”. Так что же разоблачали эти молодые люди, если никакой антисоветской деятельности не было? Скорее всего, мы бы никогда не узнали ответ на этот вопрос, если бы не один совершенно секретный документ.

Чекистская провокация

11 августа 1939 года Министерство юстиции из Витебского областного суда под грифом "совершенно секретно" переслало 1-му секретарю ЦК КП(б) Белоруссии т. Пономаренко и секретарю Витебского областного комитета Стулову своеобразный отчет о проделанной работе, за подписью председателя Витебского областного суда Грищенкова. Именно эта записка и дает представление о скрытых механизмах дела:

"Старший следователь следственной части УГБ НКВД БССР сержант государственной безопасности Механик[65], снимая копию программы организации "Три плюс икс", безусловно зная, что копия должна соответствовать оригиналу, допустил приписку в копии заголовка "программа антисоветской молодежной организации под названием "Три плюс икс", какового заголовка в оригинале не имеется, между тем копия заверена подписью Механика".

Итак, название организации было придумано никем иным как самим чекистом. Далее в записке шли замечательные строки о методах работы Оршанского городского отдела (ГО) УГБ НКВД. "Следует также указать на допущенные Оршанским ГО НКВД на первый взгляд невинные, направленные на раскрытие преступления приемы. Еще 25 января 1939 года подсудимый Кузнецов заявил в ГО НКВД об организации "Три плюс икс", ее организаторе, участниках, о программе и уставе. Оставляя в стороне вопрос о затяжке с началом расследования преступления, так как для этого могли быть оперативные соображения, нельзя согласиться с тем, что Кузнецов, оставаясь членом организации, уже с ведома и одобрения Оршанского ГО НКВД, выполняя задания по активизации деятельности организации, на деньги НКВД (80 рублей), едет в Кимры для выполнения заданий в отношении подсудимого Олейникова А.Т., в конечном счете, оказывается обвиненным в этом теми же органами НКВД.

Аналогично, и с членом организации Беккер, которая активизировала деятельность организации, собирала совещания и т.д. с ведома и по заданию НКВД. Например, арест участников организации 6-го

65 Механик Юрий Моисеевич, 1907 г.р., еврей. Член ВКП(б) с 1931г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1933г. 15.07.1938г. присвоено звание сержант госбезопасности. В годы войны один из руководителей "СМЕРШ" Карельского фронта. Дослужился до полковника ГБ. Имел ряд наград.

апреля 1939 года был подготовлен ею и Кузнецовым, путем созыва на этот вечер "совещания" на квартире подсудимого Фукса, причем, отдельные члены организации (Везе и др.), порвавшие с ней еще в 1938 г., были против их желания, почти силой затянуты на совещание, вернее арест".

Итак, вся деятельность "антисоветской организации" полностью контролировалась и направлялась из НКВД. Детей специально заставляли участвовать в этой операции, чтобы потом совершенно спокойно поставить их к стенке. Конечно, выполнив план по раскрытиям и получив за это благодарности, награды и звания. И только благодаря изменившейся "политике партии", изначально всячески способствовавшей именно таким методам работы, в 1939 году семи подросткам удалось спастись от высшей меры или лагерей. Ещё совсем недавно тысячи подобных липовых дел проходили через "тройки" и "двойки", где приговоры "расстрелять" выдавались почти автоматически без изучения самого дела. И только благодаря честной работе суда, дети, "антисоветской деятельностью" которых руководил сам НКВД, озвучили все эти провокационные методы работы прямо в ходе процесса, чем спасли себя.

Суд вынес самим чекистам-провокаторам хоть и секретный, но все-таки приговор (правда, даже не ставший уголовным делом), попавший только в пояснительную записку для высшего руководства партии:

"Расследование по настоящему делу проведено односторонне, не объективно. Организации "Три плюс икс" дано неправильное освещение. Никакой необходимости в привлечении и содержании под стражей такой группы несовершеннолетних по настоящему делу не было, что и показало проведенное судебное следствие. Тем более, не было оснований подвергнуть аресту и привлекать суду людей, работавших по заданию органов НКВД, тем самым вынуждать их для оправдания себя, против выдвинутого обвинения, говорить об этом на суде, что органы, ведущие расследование, не могли не предвидеть".

К сожалению, ничего неизвестно о судьбе подростков, проходивших по делу "Союза угнетенных крестьян". С огромной долей вероятности оно было состряпано по тому же чекистскому рецепту. Что же касается судьбы единственного известного нам по делу "Три плюс икс"

мастера провокаций и фабрикаций уголовных дел из Оршанского ГО сержанта ГБ Юрия Механика, то неизвестно, был ли ему за подобное преступление объявлен хотя бы выговор. Он пережил войну, во время которой был начальником следственной части Особого отдела НКВД Карельского фронта, получил несколько орденов, в 1943 году дослужился до звания подполковника. Похоже, что его преступные таланты были по заслугам оценены преступным советским государством[66].

Дмитрий Дрозд

Советы обрекали детей на голод…

Бронислав Семенович Скипор родился в 1881 году. У него было шестеро детей: пятеро сыновей и одна дочь — Янина Шинкевич. Янине Брониславовне — 88 лет, и она единственная из детей, кто дожил до наших дней. Сегодня она проживает на окраине Орши.

В интервью журналисту Змитру Бартосику она рассказала историю своего отца, арестованного в августе 1946 года за неуплату государству грабительского продовольственного налога и, вероятно, погибшего в застенках оршанской тюрьмы. Вот ее история.

“Когда я родилась, мама, наверное, прокляла меня. Она все любила мальчиков. А тут — девочка”, — вспоминает Янина Брониславовна. Когда Янина родилась, папа обрадовался, а мама говорит: “Пусть бы лучше мальчик, они счастливейшие. А девочки — вечные мученицы. Вот, как проговорила. Всю жизнь такая невезуха. Трое сыновей рано умерли. Осталась одна”.

Семья проживала в деревне Новый Двор на территории нынешнего Поставского района. До 1939 года это была территория Второй Речи Посполитой, а после так называемого “освободительного похода” Красной армии деревня Новый Двор оказалась в составе СССР.

Скипорам каким-то образом удалось избежать массовых депортаций в отдаленные уголки Советского Союза, организованных в 1940-1941 годах на захваченных землях органами НКВД. Пережили они и немецкую оккупацию. Беда в дом Бронислава Семеновича постучалась уже после войны, в 1946 году.

Семья владела 12 гектарами земли, лошадью, двумя коровами, прочим мелким домашним скотом, жилым домом и хозяйственными постройками. По меркам советской власти Скипор — крупный кулак-единоличник, а всякий единоличник — враг соввласти.

66 По материалам дела НАРБ ф. 4П, оп. 1, д.14611. Л. 108 – 118.

Для сельского населения государство тогда ввело непомерные, порой просто разорительные налоги. Многим приходилось выбирать: уплатить "сталинский оброк" и обречь семью на голодную смерть или уклониться от поборов. По доведенному государством обязательству Бронислав Скипор должен был поставить 1186 кг зерна, 472 кг сена и 24 кг мяса, но он не просто отказался. На одном из собраний он заявил: "Немец — враг был, и то хлеба давал, а вы, дети с голоду подохнут, вы детям не дадите!" Но он сказал правду.

Янина вспоминает: "Немцы раз приехали к нам. Мы жили единолично, 12 гектаров земли. Свое зерно намолочено, тут ячмень, тут горох, тут овес лошадям и свиньям. Приехали немцы с фурой и начали зерно это у нас забирать. А мама, что ее потянуло, творог был свежий, хороший. Несет на тарелке и говорит: "Пан, пожалуйста, угостись!" Он рукой в рот и с тарелкой пошел танцевать по хате. Как родная мама его уладила. Он очень любил творог. Вот какое чудо было". Немцы оставили семье продукты.

Вскоре Бронислава Скипора арестовали. Это произошло 29 августа 1946 года. В деревне устроили образцово-показательный суд для устрашения других. "Главное, вывесили объявление: "Просим всех явиться на показательный суд Скипора Бронислава Семеновича", — рассказывает дочка.

2 сентября 1946 года судебная коллегия по уголовным делам Молодечненского областного суда в составе председательствующего Сидорова, народных заседателей Боровко и Ратниковой, при секретаре Малявиной, с участием прокурора Денискина и адвоката Михневич открыли заседание. Оно проходило в сельсовете. На суд собрался весь Новый Двор.

"Слушали. Люди плакали все. Одна баба даже приговаривала: "А божечки, а что вы делаете? Зачем же вы [судите] этого человека честного, трудягу, [он] на земле трудился на своей, рубашки от пота развалились, а вы его берете? А деток осиротили". Никто слушать не хотел. "Кулацкая морда!" Пистолетом по хребту. А тут секретарша подбежала, второй раз наметился [ударить], она пистолет ему выбила. Каштелян Лиля — секретарша была в сельсовете", — рассказывает дочка репрессированного.

Однако коллегия, рассмотрев материалы дела малограмотного, ранее не судимого крестьянина-единоличника, сочла виновность Ски-

пора в уклонении от поставок зерна, сена и мяса доказанной. В решении суда также говорилось, что “наряду с этим на собрании граждан 25 августа 1946 года в присутствии Клименок и Соколова высказывал всевозможные контрреволюционные измышления на проводимые мероприятия партией и советским правительством, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 72-а и 94 ч.2 УК БССР”. В приговоре суда указывалось, что один из сыновей во время немецкой оккупации служил в “самоохове”, второй — в РККА.

“Отец, когда судили, суд был показательный, отец говорит: “Если я уплачу налог, значит из-за меня будет страдать вся семья. Жена и дети будут голодать. Я не могу его уплатить”. Они его [били], значит, была какая-то нагайка в руках, по хребту. На улицу выгнали. Я смотрю, отец повалился. Я плачу, упала. Полномочный приходит, ногой меня в бок: “Корова, ревешь? Надо было отца заставлять налог платить!” Девочкой я была, сколько мне тогда лет было… толканул меня и все… “Черный ворон” подошел, батьку посадили и поперли в машине… Я плакала. Мама: “Не плачь, дочушка. Не пропадешь. Я вас выращу”, — вспоминает Янина Брониславовна.

Судейская коллегия приговорила Бронислава Семеновича к 6 годам лишения свободы с отбытием в исправительно-трудовом лагере и поражением в правах на 3 года без конфискации имущества. С имущества осужденного в пользу коллеги адвокатов было взыскано 200 рублей. Скипора направили в тюрьму города Орши.

Когда отца забрали, дочь с мамой вынуждены были работать на других односельчан, чтобы как-то свести концы с концами: “Ходили, людям помогали. Жито жать серпом. Сноп мама вяжет, а у меня жменьки не хватает”. Однажды Янина даже порезала серпом ладошку. Крови было много.

Когда отец уходил, он просил жену: “Ольга, никаких посылок. Ничего. Я ничего есть не возьму, с голоду умру. Смотри детей, чтобы дети были сыты. Не посылайте посылки, а берегите детей. А я умру голодной смертью”. Но дочка с мамой старались заботиться об отце: “Посылки слали, картошку ему насушим — ящик полный посылочный. Мама обчистит картошку, а я нож в руки — и тоненькими-тоненькими листиками нарежу, в дуршлаг или в решето. Вода стечет, и тогда ее варим”.

Мама была неграмотная, поэтому письма в тюрьму писала дочка. "А потом мы письма пишем, они назад возвращаются: "Адресат выбыл". Он, наверное, не взял есть и умер от голода. Сведения редкие были, и посылки тоже надо было посылать в определенные дни, — с горечью вспоминает женщина. — Он себя довел. Ему не было и 65 лет, когда его забрали".

Умер Бронислав примерно через полгода в оршанской тюрьме, довел себя до смерти голодом. Родные про его смерть узнали далеко не сразу. Реабилитировали его только в 1993 году.

Через несколько лет Янина Шинкевич вышла замуж за парня из Орши. "А мама плакала: "Дочушка, зачем ты [туда] выходишь? Там твой батька, в той Орше, погиб. Не выходи замуж!", — рассказывает 88-летняя жительница Орши.

Заключенных оршанской тюрьмы хоронили на одном из участков городского кладбища. Могилу отца Янина не нашла. "Ходили мы вместе с подругой, вместе работали, все перешли. Я думаю, там по всем кресты стоят — и фамилия, имя, а кто из тюремщиков, рядом против "Борца" (завода "Красный борец") кладбище. Мы ходили веники ломать, и я говорила: может, я папу своего найду. Ходила-ходила, а там только цифры остались: литер 20, литер 15, литер 17. А что это обозначало, или в каком году это было… Походила-походила и так ничего не нашла", — говорит Янина Шинкевич.

"Думали, за что? Человек если бы убийство совершил или воровство. Ничего. Честным мозолем зарабатывал, пахал, сеял, жал. Обеспечивал семью. И так всех мужчин у нас в Новом Дворе позабирали".

Янина Брониславовна вспоминает, что арестовали и отца ее троюродной сестры Можейко. Он также отбывал наказание в оршанской тюрьме: " И этот Можейко сел в тюрьму, как и мой папа. Дочь приехала к нему на свидание в Оршу. Стояла, кричала в окно. А тюремщик с вышки кричит: "Сними штаны! Так он тебя узнает!" Так он и не вернулся. Кулаками считались".

Был в плену. 10 лет за измену родине

Ефим Григорьевич Томашевич родился 28 марта 1912 года в деревне Пустынки Оршанского района. Был членом ВКП(б). 5 января 1940 года призван Толочинским райвоенкоматом в РККА, служил в 5-й танковой дивизии. Воинское звание — рядовой. 5 июля 1941 года попал в плен около Олиты (Алитуса) в Литве. Находился в плену до 3 мая 1945 года.

Отец — Томашевич Григорий Евдокимович, жена — Томашевич Анастасия, проживали в Пустынках. После освобождения Орши Ефим работал учителем в школе №7 на станции Орша. Проживал также на станции Орша. В 1946 году его арестовали и обвинили в измене родине и в том, что в 1942-1943 годах сотрудничал с немецкими оккупантами — работал пропагандистом на оккупированной территории Лидского района Генерального комиссариата Белоруссии. 16 декабря 1946 года Военный трибунал войск МВД Минской области осудил Томашевича на 10 лет с поражением в правах на 5 лет.

Несправедливый приговор Ефим Томашевич попытался обжаловать. Пересмотрев дело, Военный трибунал войск НКВД Белорусского округа 30 декабря 1946 года изменил приговор. Действия Томашевича были переквалифицированы со ст. 63-1 — измена родине, на ст. 72 п."б" УК БССР — антисоветская агитация и пропаганда в военной обстановке. Однако мера наказания осталась без изменений.

Освободился Ефим Григорьевич 16.03.1955 года. Он по-прежнему пытался оспорить беззаконный приговор. В 1959 году Томашевич обратился в военную прокуратуру с заявлением о реабилитации. По протесту прокурора 22.02.1960 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР вынесла определение, по которому приговор и определение военных трибуналов в отношении Томашевича Ефима были отменены, а "уголовное дело прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения, осуждение военным трибуналом признано неправильным".

Однако вопрос, за что Ефиму Томашевичу дали 10 лет лагерей, так и остался открытым. Нет сведений и о том, как государство компенсировало невиновному человеку украденные 10 лет жизни и, наверняка, подорванное здоровье. Вина Ефима Томашевича и миллионов других солдат Красной армии заключалось в том, что они попали в немецкий плен из-за тотальной некомпетентности руководства партии, страны и самой Красной армии на первых этапах немецкого вторжения в

СССР. Многие из этих солдат впоследствии были признаны изменниками родины.

Дальнейшая судьба Ефима Томашевича, к сожалению, неизвестна. Всего в нашем списке репрессированных в 1946 году 32 человека. Почти все они получили от 3 до 10 лет лишения свободы, но позже реабилитированы.

Горецкий район

З зямлі на Кабыляках зрабілі магілку бацьку ў роднай вёсцы

Штогод у першыя дні лістапада на “Дзяды” у Беларусі ўзгадваюць ахвяраў сталінскіх рэпрэсій. Традыцыя павялася з канца 1990-х гадоў, калі пад Менскам было раскрытае ўрочышча Курапаты. Гэта лясны масіў, дзе ў 1937-1941 гадах бальшавікі расстралялі ад 30 000 да 100 000 чалавек. Пра тое, што Курапаты — не адзінае месца масавых забойстваў, яшчэ раз давялося даведацца ад жыхаркі Горак Марыі Арлоўскай. Бабуля, якой зараз 83 гады, расказала пра тыя змрочныя часы, а таксама пра арышт і расстрэл свайго бацькі.

— Жылі мы ў Цяплухах. Няма гэтай вёскі цяпер. Стаяла яна ў чатырох кіламетрах ад сённяшняга Леніна (аграгародок у Горацкім раёне Магілёўскай вобласці. — І. С.) Ну, не ведаю, як распавесці, дзе дакладна яна месцілася. Побач Красуліна, у Дуброўна мы вішні вазілі прадаваць. Памятаю дакладна, што сяло наша адносілася да Макараўскага сельскага савета Горацкага раёна.

Сям’я была вялікая. У той час шмат было такіх сем’яў. Нас усіх было трынаццаць душаў: адзінаццаць дзяцей, маці і бацька. Жылі ўсе разам у адной хаце. Як зараз памятаю яе памер — дзевяць на дзевяць метраў.

Тата трымаў добрую гаспадарку. Тады казалі, што быў “серадняком”. Можа цяпер такое ўжо слова забылі людзі. Былі чатыры рабочыя кані, яшчэ два маладыя, 10 дзесяцінаў зямлі, 50 сотак саду, свая малацілка, сянніца і гумно. Як пачалі гнаць у калгасы, дык усё дабро мы добраахвотна туды перадалі. Бацька адным з першых у вёсцы ўступіў у калектыўную гаспадарку, бо вельмі баяўся за нас і не хацеў спрачацца з савецкай уладай.

Праца ў калгасе была амаль дарэмная. Нам не плацілі грошай. Толькі давалі на працадзень пэўную колькасць ад калгаснага дабра — зерне ці нешта яшчэ, таксама ўжо забылася. Але дакладна памятаю, што праз голад уся бяда і пачалася. Страшэнна не хапала ежы. Пухлі мы на вачах. Малыя ж яшчэ былі. Гэта дарослы неяк можа трываць, а малы ж расце, есці хоча заўсягды. Бацька раззлаваўся моцна і пайшоў да калгаснага рахункавода. Прасіў, каб даў хлеба. Сварыўся. Але нічога не атрымаў. А мы ж выпрацавалі тысячу працадзён!

Скажу праўду, пра тое, што тут я расказваю, у сям'і гаварыць было нельга. Моцна былі мы спалоханыя пасля таго, як бацьку забралі. І толькі пазней што сама памятала, а што маці мне гаварыла. Вельмі яна мяне любіла, як на сябе малую глядзела, таму ўсё і расказала падрабязна. Дык вось маці казала, што пасварыўся той рахункавод з бацькам і прыгразіў яму моцна. Напісаў на яго данос куды трэба. Умеў пісаць і ведаў, што напісаць, каб пасадзілі і забілі.

Па бацьку прыехалі ноччу. Нас усіх паднялі. Моцна крычалі. Былі людзі тыя нам незнаёмыя, з Горак прыехалі на машыне. Маці нічога не зразумела, таму адразу паказала, дзе бацька. А яго ў хаце не было. Ён у тую ноч сад ахоўваў. Як зараз падумаю, дык мог бы і збегчы. Але ж ад чаго яму было хавацца, калі не вінаваты ён быў ні ў чым такім страшным? Таму і не бег, таму і маці адразу паказала, дзе ён знаходзіцца. Незразумела нічога было. Восень, холадна. Мы стаім усе пасярод хаты, калоцімся ці то ад страху, ці то ад слоты. А гэтыя людзі нешта крычаць, рукамі махаюць, пагражаюць. Тлум, такі во тлум мне запомніўся.

Тая ноч была ўвогуле жудаснай. Як потым мне казала маці, у Пілiпаве таксама людзей хапалі. Во тады іх у тыя машыны пабралі і на Оршу павезлі. Там была турма. Здаецца, адразу не расстрэльвалі людзей. Яшчэ нейкі час яны сядзелі ў той турме ў Оршы, але перадачы ім былі забаронены, і сустракацца было з арыштаванымі нельга. А потым павезлі ўсіх на вёску Андрэеўшчына на Кабыляцкую гару. Гэта як на Віцебск ехаць ад Оршы. Там усіх чыста і расстралялі. Такі "хапун" быў людзей — ніякага суда.

Пра тое месца я пачула яшчэ раз пазней, калі ўжо сама працавала ў Оршы на будоўлі. Адзін дзед, які там таксама быў, прызнаўся неяк, што сваімі рукамі закопваў трупы расстраляных — такі яму быў загад. Тады мы з сястрою пайшлі ў тое месца. Гэта невялікі гай за горадам.

Туды нават жалезная дарога вядзе. Прыйшлі, паглядзелі, як усё там. Накапалі зямлі ў хусткі і перапахавалі гэтую зямлю ў нашых Цяплухах. Гэтак зрабілі, каб была магіла ў бацькі.

Зараз во чую, кажуць некаторыя: трэба нам Сталін, каб парадак быў. Гэтак кажуць тыя, хто пры Сталіне і дня не пражыў. Не ведаюць, што кажуць. Гэта быў не парадак. Гэта нейкае зло было. Мала таго, што бацьку расстралялі, дык пасля яшчэ двух старэйшых братоў з працы пагналі. Лёньку — з лётчыкаў, а Андрэя — з аховы. Бо ж і яны — "ворагі народу".

Але ж і гэта не ўсё. Сястру маю Ганну такі ж лёс напаткаў. На яе калгасная даглядчыца жывёлы данос напісала. Маўляў, Ганна на Сталіна кепскае гаварыла. А сястра мая ў полі працавала. І як тая даглядчыца жывёлы магла пачуць, што Ганна гаварыла? Але ж ніхто не разбіраўся. Ніякага суду, ніякіх законаў. Людзей хацелі застрашыць, каб былі паслухмяныя, каб маўчалі, каб нічога не прасілі. Тады Ганна засталася жывая. Яе саслалі ў Комі АССР на дзевяць гадоў.

Памерлі ўжо зараз усе. І даносчыкі ж таксама памерлі. Зараз Бог усіх судзіць, як яны тут людзей судзілі.

Памяць пра ахвяраў

Алесь Шутаў[67], аршанскі краязнаўца, расказаў, як выглядае зараз месца масавых расстрэлаў — Кабыляцкая гара.

— У цэлым пад Оршай у часы сталінскіх рэпрэсій было расстраляна каля 5 тысяч чалавек. Сюды прывозілі людзей і з Горацкага раёна. Вёска Андрэеўшчына — не адзінае месца, дзе людзей пазбаўлялі жыцця, але, трэба меркаваць, найбольшае з тых, што ёсць каля Оршы. Яшчэ дакладна вядома адно месца расстрэлаў — на магілёўскім кірунку ад горада. Звяртае на сябе ўвагу акалічнасць, што каб выканаць свой загад, карныя органы не ехалі некуды далёка. Усё адбывалася ў бліжэйшых да Оршы лясах.

Зараз на Кабыляцкую гару штогод прыходзяць людзі, каб успомніць ахвяраў сталінізму. Напрыканцы 1990-х улады Оршы ўсталявалі тут памятны знак і дошку з выбітымі на ёй словамі з верша Ганны Ахматавай. Сваякі расстраляных усталявалі драўляныя крыжы.

Чытаючы хроніку

У кнізе "Памяць" Горацкага раёна цэлы раздзел "Вернутыя імёны", прысвечаны рэпрэсаваным землякам. На 30-ці старонках змясціліся

67 Алесь Шутов умер в 2016 году.

амаль усе асуджаныя, сасланыя і расстраляныя. Сярод іх — Герасім Арлоўскі, бацька Марыі Арлоўскай, гераіні гэтага матэрыялу. Пра яго напісаны адзін толькі сказ. У гэтым кароткім радку — цэлае жыццё і характарыстыка той жудаснай эпохі, сведкаў якой амаль не засталося ў жывых. “Арлоўскі Герасім Фядосавіч, нарадзіўся ў 1872 годзе, 29 верасня 1937 года прагавораны да расстрэлу ў Воршы, рэабілітаваны ў 1989 годзе”.

Ілля Заранок

Перед смертью поклониться месту расстрела отца

Эта история произошла летом 2018 года на Кобыляцкой горе. Выходя из леса, я увидел припаркованный автомобиль с престарелой женщиной в салоне. Она кого-то ждала. Оказалось, ждала дочь с внуком, которые привезли ее сюда, чтобы побывать на возможном месте расстрела отца. Это место нашел в интернете ее внук Евгений Григорьев. Саму женщину звали Ольга Ивановна Чернявская (по мужу Васильева).

“Отец Чернявский Иван Леонович … отец родной, — сквозь слезы стала рассказывать женщина. — Политический… Там же раньше было… политически осужденный… Против советской власти шел. Понимаете, так посчитали. Там раньше надо было три подписи… и забирали и расстреливали. Ночью приехали. Забрали его. И так мы не знали ничего… Я же боялась… Училась... Меня бы выгнали из института… Когда уже репрессировали (реабилитировали), тогда давай уже поиски... В архиве могилевском нашли, и мне сообщили, что он расстрелян в таком-то месте в Орше, и там должен стоять какой-то камень… Но указали, что фамилий на камне нет. Указали, что там много расстрелянных…”

Ольгу Ивановну на Кобыляцкую гору привез внук. “Внук приехал и говорит: “Бабушка, я тебя завезу и, если хочешь, папу поищем”. В интернете копался-копался. Нашел. Я сама из Горок. Он свозил меня в Горки, я посмотрела. Там мать моя похоронена. Сестра. Племянник еще есть. А возраст уже под 90. Это он меня и возит”, – рассказала женщина и добавила: “Хочу посмотреть, что тут. Я ж должна знать”.

Ольгу Ивановну с внуком нашел позже возле мемориального камня. Они немного сбились с дороги и углубились в лес, но все же вышли к мемориалу. Внук Евгений Григорьев приехал из Риги и специально привез бабушку на Кобыляки. Где-то здесь может быть расстрелян ее

отец. "Архивы подняли. Есть выписка, что где-то здесь был расстрелян и захоронен, где-то в этом районе под Оршей", — рассказывает Евгений.

"Маме 89 лет. Мы решили сделать ей такой подарок — отыскать, где похоронен ее отец. Отвезли на родину. В Горках она родилась. Вот заехали сюда. Мама не знает. Сейчас фотографии сделаем. Она не зайдет сюда", — рассказывает Алла, дочь Ольги Васильевой.

Отец Ольги Ивановны проживал в деревне Акушки Горецкого района до ареста 6 августа 1937 года, работал в колхозе "Красный моряк". "Он был очень образованный человек, наш дедушка. Там воровали. Он хотел, чтобы не воровали. Три человека подписалось, и его расстреляли, приехал "черный ворон". И осталось трое детей. Моя мама и две сестры еще", — рассказывает дочь Алла.

О судьбе своего отца Ольга Васильева впервые узнала из ответа начальника Управления КГБ по Витебской области В.Д. Арцыкова. Произошло это только в 1991 году, спустя 54 года после его расстрела. Арцыков сообщил, что "Чернявский Иван Леонович 1896 г.р., уроженец и житель д. Акушки Горецкого района необоснованно обвинялся по ст. 72 УК БССР в том, что он якобы проводил антисоветскую агитацию с целью развала колхоза, занимался вредительством. По постановлению особой тройки НКВД БССР от 29 августа 1937 г. Чернявский расстрелян 23 сентября 1937 года в г. Орша". Иван Леонович был реабилитирован в 1989 году прокуратурой Могилевской области.

"В связи с гибелью близкого Вам человека приносим наши глубокие соболезнования", — писал тогда представитель КГБ. Удивительно, сейчас так уже никто не пишет. Отписки и отказы в предоставлении документов видел, но такой ответ впервые. Понятное дело, тогда, в начале 1990-х, КГБ считался исчадием зла и очень боялся гнева людей, поэтому и сведения о репрессированных не сильно прятал.

Свидетельство о смерти отца Ольга Ивановна получила в 1991 году в отделе ЗАГС Горецкого райисполкома. В книгу регистрации актов о смерти его внесли годом ранее. В строке причина смерти значилось: расстрел. Место смерти — Орша. А спустя год из прокуратуры Могилевской области пришла справка о реабилитации. В 1995 году Ольга Васильева подала заявление о признании ее потерпевшей от политических репрессий в связи с убийством ее отца. Вскоре такое решение было принято.

Бацька расстралянага ў Менску паэта Васіля Каваля расстраляны ў Воршы

Паэту Васілю Пятровічу Кавалёву (Кавалю) было ўсяго 30, калі ў шэрагу іншых маладых беларускіх паэтаў, пісьменнікаў, дзеячоў культуры і навукі яго расстралялі ў Менску 29 кастрычніка 1937 года. У 2019 годзе ў роднай вёсцы Васіля Каваля Сава Горацкага раёна мясцовыя актывісты адчынілі мемарыяльны знак у гонар земляка. Аднак варта ўзгадаць не толькі Васіля Каваля, але і ягонага бацьку Пятра Клімавіча Кавалёва.

Пётр Кавалёў нарадзіўся ў 1885 годзе ў той жа вёсцы Сава. Тут ён ажаніўся з Ульянай Піменаўнай з вёскі Халмы Горацкага раёна. Тут у іх нарадзіліся трое дзяцей. Васіль быў старэйшым — з 1907 года. Фадзей нарадзіўся ў 1911-м, а дачка Марыя — у 1913-м.

Марыя таксама жыла ў вёсцы Сава да самай смерці. Яна ўспамінала: "Бацька, Пётр Кліменцьевіч, родам з вёскі Сава. Працаваў на зямлі, потым некаторы час служыў у царскай паліцыі. Пасля 1917 года працаваў у мясцовай кааперацыі, у канторы ільнозавода. У 1931 годзе быў арыштаваны першы раз і асуджаны на 5 гадоў зняволення за "вредительство", "развал колхозного строя". Тады ўсю нашу сям'ю выключылі з калгаса і мы ледзь не загінулі з голаду. Добра, што дапамаглі родныя"[68].

З афіцыйных звестак вядома, што Пётр Клімавіч меў сялянскае паходжанне і працаваў кладаўшчыком на Ліхачоўскім ільнозаводзе. Яго арыштавалі 1 студзеня 1934 года і абвінавацілі паводле артыкулаў 69, 72, 76 Крымінальнага кодэксу БССР. "Тройка" асудзіла яго 19 лютага на 5 гадоў папраўчых прац у лагерах.

Верагодна, пасля адбыцця тэрміну Пётр Кавалёў вярнуўся ў родную вёску да сям'і. Але праз некаторы час яго ізноў арыштавалі і судзілі. Гэтым разам вырак быў вельмі жорсткім — расстрэл. З кнігі "Памяць. Горацкі раён" вынікае, што расстралялі Пятра Клімавіча ў лістападзе 1937-га. Зусім на няшмат ён перажыў свайго сына. Верагоднае месца расстрэлу — Орша. Пятра Клімавіча рэабілітавалі двойчы: у 1956 і 1989 гадах.

68 У.Л. Ліўшыц "Раскопкі вакол Горацкага Парнаса. Кніга трэцяя". Горкі, 2019 г. стр. 20.

Расстрелян за антисемитизм и картошку

Беларус Севницкий Стефан Феоктистович родился в крестьянской семье в 1891 г. в деревне Тишевая Горецкого района. До 1917 года, как следует из справки за декабрь 1937 года, в хозяйстве Стефана Феоктистовича было 6 десятин земли, корова и конь. После революции картина не сильно изменилась: скотины столько же, количество десятин — 5.

В колхоз “Коммунистический путь” Стефан Севницкий вступил только в 1937-м. Видимо, не по желанию, а по принуждению. В той же справке отмечалось: “в колхозе работал плохо, во время подписки на заем обороны страны агитировал, чтобы колхозники не подписывали. Сам также не подписался. А также выступил против кандидата в депутаты Верховного совета в Совет национальностей т. Белкина, говорил, что Белкин еврей…”.

10 декабря 1937 года оперуполномоченный Горецкого РО НКВД БССР мл. лейтенант госбезопасности Павел Яндовский рассмотрел дело арестованного и “нашел, что Севницкий С.Ф. систематически проводит а/с, к-р агитацию против выборов в Верховный Совет, лучших людей среди колхозников, говорит, что “все вожди являются врагами и их выбирать не нужно”. Кроме этого Севницкий С.Ф. высказывал среди колхозников, “что в Совет национальностей евреев выбирать не нужно, так как они сидят в кооперации — ты стой в очереди, а они получат без очереди”.

Яндовский постановил подвергнуть обыску и аресту Севницкого и провести следствие по признакам ст. 72 УК БССР. Помимо Яндовского постановление подписали начальник Горецкого РО НКВД, мл. лейтенант госбезопасности Карл Готхардсон и прокурор района некто Свердлов. В тот же день Готхардсон выдал сотруднику Горецкого РО НКВД БССР Гончарову ордер на обыск и арест Стефана Севницкого.

16 декабря 1937 года в Горках помощник оперуполномоченного Горецкого РО Управления госбезопасности НКВД СССР сержант госбезопасности Новиков зафиксировал, что Севницкий “достаточно изобличается в том, что он является дезертиром гражданской войны, был связан с политбандой Иванова. Проводил антисоветскую агитацию против выборов в Верховный совет СССР и др. мероприятий, прово-

димых советской властью". На основании этого Новиков постановил привлечь Севницкого в качестве обвиняемого по ст. 72 УК БССР.

На следующий день, 17 декабря, сержант ГБ Новиков с согласия Годхардсона в обвинительном заключении записал, что Севницкий "29.11.37 выступал против выборов в Верховный совет Союза ССР, пропагандировал антисемитизм и клеветничал на евреев. Проводил а/с агитацию во время уборочной кампании против отгрузки картофеля центральным районам, а также вел а/с агитацию против подписи за заем обороны страны и высказывал территориальные намерения против коммунистов. Виновным себя признал".

Новиков постановил следственное дело направить в распоряжение наркома внутренних дел БССР. В документе указано, что Севницкий с 10 декабря 1937 года находится под стражей в оршанской тюрьме, а вещественных доказательство по делу не имеется. 28 декабря 1937 года Особая "тройка" НКВД БССР приговорила Стефана Феоктистовича к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор приведен в исполнение 27 января 1938 года в Орше. Под выпиской из акта о приведении приговора в исполнение подпись начальника 8 отдела ГБ НКВД БССР лейтенанта госбезопасности Якова Розкина[69].

Многодетная семья — жена Матрена Яковлевна (1899), дочери Нина (1924), Вероника (1925), Антонина (1931), сыновья Даниил (1926) и Сергей (1935) — осталась без кормильца.

24 ноября 1989 года прокурор Могилевской области реабилитировал Стефана Севницкого. Через несколько месяцев, 30 марта 1990 года, отдел ЗАГСа Горецкого райисполкома после письма УКГБ по Могилевской области зарегистрировал его смерть. На Кобыляцкой горе потомки расстрелянного установили символический крест в память о своем отце и дедушке.

"Бацьку расстралялі за невыкананне паставак ільну"

Успаміны сына І.А. Кавалёва — адзінаасобніка Кавалёва Андрэя Мацвеевіча, 1896 г. н.: "Бацька нарадзіўся і вырас у вёсцы Каралёўка. Да рэвалюцыі служыў у царскай арміі. Пасля грамадзянскай вайны вярнуўся дамоў і пачаў працаваць у гаспадарцы. Сям'я была вялікая — 20 чалавек. Пабудавалі вялікую хату, набылі дзве каровы, два кані, роз-

69 Розкин Яков Борисович до 9.02.1939 г. — нач. 8 отдела УГБ НКВД БССР. Уволен из НКВД в связи с арестом. 11.04.1939 г. приговорен к 10 годам лишения свободы.

ную дробную хатнюю жыўнасць. Пабудавалі нават ветраны млын. Бацька вельмі добра зарабляў, бо быў майстрам — сталяром. Калі абвясцілі калектывізацыю, нас абклалі падаткам. Памятаю, што толькі льновалакна мы павінны былі здаць 3 цэнтнеры. А ў 1934 годзе бацька быў вызваны ў раённую пракуратуру і там яго арыштавалі. Неўзабаве суд, і яго прыгаварылі да расстрэлу. У той жа дзень да нашай хаты была прыстаўлена ахова. Усю маёмасць нашу забралі і з хаты выгналі. Спачатку мы жылі ў лазні дзеда. Але потым і яе забралі, а нас прытуліла дальняя сваячка.

Доўгі час маці, як жонку ворага народа, не бралі на работу, і толькі пазней уладкавалася яна ў Горках на сянную базу. Звольнілі з працы і старэйшую сястру. Праз некаторы час дазволілі нам вярнуцца ў родную вёску, і мы купілі старэнькую хату, дзе жылі да пачатку вайны". Рэбілітавалі Андрэя Кавалёва толькі ў 1993 годзе. Іншых звестах аб ім няма[70].

Дзержинский район

У расстрелянного прадеда и его брата появилась символическая могила

В конце июня 2018 года на Кобыляках мы с отцом установили крест в память о моём прадеде Филиповиче Станиславе Францевиче. Спустя столько лет забвения у человека появилась могила, пусть и символическая, но все же место памяти, место молчания и скорби. Погода была, конечно, ужасная, но препятствием это не стало. Немного прибрались на месте, поправили венки, поставили на место поваленные лампадки, обкосили разросшийся малинник, прошлись граблями. Под своим крестом прикопали мешочек родной земли моего прадеда, взятой с места, где стоял его дом. Решили, пусть частичка родных мест будет там, с ним, может, это поможет как-нибудь упокоить душу. Очень яркие впечатления оставило то место. У него особая энергетика, оно не отпускало нас. Мы долго стояли молча и не могли уйти. Странное желание еще и еще раз обернуться и посмотреть назад перед тем, как отправиться домой.

70 Кніга "Памяць" Горацкі раён, ст. 190.

По возвращению в деревню (откуда утром выезжали) на следующий день пообщался с родственниками и открылась удивительная вещь! Оказывается, мой прадед был арестован вместе со своим старшим братом в один день. Осуждены они по одной статье (шпионаж в пользу Польши), расстреляны в Орше в один день. Данные по брату прадеда я нашел в "Открытом списке".

В апреле 2019 года пришли архивные копии документов на прадеда Филиповича Станислава Францевича. Это постановление об аресте, анкета арестованного, протокол допроса, обвинительное заключение, выписка из протокола с приговором, выписка из акта о приведении приговора в исполнение, заключение о пересмотре дела. В документах замазаны все имена и фамилии, некоторые куски текста, протокол допроса написан от руки и почерк там почти неразборчив, но кое-что прочитать все же можно.

По ходу изучения документов в глаза бросаются некоторые нестыковки. Национальность — то поляк, то беларусс (именно с двумя с), то снова поляк. Служба в РККА сначала есть, потом указано, что не служил. Самое главное, что в этих материалах есть упоминание родного брата Владимира, расстрелянного по тому же делу польских шпионов в тот же день, а это значит, что есть возможность запросить документы и на него, вытащить из небытия еще одно имя.

А в мае 2019 года получил копии документов из дела Филиповича Владимира Францевича, уроженца хутора Есовка Койдановского повета, жителя деревни Плоское Дзержинского района Минской области, расстрелянного в Орше 17.01.1938 г. К сожалению, фотографии в деле не оказалось, если верить сопроводительному письму Центрального архива КГБ. (Позже фотографию Владимира нашли родственники - И.С.) Но все же много ценной информации удалось почерпнуть из дела. Список моих родственников, о которых я и не подозревал, расширился значительно.

Выяснилось, что Филипович Владимир Францевич был достаточно зажиточным крестьянином, с большим хозяйством. Во владении было более 7 гектаров земли, дом, хозпостройки, скот.

Интересные данные из биографии, которые, возможно, и послужили причиной для ареста и расправы. В 1920 году дезертировал из РККА и примкнул к польским партизанским формированиям, затем сбежал в Польшу, но через год вернулся в родную деревню. До послед-

него не вступал в колхоз, а в июле 1936 года был осужден на 3 года по ст. 193 и ст. 196 УК БССР (незаконное ношение символики красного креста и красного полумесяца, злоупотребление служебными полномочиями), хотя в колхозе числился конюхом. Но через 27 дней по определению КК Верховного суда БССР дело прекращено, и он освобожден из Витебского исправдома.

Из разговора с родственниками узнал, как, по рассказам прабабушки, происходил арест. 17 ноября 1937-го было уже достаточно холодно. Ближе к вечеру в деревню приехал печально знаменитый "воронок" с энкавэдэшниками. Устроили обыск в домах пяти семей. Хата у прадеда и его брата была одна большая, разделенная на две части на две семьи. Перевернули весь дом. На чердаке нашли ружье, вроде, незарегистрированное в милиции. А в это время прадед спокойно сидел и держал младшего сына (моего деда) на руках. Прабабка тоже не паниковала. Меня удивляет это стальное спокойствие… Забрали ружье, полушубок дорогой, несколько фотокарточек и что-то еще из имущества. Погрузили прадеда и брата в машину и увезли в сторону погранзаставы ст. Негорелое.

Врезался в память и рассказ, как старший сын прадеда долго бежал за машиной и кричал: "Папа-папа!" А прадед кинул ему из машины свою шапку, то ли отгоняя, то ли на память, подозревая, что уже не вернется. Этого уже не узнаю.

Еще интересно, что части протокола допроса и обвинения обоих дел моих родственников написаны практически как под копирку. Разница лишь в нескольких деталях. Также много мелких неточностей и ошибок (названия населенных пунктов, имена детей). Видно, что палачи сами были едва грамотными.

Вадим Филипович — потомок расстрелянного Станислава Филиповича

Трох братоў Скарабагатых расстралялі ў Воршы. Сястру саслалі на 10 гадоў

Сям'я Скарабагатых — тры браты: Юзік, Яська, Уладзя і сястра Гэля (Алена) — паходзіла з мястэчка Койданава (зараз Дзяржынск). Пасля Рыжскага міру, па якім у 1921 годзе Польшча ды Савецкая Расея падзялілі Беларусь на ўсходнюю і заходнюю, мястэчка з усімі жыхарамі апынулася на савецкай тэрыторыі, але на самым памежжы з Польшчай.

У 1920-1930 гадах бальшавіцкая ўлада спрабавала падлашчвацца да мясцовых палякаў, каб схіліць іх на свой бок, зацягнуць у калгасы і адвадзіць хадзіць у касцёл, а веру ў Бога імкнулася замяніць на веру ў камунізм. Адным словам, саветызаваць.

Некаторы час бальшавіцкі ўрад нават праводзіў адмысловую нацыянальную палітыку, якая павінна была дапамагчы нацыяльным меншасцям у СССР саветызавацца. Гэтая палітыка тычылася і палякаў. Варта ўзгадаць, што ў БССР у 1920-1930 гады былі нават чатыры дзяржаўныя мовы: беларуская, расейская, польская і ідыш.

15 сакавіка 1932 года згодна з пастановай ЦВК БССР быў створаны Дзяржынскі нацыянальны польскі раён — на той момант польскае насельніцтва на яго тэрыторыі складала 49,4%. Сталіцай раёна стала Койданава, у той жа год перайменаванае ў Дзяржынск, бо недалёка радзіма Фелікса Дзяржынскага — стваральніка Усерасейскай надзвычайнай камісіі (ВЧК), папярэдніцы карных органаў бальшавікоў ДПУ — НКУС — КДБ.

На тэрыторыі раёна дзейнічалі польскія школы і бібліятэкі, выдаваліся польскамоўныя кнігі, газеты і часопісы, а польская мова была адной за афіцыйных моў раёна. Яна ўжывалася ва ўсіх партыйных і дзяржаўных установах, у тым ліку ў міліцыі і судах.

Аднак з цягам часу бальшавікі расчараваліся ў выніках уласнага эксперыменту. Нацыянальная палітыка правалілася і была згорнута, а Дзяржынскі польскі раён быў ліквідаваны пастановай ЦВК БССР ад 31 ліпеня 1937 года. Школы, бібліятэкі ды іншыя польскія культурныя цэнтры былі зачынены. Тэрыторыя раёна была падзелена паміж Заслаўскім, Менскім і Уздзенскім раёнамі. У 1938 частка польскага насельніцтва раёна была дэпартавана ў Казахстан ды Сібір.

Братоў Юзіка, Яську і Уладзю і сястру Алену арыштавалі амаль у адзін дзень — з 7 на 8 жніўня 1937 года. Разам іх скіравалі ў Воршу. У Юзіка было двое дзяцей. Маладая жонка чакала трэцяга. Дзіцятка нарадзілася ў верасні, ужо пасля арышту. Яно так ніколі і не пабачыла свайго тату. Савецкая ўлада пакінула адну маці з трымя дзецьмі на руках.

Доўга родныя не ведалі пра лёс братоў. Толькі ў 1943-м жонцы Юзіка прыйшла даведка, што Іосіф Генрыхавіч Скарабагаты памёр у зняволенні ад цэрозу печані. Але даведка была ліпавая. Насамрэч, яшчэ 19 лістапада 1937 года Камісія НКУС СССР і Пракурора СССР абвінавaціла братоў у шпіянажы на карысць Польшчы і прысудзіла да вышэйшай

меры пакарання — расстрэлу. Братоў расстралялі ў Воршы ў адзін дзень —17 снежня 1937 года. У адзін дзень арыштавалі, у адзін дзень вынеслі прысуд, у адзін день пусцілі кулю ў патыліцу. Але аб гэтым нашчадкі даведаліся толькі ў 2015 годзе.

У той жа дзень, 17 снежня 1937 года, камуністы забілі яшчэ звыш сотні чалавек.

Распавядае ўнучка Юзіка Скарабагатага Марына Шыбко: “Братоў забралі ў адзін дзень. Гэта былі яшчэ маладыя людзі. Бачыце, шосты год нараджэння, восьмы і адзінаццаты. Мой дзед — гэта Юзік Генрыхавіч Скарабагаты, і двое яго братоў. Дзед Юзік працаваў на памежнай базе. Койданава, Негарэлае. Другі брат — Уладзя — на механічным заводзе. Іван Генрыхавіч, Яська, як яго звалі, вазіў першага сакратара Койданаўскага райкома партыі. Усе расстраляныя. Мы даведаліся пра гэта яшчэ ў 2015-м. Таццяна Працька скінула тады звесткі. І мы з мужам дазналіся, што дзед загінуў не ў 1943 годзе, як паведамілі бабцы Гэлі, што ён нібыта тады памёр ад цэрозу печані. Ведалі толькі, што на перасылцы ў Воршы, у Аршанскай турме. Следам за братамі забралі і сястру, якая працавала стаматолагам у Негарэлым. Ёй далі 10 гадоў без права перапіскі за тое, што яна сястра. А браты былі абвінавачаны ў злачынстве — шпіянаж на карысць Польшчы. Бо яны былі палякі…”.

Сястру Алену Скарабагатую Асобая нарада асудзіла на 10 гадоў папраўча-працоўных лагераў і саслала ў Свярдлоўскую вобласць у Іўдзельлаг, дзе будавалі чыгунку Сяроў — Паўночнае. 25 кастрычніка 1955 года Вайсковы трыбунал Беларускай вайсковай акругі рэабілітаваў яе. Але вызвалілася Алена Генрыхаўна толькі ў снежні 1955 года. Братоў Іосіфа і Уладзіміра Скарабагатых рэабілітавалі ў 1958 годзе, а Івана Генрыхавіча толькі ў 1989 годзе.

У кастрычніку 2019 года Марына Шыбко ўпершыню наведала адно з месцаў масавых пахаванняў у Воршы — Кабыляцкую гару, падчас адкрыцця помніка палякам, рэпрэсаваным у Воршы и Аршанскім раёне. Марына пакінула тут тры заламінаваныя аркушы паперы з прозвішчамі расстраляных сваякоў. Усяго ў Воршы быў расстраляны мінімум 81 жыхар Дзяржынскага раёна, у тым ліку мінімум 17 чалавек з самаго Дзяржынска: палякі, беларусы, рускія, гарбрэі, немцы. Усе яны скончылі сваё жыццё ад рук катаў з НКУС у невядомых магілах у лясах пад Воршай.

Предложили вступить в контрреволюционную организацию, дал согласие

Довгало Николай Юльянович, беларус, родился в январе 1901 года в семье крестьян-середняков в поселке Бакиново Боровского сельсовета Минской области. Здесь до ареста и проживал.

Довгало был арестован Дзержинским погранотрядом 22 ноября 1937 года. На момент ареста он работал лесником Городищенского участка Дзержинского лесхоза, куда устроился в 1933 году.

В анкете арестованного записано, что до революции Николай Юльянович имел 3-4 га земли, одну лошадь, одну корову и еще 2-3 головы мелкой скотины. Работал лесником. После революции хозяйство насчитывало 5 га земли, все ту же одну лошадь, но уже две коровы и 5 голов другого скота. Арестованный имел низшее образование и был беспартийным. Состав семьи: жена Агата Васильевна (1899), сыновья Махил (1928), Валентин (1929), Леонтий (1932).

На допросе он сообщил, что родственников в Польше не имеет, а в Польше бывал всего два раза — в 1920 году, и дал признательные показания: “Я действительно являюсь агентом польской разведки и до ареста проводил шпионско-диверсионную работу в пользу Польши”. По его словам, он якобы был завербован в 1934 году польским агентом, неким Бирюлей.

В протоколе допроса это описано так: “Я работал с 1934 года лесным сторожем лесов государственного значения Городищенской дачи, где вместе со мной работал Бирюля, который знал мое враждебное отношение к совvласти. Я находился у него на квартире, в беседе со мной он заявил, что является агентом польской разведки, по заданию которой проводил шпионско-диверсионную работу, и вербует … в пользу Польши. И тут же мне предложил вступить в контрреволюционную организацию, на что я дал свое согласие, и он меня завербовал”.

Николай Довгало сообщал, что ему было поручено совершать поджоги лесов государственного значения, производить посадку лесов на зараженной почве лесоучастков, вести диверсионно-вредительскую работу в леспромхозах и колхозах, вербовать других для шпионско-диверсионной деятельности в пользу Польши, подбирать недовольных совvластью и готовить их к выступлению в тылу на случай военного нападения Польши на СССР, а также собирать сведения

шпионского характера и передавать их в польскую разведку через упомянутого польагента.

Арестованный также сообщал, что в 1935 году он лично по заданию уничтожил пожаром 50 га леса государственного значения, а в 1934-м засеял лес на зараженной личинкой майского жука почве от 15-25 га, в 1936-1937 годах передал в польскую разведку сведения о недовольных совластью, в том числе из числа поляков, а также сведения о расположении пограничных частей войск НКВД в местечке Дзержинск и на заставах погранотрядов. Сам арестованный в шпионско-диверсионную работу лично никого не вербовал. Далее в протоколе допроса речь шла о коллегах Николая Довгало и причинах его вербовки. Больше никаких сведений: ни расследований, ни опросов свидетелей. Для НКВД этого было достаточно.

Внучка Николая Довгало Лариса Яковец предполагает, что самого протокола допроса ее дед мог и не видеть: "Мне кажется, что протокол допроса "обвиняемый", возможно, и не видел, так как подпись на протоколе явно подделана. Можно сравнить на анкете и на каждом листе протокола. Какие обвинения сами придумали, с такими сами и согласились".

26 ноября 1937 года начальник Оршанского оперсектора сержант госбезопасности (фамилия вымарана архивом КГБ) утвердил обвинительное заключение, в котором повторил слова заключенного из протокола допроса, отметил, что тот признал себя виновным, и постановил направить дело на рассмотрение народного комиссара внутренних дел СССР — генерального комиссара госбезопасности т.Ежова.

В справке отмечалось, что арестованный Довгало Н.Ю. содержался под стражей при оршанской тюрьме с 21 ноября 1937 года. Вещественных доказательств по делу не имелось. 9 декабря 1937 года Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР, рассмотрев дело Николая Довгало, сочла его виновным по статье 68 УК БССР и постановила — расстрелять. В архивном деле сохранилась выписка из акта о приведении приговора в исполнение. В ней говорится: "Постановление Наркома внудел СССР и Прокурора СССР от 9 декабря 1937 г. протокол № 355 о расстреле Довгало Николая Юльяновича приведено в исполнение 17 января 1938 г. в г. Орше".

В 1961 году родные репрессированного получили справку из Военного трибунала Белорусского военного округа. В ней говорилось, что

14 июня 1961 года дело лесника Городищенского участка Дзержинского района Николая Довгало было пересмотрено Военным трибуналом БВО. “Постановление от 9 декабря 1937 года в отношении Довгало Николая Юльяновича отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Довгало Николай Юльянович реабилитирован посмертно”.

Копии сохранившихся в Центральном архиве КГБ документов внучка репрессированного Николая Довгало Лариса Яковец смогла получить совсем недавно, в 2018 году, и то не с первого раза. А символический крест с портретом и данными дедушки на одном из мест расстрелов под Оршей — Кобыляцкой горе, появился одним из первых.

“К сожалению, никаких документов о смерти моего деда нет. Все, что я знаю, это из открытых источников в интернете. Как всегда — если бы стали интересоваться раньше… Никого из его детей в живых уже нет. Единственное, что я узнала теперь: все-таки какое-то сообщение о реабилитации деда было послано его жене, моей бабушке. Но в силу моего самого младшего возраста в нашей семье мне об этом не было известно, и документа такового я не видела”, — сообщила Лариса Яковец.

17 января 1938 года был также расстрелян Довгало Иосиф Романович (1874), который проживал на хуторе Гай и работал объездчиком в Дзержинском лесхозе, а 20 января большевики убили родственника Николая Юльяновича — Довгало Антона Игнатьевича (1899). Он жил в той же деревне Бо(а)киново и работал счетоводом в колхозе “Путь социализма”.

“Мама до 1940 года носила папе передачи, а его в 1938-м расстреляли… ”.

Беларус, уроженец деревни Ливье Дзержинского района Позняк Константин Андреевич 1891 года рождения до ареста работал ветеринарным фельдшером в Дзержинской райветлечебнице. 17 ноября 1937 года его арестовали. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвинила его в шпионаже в пользу Польши и приговорила к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 16 января 1938 года в Орше. Дома остались жена и шестеро детей. В тот же день в Орше власти расстреляли еще минимум 100 человек.

Осенью 2018 года одна из дочерей Константина Андреевича — Лидия Сташкевич, со своей дочерью Светланой — побывали в Орше и впервые посетили одно из мест массовых расстрелов — Кобыляцкую гору.

Лидия Константиновна вспоминает: “Мы ничего не знали. Мы знали, что наш батька расстрелян в Орше. И больше ничего. Я не могла дождаться, когда приеду сюда. Я не помню батьку своего, поскольку была маленькой совершенно. Шестеро детей. Приехали, забрали, увезли. Мать еще до 1940 года возила ему передачи. Передачи брали, в то время, как отца расстреляли 16 января 1938 года. Арестовали 11 ноября 1937-го. То есть два месяца ровно… и расстреляли. Молодого. Ветеринарный фельдшер, работал в Дзержинске. Люди вспоминают, что был замечательный человек. Я не помню, естественно. Была у меня тетя, которая прожила 104 года. Однажды я приехала, еще была студенткой, она говорит: “Лида, вот человек, который твоего батьку помнит”. Я: “Скажите, пожалуйста, каким был мой отец?” “Ну, які? Вельмі добры чалавек быў. Ноч, апоўнач, прыедзе, скаціну палечыць і грошай не возьме”. Вот такой человек был. За что его расстреляли, Бог его знает. А мать мучилась одна с этими детками. Мама была на тот момент беременна седьмым ребенком. Потом одна растила семерых детей. Как жену “врага народа” ее никуда не хотели брать на работу. С трудом устроилась на самую низкооплачиваемую, куда никто не хотел идти. Пришлось узнать, что такое голод. Иногда в доме не было крошки хлеба. Собирали весной гнилую картошку на полях, чтобы хоть что-то сварить поесть. Мама умерла рано, пережитые страдания дали о себе знать, дети остались сиротами. Старшие дети попечительствовали за младшими. Чтобы выжить, им пришлось с 14 лет идти работать”.

В 1959 году Военный трибунал Белорусского военного округа посмертно реабилитировал Константина Позняка. “Моя мама состояла в обществе детей репрессированных. Ей даже удостоверение выдавали, льготы какие-то были. Но все давно отменили”, — рассказывает Светлана Сташкевич, внучка расстрелянного.

В 2018 году Лидия Константиновна обратилась в Центральный архив КГБ, где хранится дело ее отца за номером 14315-с, но вместо копий документов получила лишь архивную справку с уже известными сведениями. “Сведений о месте захоронения Позняка К.А. в материа-

лах дела не имеется и установить его в настоящее время не представляется возможным", — гласила казенная формулировка.

"Позняк Константин Андреевич — наш отец, дед, прадед — пал жертвой политических репрессий 16 января 1938 года в городе Орша. До сих пор неизвестно место его захоронения, а также тысяч таких же невинных жертв коммунистического террора 1930-1940-х годов. К сожалению, государственные структуры РБ до сих пор не открывают архивы, не сообщают о местах расстрелов жертв репрессий и отвечают дежурными отписками на запросы родственников", — отметила внучка Константина Позняка.

Заславльский район

Як знішчалі жыхароў савецка-польскага памежжа

У передваенны час бальшавікі правялі жорсткую зачыстку памежнага пасу ад усіх "непажаданых" для іх элементаў. У выніку тысячы жыхароў заходніх раёнаў БССР былі расстраляныя ці дэпартаваныя ў глыб СССР.

Бальшавіцкая "вітрына" на захадзе

У міжваенны час значная колькасць жыхароў Беларусі па абодва бакі кардону трапляла ў поле зроку як польскай, так і савецкай выведкі. Другі аддзел Галоўнага штабу Войска Польскага (выведкі) шукаў сярод жыхароў БССР інфарматараў, давераных асобаў для сваіх агентаў, кур'ераў. Савецкі бок таксама актыўна распрацоўваў памежны пас на польскім баку мяжы. І Другая Рэч Паспалітая, і СССР выкарыстоўвалі кроўныя сувязі, якія былі паміж жыхарамі падзеленай "рыжскай мяжой" Беларусі.

Не варта забывацца і на эканамічны фактар. У Заходняй Беларусі "за польскім часам" існавала праблема з працай, што прымушала людзей займацца кантрабандай ці ісці на супрацу з польскай выведкай. У савецкай Беларусі "працадні", якія ставілі ў калгасны табель, таксама не давалі магчымасць беларускім сялянам жыць па-чалавечы. У выніку і савецкія грамадзяне вымушаныя былі шукаць "падпрацоўку".

Памежная рэспубліка, якой была БССР, павінна была стаць вітрынай бальшавіцкай сістэмы на мяжы з варожым капіталістычным светам. У пачатку 1930-х гадоў на савецка-польскай мяжы ў Беларусі Крэмль

пачаў ствараць польскі этнічны раён — “Дзяржыншчыну”. Гэта не выклікала вялікага энтузіязму з боку кіраўніцтва БССР, дзе ўсё яшчэ працягвалася “беларусізацыя” грамадска-палітычнага жыцця. У выніку ў 1930 годзе, паводле савецкіх дадзеных, на тэрыторыі “польскага нацыянальнага раёна” жылі 2,2 тысячы палякаў, 37,5 тысячы беларусаў, 4,1 тысячы габрэяў.

Нягледзячы на гэта ў савецкай Беларусі з’явілася 9 “польскіх” сельсаветаў. Былі адкрытыя каля сотні польскіх школ, выдавалася польскамоўная газета “Orka”. Карацей, бальшавікі правялі працу па стварэнні, так бы мовіць, “сацыялістычнай Польшчы” на мяжы з “фашысцкай”, як яе часта называлі ў даваенных беларускіх савецкіх газетах, Другой Рэччу Паспалітай.

Зачыстка пачынаецца

Разам з тым, у пачатку 1930-х гадоў адбылося “згортванне” беларускай нацыянальнай палітыкі ў БССР, а шматлікіх прадстаўнікоў культурных і палітычных эліт пачалі арыштоўваць і рэпрэсаваць. Чысткі адбываліся не толькі ў даваенным Менску, але і па ўсёй рэспубліцы, і асабліва ў памежнай зоне. Яшчэ ў 1928-1929 гадах з памежнай зоны ў аддаленыя раёны РСФСР было выселена больш за 2 тысячы чалавек. Значная колькасць жыхароў памежжа была арыштаваная.

Восенню 1929 года ў Заслаўе выклікалі жыхара хутара Навінкі Язэпа Ліпеня. Аднаногага ветэрана Вялікай вайны 1914-1918 гадоў у райцэнтр павёз яго сын, таксама Язэп. “Ён быў нашым гаспадаром, жанаты быў ужо, у яго дзіцё было. Бацьку выклікалі і арыштавалі. Брат прыехаў дадому і кажа: “Бацьку пакінулі на маленькі допыт”. Прайшло некалькі дзён. Брат паехаў у Заслаўе, а там кажуць: “Бацьку твайго перавялі ў іншую турму”. І ўсё. А праз некалькі дзён прыехала ў сельсавет цэлая група людзей, каб раскулачваць нас”, — узгадвала тыя часы дачка рэпрэсаванага Ганна. Пастанаўленнем “тройкі” ДПУ ад 29 лютага 1930 года Язэп Васільевіч Ліпень быў расстраляны як “польскі шпіён”.

30 студзеня 1930-га была прынята дырэктыва ЦК ВКП(б) “Аб мерапрыемствах па ліквідацыі кулацкіх гаспадарак у раёнах усеагульнай калектывізацыі”. Ужо 2 лютага таго ж года Сакрэтна-аператыўныя часткі памежных атрадаў у БССР атрымалі загад аб “знішчэнні кулацкага актыву”. Рабілася гэта яшчэ і таму, што савецкія вайсковыя ўлады рыхтаваліся распачаць будаўніцтва доўгатэрміновых умацаванняў у памежнай зоне.

Пад рэпрэсіі трапілі гаспадары хутароў, якія знаходзіліся на кардоне. Сярод іншых у студзені 1930 года быў арыштаваны жыхар хутара Вяснінка Заслаўскага раёна Мікалай Петрашкевіч. Яго абвінавацілі ў супрацы з польскімі выведвальнымі органамі. Пазней "тройка" прысудзіла Мікалая Петрашкевіча да расстрэлу. Дарэчы, у гэты пазасудовы орган, які складаўся з трох асоб, акрамя супрацоўнікаў ДПУ і пракуратуры, ўваходзіў і прадстаўнік акруговага камітэта ВКП(б).

У лютым таго ж года ў рукі савецкіх рэпрэсіўных органаў трапіў гаспадар хутара Калеснікава Заслаўскага раёна Васіль Розум. Селяніна абвінавацілі ў злачынстве, прадугледжаным 64-м артыкулам Крымінальнага кодэксу БССР: "Узброенае паўстанне ці ўварванне ў контррэвалюцыйных мэтах на савецкую тэрыторыю ўзброеных банд, захоп улады ў цэнтры ці на месцах у тых жа мэтах, і ў прыватнасці, з мэтай адарваць ад Саюза ССР асобную саюзную рэспубліку, якую-небудзь частку яе тэрыторыі, ці скасаваць заключаную Саюзам ССР з замежнымі дзяржавамі дамову".

23 лютага 1930 года Васіля Розума расстралялі. Разам з ім арыштавалі і яго брата Аляксея, жыхара хутара Пральня. Апошняга абвінавацілі ў сувязі з польскай выведкай і прысудзілі да "вышэйшай меры сацыяльнай абароны".

"Людзі сумуюць па вайне"

Масква баялася, што Варшава можа ўмяшацца ў сітуацыю. Таму ў сакавіку 1930 года Палітбюро ЦК ВКП(б) прыняло пастанову "Аб Беларусі і Украіне", у якой, у прыватнасці, памежнікам загадвалася павялічыць аператыўны склад і манеўровыя групы памежных атрадаў да колькасці, дастатковай для падаўлення любога ўзброенага выступлення.

У Варшаве ведалі, што ў памежных зонах БССР і УССР адбываюцца рэпрэсіі. Польскія газеты і радыё спрабавалі інфармаваць грамадскасць Другой Рэчы Паспалітай аб трагічнай сітуацыі жыхароў савецкіх Беларусі і Украіны. "Перад мікрафонам польскага радыё 2 красавіка прачыталі два лісты палякаў, якія жывуць у Расіі (у 1930-я гады польскія выданні часта выкарыстоўвалі акрэсленне "Расія", калі пісалі пра падзеі ў Беларусі або ўвогуле ў СССР. — І. М.). Гэта трагічная карэспандэнцыя. [...] Яшчэ раз даведваемся пра беднасць сялян за нашай усходняй мяжой. "Не пішыце нам, дзеля Бога", — просіць адзін з няшчасных.

Чалавек, які атрымаў ліст з Польшчы, з'яўляецца палітычна падазроным. Часта гэтага дастаткова, каб страціць свабоду. Доказы сфабрыкуюць непасрэдна перад судовым працэсам. Савецкія чыноўнікі ведаюць, як гэта рабіць. Аб тым, наколькі цяжка жывецца гэтым людзям, сведчыць факт, што ў сваіх лістах яны часта выказваюць сум па вайне. Усё роўна з кім, усё роўна ў імя якой ідэі. Вайна ў іх разуменні — гэта змены, а ўсялякія змены будуць лепшымі ад існуючага становічша рэчаў", — падкрэслівалася ў адной з польскіх газет.

Пра рэпрэсіі ў дачыненні да насельніцтва памежных раёнаў БССР выдатна ведаў і Другі аддзел Галоўнага штаба Войска Польскага. "У раёнах, дзе пабудаваныя фартыфікацыі на заходняй мяжы і на Далёкім Усходзе, цывільнае насельніцтва было заменена на падраздзяленні войскаў, маючых тэрытарыяльны характар", — падкрэслівалася ў адной са справаздач польскай выведкі. "У Капыльскім раёне адбыліся масавыя арышты мясцовага насельніцтва, якое раней было прызначана да высялення ў іншыя раёны СССР. Арыштаваных трымалі ў мясцовым касцёле. Потым іх накіроўвалі на станцыю Слуцк. Арышт галоў сямей ажыццяўлялі жаўнеры памежнага атрада і міліцыя", — адзначалася ў іншым паведамленні Экспазітуры №1 Другога аддзела Галоўнага штаба польскага войска.

"На працягу некалькіх гадоў савецкія ўлады з вялікай энергіяй праводзілі высяленне з памежных тэрыторый (БССР і заходнія раёны УССР) ненадзейных элементаў. Высялялі насельніцтва цэлых вёсак, вывозілі яго ў глыб Расіі спецыяльнымі эшалонамі. Было даведзена да таго, што неаднаразова ў вёсках, якія налічвалі некалькі соцень жыхароў, заставалася літаральна толькі некалькі сямей аўтахтонаў, а іншыя вывезены. На іх месца прывозілі калгаснікаў, лаяльных савецкай уладзе", — падкрэслівалася ў Бюлетэні кіраўніцтва КАП "Ахова польска-савецкай мяжы" ў 1936 годзе.

Інфармацыю пра высяленне жыхароў савецка-польскага памежжа пацвярджалі і польскія дыпламаты, якія працавалі ў сталіцы БССР. У Цэнтральным вайсковым архіве Польшчы захоўваецца ліст консула Польшчы ў Менску Вітальда Аконьскага ад 13 жніўня 1935 года, у якім, у прыватнасці, адзначаецца: "Генеральнае консульства Польшчы інфармуе, што ў апошнія тыдні павялічылася колькасць выселеных прадстаўнікоў польскага насельніцтва з памежных раёнаў, а таксама людзей, якія маюць сваякоў у Польшчы

і падтрымліваюць з імі кантакт. Гэтых людзей высяляюць этапам у глыб Расіі".

Варшава нічога не магла зрабіць, каб дапамагчы гэтым людзям. Дый самі рэпрэсаваныя, за рэдкім выключэннем, паслухмяна ішлі ў турмы памежных атрадаў, каб потым апынуцца ў камерах "Валадаркі" ці "Амерыканкі" і пачуць прысуд аб "вышэйшай меры сацыяльнай абароны".

Арышты і дэпартацыі адбываліся ўвесь час на працягу 1930-х гадоў. Увесну 1933 года з Замежнага аддзела ў 8-е (польскае) аддзяленне Асобага аддзела АДПУ сталі дасылаць зводкі аб узмацненні дзейнасці польскай выведкі ў польскіх нацыянальных раёнах БССР і УССР, а таксама ў памежных з Польшчай тэрыторыях. У адказ бальшавікі зноў узмацнілі рэпрэсіўную палітыку.

У лютым 1933 года памежнікі пагрукалі ў дом старшага агранома Заслаўскай машынна-трактарнай станцыі (МТС) Івана Новікава. "Тройка" абвінаваціла яго ў працы на польскую выведку і па рашэнні ад 8 траўня 1933 года ён быў расстраляны. ""Вы арыштаваныя", — кажуць. І пагналі ў Заслаўе, у раён. Сагналі ў свіран. А там ужо людзей нагналі столькі, што ой. Брата майго дадому адпусцілі, а мяне сюды. [...] Былі пры Заслаўскім памежатрадзе. Тут гэты свіран стаяў. [...] Нас сагналі больш за 300 чалавек", — узгадваў жыхар вёскі Варашылы Вінцэнт Вольскі-малодшы. Яго сям'ю дэпартавалі ў 1935 годзе. Галаву сям'і Вінцэнта Цэзар'евіча Вольскага прысудзілі да смерці і расстралялі ў Менску, а яго блізкіх накіравалі ў Комі АССР.

"Антыпольская аперацыя"

У 1936 годзе ў 9 памежных раёнах толькі за сувязь з жыхарамі замежжа 125 чалавек былі выселеныя ў глыб СССР. Аднак сапраўдны жах грамадзян БССР чакаў наперадзе. У чэрвені 1937 года на XVI з'ездзе КП(б)Б прагучалі заклікі рашуча разабрацца з нацыянал-фашысцкімі шпіёнамі, трацкістамі, шкоднікамі і дыверсантамі, якія "атабарыліся" ў памежнай рэспубліцы.

"Выбарачнае абследаванне 154 хутароў, якія размяшчаліся ў 7,5-кіламетровым пасе Заслаўскага, Менскага, Уздзенскага раёнаў, што было праведзена ў 1937 годзе, выявіла: 75 двароў мелі родных у Польшчы, а гаспадары 118 двароў складаюць контррэвалюцыйны актыў, які вядзе антыкалгасную працу. [...] Асабліва значэнне маюць хутарскія гаспадаркі ў справе падрыхтоўкі поль-

скай выведкай паўстанцкіх груп і іх арганізацыі на момант вайны паміж Польшчай і СССР", — падкрэслівалася ў адным з дакументаў НКУС.

11 жніўня 1937 года быў выпушчаны аператыўны загад НКУС №00485 аб барацьбе супраць "фашысцка-паўстанцкай, шпіёнскай, дыверсійнай, паражэнчай і тэрарыстычнай дзейнасці польскай выведкі ў СССР", у сувязі з чым у БССР распачалася сумна вядомая "антыпольская аперацыя НКУС", якая ў значнай меры тычылася менавіта жыхароў памежных з Польшчай тэрыторый савецкай Беларусі.

"У 15-м памежным атрадзе я быў восенню 1937-га. [...] Там драўляная турма была. Доўга там не трымалі. Следчы аддзел быў у атрадзе. А потым у дзяржбяспеку, у Менск", — узгадваў тыя жудасныя часы былы савецкі памежнік Уладзімір Валовік.

Ад вёскі Касачы было вельмі блізка да кардону з Польшчай. Побач знаходзіліся савецкая памежная застава "Чыравічы". У кастрычніку 1937 года менавіта памежнікі, якія служылі на ёй, арыштавалі старшыню мясцовага калгаса Уладзіміра Розума.

Відавочна, у чэкістаў не хапіла доказаў, каб абвінаваціць гэтага чалавека ў супрацы з польскай выведкай. У выніку ён "пайшоў" па 72-м артыкуле Крымінальнага кодэкса БССР — антысавецкая агітацыя, за што атрымаў 10 гадоў лагераў і ў лістападзе 1941 года памёр у Кулайлагу НКУС. А вось Дзяніса Рака з той жа вёскі назвалі "агентам польскай выведкі". Супрацоўніка калгаса "Шлях праўды" арыштавалі 24 жніўня 1937 года. Суд адбыўся 9 лістапада 1937 года, а ўжо 25 лістапада яго расстралялі ў Оршы.

Сярод тых, хто ў 1937 годзе трапіў у рукі НКУС, быў ураджэнец вёскі Касачы, жыхар вёскі Кальсберг Васіль Стасевіч. Яго абвінавацілі ў тэрарыстычных намерах і таксама расстралялі.

Праз год "зялёныя фуражкі" завіталі ў хату іншага жыхара вёскі Касачы Рамана Мамчыца. 15 кастрычніка 1938 года селяніна абвінавацілі ў супрацы з польскай выведкай і 6 лістапада 1938 года расстралялі. Не абмінулі рэпрэсіі і Пятра Мамчыца, якога расстралялі 29 лістапада 1938 года.

Як бачым, сялян вёскі Касачы арыштоўвалі аднаго за другім. Відавочна, НКУС імкнулася стварыць выгляд выкрыцця "польскай шпіёнска-дыверсійнай банды". Хутчэй за ўсё, пад катаваннямі адзін агаворваў другога, за што чапляліся следчыя НКУС і "раскручвалі справу".

Ці былі гэтыя людзі польскімі шпіёнамі? Напэўна, не. Разам з тым, можна дапусціць, што некаторыя з ахвяр НКУС наўмысна ці выпадкова маглі стаць інфарматарамі польскай выведкі. Нехта меў сувязь са сваякамі "за кардонам", іншыя маглі зарабляць кантрабандай. Гэтыя чыннікі дазвалялі польскім выведвальным органам маніпуляваць і карыстацца жыхарамі памежных раёнаў БССР.

Трэба, аднак, заўважыць, што Другі аддзел польскага Генштабу ў асноўным невысока ацэньваў выведвальны патэнцыял жыхароў польскіх нацыянальных раёнаў. "Польскія сельсаветы маюць невялікую карысць як цэнтры дзейнасці нашай выведкі. Невысокая вартасць мясцовых палякаў для нашай дзейнасці тлумачыцца тым, што ў сваёй большасці яны слаба адукаваныя, і, што самае галоўнае, нацыянальна слаба свядомыя, а савецкая апрацоўка ўвогуле пераставіла іх на рэйкі настрояў супраць "панскай" Польшчы", — падкрэслівалася ў лісце кіраўніка аддзела "Усход" капітана Ежы Незбжыцкага да кіраўніка выведкі КАП маёра Яна Гурбскага.

Каток "антыпольскай аперацыі НКУС" прайшоўся па ўсёй Заслаўшчыне. Сярод пакараных былі не толькі мужчыны. У снежні 1937 года НКУС арыштавала жыхарку хутара Пятроўшчына Заслаўскага раёна Ядвігу Філіповіч. Да арышту яна працавала ў калгасе імя Пушкіна. Жанчыну абвінавацілі ў тым, што яна з'яўлялася агентам польскіх выведвальных органаў, і 28 лютага 1938 года расстралялі ў Менску. У верасні 1937 года ў рукі НКУС трапіла супрацоўніца калгаса "Ударнік 2-й пяцігодкі", жыхарка вёскі Дзічкі Сафія Радзько. У лістападзе таго ж года яе расстралялі ў Оршы.

Аднак у асноўным ахвярамі сталінскіх рэпрэсій на памежжы станавіліся галовы сямействаў, сяляне, якія проста хацелі жыць і працаваць на сваёй зямлі.

У "яжовыя рукавіцы" траплялі не толькі шараговыя калгаснікі. У снежні 1937 года НКУС "завітаў" ў дом старшыні Заслаўскага раённа-выканаўчага камітэта Васіля Ганіна. Следства па яго справе працягвалася да лета 1938 года, а 28 чэрвеня яго расстралялі ў Менску.

29 лістапада 1937 года быў арыштаваны супрацоўнік Заслаўскага раённага аддзела міліцыі Пятро Радзько. 13 красавіка 1938 года міліцыянера расстралялі ў Менску.

Тады ж арыштавалі і дырэктара Заслаўскай МТС Марка Сукача. У лістападзе 1937 года яго расстралялі ў Менску. Амаль усіх пералі-

чаных вышэй жыхароў Заслаўшчыны абвінавацілі ў супрацоўніцтве з польскай выведкай.

За "шпіянаж на карысць Польшчы" ўзмацнялі пакаранне і тым, хто ўжо знаходзіўся ў месцах зняволення ці быў дэпартаваны. Так, у 1938-м да 10 гадоў зняволення быў прысуджаны спецпасяленец Вінцэнт Вольскі, які за тры гады да гэтага быў дэпартаваны ў Комі АССР. У жніўні 1937 года быў паўторна арыштаваны ўраджэнец хутара Валоўшчына Франц Шаблоўскі. 29 верасня 1937 года яго расстралялі ў Оршы.

"Польскае насельніцтва асабліва інтэнсіўна праследуецца"

Ці ведалі ў Польшчы, што адбываецца на іх мяжы з БССР і на ўсёй тэрыторыі савецкай Беларусі ў 1937-1938 гадах? Так.

"У канцы ліпеня бягучага года перастала выходзіць адзіная польская газета на тэрыторыі Беларусі – "Orka". Памяшканне, якое займала рэдакцыя, апячатанае. Галоўны рэдактар Рагінскі, разам з некалькімі памочнікамі, быў арыштаваны і абвінавачаны ў дыверсійнай дзейнасці. [...] Рагінскі, як і большасць персаналу рэдакцыі, былі палітычнымі перабежчыкамі з Польшчы. [...] Ліквідацыя палякаў-камуністаў, якія паходзілі з-за мяжы, ахапіла, галоўным чынам, дзяржаўныя і культурныя ўстановы ў Менску. [...] Правінцыя яшчэ не ахопленая гэтымі падзеямі", — адзначалася ў лісце кіраўніка аддзела "Усход" капітана Ежы Незбжыцкага, дасланага кіраўніку выведкі КАП маёру Яну Гурскаму ў жніўні 1937 года.

Адзначым, што яшчэ 9 сакавіка 1936 года Палітбюро ВКП(б) выдала пастанаўленне, у якім, у прыватнасці, адзначалася: "У сувязі з тым, што на тэрыторыі СССР сабралася вялікая колькасць палітэмігрантаў, частка з якіх з'яўляецца прамымі агентамі выведвальных і паліцэйскіх органаў капіталістычных дзяржаў, — даручыць Камінтэрну сумесна з НКУС у трохмесячны тэрмін правесці поўны пераўлік палітэмігрантаў, якія прыбылі ў СССР па лініі МАДР, ВККІ Профінтэрна". Зразумела, што пасля "пераўліку" савецкія рэпрэсіўныя органы пачалі "зачыстку" замежных камуністаў.

"Паведамляю, што паводле нашай інфармацыі і на падставе назіранняў трэба падкрэсліць, што арышты як цывільнага насельніцтва, так і вайскоўцаў працягваюцца. Назіраем, як арыштаваных вядуць вуліцамі пад вайсковым канвоем. [...] Польскае насельніцтва асабліва інтэнсіўна праследуецца", — пісаў у сакавіку 1938 года ў лісце, накіра-

ваным у Амбасаду Польшчы ў Маскве, кіраўнік Генеральнага консульства Польшчы ў Менску Вітальд Аконьскі.

Аднак дапамагчы гэтым людзям польскія чыноўнікі не спяшаліся. Больш за тое, кожная заява ад савецкіх грамадзян на выданне польскай візы ці пашпарту разглядалася ў Генконсульстве вельмі марудна. Разам з тым, варта падкрэсліць, што бальшавіцкія ўлады максімальна абмяжоўвалі доступ да польскай дыпламатычнай установы ў сталіцы савецкай Беларусі. Сам факт кантакту з польскім дыпчыноўнікам мог стаць падставай для арышту таго, хто пажадаў гэта зрабіць.

Усе сямейнікі і сваякі арыштаваных і рэпрэсаваных падчас польскай аперацыі дэпартаваліся ў глыб СССР. Па стане на 10 верасня 1938 года на тэрыторыі Савецкага Саюза было асуджана 103 489 чалавек, з якіх 84 471 расстралялі. На тэрыторыі Беларусі ў перыяд ад жніўня 1937 па студзень 1938 года было арыштавана 12 052 "польскіх шпіёнаў", са студзеня па красавік 1938 года — 3 689 чалавек, з красавіка па кастрычнік 1938 года — 5 666 грамадзян БССР. Усяго ж, паводле дадзеных НКУС БССР, падчас "антыпольскай аперацыі" на тэрыторыі савецкай Беларусі было рэпрэсавана 21 407 чалавек. Сярод арыштаваных было 10 120 беларусаў і 9 196 палякаў. Большая частка ахвяр "антыпольскай аперацыі" паходзіла менавіта з памежных раёнаў. Колькі ж усяго ў 1920–1930-я гады было рэпрэсавана жыхароў савецка-польскага памежжа ў Беларусі, сказаць цяжка.

Сёння пра тую трагедыю на былой даваеннай мяжы амаль нічога не нагадвае. Між тым, варта было б у Заслаўі, на месцы былога памежнага атрада, паставіць памятны знак, каб сучасныя жыхары Беларусі ведалі пра злачынствы сталінскай сістэмы.

Ігар Мельнікаў, гісторык

"Дзеткі, свайго бацьку вы больш не пабачыце"...

Франц Адамавіч Шаблоўскі, паляк па нацыянальнасці, нарадзіўся ў 1881 годзе на хутары Валоўшчына, што ў межах Заслаўскага раёна. Паходзіў з сялян і меў няскончаную пачатковую адукацыю.

"Хутар Валоўшчына належаў маёй бабулі, — распавядае ўнук Франца Вадзім Паўлоўскі, – але пасля шлюбу яна пераехала да дзеда на хутар у Крыжоўку. Калі арганізоўвалі калгас, усіх хутаран сагналі ў Валоўшчыну (малую). Усе ў калгасе былі шляхцюкі і каталікі. У суседніх

вёсках іх абразліва называлі “валоўскія шэршні” — за незалежныя паводзіны і вялізарную ганарлівасць”.

Упершыню Франца Адамавіча арыштавалі ў 1929 ці 1930 годзе, прысудзілі 5 гадоў папраўчых прац і саслалі ў Цемнікоўскі папраўча-працоўны лагер (Цемлаг) Мардоўскай АССР, дзе ён працаваў на лесанарыхтоўках. Пасля вызвалення 30 снежня 1934 года Шаблоўскі прыехаў у Беларусь. Аднак чамусьці пасяліўся не на родным хутары, а ў Горках, дзе ўладкаваўся працаваць цесляром. Яго жонка Казіміра з дочкамі Леакадзіяй (Людмілай), Вікторыяй і сынам Томашам (Фёдарам) па-ранейшаму жылі на Заслаўшчыне.

“Мая бабуля збіралася пераехаць у Горкі да мужа, — узгадвае Вадзім Паўлоўскі. — Яшчэ ведаю, што дзед прыходзіў “нелегальна” і пешшу, бо ўжо ад Ратамкі пачыналася памежная зона. А выязджаць з Горак яму забаранялася”.

Аднойчы Франц Адамавіч зноў вырашыў патаемна праведаць сям’ю і скіраваўся ў родную Валоўшчыну, што была побач з савецка-польскім памежжам. Сустрэча цягнулася ўсяго некалькі гадзінаў. Раніцай бацька мусіў вяртацца ў Горкі. Гэта было ягонае апошняе спатканне з блізкімі. Праз некаторы час яго арыштавалі. Адбылося гэта 6 жніўня 1937 года.

Вадзім Паўлоўскі распавядае: “Мая маці свайго бацьку амаль не ведала, таму што на пачатку 1930-х гадоў яго забралі. Ён сядзеў у Горках Магілёўскай вобласці. І так здарылася, што за месяц да расстрэлу ён нелегальна прыехаў да самай граніцы з Польшчай, гэта каля Заслаўя, каб пабачыцца з роднымі. Маці першы раз у жыцці яго ўбачыла. Гэта быў 1937 год, жнівень. Ён дома прабыў некалькі гадзін. Раніцой сышоў. Праз дзве гадзіны за ім прыехаў “чорны варанок”. Відаць, недзе па дарозе яго схапілі. Па дакументах яго расстралялі 29 верасня 1937 года. Цікава, што родныя не ведалі, што з ім здарылася. Маёй бабцы параілі, каб яна падала заяву на аліменты, каб даведацца, што з ім здарылася. Прыйшло паведамленне, што яму далі 10 год без права перапіскі. Бабуля здагадалася, што ён не вернецца. Яна сказала: больш свайго бацьку вы не пабачыце”.

15 верасня “тройка” абвінаваціла Франца Шаблоўскага ў антысавецкай агітацыі і прысудзіла да вышэйшай меры пакарання — расстрэлу.

З даведкі, якую яго дачка атрымала з КДБ у 1995 годзе, вынікае, што Франц Шаблоўскі быў расстраляны 29 верасня 1937 года ў Вор-

шы. У той жа дзень былі расстраляныя яшчэ мінімум 20 чалавек.

Шаблоўскі быў рэабілітаваны пракуратурай Магілёўскай вобласці 23 траўня 1989 года, а яго дзеці Людміла Францаўна Паўлоўская і сын Фёдар Францавіч Шаблоўскі, згодна з пастановай Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь ад 1994 года, былі прызнаныя пацярпелымі ад палітычных рэпрэсій. Справа Франца Шаблоўскага знаходзіцца ў архіве УКДБ па Магілёўскай вобласці (10230-СН).

Вядома таксама, што 2 красавіка 1932 году быў арыштаваны і яго малодшы брат Шаблоўскі Антон Адамавіч (1889). Як сябра контррэвалюцыйнай групоўкі за антысавецкую дзейнасць ён быў асуджаны да 5 гадоў папраўчых лагераў. Паводле сямейных паданняў, Антон Шаблоўскі пазней таксама быў расстраляны. Аднак звестак пра ягоны лёс пасля лагераў знайсці не ўдалося.

"Вместо себя оставляю дочь"

Надежда была последним ребенком из восьмерых детей и единственной девочкой в семье Иосифа Григорьевича Нестеровича. Семья жила в деревне Гуя Заславльского района. Отец работал плотником в колхозе "Полымя". Однако своего папу Надежда Иосифовна Нестерович не помнит. Когда в сентябре 1937 года его забрали, девочке было немногим более полутора лет. Сегодня из большой семьи она осталась одна. Братья умерли.

Об инициативе потомков по увековечиванию памяти репрессированных предков "Кобыляки. Расстреляны в Орше" Надежда Нестерович случайно прочла в одной из газет, связалась с редакцией и попросила контакты координатора. Осенью, на Дзяды, она уже ехала в Оршу вместе с племянницей Светланой, чтобы побывать на местах расстрелов. В микроавтобусе были и другие потомки расстрелянных. Здесь, у мемориального камня, женщина кратко рассказала свою историю.

"Мой отец Нестерович Иосиф Григорьевич, как сказано в свидетельстве о смерти, расстрелян 20 декабря 1937 года. Мне тогда было чуть больше года — год и шесть месяцев. Его увезли. Отец, когда уходил, сказал матери: "Вместо себя я оставляю дочь", потому что у отца было семеро сыновей и я — восьмая, дочь. И увезли. Его сестра — моя тетя, постоянно ездила в Минск, возила передачи. Передачи, видимо, забирали. Я этого уже не помню. Мама всю жизнь ждала возвращения моего папы, но так и не дождалась. А расстреляли его 20 декабря, не

знаю, насколько это правда. Я говорю то, что написано в свидетельстве о смерти. Отец был 1895 года рождения, ему было 45 лет. Человек, фактически, в расцвете сил. Его посчитали врагом народа, понимаете… Имея восемь детей", — делится воспоминаниями дочь репрессированного.

Надежда Иосифовна очень хотела прочитать дело отца и даже несколько раз обращалась в КГБ, но почти ничего не узнала: "Ходила я в КГБ, хотела почитать дело. Дело почитать не смогла, потому что показывают только страницу. Мы пошли туда где-то в 1980-х — в начале 1990-х с братом. Нам страницу одну прочли, дальше не показали. Потом я ходила, тоже не показали. Кто донес на отца, я не знаю. Отец был правдолюб. Вот, наверное, за это и пострадал. Я одна осталась, потому что все дети уже ушли в мир иной. Поэтому я счастлива, что я пришла на это место, где его похоронили. Не похоронили, закопали просто, самым мерзким образом", — подчеркнула дочь расстрелянного.

"Я всегда с детства завидовала людям, у которых есть дедушки. У меня не было ни одного. Только бабушки. Сейчас я фактически обрела могилу моего деда", — говорит племянница Надежды Нестерович Светлана. Она добавляет: "Моего отца уже нет в живых, но я помню, он рассказывал, что сразу после войны пошел работать совсем пацаном, чтобы кормить семью. Потому что восемь детей оставалось, и мама одна. Он говорил: "Быў бы ў мяне бацька, і мая б доля была б лепшая, і вывучыўся б я, і быў бы, можа, прафесарам, а так прыйшлося цяжка-цяжка працаваць у гэтым жыцці".

Памятная табличка с именем и фотографией Иосифа Нестеровича появилась на Кобыляцком мемориале. На фото — молодой мужчина в царской форме и медалью на груди, вероятно, единственный уцелевший снимок репрессированного. Под фотографией — фамилия, имя, отчество, год рождения, дата смерти и надпись: "Честный человек, прекрасный семьянин, отец восьмерых детей. Храним память о тебе. Твои дети, внуки, правнуки".

Круглянский район

Едва не попал под суд за сокрытие сведений о расстреле отца

“В 1996 году в Минске издана книга “Память. Круглянский район”, где помещены документы о репрессиях против населения нашего района. Району повезло, что книга издана именно в этом году, в аналогичных книгах районов, которые издавались ранее, например, Быховского (1990 г.), Толочинского (1988 г.) сведения о репрессиях не опубликованы из-за действующего тогда запрета.

В книге “Память” нашего района помещены сведения о датах и местах гибели родственников и людей, которые живут в районе и мне лично знакомы. Поразительно, что один из них, Василий Леонович Кушнеров, был репрессирован дважды. В деревне Павлово удалось отыскать его сына Виктора Васильевича Кушнерова.

На момент последнего ареста отца Виктору исполнилось 7 лет, кроме него в семье были три старшие сестры 1910, 1912, 1923 годов рождения. Виктор Васильевич рассказал, что своего отца и его ареста он не помнит, но по воспоминаниям матери и сестер кратко поведал историю родителя.

Василий Леонович Кушнеров родился в 1883 году в д. Ольшаники в крестьянской семье. Служил в царской армии, участвовал в 1-й мировой войне. Служил в 28-й артиллерийской бригаде. За проявленное мужество и отвагу был награжден орденом Св. Георгия IV степени и произведен в унтер-офицеры. Еще до службы в армии обосновался в г. Борисове, женившись на местной девушке Марии. С помощью её родителей приобрели свой дом. До начала войны родилось двое детей, в послевоенное время семья пополнилась еще двумя детьми. В 1928-1929 годах в городах наступило голодное время и родители решили переехать на родину мужа, чтобы, работая на земле, прокормить семью.

Продав дом в Борисове, семья приобрела избу в бывшей панской усадьбе в Круглом, перевезли и сложили её на хуторе около д. Павлово, обзавелись коровой и конем. Местные власти бесплатно дали надел земли. Семья понемногу развивала свое хозяйство. Глава стал работать на лесопилке в Круглом. Но тут пришла коллективизация. В Павлове был создан колхоз им. Ленина.

Семье, только ставшей на ноги, было трудно расставаться с нажитым скотом. Хозяин медлил с вступлением в колхоз. В связи с этим, а также с тем, что он в прошлом служил младшим командиром в царской армии, 28 декабря 1932 года особой "тройкой" НКВД был арестован и осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей с мотивировкой "за участие в контрреволюционной кулацкой организации" и сослан в Хабаровский край.

В лагере В.Л. Кушнеров, закаленный крестьянским трудом и войной, зарекомендовал себя дисциплинированным, смекалистым работником и через несколько месяцев был назначен бригадиром, а через год расконвоирован и определен на вольное поселение при лагере. За проявленное трудолюбие и благонадежность Василий Леонович был освобожден на полгода раньше. Лагерное руководство понимало, что человек был осужден напрасно. При освобождении начальник лагеря подарил В.Л. Кушнерову костюм. На прощанье в доверительной беседе один на один начальник разъяснил ему, что в стране наступает политический беспредел, разворачиваются массовые репрессии. Он посоветовал: "Тихонько поедь домой, забери семью, приезжай обратно сюда. Мы тебе создадим все условия для жизни и работы".

В апреле 1937 года Василий Леонович вернулся на родину, испытал радость встречи с семьей. Правление колхоза доверило работу кладовщика. Жизнь как бы стала налаживаться. Но женское сердце супруги Марии будто предчувствовало новое тяжелое испытание. Она просила Василия: "Поезжай к моим в Борисов, переживем это страшное время, а потом ты снова вернешься домой". На что Василий отвечал: "Никуда я не поеду, ни за что отсидел столько лет, теперь меня никто не тронет".

Продолжая работать кладовщиком, не давал расхищать зерно, другое колхозное добро местным воришкам. Кто-то из них донес в органы НКВД, что Василий Кушнеров неодобрительно высказывается о советском правительстве, о том, что его несправедливо отправили в лагерь.

В сентябре 1937 года Василий Леонович снова был арестован работниками НКВД. В народе эти акции энкэвэдистов прозвали "хапуном".

Во второй раз ни в чем неповинный человек решением "особой тройки" 18 сентября 1937 года был осужден за антисоветскую агитацию к расстрелу. Его расстреляли 13 октября 1937 года в Орше.

В этом же году был репрессирован и зять Василия Леоновича, также колхозник, Константин Никитенко. К сожалению, материалы о нем в книге "Память" отсутствуют, известно только, что из лагерей он не вернулся.

Через 10 лет после гибели Василия Леоновича репрессии чуть было не коснулись его сына Виктора. После окончания школы-семилетки в 1947 году военкомат направлял его в Петрозаводское военное пехотное училище. По состоянию здоровья, школьным оценкам и другим параметрам юноша по решению мандатной комиссии заслуживал направления. Но присутствовавший на комиссии человек в штатском вдруг заявил, что Виктор Кушнеров скрыл от комиссии, что он является сыном "врага народа". После этого комиссия отменила свое решение, а Виктора хотели даже отдать под суд. Спасло только то, что он не достиг совершеннолетия.

Это только одна из историй, произошедших в нашем районе в те трагические годы.

Всего же за эти годы только по данным, приведенным в книге "Память", репрессировано 726 наших земляков, из них расстреляно 227. По социальному составу лишены жизни: 151 крестьянин, 30 служащих, 19 рабочих, 17 учителей, 4 священника, остальные люди других социальных групп. Среди расстрелянных числится даже 4 женщины. Как правило, большинство этих людей простые труженики, кто говорил правду и, пройдя страшные истязания и муки под угрозой смерти, не потерял честь и достоинство гражданина. Это они личным мужеством и ценой своей жизни заслонили своих современников и будущие поколения от новых репрессий.

Более 20 лет убивали ни в чем неповинных людей, а с ними — убивали правду. В 2012 году исполняется 65 лет самой страшной дате из всех лет репрессий — в 1937 году. Конечно же, это не победный и не радостный юбилей. Но на то мы и люди, чтобы не предавать забвению души растерзанных и расстрелянных наших земляков, косточки которых лежат на всей территории бывшего СССР — от заполярной тундры до песков Средней Азии, от Камчатки — до западных рубежей. Назрело время подумать об этом. А пока у нас нет даже памятника невинно убиенным.

Хочу через районную газету обратиться к родственникам погибших в репрессиях, учителям истории, священнослужителям, всем людям с

просьбой поделиться воспоминаниями, открыть неизвестные факты тех трагических событий, приблизить к ним смысл лозунга "Никто не забыт, ничто не забыто!".

Н. Матюшевский, ветеран труда, житель г.п. Круглое[71].

Расстраляны за перадачу шпіёнскіх звестак аб Аршанскім вінзаводзе

Іван Карпаў з 18 гадоў працаваў настаўнікам, а затым і дырэктарам школ у вёсках Круглянскага раёна. 9 лістапада 1937 года 26-гадовага дырэктара школы ў в. Паўлавічы арыштаваў НКУС, а ўжо праз чатыры дні, т. зв. Камісія НКУС і Пракурора СССР — пазасудовы і, такім чынам, не правасудны орган з двух чалавек, прыгаварыла яго "за шпіёнскую дзейнасць" да расстрэлу.

"Тады ніхто і не думаў, што Паўлавіцкая школа стане апошнім месцам працы маладога дырэктара, што ў 1937 г. ён будзе арыштаваны і атрымае такое абвінаваўчае заключэнне: "Карпаў Іван Цімафеевіч з'яўляецца агентам польскай разведкі. Завербаваны ў 1933 г. польскім агентам Транчэўскім[72], праз якога ад польскіх разведорганаў атрымаў заданне для шпіёнска-дыверсійнай работы на тэрыторыі СССР на карысць Польшчы.

У 1937 г. перадаў польскай разведцы шпіёнскія звесткі аб наяўнасці рабочых і магутнасці Аршанскага вінзавода. Таксама перадаваў шпіёнскія звесткі аб рашэннях партыйных сходаў Круглянскага раёна і аб закрытым пісьме ЦК ВКП(б) ад 1935 г. Падрыхтаваў для шпіёнска-дыверсійнай работы на карысць Польшчы аднаго чалавека. Вінаватым сябе ў шпіёнскай дзейнасці прызнаў...".

Відаць, не хапіла фізічных і душэўных сіл у маладога камуніста, таму і прызнаў сябе вінаватым у страшэнным злачынстве — здрадзе Радзіме. Але ў яго хапіла мужнасці, каб на пытанне следчага: "Хто быў завербаваны Вамі для правядзення шпіёнскай работы на карысць Польшчы?" адказаць: "Мной ніхто не быў завербаваны".

Абвінаваўчае заключэнне, якое грунтавалася толькі на прызнанні самога І.Ц. Карпава ды на паказаннях аднаго з настаўнікаў (быў расстраляны раней) Круглянскага раёна, класіфікавала "злачынства" Іва-

71 krugloe.by/2011/03/25/ne-podlezhit-zabveniju/

72 Транчевский Петр Иванович — учитель Узлянской школы. Расстрелян в Минске 2.03.1938 г.

на Цімафеевіча па арт. 68 КК БССР (шпіянаж, выкраданне, збор і перадача эканамічных звестак, якія складаюць дзяржаўную таямніцу і г.д.).

Цяжка сказаць, якія пытанні, “па свайму зместу спецыяльна ахоўваемыя дзяржаўнай тайнай”, магла вырашаць на сходах Круглянская партыйная арганізацыя і чаму звесткі аб тым, што выраблялася на Аршанскім вінным заводзе, “не падлягалі абвяшчэнню”.

Смехатворнасць абвінавачвання відавочна. Але І.Ц. Карпаву ўсё гэта каштавала жыцця. 19.11.1937 г. Камісія НКУС СССР і Пракурора СССР прыгаварыла яго да расстрэлу. 17.12.1937 г. ён быў расстраляны ў Оршы.

У 1958 г. жонка Івана Цімафеевіча, якая жыла ў той час у вёсцы Міхейкава Круглянскага раёна, паслала ліст на імя Генеральнага пракурора СССР з надзеяй атрымаць звесткі аб лёсе свайго мужа, з просьбай яго рэабілітаваць. 13.11.1958 г. Ваенны трыбунал БВА адмяніў пастанову Камісіі НКУС СССР і Пракурора СССР у адносінах да І.Ц. Карпава. Справа была спынена “за адсутнасцю складу злачынства”.

“Карпаў Іван Цімафеевіч, н. у 1910, вёска Някрасава (былая Царэўск), працаваў настаўнікам у Паўлавіцкай школе. Скончыў Магілёўскі педагагічны інстытут (завочна), з 1929 г. працаваў настаўнікам, у 1934-36 гг. дырэктарам Зубаўскай школы, у 1936-37 гг. дырэктарам Паўлавіцкай школы Круглянскага раёна”[73].

Расстраляны, бо ганарыўся рэвалюцыянерамі, што перад расстрэлам крычалі: “Жыве свабода!”

Калтанюк Мірон Кузьміч быў родам з Заходняй Беларусі, з 1918 г. жыў на тэрыторыі Савецкай Беларусі, спачатку працаваў у Шклоўскім раёне Магілёўскай вобласці, з 1933 г. жыў у в. Азёры Круглянскага раёна, працаваў настаўнікам у Загаранскай школе. Яго маці жыла ў Польшчы.

У 1932 г. Мірон Кузьміч наведаў маці, якую не бачыў больш за 10 гадоў, а вярнуўшыся ад яе з Польшчы, быў арыштаваны па падазрэнні ў шпіянажы. Аднак, пратрымаўшы яго ў турме 2 месяцы, вымушаны былі адпусціць: не было ніякіх доказаў, каб пацвердзіць падазрэнні. Пазней следчым органам стала вядома, як, успамінаючы гэтыя жудасныя 2 месяцы, Мірон Кузьміч гаварыў: “Цяжка ўявіць сабе, як я мог перанесці гэты час у цэментным падвале. Тэмпература была да 50°,

73 Книга “Память. Круглянский район” Минск, 1996 г.

у выніку чаго прыходзілася зусім голаму сядзець. Колькасць ежы давалася, каб падтрымаць жыццёвы працэс пры адсутнасці руху. Пры гэтым ежа давалася выключна салёная для таго, каб пагоршыць стан пры высокай тэмпературы і адсутнасці вады. Гэты момант доўга буду помніць у сваім жыцці, і калі б цяпер мяне арыштавалі, пры самай нязначнай магчымасці зняць стрэльбу са сцяны, скончыў бы жыццё самагубствам, але жывым не здаўся".

Аднак калі ў другі раз 31 жніўня 1937 г. прыйшлі яго арыштоўваць, такой магчымасці ў яго не было. Праз месяц, на допыце 7 кастрычніка, ён "сазнаўся" ў тым, чаго ад яго дабіваліся: што з'яўляўся членам контррэвалюцыйнай шпіёнскай арганізацыі, створанай польскім консулам у Маскве. Што канкрэтна зрабіў Мірон Кузьміч у якасці польскага шпіёна, следчыя так і не змаглі прыдумаць.

Сапраўды, што можа зрабіць вясковы настаўнік, які вучыў дзяцей роднай мове і літаратуры, на карысць іншай дзяржавы? Таму ў следчай справе М.К. Калтанюка з'явіўся такі запіс: 28 студзеня 1937 г. у канцылярыі школы ў размове з настаўнікамі ў сувязі з расстрэлам ворагаў народа Пятакова, Радэка і іншых Калтанюк адказаў наступнае: "Абвінавачаных па справе Пятакова, Радэка, Сакольнікава і іншых прыстойнымі людзьмі назваць не магу, бо яны перад судом не адстойвалі сваіх ідэй". І далей: "Вось рэвалюцыянеры былі моцныя тым, што яны ні пры якіх умовах не адступалі ад свайго і нават перад расстрэлам крычалі: "Няхай жыве свабода!".

З гэтых слоў следчымі органамі зроблена наступная выснова: "Дастаткова выкрываецца ў тым, што, будучы незадаволены мерапрыемствамі партыі і ўрада, займаўся антысавецкай і контррэвалюцыйнай дзейнасцю, распаўсюджваў контррэвалюцыйныя правакацыйныя чуткі, узносіў паклёп на правадыроў партыі і ўрада, усхваляў ворагаў народа".

Гэтага было дастаткова, каб чалавека пазбавіць жыцця. 20.10.1937 г. пастановай Камісіі НКУС СССР і Пракурора СССР М.К. Калтанюк быў прыгавораны да расстрэлу. 10.11.1937 г. быў расстраляны ў Оршы. Прайшлі гады, выраслі сыны Мірона Кузьміча, аднак яны не ведалі, які лёс напаткаў іх бацьку. У 1961 г. яны даслалі ліст на імя Генеральнага пракурора СССР, у якім прасілі даць звесткі пра бацьку і паведаміць, ці быў ён сапраўды злачынца і што паслужыла падставай для яго арышту. У лютым-сакавіку 1962 г. Ваенны трыбунал БВА перагледзеў

справу М.К. Калтанюка і 7.03.1962 г. пастанова Камісіі НКУС СССР і Пракурора СССР ад 20.10.1937 г. у адносінах да М.К. Калтанюка адменена і справа спынена "за адсутнасцю складу злачынства"[74].

"Отца погубили человеческая зависть и подлость"

Колтанюк Мирон Кузьмич родился в деревне Угляны Гродненской губернии. Православный беларус, имел среднее образование. Накануне ареста проживал в деревне Езеры Круглянского района. Работал учителем в Загоранской неполной средней школе.

Из тетрадных записок его сына Петра Мироновича Колтанюка (канун 2007 года): "Мирон — старший из братьев, родился в 1890 г. (или 1885) в д. Угляны. Окончил Несвижскую учительскую семинарию. Участвовал рядовым, а затем унтер-офицером в I-й Мировой войне. Имел награды от "царя-батюшки". Но так как советы не жаловали это дело, помалкивал о них.

В Гражданскую войну был мобилизован в Красную армию. Служил во II-й Конной армии под командованием знаменитого О. Городовикова в чине младшего офицера. По окончании Гражданской войны в 1920 г. как учитель (по особому ленинскому декрету) был демобилизован и направлен на фронт "ликбеза" (ликвидации безграмотности). Учительствовал в Могилевской обл. сначала в Шкловском районе в Черноручье, а потом в Круглянском районе с 1935 г.

По бедности довольно долго ходил в буденовке и длинной кавалерийской шинели. Женился и имел от первой жены 2-их сыновей: Николая и Владимира. Первая жена умерла при родах в 1929 г.

Помыкавшись с малолетними детьми, стал подыскивать вторую. И судьба подкинула встречу с Анной. Оба возвращались с районной учительской конференции. Мирон догнал Анну, шагавшую впереди. Поздоровались, разговорились, понравились друг другу. Особых ухаживаний не было. Оба уже были далеко не юными, терять было нечего. Свадьбы как таковой не было. Расписались в сельском совете да устроили скромный ужин. Время было голодное – коллективизация. Шел 1930 год.

Мирон Кузьмич был человеком неординарным. Чуть выше среднего роста (173 см), брюнет со слегка рыжеватыми усами, сероглазый, с густыми темными бровями, плотного телосложения, жилистый и за-

74 Книга "Память. Круглянский район", Минск, 1996 г.

каленный —почти полгода ходил босой. Мать рассказывала, что когда он ходил босой в комнате, то звук (стук) был, как при деревянной обуви — сабо.

Всю жизнь учился. Часто ездил на курсы повышения квалификации в Могилев и Минск. Учился заочно в Оршанском учительском институте. Проучившись 2 года, закончить не успел, став невинно убиенным в ноябре 1937 года.

Много, но с разбором читал, собирал редкие книги, которые по тем временам стоили немалых денег. До наших дней дошло 2 из них: "Атлас плодов" 1905 года и 2 тома "Вселенная и человечество" 1898 года издания.

Был на все руки мастер. Пчеловод — имел пасеку — более 20 ульев и одновременно как знаток досматривал 40 ульев колхозных пчел. Охотно делился медом с родней и друзьями, которые осенью подваливали за ним с различными емкостями. Регулярно избирался членом сельисполкома (сельского исполнительного комитета), где пользовался авторитетом. Как человек не только грамотный, но и образованный часто привлекался для ревизий в колхозах, где за работу получал муку, крупу и др. продукты сельского хозяйства. Это было хорошим подспорьем в те несытые годы.

Состоял в обществе охотников и рыболовов. Имел 2-х собак с незатейливыми кличками: Шарик и Бобик. Охотником был добычливым: за сезон приносил 2-3 десятка зайцев, 2-3 жирных барсука и несколько лисиц. Первых вымачивали в уксусе и тушили с морковкой, а из вторых вытапливали целебный жир. Шкуры первых, вторых и третьих сдавались в обмен на охотничьи припасы. Участвовал и в коллективной загонной охоте на волков и кабанов: так что в загашнике у него всегда находился кусок копченой кабанятины. Но после одного трагического случая предпочитал охотиться один и без собак.

Был хорошим столяром, чему научился у деда по материнской линии. Имел верстак, сам делал ульи. Сохранился станок к швейной машине, сделанный им. Зингеровская машина, полученная Мироном "в пасаг" от прабабки Доминики, сначала была ножной. Но когда в годы I-й Мировой семью выселяли из фронтовой зоны и она с другими беженцами (а их было около миллиона) добралась до Волги, станок где-то пропал. Что-что, а крадут на Руси с завидным постоянством.

По характеру был человеком выдержанным. С женами предпочитал не ссориться. Когда назревал скандал, брал книгу и уходил подальше в укромное место до лучших времен. На первый взгляд производил впечатление угрюмого и даже сурового человека — нелюдима. На самом деле он предпочитал посидеть в компании умных людей, при случае вставить меткую реплику или к месту пошутить. Страстно любил замечательные украинские песни. Сам неплохо пел не сильным, но приятным баритоном. Любимейшей была "Бандура".

Без всякой натяжки был учителем от Бога. Красиво каллиграфически писал. За учительскую и общественную (депутатскую) деятельность отца часто премировали: деньгами, отрезом на платье или костюмом (через сельпо, где он состоял в ревизионной комиссии) и даже велосипедом. По тем временам велосипед был реже и дороже нынешней иномарки (1-2 на сельсовет), являясь предметом зависти сельчан. Отец ездил на нем на работу в Яснополянскую неполную среднюю школу. Велосипед, ружье, документы, фотографии конфисковали во время ареста отца энкаведисты (24.08.1937). После реабилитации жена Аня получила смехотворную сумму — 120 рублей в качестве компенсации.

Все было хотя и не прекрасно, но вполне хорошо, но… Отца погубила обычная человеческая зависть, злоба и подлость недоброжелателей.

По скупым рассказам матери, донос на отца настрочил будущий отец (брата) Вячеслава – некто Потупчик… В свою очередь, на Потупчика накрапали кляузу, и тот, получив 25 лет лагерей, был выслан в Сибирь на лесозаготовки, где и пропал. До высылки он шантажировал и преследовал мать и в результате этого появился у меня "единоутробный" братец Вячеслав — ухудшенная копия своего папаши.

Отцу инкриминировали "связь с зарубежной Польшей". Этому способствовали два письма от брата Ивана, присланные из Западной Белоруссии, а также его неосторожные высказывания по части существующих властей.

Под арестом сидел он в Орше в тюрьме, которая находилась на территории нынешнего парка. Энкаведисты допрашивали Мирона Кузьмича с пристрастием — избивали палками. Жене разрешили две встречи с передачей нижнего белья.

Отца расстреляли 10.11.1937 года. По рассказам очевидцев, узники, чувствуя свою гибель, не хотели вылезать из машины ("черного воро-

на”) и их вытаскивали оттуда специальными крючьями. Где захоронен “раб Божий” невинно убиенный Мирон, известно только Господу Богу.

В пятницу, 2 ноября 1990 года, состоялся первый крестный ход на Кобыляцкую гору, где установили деревянный крест с надписью “Ахвярам генацыду”. До сих пор при земляных работах там находят человеческие кости. У меня хранятся свечка и коробка спичек, освященных там попом и ксендзом.

По моему ходатайству отца реабилитировали посмертно (7.03.1962). Процесс реабилитации растянулся на 1,5 года, т. к. власть весьма неохотно занималась этим делом, всячески саботируя его”.

Крупский район

По заданию польской разведки “организовал падеж свиней”

Беларус с немецкой фамилией Фрейндорф Георгий Адамович родился 20 марта 1895 года в Минске в семье служащих. До 1917 года работал слесарем на фабрике им. Кирова в Новоборисове. Член ВКП(б) с 1925 года. В 1926-м назначен директором Борисовской макаронной фабрики, а после годичных курсов в Москве — директором Бобруйской конфетной фабрики. В начале 1930-х назначен директором совхоза “Передовой” в д. Каменка Крупского района. Был женат, растил трех дочерей.

Георгия Адамовича арестовали 18 сентября 1937-го. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 6 декабря 1937-го за шпионаж в пользу польских разведорганов осудила его к высшей мере наказания. Расстреляли Фрейндорфа 21 декабря 1937-го в оршанской тюрьме НКВД. Жене сказали, что осудили на 10 лет без права переписки. Реабилитировал Георгия Адамовича Военный трибунал БВО 20 августа 1957 года.

Из статьи Г. Григорьева и В. Григорьевой “Круги на воде” в газете “Ленинским курсом” г. Крупки от 17.06.1992 года: “... В 1937 г. в Крупском районе начался падеж скотины. В результате болезни. Казалось бы, нужно было бы все бросить на борьбу с эпидемией. Но не то было время. Начали искать “виноватого”. И не одного. Обычно в таких обстоятельствах “обнаруживалась” целая организация, действиями

которой руководил кто-то “сверху”. Ниточка тянулась из Минска, где в Ветуправлении Наркомзема БССР работал “один из руководителей польской диверсионно-шпионской организаций Гурский[75]. Начались волны арестов, как круги по воде. Тут вот и вспомнилось, что еще в 1936 г. в адрес ЦК КП(б)Б пришло письмо, в котором утверждалось, что Г.А. Фрейндорф — троцкист. Нужно отдать должное Крупскому районному комитету партии и его тогдашнему секретарю М. Новикову: не поверили они доносу на своего товарища по партии. Провели детальную проверку и вынесли следующее решение: “Проведенной проверкой с показаниями членов ВКП(б) Грифа, Минькова, Марцинкевича, Белявина, Плавника (Борисовская парторганизация) установлено, что материал гражданина Мавидовича, адресованный на имя ЦК ВКП(б)Б о бывшей троцкистской деятельности члена ВКП(б) тов. Фрейндорфа, который работает председателем совхоза “Передовой”, не подтверждается. Про что сообщить ЦК КП(б) Б… Проверку проводил инструктор райкома Гуревич”. (Из протокола №27 заседания Крупского районного комитета КП(б)Б от 23 декабря 1936 г.).

Но риск, которому подвергался районный комитет…, защищая “врага народа”, ненадолго помог. Через 8 месяцев тот же комитет вынес такое постановление: “За идеализацию троцкизма, опошление, за грубые бюрократические отношения к рабочим совхоза члена партии с 1925 г. Фрейндорфа Георгия Адамовича из рядов партии исключить” (Из протокола №8 Крупского районного комитета КП(б)Б от 3 августа 1937 г.).

“Идеализация троцкизма” со стороны Фрейндорфа заключалась в том, что в частном разговоре с рабочим типографии совхоза Лускиным Георгием Адамовичем заметил, что Троцкий в свое время был неплохим агитатором, но не держал камень за пазухой против партии. Вспомнились и другие “грехи”, в том числе связь с начальником авиаотряда Плешаковым, который был уже “выявлен” как враг народа (связь заключалась в том, что Фрейндорф выдал ему двух свиней на нужды авиаотряда).

Из архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь: “Фрейндорф является агентом разведывательных органов

75 Гурский Константин Иосифович — старший ветеринарный врач Ветуправления Наромкомзема БССР, расстрелян в Минске 17.10.1937 г.

Польши. Завербован в 1935 году агентом Федуловым, через которого от польских разведорганов получил задание для шпионско-диверсионной работы на территории СССР в пользу Польши.

В 1936 году по заданию разведорганов Польши уничтожил 1790 голов племенных свиней, что составляет 64% всего свиного поголовья совхоза. В 1936 г. сельскохозяйственный инвентарь не отремонтировал по заданию польской разведки, благодаря чему сорвал уборочную кампанию. По заданию разведорганов Польши систематически задерживал выплату заработка рабочим, тем самым вызвал недовольство среди рабочих. Передал шпионские сведения польской разведке о состоянии совхоза "Передовой" и его мощностях. Виновным себя в шпионско-диверсионной деятельности признал...".

Да, признал. Сломался человек, не выдержал издевательств. Но, признав себя виновным, на вероломный вопрос следователя: "Кого вы сами завербовали?" ответил: "Я никого не завербовал". Не продолжилась дальше ниточка. Оборвалась. Как оборвалась и его жизнь".[76]

Шесть членов семьи Ошкеров расстреляны за шпионаж

Немногим больше месяца понадобилось большевикам, чтобы арестовать и практически полностью уничтожить крепкую семью Ошкеров из небольшой деревни Малые Жаберичи в Крупском районе: отца —Самуила Семеновича Ошкера (1870), его жену Софью Ермолаевну (1877), их детей Георгия (1901), Михаила (1906), Григория (1912) и Надежду (1907). Практически всех расстреляли в Орше в один день —10 ноября 1937 года. И только один — Георгий Ошкер —был убит в 1938-м в подмосковном Бутово.

Первым под каток репрессий еще за несколько месяцев до "Большого террора" попал 25-летний Григорий Самуилович Ошкер. Его арестовали 22 марта 1937 года. До ареста он работал кладовщиком на оршанском камнедробильном заводе.

Спустя пять месяцев, 24 августа, энкавэдэшники снова пришли в деревенскую хату Ошкеров. Из дома забрали главу семейства, 67-летне-

76 "Хроніка палітычнага тэрору: 1918-2008. Крупскі раён. Малое Палессе. Друцка-Бярэзінскі край". Сяргей Дубавец і Андрэй Аляхновіч.

го колхозника Самуила Семеновича, и его сына — бухгалтера Игрушского сельпо Михаила.

Подробности ареста отца и деда рассказывает Ирина Михайловна Ошкер: “Мама и тетки говорили, что отец работал в Крупках и пришел на выходные домой. Он приходил каждую субботу. Помылись в бане. Дети спят. И в часа четыре, может, раньше приехала машина, черная. Постучали. Дед обул лапти, надел штаны, в рубашке вышел, пригласил их в у хату. Отец стал обуваться. “Бацька, — говорит, — не торопись, это все знакомые”. Начальник дал прочесть бумагу об аресте: “Самуилович, почитайте”. Бабы собрали им сменное белье. Самуила с сыном Михаилом посадили в машину. Следом еще многих забрали из деревни. Тут с конца деревни они начинали. У них, видимо, был список, знали, куда идти. Одного Лытина забрали, другого Лытина. И с того конца деревни тоже”. Утром жена Михаила поехала в Оршу к брату Григорию, чтобы сообщить об аресте отца и брата.

А 7 октября к дому Ошкеров снова подъехал “воронок” с тремя энкавэдэшниками. “Мы вас забираем. Вы арестованы”, — обратились они к 60-летней Софье Ермолаевне, жене Самуила Ошкера, и его 30-летней дочери Надежде. “Бабы в плач! — продолжает Ирина Михайловна. — Баба взяла с собой старую икону. Обкрутила ее в рушник: “С иконой пойду!” Они не дали. Сказали: “Она вам не нужна”. Посадили их в машину и увезли”.

Через несколько дней мать Ирины Михайловны Ольга, жена Михаила, прихватив всем сала, хлеба, сменную одежду, направилась в оршанскую тюрьму. Но передачу приняли только для женщин. Позже Ольга с младшей сестрой Михаила снова приехали в Оршу. В этот раз их даже пустили во двор тюрьмы.

“Они были во внутреннем дворе Оршанской тюрьмы и увидели, как стали выводить людей — открыли ворота, солдат поставили с двух сторон и стали выводить людей… как из сарая, руки назад… в сером, пестром, кто в каком — шли мужчины, согнув головы. И они видели это все — мать и тетя. Отец матери только рукой махнул: “Меня не жди, езжай домой!” Мать потеряла сознание и не помнит, кто ее привез домой. А тетя рассказывала: “Я начала плакать, когда их всех стали сажать в машины. Одна машина подходит, другая… И все люди стояли и смотрели. Молча. Никто ни слова не сказал. А за

спинами у них стояла охрана с винтовками". Сестра привезла мать домой", — вспоминает Ирина Ошкер.[77]

В секретном спецсообщении Николая Ежова Иосифу Сталину о ходе "польской" операции от 14 сентября 1937 г. № 60020 говорилось: "В результате дальнейшего хода операции по ликвидации кадров польской разведки на 10 сентября с.г. из числа польских перебежчиков, политэмигрантов, военнопленных, консульских связей и других контингентов, подозрительных по польскому шпионажу, *арестовано по СССР — 23.216 человек". Среди прочих фамилий есть упоминание и о Михаиле Ошкере: "Арестованный в Орше польский шпион Ошкер М.С. назвал на следствии агентуру польской разведки, действующую на подмосковных заводах, в частности на авиазаводе № 22".[78]

20 октября Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвинили Самуила, Григория, Михаила и Надежду в шпионаже в пользу Польши и приговорила к расстрелу. 22 октября "тройка" приговорила к расстрелу и Софью Ермолаевну. 10 ноября 1937 года их всех убили в Орше.

Избежать репрессий вместе с семьей удалось только старшему сыну Георгию Самуиловичу Ошкеру. К тому времени он проживал в Москве и был пенсионером. Но 14 ноября пришли и за ним. 15 февраля 1938 года Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвинила его в "участии в контрреволюционной организации, готовящей акты против руководства партии". А 28 февраля 1938 приговор был приведен в исполнение на подмосковном Бутовском полигоне.

Из деревень Малые Жаберичи и Большие Жаберичи коммунисты забрали и расстреляли минимум 32 человека.

77 "Хроніка палітычнага тэрору: 1918-2008. Крупскі раён. Малое Палессе. Друцка-Бярэзінскі край". С. Дубавец і А. Аляхновіч.

78 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. — М.: МФД, 2004, стр. 352-359. Архив: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 173 -188. Подлинник. Машинопись.

“Отца расстреляли. Соседа за доносы наградили патефоном”

Жителей деревни Малые Жаберичи Крупского района Минской области чекисты из НКВД особенно невзлюбили. На этой территории на заре советской власти орудовала антисоветская банда Юрки Монича. В этой и соседней деревнях располагалась его база. Видимо, поэтому в 1937-м, на пике “Большого террора”, только в этой деревне был арестован и расстрелян в Орше минимум 21 человек. Среди расстрелянных — Лытин Леон Зеновьевич. Приводим воспоминания его дочери, Лытиной Марии Леоновны, 1922 г.р., д. Малые Жаберичи (запись сделана Василием Лапатиным в 2009 году)[79]:

“Отец умел читать и писать. А мама нет. Папу моего взяли. Уже тогда людей брали! Брали ночью, не днем — ночью! Ночью приезжают, стучат. Я помню, за папой приехали. Аккурат уже бульбу докопали. Тогда же эти лампочки палили, газовые (керосиновые). Только лампочку потушили, легли спать — стучат в окно. А мама пошла, посмотрела в окно. Говорит: “Машина стоит. Леон, иди открой — машина стоит!” Папа пошел открывать. А уже тогда до нашего папы брали уже людей. Ну, приходят: “Собирайся!” Мама ему белье постельное дает, деньги дает. А эта лампочка горит, а у него рука трясется, как теперь помню. Мы в плач все. “Не волнуйтесь, через неделю будет дома отец!”.

Когда мы с Мишей поженились (это после войны), тогда стали писать в КГБ. Миша ездил в Минск в КГБ. Там дали ему справочку, что мой отец в Орше расстрелян. И на Егора[80] дали справку — Ксения ездила с Мишей.

Тут один у нас доносы писал, много писал; другой меньше; а третий еще меньше. Они этих сдавали, что в 1937-м году были арестованы. И вот один очень много их сдал и получил за это патефон. Тогда же патефонов не было. Они от нас жили через два дома или три. Вот однажды этот патефон они уже поставили. Патефон играет. Моя мама, эта Христинка, что Владимирова, плачут, голосят все. Ну тогда уже наслушались, пошли эти бабы. Тогда он говорит (этот, что писал и сдавал): “Ай-ай-ай! Вот я каюсь: пусть бы я Левониху

79 Андрэй Аляхновіч і Сяргей Дубавец. “Хроніка палітычнага тэрору: 1918-2008. Крупскі раён. Малое Палессе. Друцка-Берэзінскі край”.

80 Сидляренок Егор — муж Ксении, сестры Марии Леоновны, расстрелян в Орше 17.12.1937 г.

сдал да Ивана, пусть бы только Василь с Марией остались". Вот какой был закон и порядок! Эта баба (Христинка) мне и говорит: "Вот, кто Леона сдал!"

Также Мария Леоновна вспоминала про другого свояка: "Сидляронок Егор Дмитриевич — это моей сестры Ксении муж. Он молоденький был, самый младший брат. У него один сын только был — Анатолий Егорович (теперь в Крупках живет). Еще брата Мартина[81] взяли. А вот самого старшего брата Ивана не взяли. А Ксения так замуж и не вышла. Так и остался у нее только этот один мальчик. Ходила по ворожеям. "Придет, живой, придет, прибудет, неизбежно будет дома!" — все говорила. И вот, не вышла замуж, и так этот один мальчик только у нее и остался… И умерла…"

Лытин Леон Зиновьевич родился в 1887 году в деревне Малые Жаберичи Крупского района. Здесь он жил вплоть до ареста 7 октября 1937 года. Имел незаконченное начальное образование. Работал в совхозе "Передовой". 20 октября 1937 года Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвинила его в участии в контрреволюционной диверсионно-шпионской организации и шпионаже в пользу Польши и приговорила к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в Орше 10 ноября 1937 года. Леон Зиновьевич был реабилитирован вскоре после XX съезда КПСС, на котором Хрущев начал разоблачать культ Сталина.

Военный трибунал Белорусского военного округа принял решение о его реабилитации 14 июля 1958 года.

Сидляренок Егор Дмитриевич — муж сестры Ксении Лытиной, 1913 г.р., до ареста работал трактористом на Холопеничской МТС. Его арестовали 28 октября 1937-го и обвинили в антисоветской агитации. Его расстреляли 17 декабря 1937 года в Орше.

"Отца "съели". Нам посочувствовали. Дали льготу, но потом забрали"

Уроженец деревни Малые Жаберичи Стародубцев (Стародубец) Александр Леонович родился в 1892 году. Имел незаконченное начальное образование. В начале 1930-х во время массовой коллективизации и раскулачивания семью Стародубцева не тронули. Она

81 Сидляронок Мартин расстрелян в Орше 5.11.1937 г.

была малоземельной. Но когда организовался колхоз, пришлось отдать туда последнее. Александр Леонович подался на заработки в Минск. Здесь вплоть до ареста он работал плотником на станции Минск, жил в общежитии. Жена и дети остались в родной деревне. Стародубцев периодически их навещал, привозил продукты, одежду, детям — гостинцы. Но однажды он не вернулся.

Его дочь, Кручок (Стародубцева) Ольга Александровна (1932), вспоминала: "Папа в Минске жил, с работы его забрали, в общежитии жил. Мама только поехала, забрала мешок его инструментов. Он плотником был первосортным. Привезла домой, а его брат, Петр, тут жил, пришел: "Тут дети, разнесут, — я заберу, он вернется, придет, — заберет. Я все заберу". Все забрал, а потом даже топора не дал, дров нарубить.

С папой мы жили очень хорошо, очень хорошо… Он работал, хорошо зарабатывал. И каждые две недели приезжал, нес домой сумку продуктов. Нес всего домой.

За что его взяли, мы не знаем… Ну, в Польшу он ездил. Мама рассказывала, он очень хороший был хозяин. Старался достать хорошего, как сейчас говорят, элитного зерна, из Польши привозил.

Но у нас было мало земли, а если бы было больше земли, нас бы раскулачили. И так забрали все, как колхоз организовался. Позабирали постройки, все: скотину повыводили, все забрали. Но не было за что раскулачивать, потому что по земле мы были нищие. А у кого земли было много, она пустовала, ее не обрабатывали, — и те им не нужны были… А нас… Очень трудно жили. А с отцом мы не знали ни нужды, ни горя, ничего. Он приедет, продуктов привезет, всех обует, оденет. Всех пощупает, посмотрит: "А, ты похудела, худенькая стала…" Всех общупает. Работал он хорошо, первоклассным плотником был.

А из наших Малых Жаберич забрали в 1937-м больше тридцати человек тогда[82]…

Потом реабилитировали его. Дали нам льготу. Проезд бесплатный, но мало мы пользовались, года два. А потом отменили, а почему — не знаю. А сразу нам, вроде, даже они посочувствовали…".

---

82 В нашем списке 19 жителей деревни Малые Жаберичи, расстрелянных в Орше в 1937-м. В 2009 году на местном деревенском кладбище был установлен деревянный крест в память о 55 местных жителях — жертвах сталинизма. Местные власти крест уничтожили.

3 сентября 1937 года Александра Стародубцева арестовали и бросили в оршанскую тюрьму НКВД. Его обвинили в участии в контрреволюционной диверсионно-шпионской организации. 20 октября Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу. 11 ноября 1937 года приговор был приведен в исполнение в Орше. 14 июля 1958 года его реабилитировали.

Перед расстрелом муж прислал записку: “Анна, учи детей!”

Владимир Тарасович Каптур родился в крестьянской семье в 1895 году в деревне Клен Крупского района. Имел незаконченное начальное образование. В 1918-1921 годах служил в Красной армии. Судя по шраму на лбу, вероятно, был ранен в боях. Работал с мая 1936 года на железной дороге. Тогда же вступил в профсоюз работников центральных железных дорог на 7-й дистанции пути в Борисове. Но 16 сентября он уже рабочий борисовского завода “Коминтерн”, откуда был уволен 14 октября 1936 года как прогульщик. С декабря того же года работал на фанерном заводе. До ареста проживал в Борисове на улице Далманская, 6.

Владимира Тарасовича арестовали 9 октября 1937 года. Уже 26 октября Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР признала его членом контрреволюционной шпионской организации и приговорила к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 ноября 1937 года в Оршанской тюрьме НКВД.

Фрагмент из художественно-документальной новеллы Елены Романовой “Моя мечта, моя мечта!”[83]

“У Анны Антоновны Каптур от мужа, Владимира Тарасовича, осталась только записка, которую он каким-то образом сумел передать ей: “Анна, учи детей!” Его забрали в один из осенних, раскисших от холодной сырости, дней в 1937 году. Арестовали по доносу односельчанина, который позавидовал достатку, ухоженному дому, зажиточному хозяйству: конь, две коровы, овцы, птица. Дочерям Марии тогда было четырнадцать, Фанни – восемь.

83 Газета “Крупский вестник”, 28 июля 2008 г.

Потом очень быстро пришла бумага, в которой было написано, что Владимир умер от гипертонического криза. Но Анна не обманывалась, почувствовала: расстреляли. Так и было. Это стало известно много-много лет спустя, во время горбачевской перестройки, удалось узнать об этом Фанни.

Анна не могла вести хозяйство без мужа, все быстро пришло в упадок. Началась нищета. Неожиданно то, что они — семья репрессированного, спасло от угона в Германию сначала Марию, потом Шуру. Но нельзя выразить, сколько им довелось вынести унижения, оскорблений после ареста отца и мужа!

Мария помнит, как однажды мама пришла домой в слезах и без сил опустилась на диван.

— Что случилось, мама? — девушка бросилась к матери, которая сидела неподвижно и даже не вытирала слез с безразличного лица.

— Нужно было зайти в сельсовет, а Григорий вытолкал с крыльца… Кричал: “Пошла вон, жена врага народа!”[84]

Владимира Каптура реабилитировал Военный трибунал БВО 14 июля 1958 года. Его личное дело №12006-с находится в архиве КГБ Беларуси.

Лепельский район

Бацькаў партрэт, або аповед пра “польскага шпіёна”

У першую суботу лістапада адзначаюць Змітраўскія Дзяды. У гэты дзень гатуе традыцыйныя стравы і Марыя Каралёва з вёскі Замошша. На працягу ўсяго жыцця не здраджвае яна гэтай традыцыі. Нават тады, калі дзецям ці ўнукам не выпадае завітаць да яе ў госці, на памінальны стол усё роўна ставіць клёцкі з “душамі” і наварыстую поліўку — прама з печы. Марыя Фёдараўна верыць, што ў гэты вечар усё напоўнена нейкім сакральным сэнсам. Нават ціхенькае пастукванне аб шкло галіны старой яблыні нагадвае пра тое, што прыйшлі “дзяды”.

Адзін з “дзядоў” — мужчына гадоў дваццаці пяці, сустракае кожнага, хто заходзіць у залу, добрым адкрытым позіркам з вялізнай фатаграфіі ў зашклёнай рамцы.

84 “Хроніка палітычнага тэрору: 1918-2008. Крупскі раён. Малое Палессе. Друцка-Бярэзінскі край”. Сяргей Дубавец і Андрэй Аляхновіч.

Седзячы ля цёплай грубкі, Марыя Фёдараўна ўспамінае ўсіх сваіх родзічаў, што адышлі ў лепшы свет. Сярод іх і бацька, якога не памятае, бо было ёй каля года, калі звёз яго назаўжды "чорны варанок". Адзінае, што засталося пра яго ўспамінам, — партрэт на сцяне. Ашчадна зберагалі гэты партрэт у гады ваеннага ліхалецця. Вось ужо на працягу многіх дзесяцігоддзяў займае ён у хаце пачэснае месца.

Фёдар Маліноўскі быў родам з Гадзіўлі. Працаваў на смалакурным заводзе, што размяшчаўся ў лясным масіве за Замошшам і Аношкамі. У пачатку трыццатых гадоў сям'я ўсталявалася на хутары недалёка ад смалакурні. У жонкі ўзяў Марыю Босую. Пераехалі жыць у інтэрнат, які размяшчаўся па месцы працы. Фёдар сярод іншых работнікаў нічым не вылучаўся. Як і большасць з іх, быў непісьменны, нават ніводнай літары не ведаў.

Ніколі не ведаеш, з якога боку бяда пагрукае ў дзверы. Было тое на кастрычніцкія святы 1937 года. Смалакуршчыкі вырашылі адзначыць чарговую гадавіну рэвалюцыі. Дзеля гэтага скінуліся на гарэлку і закуску. Мабыць, не ўсе грошы былі на тое патрачаны, частка асела ў кішэнях майстра Жыгмана. Фёдар, не задаволены гэтым, меў смеласць выказаць сваю думку. Гэтага хапіла, каб трапіць у няміласць да начальніка, які, па словах Марыі Фёдараўны, і данёс на бацьку. У лістападзе 1937 года Фёдара Маліноўскага арыштавалі, абвінаваціўшы ў шпіёнскай дзейнасці на карысць Польшчы. Ужо праз месяц яму быў вынесены смяротны прысуд. Кабыляцкая гара пад Оршай, дзе расстрэльвалі палітвязняў, стала яго апошнім прытулкам.

Пра тое, які лёс напаткаў бацьку і дзе ён знайшоў вечны спакой, сям'я даведалася толькі ў 1960 годзе, калі прыйшло паведамленне аб яго рэабілітацыі. Таму ў жніўні 1941-га, калі праз Замошша немцы гналі савецкіх ваеннапалонных, Марыя разам з маці сачыла за рухам калоны з надзеяй, што ў пыльным натоўпе прамільгне знаёмы твар. Аднак дарэмна. Так і жылі да апошняга з надзеяй на лепшае.

Хоць Фёдар і быў залічаны ў "ворагі народа", але аднавяскоўцы ставіліся да сям'і добра. Усе шкадавалі Марыю Маліноўскую, якая засталася з дзвюма малымі дочкамі на руках. Малодшая Кацярына пабачыла свет праз некалькі месяцаў пасля арышту бацькі. А праз год цяжка захварэла. Адмерана ёй лёсам было кароткае жыццё.

У дванаццацігадовым узросце дзяўчынка памерла. Шмат каго яшчэ са сваіх блізкіх прыгадала Марыя Фёдараўна на "Дзяды". Кожны з іх жыве ў памяці.

Валерый ТУХТА[85]

Толькі лес чуў наш плач, бачыў нашыя слёзы

Стэльмах (Цяліца) Еўфрасіння Карлаўна: "Бацька наш (Цяліца Карл Францавіч) працаваў у калгасе на розных работах. Чацвёра нас, дзяўчынак, было: Адэля, я, Анюта і Ядзя. Дружная і добрая сям'я была.

Прыехалі за бацькам каля чатырох гадзін раніцы. Ён ужо на працу сабраўся. Зайшлі ў хату двое энкэвэдыстаў, двое засталіся пад вокнамі. Бацька зразумеў усё, бо братоў ужо забралі, але ж куды было дзецца. Сказаў толькі: "Хто ж за вас, дачушкі, заступіцца? Хто вас накорміць?"

Зрабілі вобшук, забралі бацькавы фотаздымкі, больш нічога не знайшлі. Маці накінула на плечы бацьку кажушок. Так і пасадзілі ў машыну. Беглі за "чорным крумкачом", плакалі, крычалі, але ж толькі лес чуў наш плач, бачыў нашыя слёзы. Насілі бацьку перадачу, дык старэйшая сястра яго бачыла. Сядзеў маўклівы, не паказваў твар. Кажуць, яго дужа білі, але ён адмовіўся падпісваць пратакол. Дзе яго забілі, не ведаю.

Без бацькі цяжка жылося. Дома нічога не было, а ў калгасе варылі суп, але хлеб свой трэба было мець. Мы саромеліся без хлеба есці, так і хадзілі галодныя, карміліся травой: увесну шчаўем, улетку асакой, ягадамі, грыбамі.

У школе добра вучыліся, але далей працягваць вучобу нельга было марыць дзецям ворага народу, шлях да адукацыі быў зачынены. Нават сваякі з іншай вёскі не дужа жадалі нас бачыць, дзверы перад намі зачынялі. У малодшай сястры Ядзі здольнасці былі да музыкі, добра іграла і на гітары, і на балалайцы, спявала. Але ж прымножыць гэты талент магчымасці не было.

Час прайшоў немалы, але і сёння нешта ў грудзях сядзіць, так і чакаеш нечага невядомага. Можа, страх у сэрцы, а можа, вялікая крыўда за дачасныя смерці бацькоў ды свае пакалечаныя лёсы. І сны да гэтага часу сняцца пра тыя страшныя гады. Рэабілітавалі бацьку толькі ў 1989 годзе апасля таго, як напісалі заяву".

85 http://www.lepel-kraj.by/?p=10328

Цяліцу Карла-Караля Францавіча арыштавалі 6 жніўня 1937 года, абвінавачаны ў шпіянажы на карысць Польшчы і расстраляны ў Воршы 13 лістапада 1937 года. Цяліца Юльян Францавіч, верагодна, брат Карла Францавіча, быў арыштаваны яшчэ ў снежні 1936 годза, абвінавачаны ў супрацы з польскай выведкай, а 27 верасня 1937 года асуджаны да вышэйшай меры пакарання — расстрэлу. Магчыма, яго таксама расстралялі ў Воршы. Таксама быў арыштаваны, прычым, двойчы і другі верагодны брат — Цяліца Іосіф Францавіч. Ён трапіў у засценкі НКУС яшчэ ў 1932 годзе і быў асуджаны за антысавецкую агітацыю на 3 гады папраўчых прац. У жніўні 1937 года яго зноў арыштавалі і абвінавацілі ў шпіянажы на карысць Польшы ды ў антысавецкай агітацыі. "Тройка" асудзіла яго да вышэйшай меры пакарання. Як і Карла, Іосіфа Цяліцу расстралялі ў Воршы. Гэта адбылося 16 студзеня 1938 года. Усе браты рэабілітаваныя.[86]

Шушкевіч Валадар

Реабилитирован посмертно после обращения жены

Беларус Иосиф Антонович Микуленок родился в 1892 году в деревне Адамовка Лепельского района. Происходил из крестьян. До ареста проживал в деревне Аношки, работал разнорабочим на Лепельском стройкомбинате. Его арестовали 6 августа 1937 года и обвинили в сборе для польской разведки сведений о воинских частях, о построении военно-стратегических сооружений и о политико-экономическом состоянии в Лепельском округе.

Когда 9 ноября 1937 года так называемое следствие по делу было закончено, все материалы направили в Комиссию НКВД и Прокурора СССР. А через 6 дней, 15 ноября, комиссия постановила: приговорить Иосифа Микуленка к расстрелу. Приговор привели в исполнение 20 декабря 1937 года в Орше. В тот же день в Орше расстреляли минимум 107 человек. Выписку из акта о расстреле подписал начальник 8 отдела УКГБ НКВД БССР лейтенант госбезопасности Яков Розкин[87].

В 1957 году по обращению жены Анны Микуленок была проведена проверка обоснованности осуждения Иосифа Антоновича. В ходе

86 http://blukach.lepel.by/post/797

87 Розкин Яков Борисович в 1939-м приговорен к 10 годам лагерей.

проверки данных, подтверждающих его сотрудничество с разведкой буржуазной Польши, установлено не было. Военный трибунал БВО 11 февраля 1958 года отменил постановление Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР, а Иосифа Микуленка реабилитировал.

В том же 1958 году жена Анна Семеновна получила свидетельство о смерти мужа. В нем было указано, что Иосиф Микуленок умер 9 декабря 1943 года от паралича сердца. Место смерти не указывалось. Лишь в 1992-м году после очередного обращения через народного депутата сын Константин Микуленок узнал, что прежнее свидетельство о смерти отца — фальшивка. Истинную причину смерти сын узнал из документов. Он получил новое свидетельство о смерти, где в графе “причина смерти” указано: расстрел.

Вместе со справками сыну были переданы сохранившиеся в личном деле документы отца: профсоюзный билет, паспорт, облигация госзайма второй пятилетки, справка о времени нахождения под стражей и дубликат справки о реабилитации.

Терентий Шушкевич — “польский шпион”

Моя бабушка по отцовской линии Аннета Шушкевич (1899-1975) происходила из шляхетского рода Парфиновичей. Всю жизнь она гордилась своим происхождением и ставила себя выше “мужиков”. Однако гордиться не было чем, поскольку род был обедневший. Иначе не вышла бы шляхтянка замуж в Веребки за белорусского мужика Терентия Шушкевича, по-местному — Тарэнту.

С началом коллективизации Аннета от безысходности была вынуждена пойти работать в колхоз дояркой. Однажды во время дойки ферму посетил сельский активист Мисник и пересказал Аннете решение местной власти взять ему в личное хозяйство корову. Выбрал самую толстую и удойную.

“Зарежь меня, но эту рогулю тебе не отдам”, — растопырив руки, загородила доярка любимую животину. Мисник не стал спорить, а только бросил на отход: “Кровавыми слезами будешь плакать за это”.

Спустя несколько дней активист написал донос в органы НКВД, будто Тарэнта курил польские сигареты — в то время близко проходила польская граница. Мужа Аннеты в ночи забрал “чёрный ворон”. “Пришили” ему одно из стандартных на то время обвинений — польский шпион. Больше Тарэнту никто не видел. Шел тог-

да 1937 год. Такую версию исчезновения мужа рассказывала всем сама Аннета. Говорила, что в конце 1950-х получила справку о его реабилитации.

В 1965 году умер ее с Терентием младший сын Костя, мой отец. На несколько лет пережил брата старший Володя. В середине 1970-х пошла к сыновьям сама Аннета.

В 1999 году вышла книга "Памяць. Лепельскі раён". В разделе "Ахвяры беспадстаўных палітычных рэпрэсій" про Терентия Шушкевича не написано ни слова. Так, может, Аннета придумала историю про "польского шпиона", чтобы спрятать от наследников и младших односельчан правду о том, что на самом деле ее муж ушел, как в народе говорят, собакам сено косить?

Чтобы получить конкретный ответ насчет исчезновения Терентия Шушкевича, в 2004 году мой старший брат Владимир Шушкевич обратился в Управление КГБ по Витебской области. Неожиданно быстро пришел ответ. Своей прямотой он шокировал не только наследников Терентия, но и обычных сознательных людей. В тексте была довольно подробно расписана причина ареста и смерти веребского горемыки.

Особенно растрогала внуков Тарэнты неофициальная приписка и решение серьезного органа выслать тюремный снимок дорогого нам человека. Так в семейном альбоме рода Шушкевичей появился оригинал единственного фото Терентия Яковлевича Шушкевича, узника коммунистической системы.

Лепельский отдел ЗАГС выдал свидетельство о смерти Тарэнты, расстрелянного в Орше 1 октября 1937 года. В прежнем свидетельстве, выданном на основании реабилитации в 1959 году, было записано, что Терентий Шушкевич умер от воспаления легких в 1941 году. Во всяком случае, такое мнение было у семьи вдовы Аннеты Шушкевич, в девичестве Парфинович.

Хотя в ответе органов госбезопасности и сказано, что они не владеют данными о месте погребения Терентия Шушкевича, понятно и так, что останки его покоятся в Орше на Кобыляцкой горе, где расстреливали всех приговоренных к расстрелу узников оршанской тюрьмы. Брат установил там табличку с данными одного из них — Тарэнты, жителя Веребок.

Прожил Терентий Шушкевич 43 года.

Валадар Шушкевич, внук расстрелянного.

Заступнітцва Надзеі Крупскай не ўратавала бацьку ад расстрэлу

З успамінаў Сазонавай (дзявочае прозвішча Цяліца) Марыі Іосіфаўны: “Бацьку (Цяліцу Іосіфа Францавіча) забіралі двойчы. Першы раз — яшчэ ў 1933 годзе. Спачатку паслалі яго працаваць на будаўніцтва аэрадрома ў вёсцы Дражна, адбываў так званы гужтруд. Там і схапілі як быццам за тое, што брат Франак жыў у Заходняй Беларусі. Без суду арыштавалі і завезлі на будаўніцтва Беламора-Балтыйскага каналу. Капалі, стоячы па калена ў вадзе. Кармілі дрэнна, і калі бацька зусім злёг, дык яго занеслі ў вагон і скіравалі дамоў паміраць. У Лепелі з цягніка звялі людзі, а далей ісці не мог. Добра, што знаёмыя праходзілі, дык завялі яго да сябе. Накармілі, далі нават вопратку і галёшы, а назаўтра адвезлі дахаты. Памятаю, што мы вячэралі, маці зварыла дзевяць бульбін, на кожнага па адной, а тут бацьку прывезлі, худога, хворага. Я зманіла, што не хачу есці, і яшчэ дзве сястры адмовіліся ад сваіх бульбін, каб накарміць бацьку.

Нас сямёра дзяцей было. Усе збіралі бацьку зёлкі на лекі і з цягам часу вылекавалі.

З кожным годам жыццё наладжвалася, абзавяліся каровай і іншай жывёлай. Бацька працаваў конюхам, рамантаваў конскую збрую. Але ж камусьці не хацелася, каб людзі жылі па-чалавечы. Арыштавалі бацьку энкэвэдысты, не паглядзелі на беднасць, дзяцей. Абвінавацілі ў шкодніцтве калгасу, як быццам забіваў цвікі ў хамуты і калечыў калгасных коней. Трымалі бедака ў аршанскай турме.

У 1938 годзе ў Воршы была Крупская Надзея Канстанцінаўна і звярнула ўвагу на бацьку. Тады многіх рэабілітавалі, і бацьку ў тым ліку, але дамоў не адпусцілі, расстралялі. Апасля праверкі Надзеяй Крупскай, атрымалі ліст, што бацька памёр у аршанскай турме, не вінаваты. Сям’і сплацілі 2000 рублёў. І толькі ў 1983 годзе даслалі паперу аб тым, што бацьку расстралялі. А расстралялі на наступны дзень пасля размовы з Крупскай.

Забралі ў 1937 годзе і старэйшую сястру Занько Антосю. Яна працавала ў калгасе, была чальцом сельскага савета. Абвінавацілі ў антысавецкай агітацыі, сувязях з замежжам. На самой справе Кубару трэба было забраць дзядзькаву хату, у якой жыла сястра, вось і настрачылі паклёп актывісты.

Яе сыну Мішы было каля трох гадоў, бег за матуляй, плакаў. З цягам часу мамай пачаў зваць бабу Міхаліну. Апасля вайны выхоўваўся ў дзіцячым доме ў Лепелі. Да канца жыцця памятаў, як бег за маці. Тая, калі бачыла знаёмых, усім наказвала берагчы сына. Дзе забілі сястру, невядома.

У вайну загінуў брат Адолька. Быў ён у брыгадзе Кірпіча кулямётчыкам. Уначы немцы атачылі заставу. Адбіваліся да апошняга патрону, потым кінуліся ўрукапашную…

Вядома, цяжка жылося без бацькі, крыўдзілі нас калгасныя начальнікі і актывісты. Калі сястра Уладзя разбілася, зваліўшыся з арэляў, дык нават не хацелі даваць каня, каб адвезці дзяўчынку ў лякарню. Дровы заўсёды на сабе цягалі. І ніхто ніколі не чуў нашых скаргаў, не бачыў нашых слёз, толькі ведалі, што браць, браць, браць. Бралі маёмасць, гвалтам заганяючы ў калгас, бралі жыцці бацькоў, бралі нашу дармовую працу…

Да сённяшняга дня не далі слова праўды сказаць, не далі і волі. Рабамі пражылі свой век, рабамі і памром. Не веру я цяпер нікому і нічому. Засталіся на сэрцы толькі крыўда і гора. Хто мне скажа, дзе я пражыла — на сваёй радзіме альбо на чужыне, а можа ў турме, што ўсё жыццё баялася сказаць слова праўды? Паверу ў справядлівасць толькі тады, калі дзяржава паставіць помнік сваім ахвярам з іх імёнамі і прылюдна рэабілітуе ўсіх загубленых людзей”[88].

Логойский район

По заданию из Польши “вывел из строя 4 лошади”. Расстрелян

“Мой прадед жил в Логойском районе, имел свой хутор возле деревни Гайно. Это была большая польская деревня. Там был огромный костел Девы Марии. Его снесли коммунисты. У прадеда было трое детей. Один из них — мой дед, которому на момент ареста отца было четыре года. Старшей сестре было 13, она хорошо помнила этот момент. У отца был туберкулез кости на ноге. Он хромал. Его обвинили в участии в сражениях с красными на стороне поляков. В августе 1937-го его арестовали, а 20 декабря расстреляли здесь, в Орше”, — рассказывает историю Кузмицкого Станислава Иосифовича правнук Олег Кузмицкий.

88 http://blukach.lepel.by/post/797

Осенью 2019 года на Кобыляцкой горе Олег установил табличку с именем прадеда на польском языке. Станислав Кузмицкий был поляком.

Олегу Кузмицкому удалось получить из архива КГБ копии документов из личного дела прадеда: две страницы рукописного протокола допроса, страничка обвинительного заключения, выписка из копии протокола заседания Комиссии НКВД и Прокурора СССР, выписка из акта о приведении приговора о расстреле в исполнение.

Вот что было указано в документах. Кузмицкий Станислав Иосифович родился в 1900 году, проживал на хуторе Пасики (Логойский район) в крестьянской семье, был малограмотным и беспартийным. До ареста 23 августа 1937 года работал в колхозе Ново-Гайно.

Из небольшого протокола допроса, который, судя по дате, состоялся через три дня после ареста — 26 августа — мы узнаем, что репрессированных родственников ни у Станислава Иосифовича, ни у его жены не было. Не было и родственников за границей. Кузмицкий пояснял, что до революции и после 1931 года у него было 5 гектаров земли, одна лошадь и одна корова. Арестованного призвали в Рабоче-крестьянскую Красную армию в 1920 году, но вскоре освободили в связи с туберкулезом кости. Нога у Станислава Кузмицкого заболела еще в 1917 году. "Болезнь подействовала на левую ногу, отчего я остался инвалидом до настоящего времени", — зафиксировал протокол слова Кузмицкого.

Во время польской оккупации[89], по словам Станислава Иосифовича, он находился дома на хуторе Пасеки и содействие белополякам не оказывал из-за болезни. Мужчину забрали в польский обоз всего на двое суток.

Следователь пытался обвинить арестанта в переходе границы, но Кузмицкий это отрицал. Энкавэдэшник искал новые зацепки. Он спрашивал, за что Кузмицкого исключили из колхоза. Членом колхоза стал в 1931 году, но в 1933 году за срыв планов весеннего сева был исключен из него, пояснил Станислав Иосифович. На этом протокол допроса закончился. Казалось, ничего серьезного, но в 1937-м этого было достаточно для сурового приговора.

89 В 1919-1920 году на территории Беларуси и Польши развернулась советско-польская война. Часть территории Беларуси была оккупирована Войском Польским, другая — советами. СССР проиграл войну, и по Рижскому миру 1921 года западная часть Беларуси оказалась в составе Второй Речи Посполитой Польши, а восточная — под контролем СССР.

Спустя почти три месяца, 25 ноября, начальник оперсектора НКВД БССР сержант госбезопасности Зайцев утверждает обвинительное заключение по следственному делу №22324 против Кузмицкого Станислава Иосифовича. В нем оперуполномоченный 3-го отделения Оршанского РО НКВД БССР сержант госбезопасности (фамилия замазана архивом КГБ) нашел, что Кузмицкий был завербован в польскую разведку еще в 1930 году бывшим главарем политической банды (фамилия зачеркнута), через которого получил задание для шпионской диверсионной работы на территории СССР в пользу Польши. Через агента Кузмицкий якобы передал шпионские сведения о количестве семей, вошедших в колхоз в 1931 и 1932 годах, а также проводил вредительскую работу в колхозе, в частности, "вывел из строя 4 лошади". Также Кузмицкого обвинили в контрреволюционной агитации среди колхозников: "уговаривал не вступать в колхоз". Виновным в шпионской деятельности Кузмицкий себя якобы признал. На основании этого следователь направил дело на рассмотрение Генерального Комиссара государственной безопасности тов. Ежова.

В документе указывалось, что вещественных доказательств по делу не имелось, а сам арестованный содержится под стражей в тюрьме Орши с 23 августа 1937-го. 6 декабря 1937 года Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР постановила: Кузмицкого Станислава Иосифовича расстрелять. Приговор привели в исполнение 20 декабря 1937 года в Орше. В 1959-м году Станислава Кузмицкого реабилитировал Военный трибунал БВО.

Минский район

"Маму арестовали в тапочках и халате. Сказали, что сослали в Сибирь"

Августина Третьякова-Верниковская — дочь служащего-лесника Верниковского Витольда Францевича — родилась в 1900 году в околице Репище Пуховичской волости Игуменского уезда. Происходила из шляхетского рода. Её дед Франц Игнатьевич Верниковкий владел 22 десятинами земли в Репище и в конце XIX века подтвердил свое дворянское происхождение.

Образование у Августины Витольдовны было низшее. До революции работала кассиром в магазине в Киеве. Вышла замуж за Ивана

Третьякова, но девичью фамилию решила оставить, прибавив к ней фамилию мужа. Получилась двойная фамилия Третьякова-Верниковская. В 1923 в семье родился первенец Александр, а через два года — дочь Людмила. В 1930-х семья проживала в поселке Ратомка Минского района. До ареста Августина работала продавцом.

Первая большая волна репрессий накрыла родных Августины еще в 1930-м. Тогда были раскулачены и высланы из родового гнезда в Репище ее дядя Верниковский Адам Францевич (заключен в концлагерь на 5 лет), сосланы в трудпоселок Чуртан Гайнского района Уральской области Коми-Пермяцкого национального округа его жена Верниковская Раиса Ивановна (позже арестована как повстанец и участница контрреволюционной организации, расстреляна в Свердловске в 1937 году), двоюродные братья и сестры: Верниковский Августин Викентьевич, Верниковская Станислава Викентьевна, Верниковский Казимир Викентьевич (последний арестован в 1938 году, дело прекращено за отсутствием состава преступления, освобожден 25 февраля 1939 года), Верниковский Станислав Адамович (арестован в 1933 году, повторно арестован и расстрелян 22 сентября 1937 года в Свердловске). Выселен в Косинский район Пермской области еще один двоюродный брат — Жданович Адам Викентьевич.

В 1937-м беда постучала в дом самой Августины. Ее дочь Людмила Третьякова рассказывает, что отца Ивана Третьякова арестовали и расстреляли. Пришли и за мамой. Тогда ей было всего 37 лет. Людмила Ивановна так вспоминала момент ареста: “Маму, как дома арестовали, так в тапочках и халате посадили в вагон-теплушку. Сказали, что сослали в Сибирь на 10 лет…”. Легенда про “высылку в Сибирь” давала детям хоть какую-то надежду, что мама останется в живых и однажды вернется домой. Но правда жизни и советская власть оказались куда более жестокими.

Августину арестовали 24 августа 1937 года. Но ее не отправили в Сибирь. Она оказалась в Оршанской тюрьме НКВД. На допрос ее привели только 6 ноября 1937 года. Допрашивал оперуполномоченный ОО 52 АБ Старостин. В графе “национальность и гражданство” указано, что “по документам она записана беларуской”, вероисповедание — “римско-католическое”.

Архивная справка КГБ РБ сообщает, что уже 17 ноября 1937 года постановлением Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР Третья-

кова-Верниковская Августина была обвинена в шпионаже в пользу Польши и приговорена к высшей мере наказания — расстрелу.

С момента ареста до расстрела прошло 116 дней — это почти 4 месяца в коммунистических застенках НКВД. Сегодня сложно сказать, что пришлось пережить несчастной женщине. Известно, что палачи из НКВД, чтобы выбить из арестованных нужные показания, широко применяли различные меры психологического и физического воздействия, допускали пытки, истязания, "исключительный садизм".

116 дней жизни в тюрьме НКВД — много это или мало? Для двух малолетних детей Августины Витольдовны наверняка это было много. Ведь это были дни надежды, что их мама жива и скоро вернется домой "в тапочках и халате".

И для "красных" палачей, безусловно, 116 дней это было много. Им важно было закончить дело поскорей. Ведь надо было отчитываться наверх о реализации планов по массовому уничтожению "врагов народа". Наверняка спешили…

Августину Третьякову-Верниковскую расстреляли 17 декабря 1937 года. Приговор был приведен в исполнение в Орше. Дома остались двое несовершеннолетних детей…

Как следует из ответа КГБ, "сведений о месте ее захоронения в материалах дела не имеется и установить его в настоящее время не представляется возможным". Августина была реабилитирована 31 марта 1989 года Прокуратурой Белорусского военного округа. Ее архивное дело № 24385–С хранится в Центральном архиве КГБ.

Осиротевшую дочь Людмилу забрала к себе родная тетя Леонтина Витольдовна Верниковская, которая переехала в Москву, где устроилась на работу. Жила она в общежитии. В одной комнате стояло три ряда коек — по 15 в каждом ряду. Так жили работницы. Людмила спала в одной кровати с тетей. Другие работницы ее жалели и прятали, когда приходили проверки. Еще одна сестра расстрелянной Августины — Юзефа — жила с мужем в другом московском общежитии. Она хорошо шила, была очень талантливой портнихой и обшивала "номенклатурных" жен. Людмиле она тоже шила очень красивые наряды. Клиентки любили Юзефу, поэтому, когда она просила какой-нибудь отрез для Людмилы, они охотно через мужей доставали. Так что во времена скудности Людмила выглядела как настоящая модница. Модницей так и осталась.

Во время войны Людмила Ивановна Третьякова была защитницей Москвы и в тяжелейших боях получила ранение. В 1985 года ее наградили орденом Отечественной войны II степени. После войны Людмила осталась в Москве. Судьба ее брата Александра Третьякова, к сожалению, неизвестна.

Мелко пахал и плохо сеял. Расстрелять

Братья Франц (1890) и Иосиф (1892) Ходасевичи родились в семье поляка-крестьянина в небольшой деревушке Адасевщина недалеко от Койданово. После Рижского мира 1921 года граница между Советской империей и буржуазной Польшей пролегла совсем недалеко от деревни.

Еще в начале 1930-х большевики лелеяли надежды советизировать польское население, компактно проживающее у советско-польской границы. Для этого создавались национальные польские сельские советы. В 1931-м деревня Адасевщина входила в состав Ляховичского национального польского сельсовета Койдановского (позже переименован в Дзержинский) национального польского района Минского округа, а после его расформирования с июля 1937 года — Минского района. В 1926 году, по данным первой Всесоюзной переписи населения, в Адасевщине насчитывалось 16 дворов и 75 жителей. В годы коллективизации здесь был организован колхоз. На момент ареста 24 сентября 1937 года братья числились колхозниками. Оба работали в колхозе "Свобода".

Во время ареста у родных Франца Ходасевича отняли все фотографии. В семье сохранилось единственное изображение репрессированного. Из постановления на арест Франца Ходасевича от 23.09.1937 г.: "За участие в вооруженной банде Борисовича Казимира, поездки в Польшу, возвращение в СССР с целью свержения Советской власти Ходасевич Франц Викентьевич арестован сотрудниками Дзержинского погранотряда".

После ареста братьев направили в Оршу. Протокол допроса Франца был оформлен спустя месяц, 22 октября. В нем было зафиксировано, что Ходасевич Франц Викентьевич — поляк, беспартийный, самоучка, до революции имел 16 га земли, 3 лошади и 3 коровы, а после революции имел 6 га земли, 2 лошади и 2 коровы. "Будучи председателем колхоза, он мелко пахал почву и как можно

хуже сеял зерна, посевы не сортировались, отчего на них были заросли сорняков".

Также Франца обвинили в участии в местной банде некоего Борисовича. В обвинительном заключения от 25 октября было записано: "Ходасевич Франц Викентьевич был завербован в 1921 г. польским разведчиком Андрачиком, участвовал в банде Борисовича. В период коллективизации проводил вредительскую работу в колхозе. Признал себя виновным". Постановление: дело направить на рассмотрение Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР.

Видимо, аналогичное постановление было принято и в отношении Иосифа Ходасевича.

1 ноября 1937 года Комиссия НКВД и Прокуратуры СССР признала Ходасевича Франца Викентьевича и Ходасевича Иосифа Викентьевича агентами польской разведки и приговорила к расстрелу. 11 ноября приговор был приведен в исполнение. Оба брата были расстреляны в Орше.

В 1958 году Военный трибунал Белорусского военного округа реабилитировал братьев посмертно. "Постановление о расстреле Ходасевича Франца Викентьевича отменить, так как обвинение основано только на неконкретных и противоречивых показаниях, и дело прекратить за отсутствием состава преступления", — говорилось в заключении.

В 1997 году дочь Франца Ходасевича Станислава Станкевич получила справку из КГБ. В ней были указаны даты ареста, расстрела и реабилитации отца, а сама Станислава Францевна была признана потерпевшей от политических репрессий. В том же году дочь получила и свидетельство о смерти. В нем записано, что Франц Ходасевич умер в возрасте 47 лет. В графе причина смерти — расстрелян. Место смерти — Орша.

Потомки братьев еще в начале 1990-х побывали в Орше на местах расстрелов. А в 2017 году, на 80-ю годовщину расстрела, внуки Франца Ходасевича посетили Кобылякую гору и установили здесь символический крест. "Мой дзядуля — Хадасевіч Франц Вікенцьевіч. Мы тут пабывалі яшчэ ў пачатку 1990 гадоў. А ў 2017 годзе ўзялі ўсіх сваіх дзяцей, унукаў і сімвалічна абазначылі, паставілі чырвоны крыж. Фатаздымак дзядулі. Даведаліся пра яго расстрэл у пачатку 1990-х. У КДБ мы бралі даведкі. Яшчэ мама змагла даведацца дакладна, як быў расстраляны яе бацька. Як ноччу прыязджалі варанкі чорныя, як забіралі

яе бацьку. Як забралі ўсе фатаграфіі. А маці і брат яе былі зусім малыя і бацьку зусім не памяталі”, — рассказала внучка Алена Станкевич.

В ноябре-декабре 1937 года в Орше были расстреляны еще несколько жителей деревни Адасевщина — братья Викентий Владимирович и Антон Владимирович Мелешкевичи, а также Мелешкевич Ольгерт Америкович, Мелешкевич Адольф Адамович.

Братьев Довнаров расстреляли. Одного в Орше, второго в Минске

Довнар Адольф Иванович родился в 1891 году в деревне Плеваки. В анкетных данных указано, что он был беларусом, однако родственники настаивают, что Адольф Иванович был поляком и римо-католиком. Происходил из крестьян.

Из анкетных данных можно узнать, что единоличник Адольф Довнар впервые был арестован 5 февраля 1930 года и осужден 10 марта того же года к высылке. Но ни обвинения, ни места высылки пока узнать не удалось. Повторно его арестовали в 1937 году. 17 декабря допрос проводил начальник Дзержинского РО УНКВД БССР лейтенант ГБ Ковалевский.

До ареста Адольф Иванович проживал в деревне Рубилки Минского района и был колхозником в колхозе имени Кирова. Сведений о том, как Адольф Довнар попал в Оршу, к сожалению, нет. Известно, что его обвиняли в участии в контрреволюционной организации и связях с польской разведкой.

Из выписки из копии протокола №116 заседания Комиссии НКВД и Прокурора СССР известно, что 26 октября 1937 года Адольфа Довнара приговорили к расстрелу. А само “решение исполнено 10 ноября 1937 года” в Орше. 16 июня 1989 года Военная прокуратура БВО реабилитировала Адольфа Ивановича.

Его старший брат, Иосиф Иванович Довнар, родился в 1878 году. В анкете также указан как беларус, из рабочих. До революции работал полицейским. Имел начальное образование. До ареста 3 марта 1938 года работал кочегаром на железнодорожной станции Минск и проживал по адресу: улица Осовиахимовская, 22, кв. 4. 10 марта “тройка” обвинила его в антисоветской и контрреволюционной деятельности и вредительстве и приговорила к расстрелу с конфискацией имущества. 22 марта 1938 года Иосиф Довнар был расстрелян в Минске. 23

мая 1958 года судебная коллегия Верховного суда БССР признала его невиновным и реабилитировала.

Рассказывает внучка Адольфа Довнара Ирина Маслич: "Изначально я обратилась письменно с запросом, так как я из России, с просьбой предоставить копии документов, имеющихся в КГБ по делу дедушки. Мне ответили быстро и приложили копии протокола ареста, протокола обыска с перечнем изъятых вещей, копии протоколов допросов. Один протокол составлен начальником погранзаставы Дзержинска, а второй – начальником Дзержинского РО УНКВД БССР лейтенантом ГБ Ковалевским. Все, что связано в дальнейшем с Оршей (явно там тоже были допросы), мне не предоставили, сказали, что это все. Еще мне прислали анкету арестованного и акт о приведении приговора в исполнение, копию определения Военного трибунала о реабилитации.

Когда я приехала в Минск, чтобы посмотреть все уголовное дело, меня "мурыжили" 10 дней: "А что Вы еще хотите? Мы же Вам выслали копии. А для чего Вам это нужно?" Я настаивала. Наконец, они назначили мне день встречи. Человек в штатском принес уголовное дело и, не выпуская из своих рук, давал мне читать те страницы, которые прислали копиями. Остальные страницы были закрыты белыми листами. Объяснение было такое, что это все запросы и прочие документы, которые мне читать не положено.

Прямо из уголовного дела достали личную книжку — что-то вроде военного билета, и отдали мне оригинал. В заключении от имени Республики Беларусь принесли извинения. Сказали, что если меня еще что-либо заинтересует, я могу через ФСБ России запросить уголовное дело, и в ФСБ по месту жительства меня ознакомят еще раз.

Что касается уголовного дела мужа сестры дедушки, то сделали копии там же в этой комнате, но только часть протокола с анкетными данными, а по уголовному делу брата дедушки дали также протоколы допроса, анкету и акт об исполнении приговора. В деле были странички, запрещенные к просмотру, и я знакомилась с документами в присутствии работника КГБ, так что не все мне показали".

Сенненский район

Маці — помнік у цэнтры горада, бацьку — яма ў лесе

Зінаіда Пашкевіч, дачка стваральніцы арнамента на дзяржаўным сцягу БССР Матроны Маркевич, упершыню трапіла на Кабыляцкую гару — месца сталінскіх расстрэлаў пад Воршай — у жніўні 2018 года. Годам раней сваякі даведаліся, што недзе тут у 1937-м быў забіты і яе бацька. Родныя паставілі яму помнік і вырашылі сабраць у жалобным месцы ўсю сям'ю.

Ушанаваць памяць рэпрэсаванага "за антысавецкую агітацыю" Аляксея Маркевіча сабраліся ягоныя нашчадкі з Беларусі і Італіі. Дачка расстралянага, спадарыня Зінаіда, — з усіх найстарэйшая. Яна марыла трапіць у гэтыя мясціны ўжо паўтара года — з той пары, як сваякі высветлілі, што самае імавернае месца расстрэлу бацькі — на Кабыляцкай гары. Аднак першая спроба трапіць сюды ў лютым 2017 года была безвыніковай: пажылую жанчыну не наважыліся весці па слізкай лясной сцежцы, заваленай веццем.

З тае пары тут змянілася няшмат. Падыйсці да вялікага каменя, якім адзначана месца трагедыі, па-ранейшаму цяжка — нягледзячы на тое, што Дзіна Кацар, дачка спадарыні Зінаіды, звярталася ў Аршанскі райвыканкам з просьбай навесці парадак на месцы трагедыі. Яна апелявала да таго, што Матрона Маркевіч — вядомая на ўсю Беларусь майстрыха, аўтарка арнамента, які стаў аздобаю дзяржаўнага сцяга, але родныя не могуць трапіць на месца, дзе ў часы сталінскіх рэпрэсій быў бязвінна расстраляны яе муж. Аршанскія ўлады адрэагавалі: вакол мемарыяльнага каменя пакасілі траву і з аднаго боку прыбралі паваленыя дрэвы. Гэтым і абмежаваліся.

Помнік расстралянаму "за антысавецкую агітацыю" Аляксею Маркевічу з'явіўся дзякуючы клопату ягоных унучак Дзіны і Наталлі. Убачыўшы на помніку партрэт бацькі, 95-гадовая дачка Зінаіда Пашкевіч не стрымлівала слёз.

"Калі па яго прыйшлі, ён хацеў уцячы — залезці на дах праз комін і саскочыць. Але ж энкавэдэшнікі стаялі вакол хаты. Ну, і забралі. А мы бяжым за ім следам. Ён кажа: „Дзеткі, не бяжыце". А яны яго — у плечы, у плечы. Потым прывязалі да сядла і змусілі бегчы следам, за канём. І стралялі ўгару, каб нас напалохаць", — згадвае Зінаіда Пашкевіч.

Успаміны пра бацьку — самае каштоўнае, чым найстарэйшая ў сям'і можа падзяліцца з маладзейшымі сваякамі. Нашчадкаў у гэтага роду шмат. Вераніка Кацар, праўнучка Аляксея і Матроны Маркевічаў, прыехала на Віцебшчыну з Італіі. Жалобную мясціну наведала разам з мужам Антоніё Віёлі, ягонай маці і наймалодшай прадстаўніцай сямейнага клану — Вікторыяй-Марыяй. Спадар Антоніё ўражаны: ён ніколі не бачыў нічога падобнага — каб надмагільныя крыжы і помнікі стаялі проста ў лесе. Яго жонка Вераніка Кацар, праўнучка расстралянага Аляксея Маркевіча, перакладае: "Я ўсхваляваны гэтай сустрэчай. Дзякуй вялікі бабулі Зінаідзе за тое, што яна трымае ўсю сям'ю разам сваімі ўспамінамі. Гэта вельмі важна не толькі для сям'і, але і для гісторыі, для будучыні — каб не забываць і не паўтараць трагічнае мінулае".

Ушанаванне памяці дзеда стала прынцыповай справай для Дзіны Кацар. Яна далучылася да ініцыятывы "Кабылякі. Расстраляныя ў Воршы", якая яднае сваякоў рэпрэсаваных. Помнік з імем яе расстралянага дзеда Аляксея Маркевіча з'явіўся тут нядаўна і стаў чарговым у шэрагу іншых памятных знакаў, усталяваных сваякамі рэпрэсаваных у Оршы. "Цяжка сказаць, колькі людзей тут пахавана! Я хачу да кожнага крыжа пакласці кветкі, бо веру: калі мы будзем помніць пра тую трагедыю, то будзем жыць годна і справядліва", — сказала Дзіна Кацар, прыйшоўшы на Кабыляцкую гару з вялізным букетам жывых кветак.

Гісторыю сваёй сям'і Дзіна Пракопаўна дазнавалася не ад старэйшых сваякоў, а з падручнікаў і архіваў КДБ. Да 1990-х гадоў яна не падазравала, што яе бабуля — нікому невядомая сялянка з Сенненшчыны — аўтарка арнаменту на дзяржаўным сцягу БССР, а з 1995 года — і новым дзяржаўным сцягу Беларусі. Пра тое, як арнамент яе бабулі трапіў на дзяржаўны сцяг БССР, Дзіна Пракопаўна прачытала ў газетах. Усё гэта адбылося дзякуючы Міхаілу Кацару — брату Матроны Маркевіч. Ён быў этнографам, яшчэ ў 1930-я збіраў узоры народнай вышыўкі для Беларускага прамысловага савета. На падставе сабраных ім матэрыялаў выдаваліся альбомы арнаментаў.

Альбомы перадавалі на прадпрыемствы лёгкай прамысловасці, каб там рабілі тканіну з народнымі матывамі. У архівах Міхаіла Кацара былі эскізы вышыўкі і Матроны Маркевіч (у дзявоцтве Кацар). Але пра тое, што Матрона — ягоная сястра, амаль ніхто не ведаў. Калегам

ён не распавядаў пра сваяцтва з Матронай, а сваякам — пра тое, што скарыстаў сястрын арнамент.

Да 1950 гадоў усе савецкія рэспублікі мелі амаль ідэнтычныя сцягі: серп і молат з зоркай на чырвоным палотнішчы, а пад ім абрэвіятура накшталт УРСР ці Qazaq SSR/Казахская ССР. Аднак пасля вайны ўлады вырашылі распрацаваць адрозныя сцягі. Пільная патрэба ўзнікла пасля ўключэння Беларускай і Украінскай ССР у склад дзяржаў-заснавальніц ААН (гэтага дамагалася Масква, каб мець там дадатковыя галасы).

Сцяг БССР быў адзіным савецкім сцягам, які меў нацыянальны арнамент. У 1951 годзе камісія пры Акадэміі навук разглядала ўзоры розныхварыянтаў. Іх узялі з даваенных архіваў Беларускага прамысловага савета. Абралі ўзор, які расшыфроўваўся як "узыход сонца". Спыніліся менавіта на гэтым арнаменце, бо яго было прасцей вышываць пры машыннай вытворчасці. У камісію, якая распрацоўвала сцяг, запрасілі і Міхаіла Кацара.

Дзіна Пракопаўна мяркуе, што Міхаіл Кацар хаваў гісторыю пра сваю сястру, дакладней, пра ейнага рэпрэсаванага мужа, каб самому не трапіць пад рэпрэсіі. Кожная згадка пра сваяцтва з жонкай "ворага народу" магла каштаваць Кацару жыцця. "Міхаіл Сяргеевіч нічога не гаварыў. Ніколі і нідзе, — кажа Дзіна Пракопаўна. — Цуд, што ён выратаваўся. Ён і казаў: „Я ад Сталіна сыйшоў — ад рэпрэсіяў, і ад Гітлера сышоў". Так шыфраваўся чалавек, што мы не ведалі нічога".

Пра лёс свайго дзеда Дзіна Кацар даведалася таксама позна — праз 60 год пасля ягонага арышту. Да 1997 года нашчадкі былі ўпэўненыя, што рэпрэсаванага дзеда Аляксея адправілі ў высылку ў Сібір.

А потым Аркадзь, родны дзядзька Дзіны Пракопаўны, атрымаў адказ з Віцебскага КДБ. У ім гаварылася, што Аляксея Маркевіча расстралялі ў 1937 годзе ў Воршы. У 1989-м яго пасмяротна рэабілітавалі. "Мы думалі, што ён далёка сагнаны, — распавядае Зінаіда Аляксееўна, дачка Аляксея і Матроны. — І вось мой бацька за свае рукі, за сваю працу загінуў".

Аляксей Маркевіч быў багатым чалавекам па вясковых мерках. Вырабляў са скуры боты і чамаданы, гнаў дзёгаць. Сям'я мела вялікі дом. Усяму гэтаму зайздросцілі суседзі. "Сусед наш Саўка пісаў даносы на бацьку, — кажа Зінаіда Аляксееўна. — Людзём было зайздросна, што ў Ляксея такая пабудова добрая, і што ён дзелавы быў на ўсе рукі".

Аляксея Маркевіча арыштавалі 10 кастрычніка 1937 года за антысавецкую агітацыю. Яго асудзіла “тройка” 15 кастрычніка ў Воршы. Расстралялі яго 2 лістапада 1937 года.

Пасля арышту мужа Матрона з дзецьмі збегла з дому і хавалася ў сваякоў. Чатыры наступныя гады, пакуль не пачалася вайна, да іх ставіліся як да сям’і “ворага народу”: адпраўлялі рыць канавы і прыбірацца ў лесе. За працу нічога не плацілі. Ад голаду памерлі двое з шасці дзяцей. Перасьледы Маркевічаў скончыліся толькі пасля вайны. Суседа Саўку, які пісаў даносы, асудзілі. Яму далі 8 гадоў за тое, што рваў каласкі на калгасным полі.

У 2015 годзе ў цэнтры Сянно адкрылі помнік Матроне Маркевіч. У краязнаўчым музеі ёй прысвечаны асобны стэнд. Зусім па-іншаму ўшанаваная памяць яе мужа. Хоць у адказе КДБ напісана, што ён расстраляны ў Воршы, ніхто не ведае, дзе дакладна ён пахаваны. Афіцыйна вядома пра два месцы расстрэлаў на ўскраінах горада — гэта Кабыляцкая гара і лес уздоўж Магілёўскай шашы. Але помніка загінулым няма ні ў водным месцы.

Паводле RS

Толочинский район

Прадеда расстреляли, а беременную жену не тронули

Мой прадед — Островский Мечеслав Адольфович — родился 3 апреля 1899 года в деревне Неклюдово в семье лесничего. После смерти отца семья переехала на хутор Цагельня (Озерецкий сельсовет).

В 1933 году семья разделилась. Брат Игнатий с женой Милославой уехали в Москву и забрали к себе мать Леонсию. А Мечеслав остался в БССР с женой Михалиной и детьми Эльжбетой и Ольгердом.

Позже к ним переехала его сестра София Сляцкая (Островская) с двумя сыновьями. Перед этим, 23 мая 1933 года, за антисоветскую деятельность на 3 года лагерей осужден ее муж Станислав Сляцкий. Тогда же был осужден и его родной брат Сляцкий Бронислав Данилович. Его сослали в Дальлаг.

В 1936 году умерла жена Мечеслава — Михалина. Оставшись с двумя малолетними детьми 6 и 4 лет, Мечеслав женился второй раз на Казакевич Нелии Игнатьевне — моей прабабушке. У него было довольно зажиточное хозяйство, а Нелия была из бедной семьи. Она

всегда рассказывала, как Мечеслав возил ее ткань на платье для свадьбы выбирать. Для нее это были очень яркие воспоминания.

С 1928 по 1937 годы на прадеда заводили три уголовных дела. В 1928 году его обвиняли в переходе советско-польской границы. Но дело прекратили в связи с отсутствием доказательств. В 1933-м Мечеслава Адольфовича снова арестовали за агитацию против советской власти. Дело было коллективным, а прадед проходил как один из участников. Но за отсутствием состава преступления его снова оправдали.

28 октября 1937 года НКВД в третий раз арестовал Мечеслава Островского. Его обвинили в том, что он являлся агентом польской разведки.

Когда прадеда арестовали, Нелия дважды приходила к нему на свидание. Один раз ее не пустили, второй раз сказали, что его тут нет, а где он, не знают. 9 ноября "двойка" признала Мечеслава Островского виновным и приговорила к расстрелу. Прадеда расстреляли 26 ноября 1937 года в Орше. Но точную дату расстрела Нелия узнала только в конце 1980-х, когда пришла официальная отписка из КГБ.

Сама Нелия Игнатьевна чудом избежала ареста и лагерей, так как на момент ареста была беременна моим дедом Островским Адольфом Мечеславовичем. В соответствии с приказом Ежова, беременные не подлежали аресту, чтобы не способствовать распространению антисанитарии на пересыльных пунктах и в лагерях.

Прабабушка осталась с двумя детьми мужа от первого брака, а вскоре родился мой дедушка. Она вернулась к своим родителям. А сестра Мечеслава Островского — София Сляцкая, уехала с детьми в Оршу.

До войны заболел и умер, предположительно от воспаления легких, сын Мечеслава — Ольгерд. Во время войны потерялись следы Эльжбеты — ее депортировали в Германию.

Прабабушка Нелия после войны повторно вышла замуж. Детей от второго мужа не было, а в доме постоянно висел портрет Мечеслава. Портрет висел, видимо, потому что она любила прадеда, наверное, и детей по этой же причине от второго мужа не было.

Про то, как забирали Мечеслава, прабабушка никогда не вспоминала, а когда спрашивали, говорила: "Не помню". О нем она вообще очень мало рассказывала. Ощущение, будто хотела забыть. Скорее, это был такой кусочек памяти, куда только она имела вход. Она помнила точно, но рассказывать не любила.

Мама спрашивала прабабушку про родственников Мечеслава, но кроме того, что он был хороший, а Сталин с Ежовым — “твари”, и про красивую ткань на платье мы больше ничего не знали.

Я запрашивал в архиве КГБ дело прадеда. По данным “Мемориала”, оно должно было быть в Витебске, но там дела за 1937 год не оказалось. Была только выписка о приведении приговора в исполнение. Зато я получил материалы дела за 1933 год. Из него я узнал, что у прадеда были братья и сестры. А прабабушка нам про это не рассказывала. Вот это уровень конспирации! Также я узнал, что муж второй сестры Мечеслава Островского — Гордиевский Леон, в 1933-м году находился под следствием.

Дмитрий Островский, правнук Мечеслава Островского.

Ушачский район

Как власть не от Бога преследовала братьев Гиль из деревни Белая Дуброва

Оршанка Лариса Орешина приходит на Кобыляцкую гору регулярно с начала 1990-х, иногда несколько раз в год, но обязательно 1 октября. В этот день она зажигает свечу в память о своем дедушке Гиле Иване Кузьмиче. Именно тогда, в начале 1990-х, Лариса Марковна узнала правду о том, как умер ее дед.

В семейном архиве Ларисы Орешиной — два свидетельства о смерти дедушки. В одном, за 1970 год, указана дата смерти —11 октября 1942 года, и причина — воспаление аппендицита. В том же 1970-м семья Ларисы получила справку, что дело по обвинению Ивана Кузьмича пересмотрено президиумом Витебского облсуда еще 19 декабря 1955 года, постановление в отношении него отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Много лет семья считала, что их муж, отец и дед погиб где-то в лагерях. Считала до тех пор, пока в 1990-м году на открытии мемориала расстрелянным на Кобыляцкой горе кто-то не подсказал Ларисе направить в КГБ новый запрос о судьбе Ивана Гиля.

“Из Витебского КГБ пришло письмо, что его расстреляли в 1937 году, 1 октября, в городе Орша. Место захоронения неизвестно. Теперь у меня дома два свидетельства о смерти деда. И 1 октября я прихожу сюда и зажигаю свечку… Ему было 44 года, а мне уже 65. Так люди по-

гибали, можно сказать, ни за что...", — говорит Лариса, и к горлу у нее подкатывают слезы.

В справке КГБ от 26 декабря 1990 года было указано, что Гиль Иван Кузьмич 1893 года рождения, уроженец и житель деревни Белая Дуброва Чашникского района, из крестьян, белорус, колхозник, арестован в числе других лиц Чашникским РО НКВД. "Особая тройка" НКВД БССР постановлением от 16.09.1937 г. приговорила его к высшей мере наказания за то, что он якобы являлся участником контрреволюционной повстанческой кулацкой группировки и проводил антисоветскую агитацию. "Сведениями о конкретном месте его захоронения органы КГБ не располагают и установить [это] в настоящее время, к сожалению, не представляется возможным", — написал начальник подразделения УКГБ Н.А.Зайцев.

Дед — не единственный репрессированный родственник Ларисы Орешиной. "У меня пять человек репрессированных: дед по матери, его два родных брата, дед по отцу и его сын. Одного расстреляли тут, двое на севере Беломорканал строили. Один был на Колыме. Был еще такой Темлаг. Дед по отцу был в Темлаге. Досталось [семье] от советской власти. И сейчас все это продолжается", — констатировала женщина.

На самом деле, список репрессированных родственников Ларисы Орешиной оказался еще больше. Помимо родных братьев деда Ивана Гиля — Иосифа (1889) и Никифора (1902), их двоюродного брата и деда Ларисы по отцу Гиля Алексея Яковлевича (примерно 1876) с сыном Петром (1907), в документах упоминаются тесть Ивана, прадедушка Ларисы Орешиной, Мышленок Исаак Кондратьевич, а также двоюродный брат деда Гиль Федор Петрович (1885). Все уроженцы деревни Белая Дуброва Чашникского района.

Копии документов на родных из архива КГБ Ларисе Орешиной удалось получить лишь со второго раза. Впервые в управление УКГБ по Витебской области, где хранятся документы, она попала в 2017 году и была, мягко говоря, разочарована тем, как ее знакомили с бумагами: "Я ездила в Витебск в КГБ, знакомилась с делом. Это было так: тут смотрим, тут не смотрим, это Вас касается, это не касается".

Из архива женщина вышла обескураженная. Несколько часов дела родственников ей читали вслух, воспринять многочисленные документы с казенными формулировками было крайне сложно, делать

фото, видео- и аудиозапись чекисты строго запретили. Дозволены были только рукописные пометки. Но поди ты все запиши, а после разберись, что именно ты записала. ”С собой дали только копии анкет арестованных. Я просила фото из анкеты дедушки — не отдали. Очень плохо, что у нас эти архивы закрыты. По-настоящему ознакомиться с делом нет возможности. Поэтому когда я приехала домой, не могла разобраться в записях и понять, что и к чему относится”, — говорит внучка репрессированного.

В 2019 году при поддержке инициативы “Кобыляки. Расстреляны в Орше” Лариса Орешина еще раз направила запрос в архив КГБ. Через месяц по почте пришел увесистый конверт. А в нем около 30 листов копий различных документов: постановления об арестах, анкеты арестованных, протоколы допросов, выписки из протоколов заседаний “троек”, выписка из акта о расстреле дедушки Ивана Кузьмича. И, главное, ехать никуда не нужно. Но значительную часть документов архив не предоставил, мотивируя сохранением “тайны о личной жизни”... Личной жизни людей, которых советская власть сгноила в лагерях или расстреляла.

По копиям удалось восстановить трагическую историю родственников и фрагмент большого государственного террора в одной деревне Белая Дуброва Чашникского района. А таких деревень были сотни, или даже тысячи.

Впервые в жернова репрессий родственники попали во время коллективизации. За отказ вступать в колхоз в 1930 году был раскулачен сам Иван Кузьмич. Его родные братья Никифор и Иосиф раскулачены и высланы, раскулачен и двоюродный брат Алексей Яковлевич с сыном Петром. В том же году раскулачен и выслан с семьей на Урал второй двоюродный брат Ивана — Гиль Федор Петрович. В 1936 году Федор бежал из ссылки, но вернулся, правда, не в родную деревню, а в Оршу, где устроился плотником в ремонтную контору.

25 июля 1932 арестовали двоюродного брата Ивана —Алексея Яковлевича Гиля. Он проходил как член кулацкой группы. Всего в деле фигурировали 7 человек. В протоколе допроса зафиксировано, что Алексей Яковлевич всю жизнь занимался земледелием в родной деревне. До революции его хозяйство имело 16 десятин земли, 2 коровы и 2 лошади, после революции количество животных сократилось

наполовину. В 1928-м земельный надел был обрезан, а в 1930 и 1931 годах хозяйство обложено твердым заданием и налогами.

Из протокола допроса можно узнать, как в 1930-м в Белой Дуброве проходила организация колхоза. Алексей Гиль сообщил, что он и еще 43 двора из деревни активно сопротивлялись насильственной коллективизации: несколько раз разбирали обобществленное имущество, забирали лошадей, инвентарь и упорно не уплачивали налоги. Со слов Алексея Яковлевича зафиксировано: "виновным себя не признаю и поясняю: что агитации по развалу колхозов и разбору имущества не проводил. Советов к скорой гибели совласти не давал. Против заготовок и др. мероприятий совласти на сходах не выступал. Со слов моих записано верно, больше добавить ничего не имею. Об окончании следствия мне объявлено. Неграмотный, ставлю отпечаток большого пальца правой руки".

Однако в постановлении от 28 июня 1932 года сотрудник Чашникского оперотдела НКВД записал, что Алексей Гиль обвиняется в систематической антисоветской агитации, срыве проводимых совластью мероприятий, проведении работы по разложению колхозов, запугиванию колхозников голодом, гибелью и войной, заявлениях, что совласть почувствовала крах и распускает колхозы. 8 октября того же года "тройка" при ПП ОГПУ по Белорусскому военному округу приговорила всех фигурантов дела к 5 годам концлагеря.

По рассказам Ларисы Орешиной, деда по отцу Алексея Гиля отправили в Темлаг, но вскоре по просьбе жителей деревни наказание для него смягчили, и он досрочно вернулся. Но в 1934-м его снова арестовали и осудили на 3 года (об этом указал в 1937 году на допросе его сын Петр) лишения свободы за нахождение без паспорта. В деревню Белая Дуброва Алексей не вернулся, там у него остались жена Екатерина Ивановна с малолетними детьми. Алексей отбывал наказание на общественных работах, охраняя сад в Юрцево.

В некоторых документах говорится, что сын Алексея Петр Гиль-Рак (местами указана двойная фамилия) не был судим, однако в выписке из протокола заседания "тройки" НКВД №129 от 16 сентября 1937 года отмечено, что Петр ранее был судим и скрывался от выселения.

В том же 1932 году за антисоветскую агитацию на 3 года лишения свободы осужден и родной брат Ивана Кузьмича Иосиф Гиль. Позже Иосиф будет жить в Орше и устроится плотником на строительные работы.

Но по-настоящему черным днем для семьи стало 5 августа 1937 года. В этот день младший лейтенант госбезопаности, помощник оперуполномоченного УГБ Чашникского РО НКВД подписал постановления об обыске и аресте с заключением под стражу в арестантский дом Лепельского ОКРО НКВД БССР с последующим переводом в Оршанскую тюрьму сразу троих Гилей: Петра Алексеевича, родных братьев Ивана и Никифора.

Ивана Гиля обвинили в том, что он “участвует на сборищах, лично распространяет к-р слухи о том, что скоро будет война, власть падет, все кулаки возвратят отобранное у них имущество”. В резолютивной части постановления было указано, что тесть Ивана (Мышленок Исаак Кондратьевич — прадедушка Ларисы Марковны, проживал в Большой Дуброве) за контрреволюционную деятельность осужден к 10 годам лагерей. Больше о нем никаких сведений.

Гилю Никифору предъявили обвинение, что он “является активным участником антисоветской кулацкой группы в деревне Б. Дуброва, у себя в доме собирает участников группы, где обсуждает антисоветские вопросы. 2.05.37 г. участвовал в сборище в доме Гиля Ивана, где вели разговоры о скором падении сов.власти. 11.05.37 г. у себя в доме вместе с другими участниками группы обсуждали вопросы о проведении организованной контрреволюционной деятельности по разложению колхоза”.

Петру Гилю вменили, что он “является активным участником контрреволюционной группы в д.Дуброва, Слидчанского с/с, участвует на к-р сборищах, лично сам проводит антисоветскую агитацию среди населения о том, что скоро будет война, сов. власть переменится, не будет колхозов, крестьянство будет жить, как раньше жило на своих единоличных хозяйствах, о плохой жизни в колхозах”.

Всех троих арестовали на следующий день, 6 августа.

11 сентября вынесено постановление об обыске и аресте Гиля Иосифа Кузьмича и Федора Петровича Гиля. В постановлении говорилось, что Иосиф Гиль — “бывший кулак, являясь одним из

участников контрреволюционной кулацко-эсеровской группы, на протяжении ряда лет занимался среди колхозников антисоветской деятельностью, распространял провокационные слухи о войне и падении сов. власти. Весной 1937 году, приехав из гор. Орши, участвовал в одном из антисоветских сборищ, где говорил, что в 1937 г. обязательно будет война и соввласть падет, тогда все кулаки возвратятся обратно на свое хозяйство, и сказал участникам группы, чтобы они выявляли всех активистов, с коими после падения сов. власти нужно будет расправиться, т.к. расправились они с нами". Иосифа и Федора арестовали 12 сентября.

По словам Ларисы Орешиной, в протоколе в документах было также зафиксировано, что в 1937году набожный Иосиф Гиль вместе двоюродным братом Алексеем Гилем ходили с Библией по деревне и говорили, что советская власть не от Бога.

На допросе Никифор Гиль заявил: "В предъявленном мне обвинении по 72-й статье УК БССР виновным себя не признаю и поясняю, что агитации по развалу колхозов и разбору имущества не проводил. Слухов о скорой гибели совласти не распространял. Против заготовок и др. мероприятий совласти на сходах не выступал". Вместо подписи под протоколом неграмотный Никифор оставил отпечатки двух больших пальцев.

16 сентября Особая "тройка" НКВД БССР признала Гиля Никифора виновным "в участии в к-р повстанческой, кулацкой группировке, проведении активной а/с агитации, говоря, что совласть довела страну до нищеты, предсказывал войну и неизбежное свержение власти" и постановила заключить его в исправтрудлагерь сроком на 10 лет. Примерно с той же формулировкой к 10 годам лагерей "тройка" приговорила Иосифа Гиля и Петра Гиль-Рака. Самый жесткий приговор получил дедушка Ларисы Орешиной — Иван Гиль: "тройка" приговорила его к расстрелу с конфискацией личного имущества.

Из лагерей братья Никифор и Иосиф не вернулись. Их дальнейшая судьба неизвестна. Позже, в лагере, Петру Гилю-Раку накинули еще срок. В общей сложности он отсидел не менее 16 лет. Только в 1953 году, после смерти Сталина, очень больной он вышел на свободу. Позже братья были реабилитированы. Нет только сведений о реабилитации Мышленка Исаака Кондратьевича. Несколько лет назад

на Кобыляцкой горе появились символические знаки в память о трех братьях — Иване, Никифоре и Иосифе.

В базе данных репрессированных удалось найти еще одного жителя деревни Белая Дуброва — Плискача Федора Сергеевича. В 1932 году за "а/с агитацию" его на 3 года лишили права проживания в определенном месте. В 1937 году за контрреволюционную деятельность "тройка" осудила на 10 лет лагерей другого жителя Белой Дубровы, возможного родственника Ларисы Орешиной — Мышленка Ивана Васильевича. Оба также были реабилитированы.

"Біце іхных курэй, гэта куры ворагаў народу!"

Гісторыя майго прадзеда, чырвонаармейца і старшыні калгаса, які ў 1937-м нечакана апынуўся "польскім шпіёнам"... Частка маёй радні па мацінай бабулі паходзіць з Віцебскай вобласці, а дакладней — з Вушаччыны. Звычайныя сяляне жылі сваім жыццём, на заробкі да рэвалюцыі ездзілі ў Пецярбург, мужчыны ўзімку каталі валёнкі ды займаліся іншымі промысламі.

Усё змяніла Першая сусветная вайна ды рэвалюцыя. Мой прадзед, Язэп Кварцёнак разам з братам Іванам, паводле сямейнай легенды, трапілі ў атрады Чапаева. Паводле той жа легенды, адзін з іх меў нагградную зброю ды быў знаёмы з Фурманавым.

Па заканчэнні Грамадзянскай вайны браты вярнуліся ў родныя мясціны, але... вёска Гарані, скуль яны паходзілі, апынулася па польскі бок мяжы. Таму Язэп ажаніўся ды застаўся у вёсцы Цялічына, брат Іван — у вёсцы побач, але ўжо на тэрыторыі Саюзу.

Язэп Кварцёнак неўзабаве стаў старшынёй калгаса ім. Сака і Ванцэці, у яго нарадзіліся дзве дачкі: Ніна (1925) ды Іра (1930). Іван працаваў звычайным калгаснікам, жыў грамадзянскім шлюбам, дзяцей не меў.

Увосень 1937-га, акурат на 20-годдзе рэвалюцыі, Язэп быў запрошаны на паседжанне ў Полацк, пасля чаго арыштаваны. Тады ж быў арыштаваны і ягоны брат. Нагода для абвінавачвання ў шпіянажы на карысць Польшчы аказалася банальная: паходжанне ды радня па польскі бок мяжы — у в. Гарані.

Мая стрыечная бабуля, Ірына Іосіфаўна (Язэпаўна), якая зараз мае 86 год, памятае тыя падзеі:

“Бацька з Полацку заўжды прывозіў падарункі. Памятаю, як прывёз мне баціначкі, з якіх я вельмі цешылася… А тут —не вярнуўся з нарады. Памятаю, іду вуліцай дахаты, сцягі чырвоныя вісяць, а бацькі — няма. І дзядзька стаіць на раздарожжы, нібы выглядае кагосці… А пасля ўжо суседзі казалі: “Біце іхных курэй, гэта куры ворагаў народу!”

Ніякіх звестак пра лёсы Язэпа ды Івана не было. Толькі ў 1950-я старэйшая дачка Язэпа, Ніна Кварцёнак (Кіркевіч па мужу), падала запыт. У адказ прыйшла рэабілітацыя са звычайнай для таго часу фармулёўкай: “…за адсутнасцю складу злачынства”. Датай смерці быў пазначаны 1943 год, прычына: “запаленне лёгкіх”. На брата Івана, як аказалася, запытаў наогул ніхто не падаваў: прамых родных не было.

Ужо ў наш час атрымалася знайсці інфармацыю аб лёсе прадзеда ды яго брата з дапамогай сайта “Мемарыял”. Кварцёнак Іван Сцяпанавіч нарадзіўся ў 1896 годзе ў вёсцы Гарані, арыштаваны 12 лістапада 1937 г. Як агент польскай выведкі асуджаны да вышэйшай меры пакарання — расстрэлу. Расстраляны ў Воршы 19 снежня 1937 г.

Кварцёнак Іван Сцяпанавіч нарадзіўся ў 1888 г. у вёсцы Гарані, працаваў калгаснікам у калгасе “Камунар”, пражываў у вёсцы Новае Сяло. Арыштаваны 13 лістапада 1937 г. Расстраляны 19 снежня 1937 г. у Воршы. Нягледзячы на блытаніну з імёнамі (абодвух братоў назвалі Іванамі) ды геаграфічнымі назвамі (Гарані-Гарыні), інфармацыя аказалася каштоўнай. Пацвердзілася версія пра “шпіянаж”, дадалася інфармацыя пра дату арышту ды расстрэлу: братоў і арыштоўвалі, і расстрэльвалі ў адзін дзень… Такім чынам, версія пра “запаленне лёгкіх” і “смерць у 1943-м” — не больш, чым дадумка?..

Ёсць зараз, у рэшце рэшт, і месца пахавання — Орша. Там, на Кабыляцкай гары, падчас пракладкі дарогі, сталі масава знаходзіць парэшткі людзей. Аказалася, рэпрэсаваных у 1930-40-я, у тым ліку вязняў аршанскай турмы. Зараз на Кабыляцкай гары народны мемарыял. Будуць на ім, з часам, і крыжы па маім прадзедзе ды яго браце.

Алесь Кіркевіч — нашчадак рэпрэсаванага [90]

Две трагически оборванные жизни

Шкиндер Игнатий Викентьевич 1888 года рождения и его сын Станислав 1912 года рождения считали себя поляками. До ареста отец проживал в деревне Антково Плисского сельсовета, где работал куз-

90 https://bydc.info/bdts-v-arkhivakh/479-bitse-ikhnykh-kurej-geta-kury-voraga-narodu

нецом в колхозе им. Красина, а сын Станислав — в деревне Селище Ушачского района трудился пильщиком строительного отделения Ушачского райисполкома.

Как агенты польской разведки оба были арестованы в один день — 13 ноября 1937 года — Ушачским РО НКВД. Приговор Игнатию Викентьевичу был вынесен спустя 7 дней, 20 ноября, а сыну Станиславу – только 10 января 1938 года. Обоих приговорили к высшей мере наказания. Отца расстреляли 20 декабря 1937 года, сына через месяц — 21 января 1938 года.

Лишь в 1991 году дочь Игнатия Шкиндера Ядвига Игнатьевна Маслюкевич получила справку из управления Витебского КГБ со скудными сведениями о своих родных за подписью начальника подразделения УКГБ Н.А. Зайцева. В ней указывалось, что по решению несудебного органа, Комиссии НКВД и Прокурора СССР, от 20 ноября 1937 года ее отец был приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Орше. “Установить точное место захоронения родного Вам человека не представляется возможным”, — говорилось в документе.

Ведомство также сообщило, что в 1958 году КГБ провел дополнительное расследование, в ходе которого было установлено, что “Шкиндер И.В. был осужден по надуманному и бездоказательному обвинению в якобы принадлежности к агентуре польской разведки”. Определением Военного трибунала Белорусского военного округа от 21 августа 1958 года Игнатий Викентьевич был реабилитирован посмертно.

В той же справке указывалось, что брат Ядвиги Игнатьевны Станислав Шкиндер также был расстрелян. “Его жизнь трагически оборвалась 28.01.1938 г. в г. Орше. Данными о точном месте захоронения не располагаем”, — говорилось в письме. Вот только жизнь отца и сына оборвалась не сама по себе. Их жизни и жизни тысяч других безвинных жертв оборвали палачи из НКВД.

Станислав Игнатьевич также был посмертно реабилитирован определением Военного трибунала БВО 2 августа 1958 года. Дела отца и сына Шкиндеров хранятся в УКГБ Витебской области. Всего в нашей базе репрессированных содержится более 150 имен жителей Ушачского района, расстрелянных НКВД в Орше.

Мечтал вернуться на родной хутор в БССР. Попал в ад

В истории Радишевского Вовжинца Ивановича, поляка по национальности, отразилась история советских поляков 1920-1930-х годов. Возвращение из Польши на родной хутор в БССР. Три ареста, ссылка, отбывание одного срока на оршанском кирпичном заводе. После последнего ареста Вовжица отвезли в Витебск и расстреляли. Вот его история.

В марте 1921 года Рижский мир, которым завершилась советско-польская война, разрезал Беларусь надвое. Западно-белорусские земли вошли в состав Второй Речи Посполитой, а восточные — в состав СССР. Новая граница разделила не только государства. Она разлучила и семьи. Бывало, что родители оставались на советской стороне, а дети, сестры и братья оказывались на польской.

В апреле 1923 года к погранзаставе в бывшем панском фольварке Черница подошел молодой, хорошо одетый человек. Он шел из Польши. Его задержал пограничный отряд. На допросе выяснилось, что молодой человек идет в Советскую Беларуссию на родину, но пропуска у него нет. По документам — уроженец хутора Бушенка Ушачского погранрайона БССР. Имя — Вовжинец Радишевский, поляк, католик, 1895 года рождения. Выяснилось, что в 1920 году во время советско-польской войны Вовжинец был признан дезертиром — отказался идти в Красную армию.

“Он потом признал этот факт на следствии. Он отказался по той причине, что людей из Западной Белоруссии, западных беларусов, поляков в Красной армии не любили. Опять же, он не хотел воевать, как поляк, против своих поляков по национальности“, — рассказывает внук Вовжинца Павел Мерецкий.

Дезертировали из Красной армии в то время многие крестьяне. Не хотели воевать ни за поляков, ни за большевиков. Но когда пришла польская армия, местных жителей стали брать в так называемые обозы. Крестьян обязывали на своих подводах перевозить военное имущество и фураж.

В обозе Вовжинец был около трех месяцев. В Вильно. Затем решил вернуться домой. Но польский комендант сообщил: его родной хутор уже занят красными и пропуска для перехода границы не выдал. Вовжинец решил не рисковать и остался в Польше.

В 1923 году польские власти стали предлагать прибывшим со сто-

роны Советской России польское гражданство, а тем, кто отказывался, разрешали вернуться в Советскую Беларусь на свой страх и риск. "Поляки часто просто выпускали беларусов. Они говорили: "Niech spoboje tego chleba!" ("Пусть попробует этого хлеба!") В Советском Союзе судьба этих людей, если их ловили, была предсказуема. Им выписывали приговоры!" – рассказывает историк Игорь Мельников.

Три года Вовжинец Радишевский мечтал о возвращении домой на родной хутор Бушенку, ведь там осталась его семья: родители, братья, сестры. И тогда он решился пойти через границу в БССР нелегально. На погранзаставе его задержали. "Изъяли у него деньги, 11 монет иностранного происхождения и несколько монет российского происхождения. Наверное, то, что он заработал в Польше", – рассказывает внук.

Следствие продолжалось два месяца. Радишевский был признан виновным в нелегальном переходе границы и осужден. Его отправили по этапу, сначала в Вологду, далее на север — в город Кадников на вольное поселение. Там он поступил рабочим в пожарное депо.

Два года Радишевский писал прошения о возвращении на родину. Почти потерял надежду. Неожиданно весной 1925 года его вызвали в местный отдел ГПУ и сообщили: разрешается проживать в любом месте СССР. В тот же день он выехал в Беларусь. 5 лет он не был на родине.

На хуторе Бушенка Вовжинца встретили родные. По счастливой случайности семью Радишевских большевики с хутора не выселили, как многих соседей, ведь до границы было рукой подать. Радишевские при советах жили на своей земле, на своем хуторе. Хозяйство, правда, пришло в упадок. Вместо 18 га пашни осталось только 8. Коня и трех коров забрала местная власть. Вскоре Вовжинец женился на соседке Теофилии. Родились дети — сын Антонио и дочь Вероника.

В конце 1920-х в Советском Союзе активно проводилась кампания по коллективизации. Крестьян загоняли в колхозы. Но польское население категорически не желало сдавать инвентарь и скотину. Поступали сообщения о создании антисоветских польских организаций. Власть ответила жестко. Начались репрессии. Десятки польских семей были высланы в Сибирь с полной конфискацией имущества, которое передавалось колхозам.

17 апреля 1930 года пришли за Радишевским. Участковый и еще несколько человек в военной форме предъявили документы на обыск и задержание. Вовжинца привезли в Полоцк. Сначала в особый отдел погранотряда, затем в местную тюрьму. Предъявили обвинение: оказывал содействие польской армии во время советско-польской войны, дезертировал из Красной армии и ушел в Польшу, занимался бандитизмом, антисоветской агитацией, контрабандой. Радишевский признал себя виновным только в дезертирстве и нелегальном переходе границы, хотя за эти преступления он уже отбыл наказание — 2 года на севере.

Из показаний Радишевского: "Ни в какой банде никогда не участвовал. Против советской власти никогда не выступал. Получив землю, занимался мелиорацией, старался улучшить хозяйства. Выполнял все требования советской власти". Обвинение в контрабанде, что по тем временам приравнивалось к шпионажу, Вовжинец не признал. Никаких доказательств тому карательные органы не нашли, но на всякий случай присудили к выселению за 200 километров от границы в Оршу. Там его определили на оршанский кирпичный завод грузчиком с поселением в лагере для вольнонаемных.

В 1935-м, спасаясь от ареста, к нему переехала жена с детьми. "Пришел участковый и сказал: "Мы сидим в засаде три дня. Сегодня ночью будем вас брать". Бабушка что делает, она бросила все, бросила имущество, дом. Она уехала туда. Дом потом забрал колхоз. Она приехала в лагерь на вольное поселение, где находился дед. Раз она сама пришла, их на поселении и оставили", — вспоминает Павел Мерецкий.

В августе 1937 года все республиканские органы НКВД получили приказ из Москвы под №00485 о фашистской, повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР. Управлениям НКВД поручалось провести в трехмесячный срок широкомасштабную акцию, направленную на ликвидацию шпионов и диверсантов. Началась так называемая "Польская операция". Все, кто по национальности был поляком или имел связи с Польшей, попадал под подозрение. Многие впоследствии были репрессированы.

Ночью 17 декабря 1937 года в Орше пришли арестовывать работника кирпичного завода №38 Вовжинца Радишевского. В третий раз. Его этапировали в тюрьму Витебска. Следствие прошло быстро. Кро-

ме прежних обвинений — дезертирство, контрабанда, нелегальный переход границы, бандитизм — добавились новые.

Из обвинительного заключения: "… по заданию польской разведки осел на жительство в БССР для проведения диверсионно-повстанческой работы в пользу Польши. Передавал в польскую разведку шпионские сведения о погранвойсках, в 1935 году передал польскому консулу в Минске шпионские сведения о численном составе и вооружении частей в городе Орше и об Оршанском железнодорожном узле". Также в документах НКВД указывалось, что Радишевский "до 1927 г. неоднократно ходил нелегально в Польшу и передавал польской разведке сведения о пограничных войсках 14-го и 13-го советских пограничных отрядов и воинских частях Борисовского гарнизона". Кроме того, "сколотил в Ушачском погранрайоне диверсионно-повстанческую группу. Виновным себя не признал. Польский шпион-диверсант".

"Бабушка ходила его проведывать. Если принимались передачи — значит, жив. Принимали портянки и мыло. Когда перестали принимать у бабушки, она поняла, что его нет", — рассказывает внук.

О дальнейшей судьбе Вовжинца Радишевского родственники долго не могли узнать правду. В 1959 году им выдали свидетельство о смерти, что он якобы умер в местах заключения 11 марта 1943 года. В том же 1959-м его супруга Феофилия Радишевская получит справку из Военного трибунала Белорусского военного округа: дело Вовжинца Радишевского пересмотрено, постановление Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 21 января 1938 года отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления. Радишевский В.И. реабилитирован посмертно.

Дочь Вероника Вовжинцевна в начале 1960 годов, слушая передачи Красного Креста на польском языке, слышала, что Радишевский Вовжинец ищет свою семью: жену Радишевскую Феофилию Мартиновну, сына Анатолия и дочь Веронику. Дочь неоднократно делала попытки найти отца. Она верила, что он не погиб в застенках НКВД, а волей судьбы остался жив, но, зная суровую действительность жизни, боялся объявиться, чтобы не причинить им несчастье своим появлением.

Много лет спустя родственники получили документы из архива, что 20 февраля 1938 года Вовжинца Радишевского расстреляли.

Обвинялся в шпионаже и диверсиях

Мательский Антон Иванович — поляк по национальности, родился в 1878 году в деревне Черная Лоза (Лепельский район). Грамотный, происходил из крестьян. "До революции дедушка был мичманом, фельдшером на царском флоте. Прослужил около 20 лет", — вспоминает внучка Татьяна Передня.

После службы Антон Иванович вернулся на родину и привез из Петрограда невесту. При родах третьего ребенка в 1926 году жена умерла. Мательский взял в жены Анелю Васильевну с ребенком. Во втором браке родились еще двое детей. Самый младший — в 1937-м, когда Антону Ивановичу было 59 лет. Всего в семье было шестеро детей. В колхоз Антон Иванович вступать не хотел.

"В 1937-м дедушку забрали. Было столько детей у него, и никого это не волновало. Приехали, забрали. Они жили на хуторе Яприно Ушачского района", — говорит Татьяна Передня.

Внуку Антона Мательского — Виктору Рикуну, двоюродный брат рассказывал, что у деда был школьный друг, который занимал в Башкирии высокий партийный пост. Антон Иванович вел с ним переписку, а друг периодически приезжал в Беларусь на охоту. Во время чисток друга арестовали. "Когда его арестовали, нашли переписку с нашим дедом. Кончилось тем, что и деда забрали", — рассказывает Виктор Рикун.

В 2016 году Виктор Рикун получил из УКГБ по Витебской области архивную справку. В ней говорилось, что "подлинное уголовное дело по его (Антона Мательского) обвинению за 1937-1938 годы не сохранилось: утрачено в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). В указанных материалах имеются выписки из копий отдельных документов за 1938 год, согласно которым Мятельский (Мательский) Антон Иванович… арестован (дата неизвестна) по обвинению в шпионаже, подготовке диверсионных актов (статьи Уголовного кодекса не указаны)".

Антона Ивановича арестовали в 1937 году. 10 января 1938 года Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР признала его виновным в шпионаже в пользу Польши и по статье 68 УК БССР приговорила к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 28 января 1938 года в Орше. В тот день коммунисты убили в Орше минимум 83 человека.

29 сентября 1989 года Военная Прокуратура БВО рассмотрела дело Антона Ивановича и постановила прекратить его по реабилитирующим основаниям. Потомки репрессированного увековечили память своего дедушки и установили на Кобыляцкой горе символический крест с его портретом и данными.

Репрессированные священники[91]

“В качестве священника распространял провокационные слухи”. Расстрел

Беларус Степан Иванович Петровский родился 21 декабря 1867 году в деревне Михалиново Горецкого уезда. Происхождение определило весь дальнейший жизненный путь Степана Ивановича. Он родился в семье священника и всю жизнь посвятил служению Богу.

В 1881 году 14-летним подростком Степан Петровский поступил в Оршанское уездное духовное училище. Спустя четыре года — он уже певчий в церковном хоре в Рождество-Богородичном мужском монастыре в местечке Белыничи Оршанского уезда.

Шесть лет с 1889 по 1893 годы Петровский в армии — служил царю и Отечеству. Затем снова вернулся на службу Господу и поступил псаломщиком в Покровскую церковь в селе Межево Оршанского уезда. В этом звании клирик прослужит без малого 27 лет вплоть до 1924 года.

В его обязанности входило чтение богослужебных книг, пение на клиросе, участие в церковных службах, сопровождение священника при посещении прихожан для исполнения духовных треб и все письмоводство по церкви и приходу. Также он вел метрические и обыскные книги для записи венчанных браков, исповедные росписи, клировые ведомости с подробным обозначением всех данных относительно храма, занимался хозяйственными делами. По сути исполнял обязанности старосты храма.

В 1924 года Степан Петровский рукоположен в сан диакона и пере-

91В списке репрессированных по Орше и Оршанскому району — 41 служитель различных конфессий. В основном православные священники, а также ксендз и раввин. Подавляющее большинство расстреляны. По версии краеведов, которая базируется на записанных воспоминаниях свидетелей, служителей церкви расстреливали недалеко от Орши в лесу по Могилевскому шоссе.

веден в село Михеевка Дубровенского района. Здесь он уже самостоятельно крестил, венчал и отпевал на дому.

1929 год глава советского правительства Иосиф Сталин назвал годом “великого перелома”. В этом году руководство СССР отказалось от политики НЭПа и не только взяло курс на форсированную коллективизацию и индустриализацию, но и объявило беспощадную борьбу с религией. Ряд священников арестован. Среди них и Степан Петровский. Дубровенский народный суд обвинил его в неуплате подоходного налога. К сожалению, данных о приговоре не сохранилось.

Спустя 6 лет, в 1935 году, Степана Петровского произвели в священники, он служил в церкви деревни Хоминка Гомельского уезда (ныне Лоевский район). Когда власти закрыли Хоминкскую церковь, батюшка вернулся в Михеевку, ставшую за столько лет родной. В июле 1937-го секретный оперативный приказ Наркома внутренних дел СССР Николая Ежова №00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов” дает старт Большому террору в стране. Священники как наиболее активные антисоветские элементы и враги советской власти подлежат арестам, ссылкам или уничтожению. В списках врагов и отец Степан. 23 сентября 1937 года сотрудники Дубровенского РО НКВД арестовали его и бросили в застенки оршанской тюрьмы.

Следствие длилось недолго. Уже 28 сентября Особая “тройка” НКВД БССР определила: Степан Петровский ведет “антисоветскую агитацию, распространяет провокационные слухи и высказывает террористические намерения против вождей”. “Тройка” приговорила священника к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. 12 октября 1937 года Степана Петровского расстреляли (по некоторым данным, в Полоцке или в Орше — точных данных нет). Прокуратура Витебской области реабилитировала Степана Петровского только в 1989 году.

Расстрелян за организацию молебна на кладбище

Алексей Филиппович Васильев родился в 1870 году в селе Шилово Оршанского уезда. Его родители, безземельные крестьяне, были слепыми, этот недуг передался по наследству сыну.

В Оршанском духовном училище Алексей Васильев получил профессию учителя и преподавал в школах и народных училищах. До 1896 года работал учителем в деревнях Одрин и Любавичи. Затем учительствовал в селе Веремейки. С 1897 года преподавал в народном училище в Горках, а в местном еврейском училище обучал русскому языку. Вскоре судьбе забросила его в народное училище в местечке Чеботовичи Гомельского уезда. Затем на протяжении года Алексей Филиппович преподавал в 5-м Могилевском городском приходском двухклассном училище и одновременно в частном еврейском училище.

С мая 1905 года по рекомендации священника Высочанской Свято-Духовской церкви отца Михаила Свидерского Алексей Васильев рукоположен в сан диакона и назначен псаломщиком в местную церковь. Но вскоре сменил место жительства. Около года служил псаломщиком в Мужичковской церкви. А 13 ноября 1907 года рукоположен в сан священника и назначен в Новобельскую Успенскую церковь, где прослужил до августа 1929 года.

Приход церкви был невелик, но Васильев служил исправно. Старожилы вспоминали: отец Алексий был высокого роста, статный, очень грамотный. В округе все его уважали. Его супруга, матушка Ефимья, была низенькой и полненькой. В семье родилось 16 детей, но выжили только восемь. Жили в достатке. Трудились все, работников не держали. Жили за церковью, ближе к лесу. До сих пор это место называют Поповщиной.

Батюшка Алексей Васильев старался дать детям образование. Сын Павел учился в духовной семинарии. Жизнь шла размеренно, по накатанной. Пока все не перечеркнул 1917 год. На церковь начались гонения. Сначала вывезли в местный сельский исполком церковные книги и записи, следом изъяли все церковные ценности из серебра. У самого священника отобрали землю.

В 1925 году отца Алексия впервые арестовали. Следствие длилось пять недель, но закончилось освобождением. Батюшка вернулся на службу.

В августе 1929-го на престольный праздник Новобелицкой Успенской церкви — Успение — на службу у храма собрались прихожане — около двух тысяч человек. Едва литургия закончилась, загремел оркестр: это местный сельсовет и партийная ячейка организовали антирелигиозный митинг. Но звонарь ударил в колокол, и начался праздничный крестный ход. Звон колоколов заглушил речи борцов с религиозным культом. Митинг был сорван.

Спустя месяц отца Алексия арестовали и обвинили в срыве мероприятий советской власти в деревне, распространении слухов о войне, запугивании населения, организации нелегальных кулацких собраний. Пока шло разбирательство, батюшка почти полгода сидел в тюрьме. 20 января 1930 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ огласило Алексею Васильеву приговор — пять лет ссылки. Его отправили в концлагерь в Архангельскую область, в город Котлас в лагерь ОГПУ УСЕВЛОН.

Весной 1930 года на Лиозненщине, как и по всей стране, начали закрывать православные церкви. Успенскую церковь тоже решили закрыть, но возмущенные прихожане из Новой Бели, Яськовщины, Суток, Рубежницы, Мальково толпой примерно в 350 человек ворвались в здание сельсовета и потребовали ключи от церкви. Но хитрый председатель сельсовета увернулся. Он заверил, что решит вопрос по-мирному. Люди поверили безбожной советской власти и разошлись. Вскоре Новобелицкую церковь закрыли.

Из ссылки в деревню Яськовщина вместе с женой батюшка вернулся в 1934 году. Вернулся почти слепым. Чета поселилась в бане в усадьбе сына. Они практически нищенствовали.

В мае 1937-го на Радоницу Васильев провел заупокойную службу на Рубежницком кладбище. В тот день почтить память усопших предков на кладбище пришло большое количество колхозников. А 17 июля последовал новый арест. Лиозненский РО НКВД бросил престарелого, 67-летнего священника в Витебскую тюрьму. 9 августа 1937 года “тройка” НКВД БССР обвинила отца Алексия в систематическом проведении контрреволюционной церковнической агитации, организации моления на кладбище и приговорила к расстрелу. Привогор был приведен в исполнение 22 августа 1937 года.

После расстрела священника церковь приказали разрушить. Люди,

которых сселяли с окрестных хуторов в Яськовщину, растаскивали первосортный кирпич храма на свои дома.

Реабилитировали священника дважды. Сначала 10 февраля 1960 года решение о реабилитации принял президиум Витебского областного суда, а спустя почти 30 лет — 28 августа 1989 года — решение о реабилитации по второму приговору приняла прокуратура Витебской области. Комиссия по канонизации святых Белорусской православной церкви рассматривает вопрос о канонизации Алексея Васильева.

Дважды репрессированный священник

Михаил Андроникович Молочинский родился в 1866 году в местечке Копысь Оршанского уезда в семье псаломщика. В 1881-1885 годах учился в Оршанском духовном училище, а затем 6 лет — в Могилевской духовной семинарии. После окончания семинарии в 1891 году стал псаломщиком в церкви Святого Михаила Архангела в деревне Куликово Мстиславльского уезда. В 1894 году рукоположен в священники. С этого момента отец Михаил служил в селе Головичи Чаусского уезда. В октябре 1905 года его назначили настоятелем Крапивенской Александро-Невской церкви, где он одновременно являлся учителем церковно-приходской школы вплоть до 1930 года.

Здесь об отце Михаиле вспоминали, что он был аккуратным во всех делах, очень строгим и требовательным к себе и другим. До сегодняшнего дня сохранилось выражение на всякие непорядки: “Нет на вас того Молочинского”. Настоятелем церкви в Крапивно батюшка Михаил прослужил 25 лет. В октябре 1930 года епископ Могилевский Феодосий назначил Молочинского в оршанскую Ильинскую церковь. Но прослужил он там недолго.

3 апреля 1932 года ОГПУ арестовал 65-летнего отца Михаила и бросил в оршанскую тюрьму. 9 августа “тройка” при ПП ОГПУ по БССР обвинила его в контрреволюционной деятельности и приговорила к высылке на 3 года в Архангельскую область. Из ссылки священник вернулся в 1935 году, поселился в Витебске.

21 сентября 1937 года, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы, Витебский горотдел НКВД снова арестовал отца Михаила и бросил в застенки витебской тюрьмы. Через неделю, 28 сентября, особая “тройка” при УНКВД БССР обвинила священника в “подго-

товке контрреволюционных повстанческих кадров для свержения советской власти на случай военных действий с фашистскими государствами" и приговорила к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в Витебске 7 октября 1937 года. Его расстреляли вместе с 40 священнослужителями. Место его захоронения неизвестно. Ему был 71 год.

28 июля 1956 года постановлением президиума Витебского облсуда священник был оправдан по делу 1937 года, а 9 февраля 1959 года коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР признала его невиновным и по делу 1932 года.

За активное участие в церковной жизни Сенненского района — расстрел

Беларус Георгий Матвеевич Цивинский родился 22 апреля 1870 года в деревне Бондарево Сенненского уезда в семье крестьянина. Был священником. Проживал в деревне Копцы Сенненского района. Впервые его репрессировали в 1929 году. Тогда его приговорили к высылке.

Повторно Георгия Матвеевича арестовали в 1935 году и осудили на 2 года лишения свободы. Предварительно, свой срок Цивинский отбывал в витебской тюрьме. 20 сентября 1937 года Сенненский районный отдел НКВД снова арестовал Георгия Цивинского. Его обвинили в "участии в антисоветской контрреволюционной группировке церковников на территории Сенненского района и антисоветской деятельности с использованием религиозных предрассудков" и поместили в оршанскую тюрьму. Семь дней спустя, 27 сентября, особая "тройка" при НКВД БССР признала Цивинского виновным по статьям 72, 76 Уголовного кодекса БССР и приговорила к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение 12 октября 1937 года в Орше. Прокуратура Витебской области реабилитировала Георгия Матвеевича 12 апреля 1989 года.

Священника расстреляли в Орше. Жену на 10 лет отправили в лагеря

Беларус Семен Авксентьевич Юровский родился в 1881 году в деревне Латыголь Сенненского уезда в крестьянской семье. Его жизнь сложилась необычным образом. В 1913–1914 годах Семен Юровский служил городовым в Сенненском полицейском управлении.

Сведений о его дальнейшем пути немного. В 1935 году Семен Авксентьевич стал членом приходского совета и служил в Покровской церкви в Сенно. В миру Семен Юровский — колхозник, работал в колхозе "Новы шлях". Но в своем доме регулярно проводил религиозные собрания. В 1936 году Юровский даже собирал подписи за возобновление работы закрытых большевиками церквей в родной деревне Латыголь и деревне Овсище. Через год этот факт ляжет в основу его обвинения.

Семена Авксентьевича арестовали в деревне Латыголь 29 апреля 1937 года. При обыске изъяли Евангелие, богослужебные и святоотеческие книги, наставления в вере, подрясник.

Почти пять месяцев за решеткой. Наконец, 15 сентября Особая "тройка" при НКВД БССР признает, что Юровский, "будучи церковником, систематически проводил контрреволюционную агитацию среди населения, используя религиозные предрассудки собирал подписи населения для открытия церкви". Приговор — и расстрел. 1 октября 1937 года священника расстреляли в Орше. 12 июля 1957 года Президиум Витебского областного суда признал приговор необоснованным и реабилитировал Семена Юровского посмертно.

А 6 сентября 1937 года Сенненский райотдел НКВД арестовал супругу священника — Юровскую Ефросинью Леоновну. Ее обвинили в участии в антисоветской группировке церковников. 15 сентября — приговор "тройки": 10 лет лагерей. Реабилитировал Ефросинью Леоновну Витебский областной суд 12 июля 1958 года.

Совершал требы, собирал серебряные монеты и писал жалобы для односельчан. Расстрелять

Василий Прохорович Прохоров родился 26 января 1882 года в деревне Терехи Горецкого уезда. Экстерном закончил духовную семинарию и в 1905 году был рукоположен в сан священника. С этого момента до 1931 года служил в церкви в местечке Баево Дубровенского района. Проживал в деревне Ермаки.

В 1931 году народный суд Леднянского района признал Прохорова виновным в "сборе серебряной монеты советской чеканки" и приговорил к 1,5 года лишения свободы. В 1935 году Василий Прохорович вернулся из заключения и поселился в деревне Ленино, где служил в местной церкви. После закрытия храма в 1937 году священник продолжил совершать требы на дому. Средства для жизни Василий Прохоров добывал написанием жалоб и заявлений для односельчан.

18 сентября 1937 года сотрудники Горецкого райотдела НКВД повторно арестовали Прохорова. Его отправили в оршанскую тюрьму. Следствия как такового не было, поскольку уже 28 сентября особая "тройка" НКВД БССР обвинила его в антисоветской агитации, клевете на советскую власть и террористических намерениях против руководителей партии и правительства. Вероятно, припомнили Василию Прохоровичу и его жалобы на советских чиновников и бюрократов. Особая "тройка" приговорила его к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Расстреляли Прохорова 13 октября 1937 года в Орше. В этот же день были расстреляны еще минимум 40 человек. Василия Прохорова реабилитировала прокуратура Могилевской области только 5 октября 1989 года.

Установлена судьба расстрелянного в Орше ксендза

Общественной инициативе "Кобыляки. Расстреляны в Орше" удалось установить судьбу ксендза Адольфа Кашица (Кащица), расстрелянного коммунистическим режимом в период Большого террора.

Известно, что Адольф Каэтанович служил в Украине, несколько раз его арестовывал ОГПУ-НКВД, какое-то время после ссылки он служил в Орше. Был расстрелян, но долго никто точно не знал, где именно. Наконец, этот пробел удалось восполнить.

Кашиц Адольф Каэтанович, поляк по национальности, родился в 1888 году в деревне Козяны Виленской губернии недалеко от Ошмян.

Окончил Житомирскую духовную семинарию и в 1914 году был рукоположен. С 1917 года Кашиц был администратором прихода в поселке Клевань в деканате Ровно, а с 1920 года служил в поселке Ружин Сквирского деканата, что в Украине.

Во время тотального гонения со стороны большевиков на духовенство и церковь ксендза Адольфа неоднократно арестовывали. Впервые его взяли в 1927 году в селе Белогродка деканата Изяслав. Коммунистические власти обвинили ксендза в “расточительстве общественного имущества и денег” общины, давшей ему работу, и приговорили к 3 месяцам принудительных работ.

В 1931 году священник вновь арестован и брошен за решетку бердичевской тюрьмы. На сей раз его обвинили в “проведении систематической контрреволюционной агитации против социалистической власти среди граждан польской национальности”, а также в том, что “используя религиозные чувства, готовился к переходу границы”.

Следственное дело №202 Адольфа Кашица рассматривал некий Суханов, уполномоченный Ямпольского пограничного подразделения. Об аресте священника сообщалось примасу Польши в письме МИД 9.03.1932 года. В “обвинительном заключении” следствием было предложено “дело ксендза Кашица направить на рассмотрение “тройки” при ГПУ УССР с предложением применить специальную меру — поместить в ИТЛ сроком на восемь лет”. В начале 1932 года ксендз был заочно приговорен Коллегией ГПУ СССР в Бердичеве к 8 годам лагерей. Из сохранившегося письма от 13.12.1935 года можно предположить, что ксендз был выслан в Ворошиловск на Северный Кавказ.

В 1936 году Кашиц оказался в Орше, причем, в довольно бедственном положении. 22 августа 1936 года ксендз обратился в отделение Польского Красного креста в Москве с просьбой о пересылке материалов на пальто и костюм: “Имею честь сообщить, что в настоящее время мое место пребывания — г. Орша БССР. В связи с тем, что у меня нет определенного занятия, прошу о выделении мне материальной помощи. В связи с отсутствием какой-либо верхней одежды, особенно остро буду нуждаться в ней с приходом зимы, хотел бы получить от вас материал на пальто и костюм”. Видимо, в это время он еще не служил ксендзом в оршанском костеле.

17 декабря 1936 года он сообщает, что получил на свое имя 150 рублей, и в связи с тем, что не испытывает недостатка в последнее вре-

мя, просит впредь помощь не высылать. Вероятно, в этот период он снова вернулся к службе в костеле. Сохранилось еще одно письмо от 7 апреля 1937 года, в котором Кашиц сообщает в представительство Польского Красного креста в Москве о получении очередных 100 рублей, за что благодарит и просит о дальнейшей помощи[92].

В Орше священник проживал по улице Кирова, 25.

Предполагали, что священника расстреляли в Орше. Благодаря базе "Мемориала" это подтвердилось. Действительно, 26 сентября 1937 года, в пик сталинского террора, священнослужитель был арестован НКВД. 22 октября Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР обвинила Кашица в сотрудничестве с польскими разведорганами и приговорила к расстрелу. В коммунистических застенках священник провел 113 дней. Приговор был приведен в исполнение 17 января 1938 года. Дело Кашица находится в УКГБ Витебской области.

92 „Bez sądu, świadków i prawa..." Listy z więzień, łagrów i zesłania do Delegatury PCK w Moskwie 1924-1937. Pod redakcją Romana Dzwonkowskiego SAC.

Документы свидетельствуют
Наперекор кулакам

Письмо крестьянина дер. Кобылка Оршанского округа Белорусской ССР В.К.Макаева в “Крестьянскую газету”
14 января 1929 г.

Прежде бедноте Ростновского сельсовета Ляднянского района жилось плохо благодаря ее неорганизованности и боязни их к кулакам. Кулаки держали бедноту в руках не только из-за куска хлеба, то также и машиной. Машина, как сортировка, молотилка и окучилка, такая вещь, что без них не обойтись в хозяйстве. Каждый раз нужно было идти к кулаку и просить у него машину, и лишь бы только дал, а о плате и не приходится говорить. Драл он с бедняка, сколько хотел.

Так тянулось до начала 1928 г. В начале весны агроном приехал в сельсовет и провел беседу среди крестьян о пользе машины в хозяйстве и машинного товарищества. После беседы бедняки все согласились организовать машинное товарищество “Культура”. В товарищество сейчас же вступило 30 крестьян-бедняков. Первым долгом товариществом куплены: молотилка, веялка, окучник, пружинная борона. Ляднянское с/х товарищество дало кредит на три года.

С начала организации машинного товарищества в дер. Ростнове кулаки откликнулись неловко и повели было агитацию, но благодаря организованности бедноты сделать ничего не могли. Они всеми силами старались, чтобы оно распалось, где бы можно было посмеяться над беднотой. Сплоченностью беднота дала отпор. Осенью этого года уже никто не обращался к кулакам, а даже и середняки шли в товарищество и брали разные машины за небольшую цену.

ЦГАНХ СССР, ф. 396, оп. 7, д. 3, л. 1—Iоб. Подлинник.

Антисоветская записка, обнаруженная органами ГПУ в деревне Хомяничи Оршанского района
18 декабря 1932 г.

Преследовать неправду

Что такое советская власть и разница между ею и царской властью. Советская власть — власть обмана, грабежа и тюрем. После революции и во время таковой трудовой класс добивался правды, свободы и воли, но он ничего не добился, ибо власть захватил тот, кто ее держал, тот, кто держал рабочих и крестьян в неволе. Издевательства и обман держатся и теперь, даже еще крепче, только не в таком виде. Заключается он в том, что чтобы не восстали рабочие и крестьяне, они, те, кто держит в своих хищнических руках власть, говорят: теперь власть рабочих и крестьян, но делается и ухудшается быт помимо воли нас, крестьян, а также и рабочих. Когда может кто поверить нашему объяснению, то мы подадим самые яркие и приятные примеры. Подумайте, граждане, по чьей вине грабят крестьян, почему мы платим большие и непосильные налоги, хлеб и другие. Нам говорят, что хлеб идет рабочим, подумайте, намного ли человек теперешнее население превысило довоенный уровень. Тогда же не оставляли людей без куска хлеба, а мы читаем, что теперь увеличивается урожайность на 40%. Но у крестьян отбирают хлеб, и рабочих не накормят. Где же девается хлеб наш? На этот вопрос можем ответить только мы, сгруппированные в крепкое революционное ядро. Хлеб этот пожирают наши крестьянские враги-кровоглоты. Они строят нам тюрьмы, ссылки и непролазные пропасти. Но рано или поздно лопнет обман и будет господствовать правда. В деревне много есть таких людей, которые сочувствуют власти, но придет время, когда они выставят штык кому нужно.

Какая же должна быть власть? Тогда, когда все поймут, что советская власть — это власть обмана, которая в деревне и городе создала два вражеских лагеря, первый лагерь — бедняки-колхозники и другой — кулаки.

Рассмотрим, во-первых, для чего создаются колхозы. Советская власть и коммунистическая партия глотают крестьянскую и рабочую кровь. Но покуда крестьяне будут жить по отдельности, не так удобно будет их эксплуатировать, и значит все будет ничье, никому не будет жалко, будут пить нашу кровь с общего ковша, не будет возражений со стороны колхозников. Но так не будет, будет такая жизнь, а значит будет такая власть, когда рабочий класс расцветет, а власть обмана пропадет.

Власть должна быть народная.

Сейчас господствует власть обмана и безжалостной эксплуатации. Мы все должны восстать против этой власти. Мы, безусловно, сбросим эту власть, ибо хоть и не все поняли, какие она цепи нам ковала, но с течением времени все познают ее хитрые номера, и тогда загорится революционный пожар.

Власть эта не будет. Какая же после этого власть будет? Власть будет народная, будет делаться то, что нужно и что полезно. Тогда не будет обмана и эксплуатации человека, будет власть, не похожая на царскую и советскую.Товарищи! Организуйтесь в революционные группы. Скоро советской власти конец.Председатель РЕВ-ГРА Гусаков

НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 6233, л. 427-428. Копія.

Копия листовки была переслана секретарем Оршанского РК КП(б)Б Чернышевым в ЦК КП(б)Б, М.Гикало, с сопроводительной запиской:

Сов. секретно. Серия "К". При сем препровождается копия контрреволюционной листовки (написанная от руки), вывешенная 18.12.1932 и обнаруженная органами ГПУ в дер. Хомяничи, состоящей из 160-ти дворов, из коих 130 в колхозе, Рудковского с/с Оршанского района. Предварительным следствием установлено, что данная листовка завезена в дер. Хомяничи сыном высланного кулака[93], бывш. учителем Летучим Максимом, а переписывалась его братом — Летучим Сергеем — учеником семигодки.

НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 6233, л. 426.

93 Вероятно, речь про Летучего Давыда Прокофьевича. В 1931 г. осужден на 5 лет ИТЛ, расстрелян в Орше в 1934 г. По неполным данным, в деревне Хомяничи Оршанского (теперь Горецкого) района репрессировано 17 человек, 7 из них расстреляны в Орше. Вот имена некоторых их них: Буласов Кирилл Леонович (1901) расстрелян в Орше в 1937 г., Буласов Павел Леонович (1892) в 1937 г. - 10 лет ИТЛ, Вычев Ион Федорович (1900) в 1933 г. — ВМН, Гузова Феодосия Леонтьевна (1906) в 1935 г. — 5 лет ИТЛ, Коржуев Игнат Савельевич (1871) расстрелян в Орше в 1937 г., Морозов Мартьян Андреевич (1873) в 1931 г. — 5 лет ИТЛ, Пишков Филипп Герасимович (1903) в 1933 г. — ВМН, Сосунов Авдей Ефремович (1881) в 1932 г. —3 года высылки, расстрелян 13.10.1937 г., Уродо Иван Авдеевич (1862) арестован и освобожден в 1932 г., Урода Иван Андреевич (1867) расстрелян в Орше в 1937 г., Уродо Харитон Иванович (1907) в 1933 г. — ВМН. В 2018 г. на Кобыляцкой горе появился памятник с именами 5 расстрелянных жителей деревни.

Докладная записка уполномоченного комитета Комарова ЦК и ЦК КП(б)Б о саботировании выполнения заготовок партячейкой Оршанского района

29 декабря 1932 г.

Срочно / Сов. Секретно

Позорное отставание в заготовках Оршанского района (на 15.XII — 36-ое место по хлебозаготовкам среди районов БССР, на 23.XII — 38-ое; на 25.XII — 42-ое, на 27. XII — 54-ое) есть прямой результат право-оппортунистической линии в практике руководства Оршанского РК КП(б)Б, состоящей в примиренчестве и гнилом либерализме к правому оппортунизму в работе отдельных районных и сельских организаций и уполномоченных РК.

РК партии и РайКК не умеют вовремя и в корне пресекать попытки оппортунистов повлиять на успешное выполнение планов заготовок.

ФАКТ ПЕРВЫЙ: Неоднократные сигналы о размагниченности судебных органов в нажиме на кулака, об ориентировании Райпрокуратурой судебных работников на то, что основной их задачей в селах является недопущение перегибов в работе сельсоветов и уполномоченных по заготовкам, приведшее к слабой борьбе выездных сессий суда с кулацким саботажем хлебозаготовок. Эти сигналы заставили Бюро РК партии пойти только на факт, указанный мною в первом письме (поручили тов. Чернушеву, не записывая в протокол, вызвать прокурора Палея и “переговорить с ним”).

И только после указаний ЦК КП(б)Б, после недопустимого выступления тов. Палея на активе Рутковского с/с со своими установками об “основной задаче”, Бюро РК партии поручило РайКК рассмотреть деятельность Палея. О решении РКК никто не знает, а оно гласит: снять тов. Палея с работы, вопрос же о его партийности решить после расследования некоторых фактов.

ФАКТ ВТОРОЙ: Несмотря на явную право-оппортунистическую деятельность пред. Райколхозсоюза тов. Романова и зам. культпропа РК партии тов. Барейко, принимавших жалобы колхозов о неурожае и нереальности планов заготовок и обещавших колхозам пересмотреть их планы заготовок в районе, несмотря на указания ЦК КП(б)Б, — РК партии никаких мер до сих пор в отношении Романова и Барейко не принял. Сейчас выясняется, что Романов не только давал такие обещания в целом ряде с/с (Молотнянский, Пугляевский), но и пробовал

поднимать вопрос о пересмотре планов заготовок в колхозах в РК партии и кроме "товарищеского совета" перестать об этом говорить никакого политического отпора не получил.

Колхозы Молотнянского с/с после разъяснения неправильности установок Романова и Барейко план хлебозаготовок выполнили полностью. Колхозы же Пугляевского с/с, по словам тов. Чернушева, продолжают надеяться на выполнение обещаний тов. Романова.

Я предупреждал тов. Чернушева, Хаскина и Суханова 22.12 о необходимости немедленного решительного удара по настроениям, посеянным Романовым и Барейко. Мер не приняли. Указания ЦК КП(б)Б не подействовали. 29.12 Суханова после посещения ею Пуляевского с/с, согласилась со мной, что немного проморгали, что не ударили по Романову и Барейко, и обещала этим делом заняться.

ФАКТ ТРЕТИЙ: Уполномоченный РК партии по Молотнянскому с/с — ответственный инструктор РК КП(б)Б тов. Касьянов — вместе с партячейкой считал планы хлебозаготовок в колхозах нереальными (оставшиеся к 21.12 несданными колхозами 165 центн. хлеба, по его мнению и мнению парт. яч., колхозы не могли сдать, потому что в колхозах хлеба не осталось). Бригада РК ЛКСМБ, прибывшая в с/с, потребовала от РК партии немедленного отзыва Касьянова и предания его парт. суду. Касьянов, выехавший в Оршу, несмотря на мои предупреждения, тов. Чернушева и Хаскина и несмотря на выступления тов. Китаева — предсельсовета, и Яцкевича — секретаря партячейки, на открытом совещании бригады комсомола с сельским активом в защиту действий Касьянова и несогласия Касьянова с политической квалификацией бригадой комсомола его работы в деревне, что все вместе взятое, усугубляло положение на селе и затрудняло работу по выполнению плана заготовок РК и РайКК КП(б)Б, не только не ударили по правому оппортунизму в Молотнянской партячейке, но, не разбирая дело, "товарищески пожурили" Касьянова и направили его обратно для исправления своих ошибок в этот же с/с.

План хлебозаготовок по с/с с помощью бригады комсомола и при противодействии партячейки выполнен. Секретарь партячейки, он же председатель колхоза, саботировал сдачу хлеба и вывозил каждый день понемногу под непрекращающимся нажимом и помощью бригады.

Застопорилось выполнение плана по льну. 27.12, на закрытом собрании партячейки с бригадными коммунистами, секретарь партячейки заявил, что план по льноволокну он по своему колхозу выполнить не может и план по сельсовету нереален и невыполним. Касьянов в своем выступлении поддерживал мнение о нереальности планов по льноволокну в колхозах. Бригада комсомола выгнала т. Касьянова в Оршу и потребовала от РКК КП(б)Б привлечения его и секретаря партячейки к ответственности.

После моего настойчивого требования перед тов. Сухановой (она с начала декабря месяца уполномоченная ЦК и ЦКК КП(б)Б по заготовкам в Орше) поддержать решение бригады, Касьянов был из села отозван и решением РКК с работы в РК партии снят и получил строгий выговор (!). Секретарь же партячейки до сих пор к ответственности не привлечен.

ФАКТ ЧЕТВЕРТЫЙ: Будовский с/с занесен ЦК КП(б)Б и СНК на черную доску. Парт. коллектив Осинторфа (на территории с/с) преступно относился к руководству заготовками.

Член партии Бодьяков, председатель Будовского с/с, совсем разложился, сросся с кулачеством. Дружил с секретарем с/с Мышкалудным, приговоренным сейчас к высшей мере наказания. Будяков укрывал кулаков от твердых заданий, пьянствовал в компании с зажиточными.

В прокуратуре имеется материал о взяточничестве и самоснабжении Бадикова (“Звезда”). Об этих фактах в течение месяца знали РКК (в с/с бывал тов. Хаскин), РК партии и РИК. С 22.12 в Будовском с/с уполномоченным РК партии работал культпроп РК КП(б)Б тов………2, в присутствии которого Будьяков продолжал пьянствовать, не выходить на работу и творить свои темные дела. Будьяков в течение месяца до 28.12 не снимался с работы, потому что “не было подходящей кандидатуры для замены” (заявление Данишевского, секретаря парт. коллегии РКК, и Костюкевича — секретаря РИКа).

ФАКТ ПЯТЫЙ: В деревнях Будовского с/с чрезвычайно сложная обстановка классовой борьбы. Огромная засоренность колхозов кулацким элементом. За сутки я узнал, что Якутенок Андрей, председатель колхоза “Красное Село” — кулак, имевший ранее батраков, живущих сейчас единоличниками в том же селе, где колхоз. Что в этом же колхозе есть другие кулаки. Что в колхозе “Чертки” состоит бывш. жандарм Романовский Михаил. Что в колхозе “Активист” состоит кулак

Слижов Захар. План хлебозаготовок 10-ю колхозами этого с/с выполнен на 28.12. всего на 54%. Новым председателем с/с избрали коммуниста-рабочего, слесаря Осинторфа, не имеющего необходимого опыта работы. РК партии подбором кандидатуры на пред. сельсовета не занимался и целиком поручил это дело коллективу Осинторфа. На мои требования мобилизовать и послать председателем с/с работника РИКа с большим опытом советской работы и необходимости проведения немедленной чистки колхозов тов. Чернушев заявил, что укреплением с/с они думают заняться после окончания кампании заготовок и что не всякий из коммунистов согласится ехать работать пред. сельсоветом потому, что мало платят (80 р. в месяц). Поэтому мои требования о посылке, примерно, работника РИКа не основательны. Чистку колхозов решили проводить.

Факты этим количеством не ограничиваются.

Считаю необходимым: 1) Немедленное принятие со стороны ЦК КП(б)Б репрессивных, организационных мер в отношении РК КП(б)Б, РКК и РИКа, своей право-оппортунистической практикой руководства срывающих выполнение планов заготовок в сроки, установленные партией. 2) Резкого указания тов. Сухановой — уполномоченной ЦК КП(б)Б и ЦКК по заготовкам в Оршанском районе, на недостаточную решительность и медлительность в принятии мер, повышающих политическую боеспособность Оршанской партийной организации. 3) Наложение партийного взыскания на руководство партийного коллектива Осинторфа во главе с секретарем тов. Марголиным, преступно отнесшегося к фактам разложения в руководстве с/с.

Комсомол принятые на себя 21.12 обязательства по выполнению 2-х тогда отстающих с/с планов заготовок хлеба, мяса, льносемян и картофеля выполнил полностью и борется за выполнение плана заготовок льноволокна. Ведя решительную борьбу с оппортунизмом, повышает политическую боеспособность организации и свою роль в заготовках по району. Недочеты на ходу исправляет ЦК ЛКСМБ.

С 25.12 я получил санкцию считать себя уполномоченным по заготовкам в Орше. При наличии уже работающих уполномоченных ЦК КП(б)Б тов. Рачицкого и Сухановой — я выполняю свою обязанность путем принятия решительных мер в тех с/с, деревнях и колхозах, где бываю. 2) Постановки перед РК, РКК, тов. Рачицким и Сухановой вы-

водов, напрашивающихся к осуществлению по практике борьбы за заготовки в районе.

Орша

Пометка: На тройку. Н. Г[олодед].

1 Так в документе: фамилия то Бодьяков, то Будяков, то Бадиков, то Будьяков.

2. Так в документе: фамилия не указана, место пропущено.

НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 6255, л. 23-27.

Док. №7. Докладная записка ПП ОГПУ по БССР о чистке БелГРЭСа от классового чуждого и антисоветского элемента.

1934 г.

Совершенно секретно

В дополнение к ранее посланным Вам материалам о состоянии БелГРЭС, анализируя весь имеющийся в нашем распоряжении материал и факты, полностью подтверждаемые докладными записками нач. технического отделения ЭКО ПП и инженера Карлана, производящих техническое обследование состояния БелГРЭСа, необходимо констатировать, что на БелГРЭСе прочно засели на командных и административно-технических должностях лица, враждебно настроенные против Соввласти, которые своими действиями способствуют и по настоящий день систематическому разрушению энергохозяйства БелГРЭСа, находящегося в настоящее время в катастрофическом состоянии, прикрывая все неполадки и прорывы БелГРЭСа причинами объективного порядка.

На основании вышеизложенного ниже приводится список лиц, подлежащих немедленному удалению из БелГРЭСа, действия которых конкретно выражаются в следующем:

1. Петров Николай Арсеньевич. Инженер технического отдела БелГРЭСа, быв. инженер отдела транспорта Осинторфа, уволенный оттуда за пьянство и развал транспорта. Манкирует своими обязанностями, не выполняя поручаемых ему распоряжений. По убеждению а/с, группирует вокруг себя чуждый нам элемент. В 1918 г. был приговорен Псковской ЧК к расстрелу за а/с агитацию. В 25 г. в Ленинградском ГПУ проходил по разработке по подозрению в Савинковской организации.

2. Лачинов Михаил Владимирович[94]. Зав. котельным хозяйством БелГРЭСа, окончил Военно-Техническое училище, сын священника. В царской армии был в чине поручика. Как инженер заведомо не выполняет своих обязанностей, чем привел к полному разрушению котельное хозяйство БелГРЭСа и является основным виновником всех простоев и прорывов БелГРЭСа. Группирует вокруг себя а/с элемент, устраивая частные выпивки, сопровождаемые а/с разговорами.

3. Катульский Василий Викентьевич[95]. Зав. электрической частью БелГРЭСа, инженер, б. офицер ц/арм., арестованный Одесской Губ. ЧК в 1920 г. и приговоренный в концлагерь. Во время гражданской войны, будучи в Одессе, служил в войсках белых и принимал активное участие в борьбе против красных войск. Делом электростанции не интересовался. Группируется с зав. котельной инж. Лачиновым, проводя политику скрытого саботажа.

4. Севрюк Иван Алексеевич. Дежурный питательного насоса, образование среднее. Во время гражданской войны служил в армии Деникина. До 1929 г. был членом ВКП(б) и исключен. Поддерживает тесную связь с антисоветскими лицами и бывшими людьми. К обязанностям относится явно небрежно.

5. Биркель Александр Александрович[96]. Техник технического отдела БелГРЭСа, из дворян, сын крупного помещика и земского начальника в бывш. Гжатском уезде Смоленской губ., пробывшего в этой должности с 1906 по 1917 г. включительно. За свои отношения к крестьянам в 1918 г. имение Биркилей было последними сожжено дотла. Брат Биркеля[97] — быв. офицер, как к.р. был расстрелян ОГПУ. К работе относится халатно и сознательно запутывает даваемые им по службе сведения.

6. Сенкевич Василий Васильевич. Зав. химлабораторией БелГРЭСа, сын мелкого помещика. Служил добровольцем на Украине в войсках Петлюры, служил в Секретно-оперативной части штаба. Женат на жене б. петлюровского офицера, убитого в боях против красных. Отношение к Соввласти отрицательное, говорит, что “власть душит самостоятельных хозяев”. Брат также петлюровец.

94 Лачинов Михаил Владимирович осужден 4.08.1932 г. на 5 лет ИТЛ.
95 Катульский Василий Викентьевич осужден в 1932 г. на 10 лет ИТЛ.
96 Биркель Александр Александрович осужден 4.08.1932 г.
97 Биркель Федор Александрович расстрелян в 1925 г.

7. Ларионов Константин Федорович[98]. Бухгалтер БелГРЭСа, сын кулака, бывш. штабс-капитан царской армии. Во время гражданской войны активно участвовал против красных в войсках белых, антисоветский тип, группируется с а/с элементом (Биркель, Лачинов и др.). По службе лодырь, бухгалтерию запустил на 5 месяцев, рвач.

8. Машихин Иван Михайлович. Завхоз "Белэнерго", бывш. помещик, дворянин, офицер царской армии, одно время лишенец, до 1928 г. арендовал мельницу и сыроварню. Руководитель восстания против Соввласти (Тяпеловского). Скрывался от Соввласти на Украине, устроившись завед. имения помещика Бубнова. Личность антисоветская, замечен в злоупотреблениях, за что был снят с работы на БелГРЭСе, после чего принят на работу в "Белэнерго".

9. Кофман Моисей Маркович. Зав. отделом снабжения БелГРЭСа. Шкурник, рвач, работу отдела не наладил. Не имеет точных данных о наличии и потребностях материалов, сырья, оборудования и проч. Сведения дает с потолка, чем способствует прорывам в снабжении необходимым сырьем и топливом. Нисколько не гарантирует в будущем исправления в работе.

10. Эпштейн Бася Наумовна. Счетовод БелГРЭСа, дочь крупного лесопромышленника. Устроилась на работу по протекции. Работы не знает. Группирует вокруг себя антисоветские элементы, устраивая пьянки, сопровождаемые а/с разговорами.

11. Рыбаков Павел Семенович. Ст. электромеханик Осинторфа, сын кулака. Замечен во вредительстве на работах сезона 1930 г.; умышленно не принимал мер к ремонту электропроводок к агрегатам на торфоразработках, что вызывало перебои в работе, простои машин, перерывы в погрузке торфа. Это им делалось из корыстных целей.

12. Лобан Петр Филиппович. Бухгалтер Осинторфа. Окончил Виленское духовное училище. Судим в 1927 г. за к.-р. и вредительство, за что высылался на 3 года. Развалил бухгалтерию, запутал отчетность, распоряжений администрации не выполняет, от назначения вр. бухгалтером отказался, боясь личной ликвидации запущенности по бухгалтерии, а/с настроен, группируется с бывш. людьми и а/с элементом.

13. Масалкова Елизавета Констан. Бухгалтер Осинторфа, бывш.

98 Ларионов Константин Федорович осужден 4.08.1932 г. на 3 года ИТЛ.

помещица, дочь почетного гражданина, имела связь с бывш. помещицей Богушевской, удравшей за границу, после чего заведовала ее имением, явная бюрократка. С рабочими держит себя вызывающе, антисоветски настроена и ведет агитацию против мероприятий Соввласти, в частности против займов и сберкасс, что имело результаты за время ее работы на заводе “Спартак” в Орше. Говорит, что Соввласть душит рабочих и крестьян, а кооперация снабжает только комиссаров.

14. Соколов Георгий Иванович. Диспетчер депо ж.д.ветки Осинторфа, сын дьякона. В 1922 г. во время службы в Орше участвовал в шайке по расхищению грузов с вагонов, за что был судим и приговорен на 5 лет со строгой изоляцией. В 1926 г. снова был судим за халатность, приведшую к крушению на жел. дороге. Антисоветский элемент, к работе относится халатно.

Наряду с этим ПП ОГПУ по БССР располагает данными, свидетельствующими о том, что некоторые члены партии не только не принимали мер к устранению прорывов на БелГРЭСе, но своими действиями явно способствовали ухудшению положения на БелГРЭСе, в частности:

Дутлов Михаил Спиридонович. Инженер, начальник управления сетей “Белэнерго”, сын бывш. полицейского, родители коего до 1930 г. были лишены прав. В момент необходимости замещения на время должности директора БелГРЭСа категорически отказывался от принятия последней, а затем, приняв, относился к обязанностям формально. За месячный срок своего пребывания окончательно разложил техническо-админист. состав БелГРЭСа и по настоящее время распространяет мысль, что БелГРЭСу нужны три условия для нормальной ее работы, это – “нефть, нефть и еще раз нефть”. Практические предложения, рационализирующие сжигание комбинированного топлива, считает мероприятием, которое поможет БелГРЭСу как мертвому клизма. Тип исключительно хитрый, прекрасно владеющий даром слова и этим ведущий за собой более отсталую часть состава БелГРЭСа и “Белэнерго”.

Приложение: Докладная записка нач. техн. отделения ПП и акт обследования.

Полномочный представитель ОГПУ по БССР Матсон.
НАРБ Ф.4-п, оп. 1, д. 6296, л. 4-7. Копия.

Донос: Оршу посетили рабочие французы-фашисты

28 мая 1935 г. СЕРИЯ "К".

Лично тов. Клейнбергу

Доношу, что 26 мая 1935 года проездом из Ленинграда в Негорелое в г.Орша останавливалась французская рабочая делегация, в количественном составе 45 человек. Районными организациями для этой делегации устраивался ужин, причем после ужина, как нами установлено, 2 делегата из числа этой группы посетили квартиру Председателя Райисполкома т.Митькова, на квартире какового пробыли около часу.

По имеющимся у нас сведениям от представителя Москвы, сопровождавшего эту делегацию, двое указанных делегатов являются фашистами.

Начальник Оршанского РО НКВД Рассказов.
НАРБ Ф. 4-п, оп. 1, спр. 9052, л. 41. Копия.

Ліст А.Чарвякову ад вучняў Бабінічскай няпоўнай сярэдняй школы

1935 г.

З прыветам к Вам. Мы на злёце калгасніц-ударніц з Вамі гаварылі, мы Вам расказалі аб нашай рабоце. А зараз мы вам раскажам аб сёлетняй рабоце, аб нашай вучобе. Наша школа не ідзе передавой па ўсяму раёну, бо ў нас ёсць яшчэ недастаткі.

Вучоба ў нас добрая, мала адстаючых, і мы, лепшыя ўдарнікі іх падцягваем і думаем, каб усе вучні перайшлі ў другія класы. Дысцыпліна ў нас не зусім добрая, бо ў нас меліся хуліганы, якія білі лепшых ударнікаў, але лепшыя ўдарнікі разам з кіраўніцтвам школы змагаліся з хуліганамі, змагаюцца і цяпер. Хуліганаў у нас цяпер няма, гэта было толькі пры старым дырэктары Лыскову, які нашу школу адцягнуў назад.

Наш стары дырэктар быў Лыскоў, якога мы назвалі не дырэктарам, а машэннікам, лодырам, спекулянтам, п'яніцам, які прапіў 700 руб. школьных грошай, паддзелаў дакументы на 400 руб., дроў ужэ не было, школу трэба было закрываць, пагнаіў школьную бульбу. Усё ён рабіў гэта хітра.

Камсамольцу, лепшаму ўдарніку — настаўніку, удалося раскрыць усе яго хуліганскія машэнніцкія прадзелкі. І разам з піонерскай ар-

ганізацыяй, разам з важатым Царыкам, разам з актывістамі напісалі пра яго ў раённыя газеты, расказвалі вучням. Дырэктарам зрабілі таго камсамольца, які яго выкрыў, паставілі Крывіцу. Цяпер наша школа сталаісці ў перадавыя. Многа ёсць у нас карыснага.

Газета выпушчаецца ў нас рэгулярна. Класныя газеты выпушчаюцца раз у пяцідзёнку, школьныя — раз у 7-міднеўку. Самакіраванне пераабралі, выбралі лепшых ударнікаў, якія сапраўды выведуць школу ў перадавыя.

Мы сёлета яшчэ наладжвалі работу шэфства над маладняком. Многа выкрылі недахопаў. Узялі шэфства над калгаснай газэтай і бібліотэкай. Дапамагаем выпускаць газету. Падрыхтоўку к вясне распачалі. Праверылі ў калгасе сельскагаспадарчы інвентар, усхожасць насення, попел збіраецца. Школа к вясне падрыхтавана. Мы сёлета арганізуем яшчэ лепш працу з дазорамі, будзем даглядаць калгасную маёмасць як свае “адзінае вока”.

У школе разгорнута індывідуальнае соцспаборніцтва, школа са школай, вучань з вучнем, клас з класам, соцспаборніцтва ў нас праваяраецца, але па некаторых пунктах не выконваецца.

Мы, вучні Бабінічскай НСШ, звяртаемся да Вас, каб вы нам далі напрамак, як лепш наладзіць працу з дазорамі, як лепш наладзіць працу ў школе, каб вывесці ў перадавыя школу. Прышліце нам ліст — і ў лісце ўкажыце напрамак работы далей.

Мы ўзялі абавязак выканаць заветы Леніна — вучыцца, вучыцца, вучыцца, працаваць, каб лепшымі бальшавікамі стаць. Змагацца за якасць вучобы і свядомую дысцыпліну, каб нашы вучні здалі іспыты і перайшлі ў другія класы, каб наша школа была адна з перадавых па ўсяму раёну.

Мы завет Леніна выполнім — “вучыцца, вучыцца, вучыцца, змагацца, змагацца, каб лепшымі звацца”.

З прыветам:

1. Ларчэнко Ганна Іванава
2. Шэсцярнёва Ева Іванава
3. Лялік Вера Максімава
4. Мурашка Клаўдзія Сямёнава
5. Белазарава Вера

(яшчэ 6 подпісаў неразборліва)

Адрас: г. Орша, Оршанскі р-н, Панізоўскі с/с, Бабінічская НСШ.

Палучыць ЛАРЧЭНКО Ганне.
Рэзалюцыя: Секретарю ЦК КП(б)Б тов. Валковічу
НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 7602, л. 102—103. Завераная копія.
Арфаграфія захавана.

Информационная сводка заведующего советско-торгового отдела ЦК КПБ(б) А.Иоанисиани о ходе переписи населения по БССР (выдержка)

10 июня 1937 г.

Секретно

В массе своей население БССР встретило перепись населения с большим подъемом и оказывало активную помощь в проведении переписи и оценило перепись как важнейшее мероприятие советской власти. Работников переписи встречали приветливо (Минск, Гомель и др.); к приходу счетчиков готовились как к большому событию, мыли хаты, одевали новые платья (Шклов, Бобруйск и др.) и т. д. Однако в ряде районов имели место случаи классово враждебной агитации против переписи и попытки контрреволюционных элементов, направленные к срыву переписи.

….

В Оршанском районе в ночь с 3 на 4 января возвращались после переписной работы счетчики: учительница Пищаловской школы т. Шибунина и учитель Ельнинской школы т. Ивченко. Близ д. Бородино на них напали и порезали ножами так, что пришлось счетчиков отправить в больницу. В Оршанском районе зарегистрированы следующие факты:

Дубровский сельсовет: д. Зубревичи — колхозник Сурганов после схода по переписи населения говорил в деревне, что “в библии сказано про перепись, что после переписи большевики поставят печать на всех неверующих, и через 15 дней после переписи будет конец света, печати помогут отделить овец от козлят”. “Через 15 дней будет конец света и всех неверующих направят в ад”.

Еромковский сельсовет: дер. Торговцы — единоличница Савицкая проводила по деревне агитацию, что “перепись будет для того, чтобы определить приверженцев черта и сторонников бога, а потому записывайтесь верующими”.

Межевский сельсовет: совхоз “Межево” — член КП(б)Б Безлюдова в частной беседе с коммунистами разъясняет: “Перепись проводится для того, чтобы выявить враждебно-классовые элементы”. Эта же Безлюдова неправильно разъясняет о стахановцах: “стахановцев сильно эксплуатируют”. То же самое: ученик 7-го класса Межевской школы Силивонцов Федор, сын колхозника д. Козеки, пустил слух по школе, что “кто запишется верующим, тому ничего не будут давать”.

Мошковский сельсовет: хут. Комари — Пашкевич Ягориха, придя в Селецкий сельсовет, проводила агитацию, что “когда много запишутся верующими, то откроют больше церквей, так как право голоса попам дали”. В этом же сельсовете, в дер. Немирово в колхозе “Победа”, колхозник Межевич Михаил Макаров — бедняк, демобилизованный красноармеец, выступает на собраниях; на собрании 31.12 — по вопросу о переписи населения (на котором делал доклад председатель сельсовета т. Тарасенко) Межевич активно выступал и агитировал, что необходимо всем записываться верующими, чтобы вернуть церкви обратно.

В Меховском сельсовете имелись провокационные слухи: “Всех верующих лишат хлеба, никакой справки в сельсоветах не получишь, будут клеймить”. В колхозе “Пролетарий” 17-летние давали сведения о себе как верующие.

Понизовский сельсовет: дер. и колхоз “Харковка” — колхозница Семенкова агитировала, что “верующих советская власть будет преследовать, а неверующим будет хорошо”.

[В] Пищаловском сельсовете: дер. Елино — гр-ка Синчило Устинья агитировала, что “нельзя отвечать верующий, даже когда верующий, так как тогда снимут с работы”.

Будовский сельсовет: дер. Редьки — колхоз “Шлях Социализма” — велась агитация, что “верующих будут клеймить”.

В г. Орша (квартком №2) велись разговоры о том, что “вопрос в отношении религии поставлен для того, что когда верующих будет мало, большевики заберут все церкви”. Квартком №6 (ул. Кирова) — проводилась агитация о том, что всех неверующих после переписи будут клеймить. В городе был случай, когда инвалид отказался давать сведения о себе во время переписи.

....

Основной формой борьбы классово враждебных элементов против переписи было использование остатков религиозных предрассудков среди населения. Пытаясь сорвать перепись, посеять недоверие населения к переписи, классовый враг, с одной стороны, чтобы вызвать массовые отказы от переписи, распространял слухи о предстоящих будто бы репрессиях против верующих (высылка, лишение продовольствия и пр.); с другой стороны, чтобы вызвать запись населения как "верующих", контрреволюционные элементы запугивали население войной, приходом Гитлера, японцев и репрессиями интервентов против неверующих. Контрреволюционные элементы распространяли специальные листовки (Орша), производили обход домов с собиранием подписки граждан давать при переписи ответы "верующий", велась открытая агитация попов (Богушевск и др.); имел место предварительный сговор, как отвечать на вопросы переписи граждан из нескольких сельсоветов (Лепель). В процессе проведения переписи населения выявилось, что многие парторганизации недооценили контрреволюционной деятельности и религиозной пропаганды церковников (имевших своего рода "активистов", которым выдавались "грамоты" за активность, и т. д.), что говорит о слабой постановке антирелигиозной пропаганды.

Обобщение фактов контрреволюционной агитации приводит к выводу о том, что вся эта агитация носила организованный характер. Пограничные районы оказались более пораженными контрреволюционной агитацией как в смысле распространения контрреволюционных слухов, так и отказов от переписи (Лепель — 52 хозяйства). Случаи открытого отказа от переписи групп хозяйств наблюдались, в основном, среди единоличников, также как контингенты агитаторов против переписи пополнялись, главным образом, из рядов единоличников.

В ходе подготовки к переписи населения выявилась недисциплинированность ряда парторганизаций, не выполнявших директив и постановлений ЦК о развертывании массово-разъяснительной работы среди населения. Отдельные райкомы КП(б)Б по настоящему начали разворачивать массовую работу лишь в конце декабря и даже в начале января (Лепельский, Полоцкий, Мозырский округа, Лоевский,

Дзержинский и др. районы). Те же факты недисциплинированности и грубейшей недооценки значения переписи выразились в ряде парторганизаций в вопросах подбора, проверки и утверждения переписных кадров.

В связи с этим, уже в ходе предварительного заполнения переписных листов, в отдельных районах (Мозырь, Смолевичи, Борисов) имели место случаи замены переписных работников.

Показателем огромного значения развертывания агитационно-массовой работы среди населения является, что когда во второй половине декабря и начале января действительно все парторганизации были подняты для широкого развертывания массовой работы и противопоставили свою агитационно-разъяснительную работу — работе контрреволюционных элементов, классово враждебная агитация была быстро преодолена, и в большинстве случаев отказавшиеся от переписи граждане были переписаны.

А. Иоанисиани.
НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 12099, л. 175-189.

Информация секретаря Оршанского РККП (б) Б Р. Соскина[99] секретарю ЦК КП(б)Б Д.Вальковичу и заведующему отделом руководящих органов партии Р.Рубинштейну об установлении нацдемовской организации в районе при проверке партийных документов

21 октября 1935 г.

Сов. секретно

Исходя из некоторых серьезных обстоятельств, излагаемых мною ниже фактов, я решил дать эту неочередную информацию в связи с ходом проверки партдокументов.

При персональной проверке партдокументов члена партии Волчкова[100] (директора НСШ БелГРЭСа) зав. парткабинетом т. Борейко устно сообщил, что он подозревает Волчкова в нацдемовском уклоне.

99 Соскин Роман Исаакович расстрелян 29.06.1938 г. в Минске.
100 Волчков Владимир Николаевич осужден 10.04.1936 г. на 5 лет ИТЛ.

В связи с этим заявлением я немедленно связался с райотделом НКВД и одновременно послал Борейко и зав. Районо для глубокой проверки состояния воспитательной работы в этой школе. В результате проверки установлено, что школа насыщена контрреволюционной нацдемовской и троцкистской литературой (хрестоматия Дзержинского, Мицкевича, география Соколова и Кащенко, "Оршанский молодняк" за 1925–26/27 г., белорусско-русский словарь Бойкова и Некрашевича, "Закат капитализма" Преображенского и большое количество книг из художественной контрреволюционной нацдемовской литературы, которая запрещена и изъята).

Контрреволюционная нацдемовская и троцкистская литература находится как в школьной библиотеке, так и на квартирах учителей Волчкова, Януса и Зинкевича, эта же литература выдается отдельным ученикам для чтения, и ею пользуются учителя на лекциях.

Характерно, что в момент приезда комиссии для проверки преподаватель географии Янус пользовался на лекции запрещенной и изъятой географией Соколова и Кащенко, преподаватель литературы Зинкевич пользуется на лекциях запрещенной контрреволюционной нацдемовской хрестоматией Дзержинского, Мицкевича.

Тот же преподаватель географии Янус пользуется на лекциях запрещенной контрреволюционной книгой Преображенского "Закат капитализма" и совершенно не пользуется материалами, которые характеризуют и отражают развитие социалистических производительных сил Советского Союза.

Лично Волчков признался, что он был тесно связан и дружил с уехавшим из района контрреволюционером-нацдемом Материальником, который подозревается органами НКВД как организатор контрреволюционных нацдемовских групп, имел, заранее списавшись, встречу в 1935 г. в г. Минске, объясняя эту связь с Материальником — встречу и разговоры на разные контрреволюционные темы, а также выдачу ему (Материальнику) справки о том, что он вполне политически благонадежен и хороший преподаватель, зная о том, что он контрреволюционер, якобы делал все это с целью выявления его (Материальника).

Не говоря о сплошном очковтирательстве и обмане со стороны Волчкова, благодаря чему он добился, чтобы школу зачислили в узорную, она по существу являлась рассадником пропаганды контрреволюционной нацдемовщины. Я особенно подчеркиваю, что, как видно, в этой школе существует нацдемовская контрреволюционная группа, и подозреваю, что нити от этой группы тянутся в город Оршу, где, очевидно, находится их центр, который распространяет связи на другие районы.

На такое подозрение меня наталкивает следующее обстоятельство: во время проверки работы БелГРЭСовской школы здесь находился директор Хатюковской НСШ, приехавший из Халопеничского района к учителю БелГРЭСовской школы Янусу, который, как выясняется вышесказанным, является нацдемом.

При тщательной проверке, директор Оршанского педтехникума Зенюк Иван, который при проверке предъявил положительные документы: партизанский билет, положительные отзывы, данные ему на руки т.Климковичем (Пред. Союза советских писателей БССР) с характеристикой о том, что Зенюк был активным борцом с нацдемовщиной, и других членов партии, утверждающих его революционную заслугу.

Однако, при помощи данных Слуцкого отдела НКВД установлено, что Зенюк был офицером. В 1919 г. по неизвестным причинам ушел из Красной армии из гор. Бобруйска при наступлении белопольской армии к Слуцку и находился на территории оккупированной белополяками половину 1919 и 1920 г.г., т. е. до момента изгнания белопольских оккупантов.

Находясь в оккупированной местности, Зенюк Иван был организатором и вдохновителем контрреволюционных нацдемовских групп и кружков. Зенюк Иван организовал в д. Русаки Старицкого сельсовета Копыльского района нацдемовскую группу “Зарница”, в которую входили преимущественно б.офицеры — участники банды Балаховича: Зенюк Александр — б. офицер, Боберко Петр — б. офицер, балаховец, Колпак Александр — б. офицер, балаховец и т.д.

Вместе с Колпаком Зенюк Иван организовал и вторую контрреволюционную нацдемовскую группу в д.Евсеевичи Грозовского сельсовета Гресского района. Все эти контрреволюционные группы боро-

лись против советской власти под лозунгом “Земля и воля”, “Свобода, равенство и братство всех народов”.

В настоящее время значительная часть членов этих кружков репрессирована.

Сейчас в разработке мною и членами Бюро РК в связи с проверкой партдокументов находятся члены партии, работники культурного фронта: Саулич — бывш. культпроп Оршанского ОК КП(б)Б, Храменков — б. председатель Нацкомиссии ОВК и Малевич (директор школы), кои были в свое время сторонниками Балицкого и Игнатовского — на руководящие посты на Оршанщине и кои, по моему подозрению, судя по их дружбе с Волчковым, Зенюком и другими, нити тянутся в БелГРЭС и, как видно, на Оршанщине имеется контрреволюционная нацдемовская организация.

Кроме того, я очень сомневаюсь в личности Гороша, находящегося в Осинторфе, который, без ведома компартии Западной Белоруссии, прибыл в СССР, вступил здесь в партию, а потом восстановил себе партстаж с 1918 г., ничем не доказавши причины выбытия в СССР.

Поэтому одновременно с информацией очень прошу дать ответ на мой запрос о Гороше от 17.09.1935 г. за №70.

Днями окончательно сообщим результаты проверки. Одновременно связываюсь с органами НКВД для проработки этой группы.

Секретарь Оршанского РК КП(б)Б Соскин.
Помета: В дело по проверке партдок.
НАРБ Ф. 4-п, оп. 1, д. 9037, л. 45-48.

Из докладной записки секретаря Оршанского РК КП(б)Б Р.Соскина секретарю ЦК КП(б)Б Д.Волковичу и заведующему отделом управляющих парторганов Р.Рубинштейну о вскрытии контрреволюционной нацдемовской группы в районе
6 ноября 1935 г.

Сов. секретно.

Серия “К”

В посланной Вам ранее докладной записке я информировал о том, что в БелГРЭСовской школе нами была вскрыта контрреволюционная нацдемовская группа. При дальнейшей разработке устанавливается количество участников этой группы до 8-10 человек. По переданному нам материалу РО НКВД уже получена санкция на арест двух главарей

этой группы, и они уже арестованы, третий — удравший, неизвестно, где находится.

Выявляется связь между этой контрреволюционной группой с нацдемами и бывш. эсерами, исключенными из партии по городу. Некоторая нить этой связи уже установлена. Все добытые нами материалы переданы НКВД. При тщательной проверке личности одного из нацдемов города Саулича установлено, что он на протяжении 6-7 лет сотрудничал в нацдемовской "Нашей ниве". На X съезде КП(б) Б Саулич выступал с яркой контрреволюционной нацдемовской речью, взявши под свою защиту руководителей контрреволюционной нацдемовской организации в Белоруссии — агентов польской дефензивы — Игнатовского и Балицкого, шельмуя линии КП(б)Б в проведении национальной политики партии. Будучи культпропом Оршанского ОК, редактором "Окружной газеты" и одним из руководителей ОК КП(б)Б филии молодняковцев, Саулич вместе с известным нацдемом Гончариком (репрессирован за контрреволюционную работу) превратил журнал "Оршанский молодняк" и филию в рассадник распространения среди молодежи контрреволюционных нацдемовских идей. […]

По имеющимся в нашем распоряжении материалам, контрреволюционная группа совхоза "Высокое" насчитывает в своем составе 4-5 человек, из коих два члена партии и один кандидат. Все материалы и по этой группе переданы НКВД для окончательной разработки.

При проверке людей и отдельных материалов выявляются некоторые нити связи этих контрреволюционных, нацдемовских групп на территории района. А именно: связи нацдема Саулича с нацдемом города Храменковым, потом с БелГРЭСовской группой, возглавляемой нацдемом Волчковым, а оттуда нити связи идут к эсеру директору Баранской НСШ Краузе[101] и заводу "Красный Октябрь" — в прошлом центр эсеровщины, где сейчас выявлено 12 бывших эсеров. Дальше нити связи идут в десятилетку города, где директор кулак Малевич, и как будто бы тянутся в Оршанский педтехникум, где директором был исключенный из партии активный нацдем Зенюк, и имеются еще три нацдема-преподавателя. Нацдем Зенюк, в свою очередь, тесно связан дружескими отношениями с

101 Краузе Лавр Васильевич расстрелян 11.11.1937 г. в Орше.

нацдемом Ефимчиком — преподавателем 10-й школы ж.-д. узла ст. Орша.

Имеется подозрение о связях всей этой нацдемовской контрреволюционной своры со Смольянским техникумом, где нами вскрыт работавший в свое время в Горецком районе, приговоренный за шпионаж к расстрелу, но помилованный по ходатайству, Гедимин, держащий связь через своих сестер Протасевичей с Оршанским аэропортом. В этом же техникуме выявлена жена высланного нацдема и шпиона Купревича, Гукайло — родственник Купревича, и жена высланного нацдема Солея, живущая под фамилией Глущенко.

В процессе проверки партдокументов нами выявлено членов и кандидатов партии участников нацдемовских контрреволюционных групп 7 человек, из коих пять уже исключено из рядов партии. Наиболее видными личностями из исключенных нацдемов являются: Волчков, Саулич, Зенюк и Храменков. Всего по району выявлено нацдемов свыше 15-ти человек.

Выявлено и исключено из партии бывших эсеров и участников эсеровского восстания на Оршанщине — 10 человек, из них: принимавших участие в контрреволюционном восстании Стайковского полка – 6 чел. Наиболее крупными фигурами эсеровской контрреволюционной партии являются: Бурый — состоял в партии эсеров 18 лет до 1920 г. С целью укрыть себя и своих товарищей по контрреволюционной работе занимался круговой порукой, отказался называть фамилии бывших эсеров и участников восстания, брал сам справки от бывших эсеров и выдал справку активному эсеру контрреволюционеру Валюку со ст. Орша, арестованному по подозрению в шпионаже. Серлин — подозреваемый в шпионаже в пользу фашистской Польши, уже арестован. Медведев занимал множество ответственных постов в Горецком районе в период нахождения власти в руках эсеров, в большинстве выполнял поручения по урегулированию конфликтов между помещиками и крестьянами. Далидович — участник эсеровско-кулацкого восстания, в результате чего было убито 7 чекистов.

Сидорович и Янковский — активные участники контрреволюционного лево-эсеровского Стайковского полка. Выявлены и исключены из партии 11 троцкистов, скрывавших от партии свою принадлежность к контрреволюционной троцкистской оппозиции и занимавшихся идеализацией контрреволюционера Троцкого.

Выявлены и исключены из партии 5 бывш. бундовцев, укрывавших от партии свою контрреволюционную работу. Всего исключено из партии 201 человек, из них: 131 член партии и 70 кандидатов. Из числа исключенных арестовано 14 человек и уже осуждено 5 человек.

Кроме этого нами собраны списки из Могилевского архива и среди членов парторганизации на лиц, ранее состоявших в разных контрреволюционных партиях на Оршанщине: эсеров — на 177 человек, бундовцев — 73 человека, членов бундовской боевой самообороны — 103, черносотенцев — 48, анархистов — 8, меньшевиков — 10, ППС — 10, и сионистов — 15 человек.

По мере установления адресов о всех выявленных нами лицах сообщается соответствующим организациям.

Все эти сведения считаю необходимым сообщить Вам.

Секретарь Оршанского РК КП(б)Б Соскин.
НАРБ Ф. 4-п, оп. 1, д. 9037, л. 49-54.

Докладная записка секретаря Оршанского РК КП(б)Б Р.И. Соскина в ЦК КП(б)Б Я. Яковлеву о наличии в районе большого количества врагов (контрреволюционеров, раскулаченных, высланных и др.), необходимости срочной чистки от них района и укрепления аппарата РО НКВД

8 августа 1937 г.

Вернуть

Сов. секретно

В связи с тем, что выявлено за последнее время в ЦК КП(б)Б и не имея никаких сведений о результатах по посланным мною докладным запискам по очень важным политическим фактам, и будучи неуверенным, что им дан надлежащий ход, как это требует ЦК ВКП(б), — считаю необходимым направить Вам копии из некоторых наиболее ответственных записок и информаций, посланных мною в разное время на имя секретарей ЦК КП(б)Б.

Особенно прошу обратить внимание на следующие:

10-го июня с.г. после моих неоднократных устных информаций мною направлена докладная записка, в коей было изложено основание моих сомнений в личности нач-ка политотдела авиабригады т. Иванова. В этой же записке я еще раз, после неоднократных устных

и письменных информаций, заостряю внимание на факты, обличающие в контрреволюционных делах Митькова, о котором также я неоднократно выступал на Пленуме ЦК КП(б)Б и на последнем съезде КП(б)Б, но почему-то Митьков оставался на свободе.

Неоднократно в информациях и в своих выступлениях на пленумах ЦК и на съезде, в устных информациях я заострял внимание ЦК: на наличие в Оршанском р-не большого оседания врагов, что здесь за последние годы осело до 8 и более тысяч отбывших в ссылках за контрреволюционные дела, раскулаченных и высланных из пограничных районов БССР; на наличие к/революционной работы в ряде мест — предприятиях, в совхозах и колхозах, — в частности, о контрреволюционных действиях исключенного нами из партии нацдема Саулича и группировавшихся вокруг него очень подозрительных людей; о подозрении на связь Саулича с Митьковым; на наличие нитей и связей контрреволюционной нацдемовской организации на БелГРЭСе в 6 человек, раскрытой нами во время проверки партдокументов, и группе троцкистов там же с контрреволюционной группой Саулича в совхозе "Высокое", а также со Смольянским с.-г. техникумом и Оршанским désinstitutом, где нами, — по Институту: разоблачен и исключен во время проверки партдокументов директор Института — контрреволюционер нацдем Зенюк, организатор двух контрреволюционных нацдемовских ячеек на границе в Копыльщине; по сельхозтехникуму: — разоблачен и исключен из партии во время проверки партдокументов — Маевский, прибывший из Польши, подозреваемый в шпионаже. И затем наличие связей с мясокомбинатом, где нами во время проверки партдокументов разоблачена подпольная к/р троцкистская группа (Ромун, Брокеров[102], рекомендованный в партию Голодедом и др.), проводившая вредительство на комбинате, с льнокомбинатом, где выявлена нами к/р группа правых и троцкистов во главе с известным к/р, ближайшего друга врага народа — Томского — Козелевым[103].

На связь со стороны Белгрессовской к/р группы нацдемов с Осинторфом, где нами выявлены шпионы — Гиткович, Горош; и затем большое подозрение на наличие к/революционных нитей и связей с авиабригадой и ж.-д. узлом и т.д. (авиабригада и мясокомбинат с

102 Брокеров Артем Петрович осужден 24.12.1936 г. к 8 годам лагерей.

103 Козелев Борис Григорьевич директор Оршанского льнокомбината, расстрелян 22.10.1936 г.

Митьковым, об этом см. прилагаемую копию докладной записки от 10.07.1937 г.), и целый ряд других важнейших материалов.

Все это, на мой взгляд, не нашло решительного реагирования со стороны руководства ЦК КП(б)Б и до сих пор, кроме Митькова, продолжают оставаться на свободе: Саулич, Зенюк — безусловный враг народа и шпион, который имел возможность уехать, и проживает сейчас в Западной области, Горош — безусловно, шпион и провокатор, прибывший сюда из Польши и рекомендованный впоследствии разоблаченными шпионами и провокаторами, на основании чего ЦК КП(б)Б приняла его в партию с восстановлением стажа с 1918 г., который имел возможность уехать и находится сейчас и работает в Шатурском торфотресте Московской области. Во время разбора дела на бюро о Гороше выявилось, что ему дал положительный отзыв бывший начальник политотдела МББ ж.-д. — Славинский. Этот Славинский был тесно связан с Митьковым, будучи начальником политотдела дороги, часто приезжал в Оршу к Митькову на квартиру.

Также на свободе находится Маевский Д.А. (Смольянский сельхозтехникум), подозреваемый нами в шпионаже. Маевский в 1922 г. выбыл из СССР в Польшу, где добровольно вступил в армию фашистской Польши, окончил военную школу, там же, будучи в польской армии, якобы вступил в партию и затем с небольшим "партизанским" отрядом перешел на советскую территорию, здесь его поведение крайне сомнительное.

Находится на свободе также Зинько В.В. (из совхоза "Высокое") — перебежчик, прибывший из-за границы, писал в анкетах свою национальность "латыш", а в самом деле, как он признался, является по национальности белорусом, связан с группой Саулича.

На свободе также ходит Максимович (в Орше), выявленный и исключенный нами из партии во время проверки партдокументов по подозрению в шпионаже, бывший член польской военно-шпионской организации, за что сидел в свое время год в чрезвычайной комиссии и 3 года в ссылке, скрыв это от партии (после проверки партдокументов был осужден и по неизвестным нам причинам Верхсудом освобожден).

Также не доведено до конца дело Когана (находится сейчас в Москве), исключенного нами за принадлежность к к/р троцкизму. Коган в 1927 г., будучи на работе в Госплане РСФСР, подбирал и подтасовы-

вал цифры против партии, за что в то время лидерами к/р оппозиции подымался на щит. Коган участвовал на подпольном собрании, организованном врагом народа Зиновьевым (о Когане см. прилагаемое решение бюро РК).

Очень активно Когана защищал Низовцев — разоблаченный враг народа, который к нему очень часто приезжал и был близко связан. Мне кажется, что смазали дело по выявленной растрате в 10 тысяч рублей Коганом, т.к. все книги отчетности Низовцевым из района были увезены в Минск. По линии сельского хозяйства Коган, будучи председателем комиссии урожайности, стремился искусственно преувеличить урожайность, на районе вел агитацию против большевистских темпов и своевременного проведения посевной и др. мероприятий.

Я также считаю чрезвычайно слабой работу районного отдела НКВД в деле настоящего выявления контрреволюционной шпионской работы в р-не и, как мне кажется, бывший нач-к РО НКВД Разсказов — ныне работающий в Наркомате внутренних дел в Минске, явно смазывал явные, очень важные дела, даже по тем материалам, которые ему давал РК партии. И сейчас такое положение в РО НКВД, что аппарат не справляется разработать большое количество материалов, выявляемых фактов вредительства. Значительная часть работников РО НКВД чрезвычайно слабы и неспособны освоить материалы. Очень прошу укрепить аппарат РО НКВД хотя бы двумя, наиболее сильными, квалифицированными оперативными работниками, учитывая условия сложности работы в Оршанском р-не.

Секретарь Оршанского райкома КП(б)Б Соскин.
НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 12079, л. 187-191.

Докладная записка секретаря Оршанского РК КП(б) Б. Р. Соскина секретарю ЦК КП(б)Б В. Шаранговичу о результатах проверки Оршанского педагогического института и техникума.
1937 г.

Сов. секретно

По имеющимся у нас материалам проверки и обследования Оршанского учительского института и Техникума выявляются факты вредительской работы, проведенной в этом институте врагами нашей партии и родины.

Выпуск из учительского института произведен малоподготовленных людей, причем их подготовка страдает тем более там и по тем дисциплинам, которые особенно важны для нашего советского педагога.

Насколько сейчас можно судить, вредительство шло в следующих направлениях:

1. На втором, т. е. выпускном курсе [курс] истории народов СССР читан только до "пореформенный период", это значит, что важнейшие вопросы развития капитализма, развитие рабочего движения и руководство нашей партии, роль Ленина, Сталина, революции 1905, 1917 гг., Великая пролетарская Октябрьская революция, гражданская война, строительство социализма, Сталинская Конституция, ее всемирно-историческое значение — все это обойдено и не читано, короче говоря, выброшено.

2. В курсе "Истории древнего мира" обойдены, не читаны такие актуальные темы, как "Возникновение христианства", "Падение Римской империи".

3. В курсе русской литературы смазано изучение нашей советской литературы, так, например, на изучение писателей, поэтов-символистов, мистиков, как А. Блока, Белого, отводилось по 5-6 часов, а наши современные советские писатели, как М. Шолохов, Фурманов и др. изучались в один час 6-8 писателей, т.е. по 5-10 мин. на характеристику писателя.

4. Курс педагогики изучался по учебнику врага народа бухаринца Пистрака, в этом курсе имели место и прямые политические извращения — по вопросу, напр., "в классе не должно быть лозунгов и портретов вождей", это только разводит пыль и т.д.

5. Наконец, нельзя верить отметкам, оценкам знаний студентов, т.к. широко и открыто практиковался метод, что студент сдает экзамен по конспекту, прямо читает.

Все эти далеко не полно перечисленные факты говорят о наличии вредительства в педагогическим процессе, тем более что кадры преподавателей в своем большинстве вызывают глубокие подозрения.

После решений Бюро РК, когда из института и техникума были изгнаны частью репрессированные враги народа, троцкист-авербаховец Бэнде, нацдем Василевский и такие люди, как Гаркавый, Коханов, враг народа, шпион Дьяков сумел заслать сюда не менее подозрительных людей.

Вот кто работает сейчас в институте и техникуме:

Барановский[104] — читает в техникуме математику и ведает заочным сектором техникума, т.е. имеет связь с учительством нескольких районов. Это старый нацдем из Оршанской нацдемовской организации, это ближайший друг и заместитель по Оршанскому окроно таких матерых врагов, как Южик, Акулик, Саулич, с которыми все время работал. В свое время он арестовывался органами НКВД, сидел 1½ м-ца и был освобожден.

Ненартович — преподаватель белорусского языка в техникуме, активный участник к/р "Белорусской Громады" и член "Громады" с 1904 г., сотрудник "Нашей нивы". Лично знакомый с вождями "Громады" — Цёткой, Луцкевичем, личный друг врага народа Балицкого, и по вызову последнего в 1922 г. переехал с Украины в БССР, работал в Горках и за нацдемовщину оттуда изгнан, принят в техникум без путевки Наркомпроса в 1936 г. Конторовичем (б. директором), очевидно, по рекомендации Барановского, имеет брата в Польше, как он говорит, фельдшера. Написал в студенческую газету нацдемовское вредное стихотворение.

Жизневский[105] — в свое время подвергался аресту как участник к/р группы нацдемов, организовал на уроках в 6-й школе города, где также работал, рисование фашистской свастики, пьянствует.

Василевский[106] читает историю, исключен из КП(б)Б якобы за пьянство. В частной беседе заявил, что пьянствовал в Минске часто с Чаротом. Работал ранее в Белорусской академии наук.

Это работают в техникуме, а в институте:

1. Долгий — прибыл в СССР из Риги в 1927 г., учился в Польше, в белорусской гимназии. По приезду в БССР поступил в БГУ. Работал в Академии наук у Домбаля. Домбалем же посылался в Ленинград на повышение квалификации. В Минске обвинялся в нацдемовщине, это он диктовал: "Работают. Плачут, молчат" или "Пойдем вперед по-ленински, по-немецки, по-венгерски".

2. Волотовский — аферист, не имеющий образования, увильнул от подписки под резолюцией, требующей кары смертью для банды Пя-

104 Барановский Александр Васильевич расстрелян в Орше 17.01.1938 г.

105 Жизневский Николай Варфоломеевич расстрелян в Орше 10.11.1937 г.

106 Василевский Даниил Минович осужден 27.10.1938 г. на 5 лет поселения в Коми АССР.

такова, читая курс западно-европейской литературы, обошел предательство Андрэ-Жида.

3. Лакин — зав. учебной частью. Прячет и скрывает вредительство в педпроцессе. Лично рекомендовал учебник бухаринца Пистрака. Не разоблачал его в течение 6 дней, когда была телеграмма об изъятии этого учебника.

4. Вовк — комсомолец, лично виноват в том, что выхолостил, выбросил политическое содержание из курса истории, о чем я пишу выше. Он же пригласил в институт из Украины Кундюбо, который заявлял о “теневых сторонах” процесса над бандой Пятакова, рассуждал о неудобствах процесса над Рыковым и проч.

5. Михолапов — работая в аспирантуре БелАН, пьянствует, как литератор под большим нажимом шел на лекции критиковать творчество Чарота, Александровича, заявляя: “За что я их буду критиковать”.

6. Сватковский — держит себя в роли человека аполитичного. За шовинизм снят с работы в Могилевском пединституте, смазал курс советской пролетарской литературы, о чем писал выше.

7. Дяшкович — у него на лекции студент Жванский формулировал предложение “Вперед к капитализму”, и он оставил это без реагирования. Этот студент Жванский — выходец из кулаков и проходимец, сейчас исключен из института за жульничество, приписку преподавателям часов за непрочитанные лекции. Есть данные, что на квартире Жванского часто собирались и пьянствовали преподаватели Дяшкович, Моисеня, часто в этих пьянках принимал участие Саулич.

Все это говорит за то, что результаты учебного года не случайны, что эти перечисленные выше кадры могут быть организованной Дьяковым контрреволюционной организацией у нас в институте, ведь такие люди, как Долгий, Барановский, Ненартович и др. — это близкие соратники Балицкого, Домбаля и самого Дьякова.

Нами эти материалы переданы РО НКВД для принятия необходимых мер.

Одновременно, доводя об этом до Вашего сведения, прошу дать указания Наркомпросу, в целях оздоровления учительского института и техникума, укрепить их группой проверенных советских научных работников и педагогов, в первую очередь на такие

важнейшие участки, как зав. учебной частью и преподавателей по истории и литературе.

Секретарь Оршанского райкома КП(б)Б Соскин.
НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 12079, л. 72-74. Заверенная копия.

Показания подсудимого П.А. Широкого
29 декабря 1938 г.

Собственноручные показания обвиняемого Широкого Платона Александровича

Третий случай, это когда нам был передан для ведения следствия быв. секретарь Оршанского райкома партии Соскин, к которому также были применены меры физического воздействия, вскорости Соскин от нас был отнят и передан Быховскому, а впоследствии коллегией Верхсуда был приговорен к ВМН. Ко всем арестованным применялись методы физического воздействия как пощечина.

НАРБ Ф. 4-п, оп. 1, д. 13231, л. 224-229. Копия.

Док. №184. Обращение наркома внутренних дел Л. Цанавы к секретарю ЦК Компартии Беларуси Пономаренко по поводу приговора бывшему секретарю Оршанского райкома Компартии Беларуси Соскину
28 июля 1939 г.

Сов. секретно

Лично

Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии товарищу Пономаренко П.К.

На № II-3624 от 17.VII-1939 г.

СОСКИН Роман Исаакович, 1900 года рождения, б. секретарь Оршанского РК КП(б)Б был арестован 9.VIII-1937 г. в гор. Орше.

В процессе следствия установлено, что Соскин являлся активным участником контрреволюционной организации правых, проводил вербовку новых членов, давая задания совершать вредительские и диверсионные акты.

Решением Военной Коллегии Верхсуда СССР от 29. VI-1938 года по ст.ст.69, 71 и 76 УК БССР осужден к ВМН.

Народный комиссар внутренних дел БССР Л. Цанава.
НАРБ Ф.4-п, оп. 1, д. 14881, л.74.

Докладная записка НКВД БССР о политических настроениях колхозников. 17.09.1938 г.

№ 263

Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР — тов. Берия

Направляю при этом обзор политических настроений колхозников 23 районов БССР, собранных нашими оперативными работниками, выезжавшими по моему указанию в районы для проверки оперативной работы местных органов НКВД и милиции. Оперативные работники, выезжавшие в районы попутно с проверкой работы наших органов, о чем я подробно сообщу позднее, выезжали в колхозы, МТС и сельсоветы, где провели большое количество бесед с колхозным активом и рядовыми колхозниками о состоянии колхозов, об уборке урожая, хлебосдаче и осеннем севе, о недостатках в работе колхозов и их причинах. Эти беседы дали исключительно богатый материал о политических настроениях трудящихся крестьян, об их отзывах о проводимых органами НКВД операциях на селе, о влиянии наших операций на улучшение работы в колхозах и о вражеской работе на селе.

Многочисленные беседы с колхозниками показали, что трудящиеся Белоруссии полностью одобряют и понимают производимые нами операции на селе по изъятию к.-р. элементов. Мы получили огромное число фактов, свидетельствующих о том, что изъятие к.-р. элемента в колхозах, МТС, советских и партийных органах значительно улучшило работу колхозов и экономическое благосостояние колхозников. Ряд колхозников в беседах с нашими оперативными работниками сообщили нам многочисленные факты о засоренности колхозов к.-р. элементом, чего наши местные работники НКВД не могли вскрыть. Причем характерно, что там, где наши работники НКВД плохо работали и не вскрыли до конца деятельность к.-р. элементов, там и сейчас продолжается вредительство, и эти районы находятся в прорыве (Бегомльский, Речицкий, Жлобинский и др. районы).

Основной вывод, который можно сделать по этим 23 обследованным районам, — это то, что оперативный удар по Белоруссии был нанесен на селе правильно, но по ряду районов он явно недостаточен, и еще в некоторых районах осталось сравнительно большое число не изъятого к.-р. элемента. Каких-либо грубых нарушений революционной законности в обследованных нами районах не обнаружено,

за исключением отдельных городов и районов, как то: Орша, Полоцк, Борисов, Лепель, Меховский район, частично Витебск, о чем донесу Вам специальной запиской. Необоснованных арестов по республике, как установлено проведенной нами проверкой, было сравнительно немного, и то главным образом в 1937 г.

По всем фактам, выявленным в процессе произведенных выездов в районы, засоренности районных, партийных и советских организаций и колхозов вражескими элементами, нами приняты меры. Аналогичная работа по изучению и обследованию политического состояния районов мною намечена также и по другим районам БССР.

Народный комиссар внутренних дел БССР майор государственной безопасности Наседкин.

Приложение

Обзор политических настроений колхозников в связи с проведенными органами НКВД операциями на селе по изъятию а/с элементов и о вражеской работе в деревне в БССР

В связи с произведенными органами НКВД в Белоруссии операциями по изъятию а/с элементов в деревне, мы решили проверить политические настроения колхозников вокруг этих операций. С этой целью была направлена группа оперативных работников в ряд районов Белоруссии с тем, чтобы выехать в колхозы и поговорить по этим вопросам непосредственно с колхозниками. Всего выездами нами было охвачено 23 района. В процессе бесед с колхозниками по вопросам хода хозяйственно-политических кампаний на селе велись беседы с колхозниками о проведенных органами НКВД операциях на селе и их влиянии на улучшение работы колхозов. В процессе этих бесед собраны интереснейшие материалы о политических настроениях трудящихся в связи с проведенными за последнее время органами НКВД Белоруссии операциями по изъятию а/с элементов, которые мы обобщаем в настоящем обзоре.

Многочисленные беседы, проведенные нашими оперативными работниками непосредственно с колхозниками, показали, что трудящиеся Белоруссии полностью одобряют производимые органами НКВД операции по изъятию а/с элементов и понимают значение произведенного нами оперативного удара по контрреволюции в деле укрепления политической и экономической мощи нашей страны.

Большинство колхозников, с которыми встречались наши оперативные работники, совершенно отчетливо представляют необходимость произведенных нами арестов и с негодованием высказывались в отношении изъятых нами врагов советского народа. Так, колхозник Ходосев Антон Харитонович, житель дер. Котели Котелевского сельсовета Борецкого района, заявил: “После того, как арестовали кулаков Ковалевых в нашем колхозе и вредителей, засевших в районных организациях, стало жить гораздо лучше, чем в прошлые годы. Теперь к нам в деревню приезжают представители из района не изъятие производить, а помогать нам в работе. Мы знаем, что их арестовали правильно за то, что они искривляли линию нашей партии и были связаны с иностранными разведками”.

Колхозник Казакевич, член с/х артели “Новое Село” Оршанского района[107], в беседе с нашими работниками, заявил: “Произведенные аресты мы одобряем. Вот раньше Соскин, быв. секретарь Оршанского РК КП(б)Б (арестован как участник а/с организации), приезжал к нам в колхоз и заставлял нас сеять в снег и угрожал арестами, если мы не будем выполнять его указаний, производил обыски у населения и изъятие имущества. После его ареста в деревне стало лучше, спокойнее, никто нас не запугивает, каждый твердо знает свои обязательства перед государством и выполняет их в срок”. Колхозница Шкрадюк, член колхоза им. Куйбышева Бобруйского района, заявила: “В 1937 г. у нас было много непорядков, которые создавали враги, сидевшие в нашем колхозе — Кондраченко, Ражковский, Курлович, Сташиневич. Мы рады, что их арестовали органы НКВД, они заслужили этого”. Колхозники Самсоник Петр и Забольский Николай из колхоза “Коммунар” Осиповичского района в беседе с нашими сотрудниками заявили: “Спасибо НКВД, что забрали у нас из колхоза Крюковича и Алехновича, они были участниками Кронштадтского мятежа и окончательно разложили колхоз, а теперь, когда забрали эту сволочь, совсем по-иному пошла работа в колхозе”. Член с/х артели “Ясная Поляна” Копыльского района Берник заявил: “Наш колхоз был засорен людьми, которые тормозили наше хозяйство, и правильно НКВД делает, что таких людей арестовывает. В нашем колхозе арестовали 10 чел., которые были раньше балаховцами, бандитами и вели подрывную работу. Сейчас колхоз не отстает ни в уборке, ни в севе, и все это потому, что

107 В деревне Новое Село минимум 18 человек были высланы, 3 — расстреляны.

освободили колхоз от этих людей". Колхозник колхоза "Колос" того же района Баровский Иван сказал: "У нас не место тем людям, которые помогают фашистам, и таких надо выкорчевывать до последнего. Честным людям лучше будет жить". Колхозник колхоза им. Молотова Полоцкого района Прищепов заявил: "У нас забрали тех, кто является помехой в деле укрепления колхоза. После их ареста работа по сравнению с прошлым годом заметно улучшилась. Есть, правда, недостатки, но они чаще всего зависят от того, что от арестованной верхушки остались корешки, которые продолжают проводить подрывную работу". Старик — колхозник колхоза "Искра" Борисовского района Пацыно, в отношении произведенного органами НКВД изъятия врагов, заявил: "Сволочей арестовывают, стреляют, а они еще есть, я уверен, что органы НКВД не оставят ни одного врага на свободе, заберут всех. Я сам, если увижу, кто будет вредить в нашем колхозе, буду сообщать в НКВД". Бригадир колхоза "Большевик" Белыничского района Туголец Петр Петрович по поводу произведенных в сельсовете арестов сказал: "Действительно нужно было их арестовать. После ареста этих врагов отношение колхозников к работе стало совершенно иное, появилась большая заинтересованность и инициатива. В этом году колхозники получат на трудодень не менее 4 кг зерновых". Колхозник колхоза "Дуброво" Рогачевского района Бондарев Яким заявил: "После произведенных органами НКВД арестов в нашей местности в этом году стало жить легче, мы получим всего вдоволь". Бригадир колхоза "Волна" Слуцкого района Григорович Александр Васильевич в беседе заявил: "Все колхозники благодарят органы НКВД за то, что убрали из нашего колхоза Зеневича Андрея Васильевича, Ермолицкого Адама и Ермолицкого М.". Колхозник из дер. Уречье того же района Хрущев Михаил Иванович заявил: "У нас, колхозников, настроение сейчас лучше, чем в прошлые годы. Изменились и порядки в колхозе после ареста врагов. Колхоз уже досрочно рассчитался с государством, успешно выполняет и др. работы. В нашем колхозе органы НКВД арестовали колхозника Чирского Степана, который был в Польше, работал в колхозе очень плохо. Также арестовали кузнеца — участника банды Балаховича Яцкевича Ивана, который занимался вредительством".

На основе анализа собранных материалов в обследованных нами районах следует сделать вывод, что наш оперативный удар по контрреволюции на селе, хотя и нанесен правильно, однако еще недоста-

точно, т.к. большинство колхозников, с которыми беседовали наши работники, одобряя проводимые нами аресты врагов, проводивших подрывную работу на селе, приводили многочисленные факты засоренности колхозов в настоящее время людьми, связанными с заграницей, быв. бандитами, быв. кулаками и пр. а/с элементом, которые продолжают вести вредительскую работу в колхозах.

Так, в беседе с пред. колхоза им. Сталина Песочанского сельсовета Копыльского района Никановичем выявлено, что в колхозе арестованы только некоторые руководители существующей там вредительской группы, а остальные остались и продолжают проводить в колхозе вредительскую работу, как например быв. контрабандист Шостак, быв. польский солтус Мойсюк и др. Колхозники колхоза "Прогресс" того же района Попельский И., Вислоус заявили: "В колхозе еще остались враги — Коленчик Василий, быв. кулак, который имеет в Польше 2 братьев, Семашко Андрей, связанный со шпионскими элементами, приехавший в 1925 г. из Америки Купецко Михаил и др. Эта группа ведет подрывную работу по срыву мероприятий партии и правительства и проводит а/с агитацию. Семашко собирает у себя на квартире колхозников и, читая им газеты, объясняет их в к.-р. духе". Колхозники Феникевич Семен и Леоноток Василий из колхоза "Перамога" Копыльского района сообщили: "В руководстве правления колхоза находится быв. кулак Корбин, отец и дед которого служили стражниками. Корбин подобрал себе бригадирами лиц, ранее осужденных. Вся эта группа занимается хищением колхозного имущества, срывает нормальную работу в колхозе и проводит а/с агитацию". Житель дер. Балашовка Речицкого района Дробышевский Федор Павлович в беседе с нашим сотрудником сообщил: "В Володарском сельсовете работает лесником активный участник банды Балаховича Печковский Стась Ипполитович". Колхозник колхоза "Энергия коммунизма" Бобруйского района Плашевич Михаил заявил: "В колхозе у нас дело обстоит плохо, органы НКВД еще не всех врагов изъяли. Вот забрали Пикулина, а Гутковского и Савицкого не взяли, а ведь они вместе воровали и избивали колхозников. Их тоже нужно убрать. Есть еще и такие, как Стемашонок — быв. зам. пред. колхоза, в прошлом крупный кулак, в Польше в Гродненской губ. имел много земли. Человек не наш".

Из беседы с колхозниками дер. Клявка Белыничского района выявлено, что в этой деревне насчитывается 35 хозяйств староверов, в боль-

шинстве своем — уроженцев Польши, Виленской губ. Из них ни одно хозяйство не вступило в колхоз. В деревне имеется молитвенный дом, который возглавляет Гвоздь Сергей Иванович, где проводит а/с агитацию среди населения. На квартире Емельянова Петра происходят сборища староверов, где ведутся к.-р. разговоры и восхваляется фашизм. В беседе с колхозницей колхоза им. Ленина Кировского сельсовета Белыничского района Борисенко Прасковьей последняя заявила: "Бригадиром колхоза работает Шпаковский Владей — урож. Польши, который ведет работу по разложению колхоза, агитирует колхозников не ходить на работу. Жена его Шпаковская Эмилия в Польше имеет сына. Во время отступления белополяков прятала на квартире у себя польского офицера, который при ее содействии ушел в Польшу".

Вопиющий факт рассказал нашим сотрудникам колхозник Павлов — житель дер. Чепелевка Горецкого района. Он рассказал, что в г. Горки до сих пор живет жена и дочь быв. сеньковского помещика Горецкого уезда Фон-Краузе, к которым систематически заезжают колхозники дер. Сеньково Василевский Семен, Колосов Иван, Романов Иван и др., ранее работавшие у них в имении. После посещения этой Фон-Краузе колхозники распространяют разные а/с слухи в деревне. Этот же Павлов рассказал, что в дер. Шилово Сеньковского сельсовета до сих пор живут 3 быв. городовых: Новиков, Жариков и Ермоленко.

Бригадир колхоза им. Дзержинского Полоцкого района Коношок заявил: "Хорошо делают, что выявляют шпионов и вредителей, но органы НКВД еще не всех знают, кто вредит советской власти. В дер. Заборы живет поляк Потояло Зыгман, который в период гражданской войны состоял в банде, оперировавшей в Куликовском и др. пограничных сельсоветах. Он и теперь ведет разлагательскую работу в деревне".

Колхозники колхоза им. Кирова Оршанского района Дашкевич и Горбачевский говорили: "Не всех еще врагов изъяли из колхоза. Они заявили, что пред. колхоза работает Конторовский Яков Захарович — в прошлом кулак, сын волостного старшины, который вредительски относится к работе и заставляет детей возить колхозный хлеб, в связи с чем имеют место большие потери зерна при возке".

Гражданин Дитяткин Алесь из колхоза им. Сталина Слуцкого района рассказал следующее: "В колхозе работа проваливается потому, что плохо работает правление колхоза, в частности, пред. и некото-

рые бригадиры. Кроме этого, есть отдельные люди, проводящие работу по разложению колхоза, как например жена арестованного Хотенко Ольга, которая сама не работает и подговаривает к этому других. Она заслуживает того, чтобы ее направили туда, где муж находится". Колхозник колхоза "Чырвоны ўдарнік" Слуцкого района Кучинский Петр — быв. батрак, заявил: "Кучинский Макар — быв. балаховец, и Уласевич Федор — кулак, член церковной пятерки, проводят а/с работу, держат в своих руках всех единоличников и уговаривают их не вступать в колхоз. В доме Уласевича Федора собираются церковники, которые ведут а/с разговоры".

В Лельчицком районе в беседах наших сотрудников с колхозным активом установлено, что в колхозах остался еще целый ряд лиц, подлежащих аресту, но по каким-то причинам они продолжают оставаться на свободе.

В колхозе "2-я Большевистская весна" Буйновичского сельсовета работает сторожем Рудник Евстрат, который при белопольской оккупации служил в полиции, издевался над населением. Колхозники требуют изъятия его из колхоза. Пред. колхоза "Красный дозор" Мелешевского сельсовета Стасенко рассказал, что в колхозе работает Саковец Яков, в прошлом офицер царской армии, имеет репрессированных родственников, который срывает работу в колхозе.

Гражданин Колеф, житель Р.-Люксембургского сельсовета Ельского района сообщил: "В Богуцком сельсовете проживает быв. кулак Потапенко Петр, который в период белопольской оккупации оказывал содействие полякам в разоружении красноармейцев. Гр-н Титов, житель Кочешанского сельсовета Ельского района, сообщил, что в этом сельсовете проживают поляки Стах Ян и Стах Александр, которые при отступлении белополяков сопровождали польские эшелоны, указывали им дорогу и вместе с ними грабили население. В последующие годы они неоднократно ходили в Польшу". Пред. того же колхоза Железняк сообщил: "В колхозе проживает Евец Мария — в прошлом была связана с бандитом "Сопляком", который продолжительное время скрывался от репрессий. В 1933 г. Евец Марией было организовано убийство комсомольца-активиста. В настоящее время Евец на работу не ходит, разлагает дисциплину. Колхозники выражают недовольство ее пребыванием в колхозе".

Колхозник колхоза “Ударник” Землинского сельсовета Борисовского района Гиль Николай заявил: “Из нашего колхоза изъяли врагов, но нужно заняться разоблачением и др. Пред. колхоза Шпилевский не пользуется авторитетом у колхозников, пьянствует, поддерживает связь с а/с элементами. Счетовод колхоза Жуковец Алексей Макарович в царское время служил офицером, участник банды, помогал белополякам. Член правления колхоза Якубовский Василий озлоблен против советской власти, участник банды, боролся против советской власти. Член правления Сорокин Федор, родом из Польши, имеет переписку с родственниками, проживающими в Польше, настроен а/с”.

Пред. Тястовского сельсовета Дриссенского района Обухович Аган, член КП(б)Б, рассказал: “Наш сельсовет отстающим в районе является потому, что не удалось еще вскрыть всех врагов народа, которые ведут активную к.-р. и вредительскую работу, как Хотько Василий — поляк, по документам числится белорусом, при получении паспорта скрыл свою национальность, думает этим прикрыть вредительскую деятельность. Хотько в прошлом кулак, занимался контрабандой, сын его Захар в 1933 г. арестован и осужден за к.-р. деятельность. Имеет родственников за границей, с которыми поддерживал тесную связь. Жена его тоже из Польши, родственник ее Тясто Никифор в 1933 г. бежал в Польшу. Хотько и вся его семья настроены а/с, проводят к.-р. агитацию, распускают провокационные слухи о войне, клевещут на коммунистов”.

Колхозник колхоза “Победа” Сардицкого сельсовета Дриссенского района Старинский Алексей Иванович заявил: “У нас еще остались враги народа, которые втихомолку ведут свою гнусную работу в колхозе — Гейша, бригадир 2 бригады, колхозники его не любят, бригада отстает. Гейша разлагает дисциплину, пьянствует, имеет родственников в Польше. Во время гражданской войны имел тесную связь с дезертирами Красной Армии, снабжал их продуктами. В нашем колхозе есть также бригадир Бабченок Андрей Станиславович, в прошлом крупный контрабандист, до 1924 г. ходил в Латвию, занимаясь контрабандой”.

Выявлен ряд фактов, когда семья и ближайшие родственники лиц, репрессированных органами НКВД за вражескую деятельность, проводят активную а/с работу на селе. Так, 13 августа 1938 г. при аресте жителя дер. Лоевшина польского агента Лоевского группой женщин

из 6-7 чел., главным образом, женами репрессированных, была произведена попытка оказания сопротивления аресту. В автомашину, на которой сотрудники наших органов приехали в деревню, неизвестные лица бросали камни, кроме того, слышались выкрики: “Бандиты”. Как впоследствии было установлено, участницы оказания сопротивления аресту Лоевского являются его родственницами. После ареста Лоевского и руководителя шпионско-повстанческой группы Кудинова вопрос об аресте последнего был поставлен на обсуждение общего собрания колхозников, единогласно постановивших: “Ходатайствовать перед органами НКВД об освобождении Кудинова”. Инициаторами обсуждения этого вопроса являются Дубковский Ефим, Рубаньков Петр и Сеньков Филипп, на которых сам Кудинов дал показания, как на участников шпионско-повстанческой группы. После их ареста все они сознались в принадлежности к польской разведке и полностью подтвердили показания Кудинова.

В колхозе “Красный пограничник” Дриссенского района после ареста Конюшевского Станислава мать его организовала 36 колхозников написать в НКВД заявление о невинности Конюшевского, в то время, когда он сам сознался в принадлежности к “ПОВ”.

Житель Брониславского сельсовета Житковичского района Швец заявил: “Со стороны жен репрессированных замечается плохое отношение к работе. Кроме того, они ведут среди колхозниц агитацию, в результате чего в колхозе до сих пор не скошено 70 га сенокоса и из 197 хуторов, подлежащих стягиванию, стянуто только 60”.

Из бесед с колхозниками установлено, что жена репрессированного Третьякова, проживающая в дер. Грязевка Оршанского района, укрывает воров и краденые ими вещи. В отдельных районах — Дриссенском, Борецком и Копыльском, отмечены факты, когда вернувшиеся из ссылки ранее осужденные органами НКВД за а/с деятельность продолжают проводить подрывную работу на селе.

Колхозник колхоза “Чырвоны сцяг” Копыльского района Новик заявил о том, что в дер. Пузово Братковского сельсовета возвратился из ссылки ранее арестованный и осужденный Кулиш Роман, который проводит активную а/с работу. Колхозник Свистун Петр рассказал о том, что в колхоз им. Коминтерна Дриссенского района вернулся ранее осужденный Снежин Григорий — поляк, имеющий родственников в Польше, занимался контрабандой, который ведет активную а/с

агитацию среди населения. Колхозник Павлов, житель дер. Чепелинки Борецкого района, говорит, что колхозники недовольны тем, что к ним в деревню возвращаются из ссылки ранее осужденные кулаки, которые продолжают а/с работу. Колхозник колхоза "Новое Село" Межевского сельсовета Оршанского района Казакевич рассказал, что недавно в их деревню вернулись из ссылки ранее осужденные за а/с деятельность Дервоед, Лучко и Кулашко, которые собираются вместе и проводят а/с агитацию на селе.

За время выезда в районы зафиксирован ряд фактов активной а/с работы на селе, которую проводят сектанты. Колхозник колхоза "Бринево" Петриковского района Пинчук заявил: "Дисциплина в нашем колхозе слабая, государственные обязательства и натуроплата не выполняются, бригадир бездействует. Все это потому, что в сельсовете имеются баптисты, мешающие в работе — Борисова Марина, Буцук Параска, Тереня Роман Игнатьевич (в его доме происходили сборы баптистов), Пинчук Супрон, Борисов Андрей, Борисов Иван, Борисов Макар, Туровец Максим".

Из бесед с колхозным активом установлено, что в Тешковском сельсовете Наровлянского района проживает единоличник Марос Ануфрий, активный баптист, который собирает у себя на дому единоличников, читает им библию, ведет а/с разговоры и распространяет к.-р. слухи о войне. Колхозники требуют его ареста.

При посещении нашими сотрудниками колхоза "Красная Перамога", где имеется 30 семей, отказавшихся от получения паспортов на религиозной почве, гр-ка Комар София заявила: "Мне паспорт не нужен, я и без него могу прожить. С крестом я родилась и с крестом умру — это мой паспорт".

Многочисленные факты, собранные нами, свидетельствуют о том, что наш оперативный удар по контрреволюции на селе в Белоруссии нанесен правильно и что там, где арестованы вражеские элементы, значительно улучшилась работа колхозов и экономическое благосостояние колхозников. В подтверждение этого приводит ряд фактов. В беседе с нашими сотрудниками член колхоза им. Микояна Амнищенского сельсовета Плещеничского района Захаренко Федор Васильевич заявил: "В нашем колхозе органы НКВД арестовали 12 чел., которые были не согласны с советской властью, везде и всюду распускали разные а/с слухи, разлагали колхозников, срывали работу. После аре-

ста этой сволочи работа заметно улучшилась. Колхозники добросовестно относятся к своим обязанностям".

В беседе с нашим сотрудником колхозники колхоза "16 лет Октября" Бобруйского района заявили: "В 1937 г. работа в колхозе была поставлена плохо, срывались хозполиткампании, дисциплина расшатана, выход колхозников на работу слабый. В 1938 г. органы НКВД арестовали в колхозе 11 шпионов и вредителей. После этого работа улучшилась, колхоз успешно справляется со всеми с/х работами, даже несмотря на то, что рабочей силы стало меньше. На трудодень колхозники получают не меньше 4 кг зерновых и 1 руб. 50 коп. деньгами".

Бригадир колхоза "Энергия коммунизма" Бобруйского района Сокуновский заявил: "В 1937 г. благодаря вредительской деятельности агента польской разведки Яблонского колхоз был доведен до полного развала. После ареста Яблонского и др. врагов народа работа в колхозе улучшилась. Каждый колхоз будет полностью обеспечен хлебом на заработанные им трудодни".

В беседе с нашим сотрудником колхозники колхоза "Интернационал" Осиповичского района заявили: "Наш колхоз был самым отстающим в районе. После того, как органы НКВД арестовали у нас 4 врагов народа, проводивших вредительство, положение изменилось, поднялась активность и заинтересованность колхозников в работе". Другой колхозник колхоза им. Сталина того же района Ярошевич в беседе с нашим сотрудником заявил: "Наш колхоз после ареста врагов народа, которые проводили вредительство, успешно справляется со всеми работами, урожай уже убран и большая часть его обмолочена. В этом году колхоз построил водяную мельницу. Колхозники живут хорошо, каждый из них получит не меньше 2 кг зерновых и 8 кг картофеля на трудодень".

В беседе нашего сотрудника с колхозником колхоза им. Воровского того же района Бирук Винцусем, последний заявил: "Арестованные из нашего колхоза люди действительно саботировали работу и разлагали колхоз. В прошлом году по их вине осталось не скошено 30 га лугов, а в этом году все уже убрано".

Из бесед с колхозниками дер. Тертеж Белыничского района выявлено, что в этой деревне, состоящей из 80 дворов, после произведенных арестов все мужское население составляет 3 чел., но, несмотря на это, колхоз считается одним из передовых в районе. В беседе с наши-

ми сотрудниками колхозники заявляют, что в 1938 г. они стали жить лучше, на трудодень получат больше, чем в прошлом году.

Колхозницы колхоза им. Молотова Белыничского района Шпет Акулина и Шустовская Мария заявили: "Несмотря на то, что в прошлом году в колхозе было больше рабочей силы, все же молотьба затянулась до глубокой осени, а в этом году работа идет быстрее. Почистили колхоз, освободили его от врагов, и жить стало лучше". Колхозники колхоза "Красноармеец" Плещеничского района в беседе с нашим сотрудником заявили, что в колхозе в 1937 г. рабочих-мужчин было 29, из них в конце года и начале 1938 г. арестовано 23. Таким образом, в разгар весеннего сева этого года и последующих сельхозработ в колхозе осталось 6 мужчин и 40 женщин, а между тем колхоз работает сейчас гораздо лучше, чем в прошлом году.

В беседе с нашим сотрудником пред. колхоза "Красноармеец" заявил: "Работа в колхозе по сравнению с прошлым годом значительно улучшилась и только потому, что из колхоза были изъяты шпионы и др. отребье. Если в прошлом году по вине этих врагов пало 6 лошадей, то в этом году таких случаев не было. В прошлом году дисциплина в колхозе совершенно отсутствовала, а сейчас все колхозники с исключительной активностью идут на работу. На 30 августа с.г. некоторые колхозники — Пташник Константин, Пташник Мария, имеют по 280 трудодней. В колхозе нет таких женщин, которые бы имели меньше 80 трудодней".

Колхозница колхоза Дуброво Озерянского сельсовета Рогачевского района заявила нашим сотрудникам: "В прошлом году в колхозе Дуброво ввиду расшатанности трудовой дисциплины было израсходовано около 4000 руб. на наем рабочей силы для уборки сенокоса, в этом году после изъятия врагов народа колхозники сами управились со всеми работами, несмотря на то, что численность семей в колхозе сократилась с 30 до 15. Падеж скота в колхозе прекратился. План молокопоставок на 1938 г. полностью выполнен. Ликвидирована также задолженность за прошлый год".

Пред. колхоза Бигосовского сельсовета Дриссенского района Кавзун Станислав заявил: "Я уже 4 года работаю пред. колхоза. В этом году урожай у нас, как никогда, хороший. Убрали без потерь, полностью выполнили план зернопоставок. В прошлом году у нас плохо было с уборкой урожая, наблюдались большие потери зерна, низкий

был урожай. Этому были причины: враги, залезшие в колхоз, и руководство вредили, гноили хлеб, разлагали колхоз. Органы НКВД этих людей изъяли из колхоза в 1937 г.".

Колхозник Волков Илья из колхоза "Перамога" Ветринского района заявил: "У нас в колхозе правильно арестовали 4-х чел. — бригадира, животновода и др. После ареста этих людей в колхозе стало гораздо лучше. В 1937 г. я получил только 10 пуд. хлеба, а в этом году получу больше 40 пуд. Кроме того, получил уже авансом по 500 г зерна на трудодень и по 8 кг сена".

Колхозник колхоза "Ударник" Белевичского сельсовета Краснослободского района Комяк Петр Самсонович по поводу произведенных в их колхозе арестов врагов заявил следующее: "Кабачевского Тимофея арестовали правильно, он с группой лиц разлагал трудовую дисциплину в колхозе и вообще был несоветским человеком. Теперь в колхозе стало лучше, работаем дружно, уже собрали урожай, половину обмолотили и сдали государству. В этом году повысилась и стоимость трудодня колхозника. Я авансом получил уже по 700 г на заработанные мною 337 трудодней.

Почти все колхозники полностью выполнили свои обязательства перед государством; после того, как арестовали пред. райисполкома Дыгуна и др., в районе стало лучше".

"Колхоз "Чырвоны ўдарнік" Слуцкого района стал неузнаваемым после того, как органы НКВД убрали врагов, — заявила зав. детяслями Уласевич Пелагея. — В нашем колхозе сейчас работа спорится, успешно убрали урожай, полностью рассчитались с государством по всем видам обязательств, и никто нам не мешает. А вот раньше, когда были на свободе Курильчик и Уласевич Федор, то жизни не было, что хотели они, то и делали. Особенно Уласевич, который открыто проводил свою вражескую работу, агитировал колхозников уходить из колхоза, не посещать работу и не голосовать за кандидатов в депутаты Верховного Совета. Когда их арестовали, все колхозники остались очень довольны". № 49814.

Народный комиссар внутренних дел БССР майор государственной безопасности Наседкин.

"Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД". 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 4. стр. 688-696.

Архив ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 541. Л. 138-158. Копия.

http://istmat.info/node/57652

Сообщение наркома внутренних дел Л. Цанавы секретарю Центрального комитета КП(б)Б Пономаренко об окончании расследования по делу Стренадко В.В.
3 июля 1939 г.

Сов. секретно

Лично

На № II-2965 от 13.VI-39 г.

Стренадко Владимир Васильевич, 1896 года рождения, б. председатель Оршанского райисполкома, арестован 28.VI-38 года в гор. Орше.

В процессе следствия установлено, что Стренадко с 1932 года является участником право-троцкистской организации, существовавшей в г. Орше. Будучи председателем Ветковского РИКа, проводил вредительство в сельском хозяйстве, занимался клеветой на членов партии.

Дело по обвинению Стренадко закончено и на основании указания прокурора БССР 17.III-39 года направлено на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

Народный комиссар внутренних дел БССР Л. Цанава.
НАРБ Ф. 4-п, оп. 1, д. 14881, л. 11.

Пытали, фабриковали документы, лично расстреливали…

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия”

Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам окружных, городских и районных отделений НКВД.

Прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей, окружным, городским и районным прокурорам.

Секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что за 1937-1938 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из

себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проделана большая работа также и по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, переброшенной в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и проч. Очистка страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства. Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов.

Это тем более необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937-1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры. Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности, засевших в органах НКВД.

Главнейшими недостатками, выявленными за последнее время в работе органов НКВД и прокуратуры, являются следующие:

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительскую работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых “лимитов” для производства массовых арестов.

Это привело к тому, что и без того слабая агентурная работа еще более отстала и, что хуже всего, многие наркомвнудельцы потеряли вкус к агентурным мероприятиям, играющим в чекистской работе исключительно важную роль.

Это, наконец, привело к тому, что при отсутствии надлежаще поставленной агентурной работы следствию, как правило, не удавалось полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть все их преступные связи.

Такая недооценка значения агентурной работы и недопустимо легкомысленное отношение к арестам тем более нетерпимы, что Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в своих постановлениях от 8 мая 1933 г., 17 июня 1935 г. и, наконец, 3 марта 1937 г. давали категорические указания о необходимости правильно организовать агентурную работу, ограничить аресты и улучшить следствие.

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и проч.).

Часто арестованный не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах арестованных протоколы допроса не всегда ведутся. Нередко имеют место случаи, когда показания арестованного записываются следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время (декада, месяц и даже больше), составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование статьи 138 УПК о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения.

Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователем протоколы показаний, включа-

ются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения и т.п.

Органы прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконяют эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры — как в центре, так и на местах — враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью "дела" против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.

Все эти отмеченные в работе органов НКВД и прокуратуры совершенно нетерпимые недостатки были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства и тем самым облегчить себе и своим сообщникам возможность продолжения своей антисоветской, подрывной деятельности.

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и прокуратуры— СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Запретить органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

Выселение из погранполосы допускается в каждом отдельном случае с разрешения СНК СССР и ЦК ВКП(б) по специальному представ-

лению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР.

2. Ликвидировать судебные "тройки", созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также "тройки" при областных, краевых и республиканских управлениях рабоче-крестьянской милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР.

3. При арестах органам НКВД и прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 г.;

б) при истребовании от прокуроров санкций на арест органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы;

в) органы прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверять обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов;

г) органы прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований. Установить, что за каждый неправильный арест, наряду с работниками НКВД, несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования Уголовно-процессуальных кодексов.

В частности:

а) заканчивать расследование в сроки, установленные законом;

б) производить допросы арестованных не позже 24 часов после их ареста; после каждого допроса составлять немедленно протокол в соответствии с требованием статьи 138 УПК с точным указанием времени начала и окончания допроса.

Прокурор при ознакомлении с протоколом допроса обязан на протоколе делать надпись об ознакомлении с обозначением часа, дня, месяца и года;

в) документы, переписку и другие предметы, отбираемые при обыске, опечатывать немедленно на месте обыска, согласно ст. 184 УПК,

составляя подробную опись всего опечатанного.

5. Обязать органы прокуратуры в точности соблюдать требования Уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД.

В соответствии с этим обязать прокуроров систематически проверять выполнение следственными органами всех установленных законом правил ведения следствия и немедленно устранять нарушения этих правил; принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т.п.

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие признать необходимым:

а) установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждаются ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и Прокурора Союза ССР;

б) обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в 2-месячный срок проверить и представить на утверждение в ЦК ВКП(б) кандидатуры всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД;

в) обязать Прокурора Союза ССР т. Вышинского выделить из состава работников центрального аппарата политически проверенных квалифицированных прокуроров для осуществления надзора за следствием, проводимым центральным аппаратом НКВД СССР, и в 2-декадный срок представить их на утверждение ЦК ВКП(б).

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в приказе от 23 октября 1938 г. В частности, одобрить решение НКВД об организации в оперативных отделах специальных следственных частей.

Придавая особое значение правильной организации следственной работы органов НКВД, обязать НКВД СССР обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных политически и зарекомендовавших себя на работе квалифицированных членов партии.

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу Народного комиссара внутренних дел СССР.

8. Обязать НКВД СССР и Прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД и прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры и на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и прокуратуры, не взирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотов
Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1204. Л. 108-117. Подлинник.

Справка на начальника УНКВД по Гомельской области лейтенанта государственной безопасности Шлифенсона Самуила Иосифовича

26 ноября 1938 г.

Совершенно секретно

Шлифенсон Самуил Иосифович — 1903 г. рождения, уроженец г. Велижа, Зап. области, еврей, из служащих, служащий, член ВКП(б) с 1921 года, образование низшее, в органах НКВД с 1921 года (в период с 1925 по 1932 гг. служил в пограничной охране). Член ЦК КП(б)Б и депутат Верховного Совета БССР. В 1937 г. награжден орденом “Красная Звезда”.

Неоднократно производившейся проверкой следственной работы НКВД БССР, обследованием в августе и в сентябре 1938 года, заявлениями ряда работников НКВД БССР и показаниями некоторых арестованных установлено, что Шлифенсоном культивировались различные извращения в методах следственной работы, приводившие к грубым нарушениям революционной законности.

Возглавив с лета 1937 г. Оршанскую оперативную группу, созданную при проведении операции по кулацко-уголовным элементам, которая затем была оставлена для проведения операции по приказу

00485 и другим, Шлифенсон в середине ноября 1937 года был назначен также по совместительству Начальником Могилевского Горотдела, которым он руководил до 1-го января 1938 года. Здесь он лично создал камерную агентуру, которая, вместо того, чтобы разрабатывать арестованных врагов, незаконными методами вынуждала их к даче показаний часто провокационного характера.

Лично Шлифенсон, и по его указаниям также и бывший Начальник 3-го Отделения Давиденко, (справка на Давиденко составлена отдельно) создали в Могилевской тюрьме 2 особые, так называемые "режимные" камеры, из которых были выброшены топчаны и нары и были созданы крайне тяжелые условия, значительно превосходящие обычный карцер. Через эти "режимные" камеры пропускались почти все арестованные. В эти же камеры была помещена созданная Шлифенсоном "агентура", которая методами физического воздействия вынуждала арестованных давать какие-либо показания, причем в ряде случаев содержание показаний подсказывались арестованным камерным агентом. Шлифенсон прямо заявил следователям: "Все, что Вы будете делать с арестованными, меня это не касается, мне только нужны их признания". Все руководство следователями проводилось Шлифенсоном таким образом, чтобы выхолостить всякую партийность в следственной работе и добиваться показаний каким угодно путем, не вдаваясь в вопрос о том, правильны ли эти показания и нет ли среди арестованных людей, взятых по ошибке.

Когда некоторые работники ставили перед Шлифенсоном вопрос о неправильных и незаконных действиях камерной "агентуры", он отвечал им: "Что делается в подвале, меня не касается, я интересуюсь только количеством сознавшихся".

Установлено, что когда один из работников написал рапорт об имевших место безобразиях на имя бывшего Наркома НКВД БССР Бермана, и Шлифенсон узнал об этом, он на одном из оперативных совещаний предупредил весь оперативный состав о том, что писать о таких вещах могут только враги, не имеющие ничего общего с партией, что этими людьми нужно поинтересоваться и их проверить.

После назначения в январе 1938 года Начальником Гомельского Горотдела (сейчас УНКВД по Гомельской Области) Шлифенсон перенес

эти же методы и в Гомель. Обследованием установлено, что он создал в Гомеле аналогичную описанным выше "режимную камеру", в которой арестованные содержались в недопустимых условиях.

На основании вышеизложенного, Шлифенсон С.И. за грубые нарушения революционной законности подлежит аресту.

Нарком внутренних дел БССР майор гос. безопасности Наседкин.
НАРБ Ф.4, Оп. 21, Д. 1398, Л. 63-65. Оригинал.

Документ №

[Прокурор Белорусской ССР. "7"I-1939 г. №17/21-сс]

Сов. Секретно.
Экз. №1
Секретарю ЦК КП(б)Б
тов. Пономаренко

При проверке состояния следственной работы в Речицком райотделении УГБ НКВД установлено, что в июле месяце 1938 года в Речицу приехал б. нач. областного отдела УГБ НКВД БССР Шлифензон, который собрал оперативное совещание работников УГБ и милиции, на котором сообщил, что предстоит большая работа по выявлению граждан, проживающих в Речицком районе, — поляков, латышей, немцев и других национальностей, так как они являются шпионами капиталистических государств.

После отъезда Шлифензона, б. нач. райотделения УГБ Воловик (в настоящее время работает в Бобруйском отделе УГБ) вторично созвал оперативных работников и указал, что Речицкому району дано задание выявить и арестовать 300 человек вышеуказанных национальностей, для чего дал задание выявить по предприятиям и сельсоветам таких лиц. Одновременно Воловик предложил работникам УГБ и милиции при выявлении лиц указанных национальностей, приступить к оформлению на них материалов; при допросе свидетелей по этим делам предупреждать, что их в суд для допроса вызывать не будут, что показания их нужны только для получения санкции на арест выявленных лиц, после чего протоколы допросов свидетелей в Гомельском областном отделе УГБ будут уничтожены и арестованные будут разоблачены как шпионы капиталистических стран своими собственными признаниями.

Таким образом, оперативные работники Речицкого райотдела УГБ и милиции приступили к выполнению задания Шлифензона и Воловика, арестовывая граждан не по конкретным фактам совершенных ими преступлений, а в зависимости от их национальности.

Прокуратурой БССР в настоящее время производится проверка и выявление неправильно арестованных лиц.

О чем довожу до Вашего сведения.

Прокурор Белорусской ССР (Подпись) (Новик).

Конец 1938 г.

Секретарю Гомельского обкома КП(б)Б тов. Жиженкову г. Гомель, Секретарю ЦК КП(б)Б тов. Пономаренко, г. Минск, копия: Секретарю ЦК КП(б) тов. Сталину, Москва

В Гомельском УНКВД БССР сидят враги Шлифенсон, Равинский, Суров. Все они члены КП(б)Б, Шлифенсона арестовали, а остальные на свободе, чувствуют себя неважно. Эти люди арестованных допрашивали так, что все арестованные сознавались: для этого их били, издевались над ними, устроили специальную камеру-“парилку”, где в невероятной духоте и жаре люди могли только стоять, люди падали в обморок и поэтому сознавались. Вполне понятно, сознавались и те, кто ошибочно был арестован. После постановления ЦК и СНК от 17.XI.38 г. большинство стало не сознаваться и их освободили — это и доказывает, что раньше сознавались невиновные. Руководили всем этим Шлифенсон, Равинский, Суров. Есть еще такой Пинский — холуй и подхалим, который этих невинных расстреливал в Гомеле и Орше, поэтому его из Орши и привез с собой Шлифенсон. Он тоже член КП(б)Б.

Если пытались докладывать, что тот или иной обвиняемый не виноват, то таких людей (Галей, Кузнецов, Курганов) приравнивали чуть ли не к врагам и снимали со следствия, создавая вокруг них невозможную обстановку. Эта “тройка” буквально терроризировала районных руководителей. Вокруг себя создавали такую обстановку подхалимства и склочничества, прикрывались криками о партийности. В партколлективе УНКВД критика и самокритика зажата и теперь зато есть сильная круговая порука. Нет, если бы это разбить, тогда все стало бы ясно. Теперь по решению ЦК Равинский и Суров должны утвер-

ждаться ЦК ВКП(б). Нельзя таких людей допускать на ответственную работу, их немедленно надо изгнать из партии и из НКВД. То, что они сознательно проводили вражескую работу — это доказано, это может подтвердить любой коммунист.

Прошу по этому вопросу вызвать Галея, Кузнецова — Речица, Курганова, Подъельца, Литвиненко и др.

Атмосферу в НКВД Гомеля надо разрядить помимо НКВД, т.к. Кашицин пока это прикрывает от партийных органов, настроен "ссор из избы не выносить".

Сопроводительная записка к делу: материал пока отложить.

Ф. 4-п, воп.1, спр. 13240, л. 5-6.

Докладная записка секретаря ЦК КП(б) Б П.Пономаренко заведующему ОК по ЦК ВКП(б) Маленкову о недостатках и искривлениях работы НКВД БССР, вскрытых в связи с проверкой работников (выдержка)

25 ноября 1938 г.

В практике работы органов НКВД Белоруссии производились аресты не только без санкции прокуроров, но даже и в таких случаях, когда прокуроры отказывали в санкции на арест. Во многих случаях арестованные, при наличии отказа прокуроров в даче санкций, освобождены ввиду недоказанности и вздорности предъявленных обвинений.

Примеры:

а) В июне 1938 г. НКВД Белоруссии было отказано в санкции на арест Ходаковского Владимира Иосифовича. В справке на арест было указано, что Ходаковский является уроженцем г. Риги, откуда прибыл на жительство после смерти отца в 1916 г. Отец якобы служил в полиции. Ходаковскому было в момент переезда и смерти отца всего 7 лет, данных, подтверждающих службу отца в полиции, не было, никаких других обвинений Ходаковскому не предъявлялось. Прокурор Соколов отказал в санкции на арест.

Несмотря на это, по распоряжению пом. наркома Стояновского (теперь исполняет обязанности зам. наркома), Ходаковский был арестован, просидел более 4-х месяцев, после чего дело было прекращено, и Ходаковский освобожден.

б) Точно таким же образом было отказано в санкции на арест Гулевича Франца Ивановича. Он же был по распоряжению того же Сто-

яновского арестован и после 4-х месячного незаконного нахождения под стражей освобожден.

в) Прокуратурой было отказано в санкции на арест врача Николаева, т.к. основанием для ареста были довольно путанные показания некой Нейлан. Прокурор потребовал передопроса Нейлан. Однако по распоряжению Стояновского Николаев был арестован, а прокурору было сообщено Н-ком 5 отдела Широким о том, что Нейлан передопросить нельзя, так как она расстреляна. Оказалось, что здесь пустились на обман. Нейлан не была расстреляна и, будучи впоследствии передопрошенной в нормальной обстановке, отказалась от своих показаний на Николаева. После нахождения под стражей около 5 месяцев, в ноябре Николаев был из-под стражи освобожден.

В моем распоряжении имеются и другие факты арестов, вопреки отказам в санкции. Характерно, что арестовывая без санкции, Стояновский и его помощники создавали о прокурорах, отказывавших в санкции, мнение как о "укрывателях шпионов" и т.д. По моему поручению сейчас расследуется провокационная попытка Стояновского расправиться с военным прокурором пограничных войск НКВД Соколовым.

2. Имеются многочисленные случаи создания провокационных дел в центральном аппарате, в областных управлениях и районных отделах. Избиением вынуждали показания и, не имея никаких доказательств вины, кроме вынужденного признания, осуждали. В ряде случаев совершали подлоги, составляя показания за обвиняемых, подделывая подписи и т.д.

Примеры:

а) Работниками НКВД была запрошена санкция прокурора на арест Мамонтова А.А., подозреваемого в хищении документа. Прокурор в санкции отказал. Распоряжением Стояновского Мамонтов все же был арестован. В результате следствия, заключавшегося в конвеерном избиении сотрудниками НКВД — Широким и Тетериным, подозреваемый "признался", что он шпион. Несмотря на то, что на другой же день Мамонтов подал заявление на имя наркома о том, что он не шпион, что его били, Стояновский и Широкий сделали попытку направить дело Мамонтова на рассмотрение в Особом заочном порядке, вписав ложно в составленную справку, что он виновным в шпионаже себя

признал, скрыв его заявление. Дело было Военной прокуратурой задержано и в ноябре с.г. Мамонтов из-под стражи освобожден.

б) В мае 1938 г. Военной коллегией Верхсуда СССР в г. Минске рассматривалось дело военнослужащего Нотовича Исаака. Доказательство вины заключалось в его личном признании, что он участник военно-фашистского заговора. Так как Нотович на суде отказался от своих показаний, как вынужденных избиениями, а других доказательств не было, дело было снято на доследование. Доследования никакого произведено не было. В августе м-це с.г. сотрудником НКВД Широким из дела были изъяты все документы, относящиеся к заседанию Военной Коллегии, и составлено новое обвинительное заключение со справками и ложными данными о том, что Нотович себя виновным признал, и сделана попытка направить дело для рассмотрения во внесудебном порядке. Обвинительное заключение с ложными данными утверждено Стояновским.

в) Заслуживает внимания в этом смысле дело Темкина. Арестован он был по показаниям нескольких врагов народа о том, что якобы Темкин — участник военно-фашистского заговора. Показания были абсолютно неконкретными, ни о какой его практической работе не говорили, а двое из показавших на очной ставке спорили о том, кто от кого слышал, что Темкин участник заговора. Несмотря также на то, что собственно Темкин способствовал разоблачению одного из них, также показавшего потом на Темкина, несмотря на то, что легко было достать документы, говорящие о том, что Темкин, будучи на свободе, именно против показавших на него вел борьбу, могли быть найдены политдонесения, где он характеризовал работу этих лиц как врагов, отрицательные характеристики, которые он давал этим людям. Они прошли мимо того, что с этими документами враги из Политуправления знакомили тех, на кого Темкин писал. Зная все это, никто не заподозрил возможного оговора. Вместо настоящего следствия Темкин беспрерывно избивался, хуже того, к нему были применены утонченные способы физических издевательств. Несмотря на это, Темкин не сознался. (Следствие производил орденоносец Быховский).

Данные расследования производимого сейчас все более убеждают в том, что Темкин является жертвой своих резких, действительно имевших место, выступлений против Бермана, Волкова, Ананьева,

агентурные данные о которых (выступлениях) сейчас же поступали Берману. Остальное уже нетрудно было организовать.

Сотрудник Витебского Горотдела НКВД Коновалов систематически фабриковал протоколы, вызывал арестованных и под предлогом сличения с подписью арестованного в паспорте отбирал у них подписи на чистом листе бумаги, после чего вписывал туда показания, какие сам находил нужным.

Сотрудник Оршанского райотдела НКВД Хайкин занимался подтасовкой материалов, а в некоторых случаях составлял фиктивные протоколы допросов, обманным путем добивался подписи фиктивно составленных протоколов. Таким образом, были провокационно сфабрикованы дела Чурака Д.Н. и Ренейской В.А. По делу производилось следствие, и Хайкин вместо предания суду Военного трибунала по приказу наркома внутренних дел был подвергнут административному наказанию — аресту на 20 суток.

3. В моем распоряжении имеются данные о том, что в Гомельском облотделе следователи Толпинский, Дроздов, Алексеев, Винокуров систематически избивают арестованных и производят подлоги. Сам начальник областного управления Шлифенсон, будучи еще на работе в Могилеве, сфабриковал ряд провокационных дел. Шлифенсон не заслуживает доверия, и по его делам мною предложено начать следствие.

4. В Могилевском облуправлении НКВД сотрудник Семочкин занимался также подлогами и фабрикацией показаний. Семочкин полностью сфабриковал протоколы допросов по делам: Заварилова, Вагель, Големского, Лектяева, Шпаковского, Шамавлеева, Элькинда и Шульман.

Заслуживает быть отмеченным, что большое количество обвиняемых, проходящих по Могилевскому обл. отделу, на судах отказываются от своих показаний. Будучи направленными обратно в распоряжение облотдела, вновь подтверждают (как правило) свои показания. Выявлен, например, факт, что некоторые сотрудники, находящиеся в распоряжении коменданта Могилевского обл. управления и получающие зарплату 250-300 руб., имеют на сберкнижках по 5000 рублей. Этот факт вызывает подозрение в мародерстве.

Начальник управления Ягодкин пьет, иногда бывает пьяным, даже при исполнении служебных обязанностей; производит впечатление человека не партийного. Заместителя прокурора по спецделам (по

надзору за делами, проходящими через НКВД) Лифшица, человека безвольного, подчинил своему влиянию настолько, что последний превратился буквально в осведомителя НКВД по делам литературы и вместе с Ягодкиным создает недопустимую обстановку для обл. прокурора Михеева.

Ягодкин так привык к бесконтрольности, что везде рассказывает, в том числе и меня информировал, как о тягчайшем преступлении прокурора Киреева, заключающемся в том, что последний имеет привычку приходить в обл. управление и (подумайте) "заглядывает, а иногда и сидит в комнате, где следователь НКВД производит допрос". С Киреевым не расправились только благодаря моему вмешательству.

1. Должен сказать, что Наркомвнудел Наседкин находится в плену у мысли, что он уже все очистил, как только приехал, что теперь работают иными методами, что извращения ликвидированы и т.д. Это, безусловно, неправильно. Приведенные мной факты, а их гораздо более, говорят об обратном. Кстати сказать, за исключением одного факта, он меня не информировал, и я не думаю, что потому, что он о них не знает, я думаю, скорее потому, что не хочется сор из избы выносить.

Об этом наводит на мысль и такой, например, факт. Почти о всех случаях задержки диверсантов и шпионов пограничниками они мне сообщают, а вот о том, что в ноябре м-це было 3 случая, когда на участке 22 и 13 погранотрядов прорывались вооруженные группы из Польши и, совершив то, что им было нужно, уходили безнаказанно обратно. Об этом не информируют. Одна из вооруженных групп на участке 22 отряда дошла до такой наглости, что зашла в село, задержала несколько граждан, отобрала у них паспорта и ушла обратно в Польшу. Об этом также не информируют, и я узнаю это из других источников.

2. Два слова об агентурной работе. Сейчас у меня нет достаточных данных, чтобы дать оценку этой работе. Однако в ряде случаев агентура внутренняя работает в направлении совершенно не нужном. Так, например, Наркомвнуделом Белоруссии на основании агентурных данных была составлена и прислана мне докладная записка "О выполнении решений январского пленума парторганизации Белоруссии", ничего нового не давшая для парторганов. Напрасная работа. А сейчас Наркомвнудел на основании агентурных данных готовит до-

кладную записку "О авангардной роли коммунистов на производстве и в учреждении". Тоже бесполезная работа, т.к. инструктора парторганов это сделают лучше, а агентуру целесообразнее поставить, как говорят, "ближе к делу".

О последующем информирую следующей запиской.

Секретарь ЦК КП(б)Б Пономаренко.
НАРБ Ф. 4-п, воп.1, спр.13201, л. 30-36.

Докладная записка Решетникова секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко "О грубом нарушении революционной законности начальником оршанского горотдела Щуровым Н.Г."

Сов. Секретно

14 марта 1939 г.

Щуров Н.Г., 1907 г. рождения, чл. ВКП(б) с 1928 г., уроженец г. Горки БССР, будучи на руководящей работе в органах НКВД на протяжении 1937-1938 гг., грубо нарушал рев. законность, допускал истязания и исключительный садизм во время допроса арестованных, заставлял таким образом давать вымышленные показания.

Щуров, будучи начальником Оршанского Горотдела НКВД, незаконно привел в исполнение приговоры над 14-ю осужденными, вопреки приказу НКВД СССР №00762 от 26.11.1938 г., оформив приговоры об исполнении прошедшими датами.

Кроме того, работая Начальником 3-го отделения Могилевского УНКВД, создал в камере агентуру, которой давал вражеские установки избивать арестованных, создавая агентам- камерникам привилегии… В результате вражеской работы агентуры агентами-камерниками было убито 8 человек..

По заданию Щурова агенту-камернику Лонскому было принесено в камеру чернило и предложено написать показание на ряд жителей Шкловского района, где проживал Лонский. Последний в камере писал, что в Шкловском районе в с/советах проживают враги, оклеветал 18 чел., которых по материалам арестовали и сразу же посадили в камеру №6, где сидел Лонский. В силу тяжелого режима камеры и избиений со стороны Лонского, арестованные дали на себя вымышленные показания. Впоследствии были освобождены, как невинно арестованные.

Щуров за вражескую работу камерному агенту Орлову выдал 150 руб. вознаграждения, а также освободил последнего из-под стражи, несмотря на то, что состав преступления Орлова по 72 ст. УК БССР был полностью доказан (Орлов нами арестован и привлекается к уголовной ответственности).

Щуров, работая нач. следственной части 3-го отдела УГБ НКВД БССР, в 1937 г. грубо нарушал рев. законность, применял к арестованным физические меры воздействия, вынуждая таким образом дать показания, заставлял эти методы применять к арестованным подчиненный ему аппарат.

Кроме того, Щуров, работая в органах НКВД, имел тесную связь с польперебежчицей Гольдер (ныне арестована и разоблачена как польшпионка).

Щуров от занимаемой должности отстранен и возбуждено ходатайство о привлечении его к судебной ответственности.

О чем сообщается для Вашего сведения.

Зам. НКВД капитан ГБ Решетников.
НАРБ Ф. 4, воп. 21, спр. 1677, л. 119-121. Оригинал.
Записка опубликована на сайте "Мемориала".

Дак. №129. Сообщение военной прокуратуры войск НКВД Белорусского округа об опротестовании приговора Военного трибунала в отношении офицеров НКВД Розкина и Власова как чрезмерно мягкого

30 красавіка 1939 г.

Сов. Секретно. Справка.

В январе м-це 1939 г. была арестована и предана суду ВТ группа работников НКВД БССР: — Пом. Наркома Внутренних дел БССР Стояновский, Нач-к 1-го Спецотдела НКВД БССР – Розкин, Нач-к Могилевского Облотдела НКВД – Ягодкин, Нач-к Полесского Облотдела Кауфман, Нач. Витебского Облотдела НКВД – Ряднов, его заместитель Власов и Нач. 3-го Отд. Витебского Обл. Отдела НКВД – Левин.

Указанные лица, после получения решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.Х1-38 и приказа НКВД СССР за №00762 от 26.Х1-38 г., расстреляли 371 чел., решения в отношении которых были отменены и дела подлежали доследованию.

Для сокрытия своих преступлений они составляли фиктивные акты о применении ВМН к осужденным задними числами.

Военный трибунал П. и ВВ НКВД Бел. округа в судебном заседании от 7-11 апреля с.г. приговорил Стояновского, Кауфмана и Ягодкина по ст. 180 п. "б" УК БССР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу.

Розкин, Левин и Власов по ст.180 п "а" УК БССР осуждены к 10 годам ИТЛ, дело в отношении Ряднова выделено в отдельное производство, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

Названным приговором Военного Трибунала, ВТ признал виновным Розкина и Власова по п. "а" ст. 180 УК, а не по п. "б", как квалифицировались действия Розкина и Власова.

В данном случае ВТ подошел неправильно к оценке действий Розкина и Власова, следствием чего и определил меру наказания — 10 лет лишения свободы, не соответствующую содеянному и тяжести последствий.

Розкин в приведении в исполнение отмеченных приговоров играл одну из руководящих ролей. Им составлялись списки, подписывалось письменное указание, составленное так, чтобы "запутать следы" и остаться в стороне, в случае возбуждения расследования, а также приговором признано доказанным, что помимо этого Розкин в феврале м-це 1938 года участвовал в совершении подлога в решении внесудебной инстанции, внеся изменения в приговорах Рейзина, Каплана и Найшулера, исправив 10-летний срок на ВМН, в результате чего указанные лица были расстреляны.

Последствия преступлений Розкина следует отнести к особо тяжелым, а поэтому он должен быть осужден по санкции п. "б" 180 ст. УК БССР.

Власов в приведении приговоров в исполнение по гор. Орша был самостоятелен, и его преступление не отлично от преступлений Ягодкина и Кауфмана. В отношении его также должна быть применена санкция п. "б" ст. 180 УК БССР.

Приговор ВТ в отношении Розкина и Власова мною 15.IV.1939 г. опротестован перед Военной Коллегией Верховного суда СССР.

Военный прокурор войск НКВД Белорусского округа — Бригвоенюрист Соколов

НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 14641, л. 9-10.

Из докладной записки в сельхозотдел ЦК ВКП (б) о выполнении постановления ЦК ВКП (б) и ЦК СССР от 27 мая 1939 г. "О мерах по защите общественных земель колхозников от разбазаривания" по Витебской области.

17 июля 1939 г.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания" встречено широкими массами колхозников в Витебской области как выражение великой заботы партии и правительства о дальнейшем укреплении колхозного строя, о дальнейшем развитии нашего социалистического сельского хозяйства.

Колхозники Витебской области отвечают на это постановление партии и правительства новым подъемом политической активности и производственными успехами, выражающимися в сселении хуторов в колхозные центры и подготовке к уборке урожая.

[...]

В Дубровенском районе Савенском с/совете на территории колхоза "Чырвоная Слабада" жил единоличник Валицкий. 15.VI-39 г. предколхоза Шабанов пришел предупредить Валицкого о том, что завтра ему по плану нужно сносить свой хутор в колхозный центр. Когда он подошел к его дому, оттуда выбежало 12 женщин-единоличников с палками и вилами, набросилось на председателя колхоза и избило его, три женщины, зачинщицы этих побоев, назавтра были арестованы, и 25.VI.1939 г. дело разбиралось выездной сессией Облсуда, одну из них присудили к 4 годам лишения свободы, другую — к 3-м годам.

В этом же с/совете у единоличника Уновкина Емельяна при разборе хаты на чердаке найдено николаевских бумажных денег 5800 рублей, деньги изъяты и переданы органам НКВД.

В Сиротинском районе в колхозе "Чырвоны барацьбіт" Жеребычского с/совета колхозник Лаврентьев Яков заявил: "Нас гонят в коммуну", а Лаврентьев Петр заявил: "Нас гонят в концентрационные лагеря".

В Оршанском районе Гальцевском с/совете единоличник Кулик Макар развесил на телеграфных столбах объявление следующего содержания: "С ведома Гальцевского с/совета продается разобранная хата Кулика Макара, которая мне не нужна, я могу жить в окопах". Вто-

рое его объявление: “Сдаю все имущество партии ВКП(б) под государственный фонд, который требую заменить в другом месте”.

В том же районе Кудаевского с/совета единоличник Антоненко Апанас после отрезки у него захваченной колхозной земли 0,7 га ночью на своей лошади плугом отвел границы своего хутора, захватил в свои владения колхозных посевов 3,25 га, и на всех 4-х углах участка плугом вспахал 4 креста и насадил на них березки. Около своего двора на березке повесил большой церковный крест и черный флаг. При входе в его дом на фанерном ящике написал: “Нам свои фашисты не страшны, страшны фашисты извне, которые нас зовут к себе”.

[…]

Зам. зав. Сельхозотделом Витебского обкома КП(б)Б Эльберт

Сопроводительная записка:

ЦК КП(б)Б Информационный отдел. Оргинструкторский Отдел Витебского обкома КП(б)Б при сем препровождает докладную о ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б)Б и СНК СССР от 27 мая 1939 г. “О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания” согласно вашего запроса.

Приложение: Упомянутое на 8 листах. Информатор Витебского обкома КП(б)Б Воскобойникова

НАРБ Ф. 4-п, воп. 1, спр. 14629, л. 23-29.

Док. №150. Сведения на бывшего начальника Оршанского Горотдела НКВД БССР Щурова М.Г.

15 сентября 1939 г.

Щуров Николай Георгиевич[108], будучи нач. Оршанского Горотдела НКВД, совместно с б. зам. нач. УНКВД по Витебской области Власовым (осужден) 2-го декабря 1938 года вопреки приказа НКВД СССР №00762 привели в исполнение отмененные приговоры к ВМН над 15-ю осужденными.

В целях сокрытия своих преступных действий Щуров и Власов акты об исполнении приговоров оформили путем подлогов прошедшими датами, т.е. 21 ноября 1938 г. Щуров, будучи нач. 3 отделения УНКВД по Могил. области, имел связь и руководил работой провокационной камерной агентуры.

108

За совершенные вышеуказанные преступные действия Щуров 15 июня 1939 г. арестован, и 27.VIII. 39 г. дело следствием закончено и направлено по подсудности в Военный Трибунал П и ВВ НКВД БО.

Особоуполномоченный НКВД БССР ст. лейтенант ГБ Киселев.

НАРБ Ф. 4-п, воп.1, спр. 14696, л. 367.

Док. №151. Докладная записка наркома внутренних дел Л. Цанавы секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко о необоснованных арестах Оршанским горотделом НКВД

3 апреля 1939 г.

Совершенно секретно

В период июня-августа месяца 1938 года бывшим начальником Оршанского горотдела НКВД Зайцевым, с санкции быв. нач. 4 отдела УГБ НКВД БССР Ермолаева, были арестованы 19 человек разных районных работников Оршанского района, а именно:

28 июля 1938 года был арестован председатель Оршанского райисполкома Стренадко Владимир Васильевич, член ВКП(б) с 1919 года. Арестован на основании составленной справки быв. начальником Оршанского горотдела НКВД Зайцевым и быв. оперуполномоченным того же горотдела Пименовым, — что Стренадко является участников к-р шпионской организации.

На допросе 11-28 июля, 8 октября 1938 г. в своих показаниях Стренадко показал, что он с 1932 г. является членом к-р организации правых, завербован б. наркомом юстиции Левковым. Также на этих допросах Стренадко назвал 25 человек участников к-р организации правых — работников из районного партийного актива.

17 июля 1938 г. на основании составленной справки был арестован зоотехник Оршанского райзо Воевода Никифор Венедиктович. Причиной ареста послужило то, что по признакам Воевода является агентом польской разведки и по заданию последней проводил диверсионно-шпионскую работу в области сельского хозяйства.

На допросе 21 июля 1938 г. Воевода показал, что он действительно является агентом польской разведки с ноября 1935 года. Для шпионской деятельности был завербован польагентом Костюковичем — "Цель и задачи нашей к-р организации правых были отторжение Белоруссии от СССР". Кроме того, Воевода назвал 30 человек участников организации. Будучи передопрошен 15 января 1939 г.,Воевода от

своей шпионской деятельности отказался, мотивируя тем, что показания им были даны вымышленные — в силу жестокого камерного режима.

В июне месяце 1938 г. по справке, составленной теми же работниками, был арестован секретарь Оршанского райкома КП(б)Б Черняков Арон Алтерович. Черняков со дня ареста по день освобождения никаких показаний не давал, несмотря на то, что к нему со стороны следователей применялись незаконные методы следствия.

С мотивировкой, как участники право-троцкистского блока, были арестованы [...]

От всех вышеперечисленных, следователями Зайцевым и Пименовым были получены показания, что все они являются участниками право-троцкистского блока.

В сентябре месяце 1938 года дело было закончено и направлено на рассмотрение Особой "тройки" НКВД БССР. Дело с "тройки" было снято и направлено в Оршанское РО НКВД на доследование. В результате доследования было установлено, что ряд лиц, в частности, Короткин Ф.М., Гуревич Мирон Григорьевич, Черняков Арон Алтерович, Хороший Степан Егорович, Ефимов Иван Григорьевич, Кулишов Василий Иванович, Степанов Николай Степанович, Садовский Сергей Филиппович и др., были арестованы необоснованно — в справках на их арест делались ссылки на показания разоблаченного в свое время врага народа Костюковича, в то время как Костюкович на них показаний не давал. К тому же в справке на арест Кулишова приведена выдержка из показаний обвиняемого Воеводы, в которой написано, что Воевода якобы показал: "Членами нашей организации являются Кулишов В.И...", а в действительности в протоколе допроса обвиняемого Воеводы этого нет.

Установлено, что от ряда арестованных по этому делу брались явно вымышленные показания. Так, например, Райхман показал, что он пошел на вербовку якобы из-за того, что ему Костюкович обещал назначить большое жалование, предоставить хорошо оборудованную квартиру в центре города.

В показаниях Леоновича по вопросу вербовки, указано, что Соскин завербовал Леоновича в купе вагона, когда они ехали в г. Минск на XVI-й партсъезд, и вербовал его в присутствии нескольких человек. В отношении своей шпионской деятельности Леонович показывал, что

он в 1937 г. передал Соскину шпионские материалы о строительстве на льнокомбинате трех домов, о мобфонде лошадей РККА и о наличии механической силы в МТС.

Как установлено, эти материалы Соскин, будучи секретарем РК КП(б)Б, мог получить официально без Леоновича, и в получении их не имел никаких затруднений.

Как видно из этих фактов, со стороны Пименова и ряда других работников, было проявлено непартийное отношение к следствию и допущено безобразное оформление показаний арестованных, в результате этого и получилось, что все арестованные давали явно неправдоподобные показания — вымышленные, в правильности которых следствие слепо верило.

Помимо этих лиц, был арестован ряд председателей колхозов и колхозников, которые, как установлено доследованием, не только не являлись участниками так называемого право-троцикстского блока, но даже не знали, что это за блок. Например — Хороший, Ефимов и др.

Расследованием установлено, что все дело было построено на общих фразах; от арестованных брались списочные показания, в частности, от Баранова были взяты показания, в которых фигурировал список на 52 человека "участников" из числа районного партийного актива. Одновременно с этим, доследованием выявлено, что б. работник горотдела Пименов входил в прямой сговор с арестованным Стренадко, которому называл фамилии Рассказова, Кровина (прокурора Оршанского района) и других, прося Стренадко дать на них показания, как на участников организации, с тем, чтобы подвергнуть их аресту. С этой целью, вплоть до прибытия в г. Оршу (октябрь 1938 г.) быв. нач. горотдела Щурова, Стренадко содержался Пименовым в исключительно привилегированных условиях.

Наряду с этим, также было установлено, что в момент ведения следствия по делу, Пименовым и Гинбургом (Гинсбургом?) (июль-август 1938 г.) допускались грубые нарушения революционной законности, применение к арестованным, без всякого на то повода, карцера, физическое избиение отдельных арестованных: Чернякова, Воеводы и др.

В силу такой практики ведения следствия, все арестованные при передопросах от своих прежних показаний по вопросу принадлежности к так называемой организации право-троцкистского блока отказались.

Их показания, данные на предварительном следствии, были подвергнуты нами самой тщательной проверке путем передопроса свидетелей, сбора данных об их практической деятельности и пр. В результате дело в отношении Баранова, Ефимова, Хорошего, Райхмана, Гуревича, Короткина, Степанова, Чернякова, Леоновича, Веველя, Кулишова, Ваккара, Садовского и Милащенко на протяжении января-февраля 1939 г. пришлось прекратить и их из-под стражи освободить.

В отношении Стренадко, Протасевича, как действительно совершивших различные уголовные преступления, в большинстве случаев хозяйственные, — предать суду.

В настоящее время по делу осталось 3 человека: Воевода Никифор Венедиктович — б. зоотехник райзо, Нестерович Владимир Иванович — б. ст. райврач, и Власенов Михаил Семенович — быв. зав. вет. баклабараторией; следствие в отношении которых продолжается по признакам ст. 69 УК БССР, для чего создана авторитетная экспертная комиссия, которая свою работу уже заканчивает и в ближайшее время следствие по этим арестованным Оршанским РО НКВД будет закончено.

НКВД БССР Л. Цанава.

Источник: И. Романова. Сборник документов "Урад і грамадства: БССР у 1929-1939 гады".

НАРБ Ф. 4-п, оп. 1, д. 14638, л. 1-8.

Строго секретно

Протокол заседания Бюро ЦК КП(б) Белоруссии №140 п. 102 от 22/III-1940 года.

Слушали:

Дело т. Ракитского Сергея Григорьевича, 1910 г.р., уроженец дер. Лески, Урицкого района, Орловской области, русский, служащий, из батраков, образование низшее. Состоял в комсомоле с 1925 года по 1939 г. Членом ВКП(б) состоял с 1939 г., партбилет №2319701. В органах НКВД работает с 1937 г.

В момент привлечения к партответственности и в настоящее время работает оперуполномоченным транспортного отделения НКВД ст. Минск.

Решением Витебского обкома КП(б) от 20.XI-1939 г. тов. Ракитский С.Г. исключен из партии за грубое нарушение революционной законности в бытность оперуполномоченным ОДТО НКВД ст. Орша, выра-

зившееся в необоснованных арестах, применении к подследственным физических мер воздействия и за подлоги в следственной работе.

При проверке выяснилось, что тов. Ракитский, работая оперуполномоченным ОДТО НКВД ст. Орша, допустил нарушение революционной законности, выразившееся в том, что при ведении следствия по групповому делу не уточнил ряда существенных противоречий в показаниях некоторых обвиняемых и не документировал тщательно дела, согласился с предложением зам. начальника ОДТО НКВД Западной ж.д. передать это дело на рассмотрение “тройки” НКВД.

Обвинение тов. Ракитского в подлогах и применении физических мер воздействия к подследственному Сергето не подтверждается.

О практической работе тов. Ракитского в настоящее время парторганизация ОДТО ст. Минск отзывается положительно.

(Докл. т. Головко, присутствует т. Ракитский).

Постановили:

Учитывая, что т. Ракитский допущенные им проступки признал и их осудил, в отмену решения Витебского обкома КП(б)Б от 20.XI-1939 г. восстановить т. Ракитского С.Г. членом ВКП(б).

За нарушение революционной законности — объявить т. Ракитскому выговор с занесением в учетные документы.

Поручить Кагановичскому РК КП(б)Б оформить выдачу партдокументов тов. Ракитскому С.Г.

Фх. Секретарь ЦК КП(б)Б Пономаренко Подпись
НАРБ Ф. 4п, оп. 1, д. 14974, л. 102-102 об, 390-392 об.

Сотрудники Оршанского НКВД

Болотин Вениамин Абрамович родился в 1903 году в г. Климовичи Могилевской обл. 23.03.1936 г. присвоено звание сержанта ГБ. С 1.10.1943 г. — красноармеец. Информации о смерти нет. Упоминается в деле расстрелянного Анатолия Логинова.

Борисенко Иван Семенович — сотрудник Оршанского НКВД. Возил вместе с шофером людей на расстрелы. У Борисенко была норма — за ночь сделать два рейса и расстрелять 12 человек. В 1950-х —майор КГБ. В начале 1960-х работал лесником, показывал могилы расстрелянных.

Васильев Алексей Фролович, 1895 г.р., русский. До ареста 28.03.1938 г. — командир дивизиона НКВД на ст. Орша. Обвинялся в шпионаже.

Расстрелян 29.07.1938 г. Реабилитирован.

Власов — в марте 1939 г. зам. нач. Витебского облотдела НКВД. В апреле 1939 г. Военный трибунал БВО осудил к 10 годам ИТЛ за расстрелы в гор. Орша после решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.11.38 г. и приказа НКВД СССР за №00762 от 26.11.38 г. о прекращении массовых операций.

Гинзбург (Гинбург, Гинсбург) Григорий Иванович — еврей. Родился в 1899 г. в Минске. 23.03.1936 г. присвоено звание мл. лейтенанта государственной безопасности. Зам. нач. отделения ОО НКВД 35 кавд БФ. Член ВКП(б). Следователь. В июле-августе 1938 г. в Орше допускал грубые нарушения революционной законности, применение к арестованным, без всякого на то повода, карцера, физическое избиение. Участвовал в пытках отца российского юмориста Ефима Шифрина — Залмана Шифрина. Пропал без вести в 1943 году в Кличевском р-не Могилевской обл.

Дмитровский Александр Петрович. С 4.10.1937 г. — сержант государственной безопасности. До 23.08.1939 г. — пом. оперуполномоченного ст. Орша ДТО НКВД Западной железной дороги. 23.08.1939 г. уволен в связи с невозможностью использования на работе в Главном управлении государственной безопасности.

Дорфман — сотрудник Оршанского РО НКВД, упоминается в документах репрессированного Якима Медведского.

Зайцев (вероятно, Зайцев Степан Иванович) следователь, на 1.09.1937 г. — оперуполномоченный Оршанского РО НКВД (дело Антона Каменского). В ноябре 1937 г. (в деле Станислава Кузмицкого) — начальник оперсектора НКВД БССР, сержант госбезопасности. В июне-августе 1938 г. упоминается как начальник Оршанского горотдела НКВД.

Качинский Наум Матвеевич, 1899 г.р., еврей. До ареста 13.07.1938 г. — инспектор Оршанского райотдела НКВД. Расстрелян 13.08 или 1.11.1938 г. в Орше как польский шпион. Реабилитирован.

Кегелис Давид Аронович, 1894 г.р. начальник производственной части Оршанской тюрьмы. Проживал в Орше. Арестован 30.06.1938 г. за вредительскую и антисоветскую агитацию. Постановление УНКВД по Витебской обл. дело остановлено.

Керн — помощник оперуполномоченного 3 отд. УГБ Оршанского райотдела НКВД. Упоминается в обвинительном заключении расстрелянной в Орше Анны Раковой.

Михайлов Василий Андреевич, 1902 г.р., украинец. 23.03.1936 г. присвоено звание ст. лейтенант госбезопасности. С 1936 до 4.03.1937 г. — на-

чальник Оршанского ГО УГБ НКВД БССР. С 27.04.1937 г. — зам. наркома внутренних дел Мордовской АССР. В этот период входил в состав особой "тройки", активно участвовал в сталинских репрессиях. 15.01.1945 г. присвоено звание подполковник госбезопасности. Имел награды.

Оверкин (Аверкин) Ефим Архипович, 1904 г.р. д. Михеевка Дубровенск. р-на, начальник канцелярии оршанской тюрьмы. Арестован 30.06.1938 г. за а/с агитацию. 19.12.1938 г. УНКВД по Витебской области дело остановлено.

Пименов — оперуполномоченный Оршанского горотдела НКВД (сведения на июль-август 1938 года). Допускал грубые нарушения революционной законности, применение к арестованным, без всякого на то повода, карцера, физическое избиение.

Ракитский Сергей Григорьевич, 1910 г.р., русский, образование низшее. Член ВКП(б) с 1939 г. В органах НКВД — с 1937 г. 20.11.1939 г. исключен из партии за грубое нарушение революционной законности в бытность оперуполномоченным ОДТО НКВД ст. Орша. За подлоги и применение физических мер воздействия к подследственным объявлен выговор с занесением в учетные документы. Восстановлен в ВКП(б).

Рассказов Василий Дмитриевич, 1898 г.р. Начальник Оршанского РО НКВД. В 1936 г. — лейтенант ГБ. До 15.11.1937 г. — начальник отделения 2 отдела УГБ НКВД БССР. 15.11.1937 г. уволен в связи с невозможностью использования на работе в Главном управлении ГБ. В ноябре 1940 г. — ст. лейтенант ГБ. Персональный пенсионер союзного значения с 1.11.1977 г.

Савельев Иван Тимофеевич. С 4.10.1937 г. — сержант госбезопасности. До 22.08.1940 г. — следователь Оршанского ГО УНКВД, уволен в связи с невозможностью использования на работе в Главном управлении ГБ.

Стасенко Александр Борисович 21.02.1938 г. присвоено звание сержант ГБ. До 25.03.1939 г. — нач. Суражского РО НКВД БССР. Уволен с исключением из учета с формулировкой "в связи невозможностью использования на работе в ГУ ГБ". Упоминается в деле расстрелянного Анатолия Логинова.

Трипутин Иван Леонович, 1896 г.р., фельдъегерь Оршанского РО НКВД. Осужден 8.06.1937 г. за а/с агитацию к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован.

Хайкин Михаил Абрамович. 23.03.1936 г. — мл. лейтенант госбезопасности. До января 1939 г. — оперуполномоченный Оршанского РО УГБ НКВД БССР. 16.01.1939 г. уволен в связи с арестом судом. 16.03.1939 г. осужден к 10 годам лишения свободы.

Шлифенсон Самуил Иосифович, 1903 г.р., еврей. Незаконченное среднее образование. С 1921 г. — в органах НКВД. В 1937 г. стал служить в тюрьмах. Именно в этом году работал в Орше. Переведен в Могилевское городское управление внутренних дел, затем — в Гомельскую тюрьму. Организовывал пыточные камеры. В июле 1938 г. в Речице отдал приказ расстрелять 300 человек: поляков, латышей и немцев. Арестован в ноябре 1938 г. Обвинение — шпионаж и вредительство. Уволен из НКВД и лишен звания. 18.05.1939 г. приговорен к расстрелу. Не реабилитирован.

Щуров Николай Георгиевич — беларус. В 1936 г. присвоено звание мл. лейтенанта госбезопасности, в 1939 г. — лейтенанта. До 9.12.1937 г. — оперуполномоченный отдела УГБ НКВД БССР, с 9.12.1937 г. — начальник 4 отделения 3 отдела УГБ НКВД БССР. Прибыл в Оршу в октябре 1938 г. 17.07.1939 г. уволен в связи с арестом судебными органами. Обвинен в злоупотреблении или превышении власти. Приговор — 5 лет ИТЛ. Воевал. Имел награды. Мать Евдокия Карловна проживала в Орше.

Хинштейн Вульф Хацкелевич, 1891 г.р., еврей. До ареста в 1938 г. — начальник санчасти тюрьмы НКВД. Обвинялся в шпионаже в пользу Польши. Умер в заключении (расстрелян) 7.10.1938 г. Реабилитирован.

Эммануилов Михаил Семенович, 1891 г.р., еврей. Член ВКП(б) с 1917 г. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с марта 1919 г. С 4.03.1937 г. по март 1938-го — начальник Оршанского ГО НКВД. Звания: ст. лейтенант госбезопасности (1936 г.). Награды: орден Красного знамени, знак “Почетный работник ВЧК-ГПУ”. Персональный пенсионер союзного значения с 16.09.1967 г. Умер в 1970 г.

Янушко Алексей Фролович, 1895 г.р., русский. До ареста 20.03.1938 г. — командир дивизиона НКВД на ст. Орша. Обвинен в шпионаже. Расстрелян 29.07.1938 г. Реабилитирован.

Яцкевич — сотрудник Оршанского РО НКВД. Упоминается в деле расстрелянного Станислава Корженевского.

Только Устно! Как НКВД и КГБ информировали о судьбах репрессированных

Документ № 32

Приказ НКВД СССР № 00515 “О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных”

11.05.1939 г.

г. Москва

По имеющимся в НКВД СССР данным, местные органы НКВД не дают исчерпывающих справок заявителям о местонахождении их родственников, арестованных и осужденных органами НКВД. В результате заявители обращаются к депутатам Верховного Совета, в прокуратуру и различные центральные правительственные учреждения, нередко приезжая лично за справками в Москву.

Для упорядочения справочной работы

Приказываю:

1. Всем начальникам органов НКВД в декадный срок организовать выдачу справок на запросы граждан о местонахождении их близких родственников, арестованных и осужденных по делам органов НКВД.

Справки выдавать только устные.

2. В НКВД и УНКВД выдачу справок возложить на 1 Спецотделы, через приемные НКВД (УНКВД), установив часы приема заявлений и выдачи справок.

3. О следственных арестованных сообщать: когда арестован, в какой тюрьме содержится и где находится дело (в следственном органе, прокуратуре, суде); об осужденных сообщать: когда, кем, по какой статье осужден, на какой срок, куда направлен для отбытия наказания, указывая почтовый адрес тюрьмы или лагеря (для тюрем ГУГБ — указывать № почтового ящика).

4. Районным и городским отделам, ДТО, ОДТО и особым отделам, при отсутствии у них сведений о результатах дел, запрашивать соответствующие инстанции и по получении ответа выдавать устные справки заявителям.

5. Организовать в общих тюрьмах, лагерях и ИТК выдачу справок о заключенных родственникам, обращающимся непосредственно в тюрьмы, лагеря и ИТК.

Из последних выдавать устные справки только о том — содержится арестованный или нет, и если не содержится — куда и когда отправлен.

6. В отношении осужденных Военной Коллегией и “тройками” НКВД (УНКВД) к высшей мере наказания сохранить существующий порядок выдачи справок, производя их выдачу только через 1 Спецотделы.

7. Наркомам внутренних дел республик и начальникам УНКВД дать указание начальникам ОАГС’ов в случае обращения к последним жен

арестованных о разводе, учинять акты развода беспрепятственно, не требуя от заявителя никаких справок.

8. Письменные заявления о местонахождении арестованных и осужденных, поступающие в органы НКВД и тюрьмы НКВД от родственников, проживающих в других районах, направлять соответствующей справкой в органы НКВД по месту жительства заявителя для устного объявления.

Лагеря и ИТК НКВД ответы на поступающие к ним заявления направляют непосредственно в адрес заявителя.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия
ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 33. Лл. 135-135 об.

Акт обследования братской могилы на Кобыляцкой горе в 1982 году

АКТ

20 сентября 1982 года. г. Орша

Комиссия представителей советских и административных органов в составе: ответственного секретаря Оршанского районного отделения Белорусского общества охраны памятников истории и культуры Пищалова Г.Х., прокурора тов. Андрейковой Г.Н., врача судебно-врачебной экспертизы тов. Лосева В.А., старшего лейтенанта Оршанского военкомата тов. Ризатова В.Д., старшего лейтенанта милиции тов. Лучина Н.С. сего числа произвели осмотр останков захоронения людей, обнаруженных при строительстве подъездной железнодорожной ветки к заводу ЖБИ “Межколхозстроя” через лесной массив южнее деревни Андреевщина.

Осмотром на месте обнаруженных местными жителями останков захороненных людей установлено, что захоронение произведено примерно в 1937-1939 гг. в глухом лесном массиве, в братской могиле пятьдесят человек. Время захоронения подтверждается тем, что хорошо сохранившаяся обувь, состоящая из хромовых сапог с калошами, мало поношенных туфель с калошами и другой модельной обуви, имела хорошо сохранившиеся фабричные штампы московской фабрики “Красный треугольник” и Ленинградской фабрики резиновых изделий с хорошо видимым годом изготовления — 1936-1937 год (белый треугольный штамп). Все пятьдесят человеческих черепов имеют пулевое отверстие в лобной части и хорошо сохранились.

Опросив старожилов дер. Андреевщина и близлежащих деревень с целью выяснения возможности расстрела советских людей немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., было установлено, что расстрелов в период оккупации Белоруссии немцы в этих местах не производили. Как правило, расстрелы немцы производили открыто, а не в глухих местах, из автоматов без повреждений костей головы. Все жители подтверждают, что расстрелы советских людей производились в 1937-1939 гг. органами НКВД. В этот период лес так называемой Кобыляцкой горы был местом массовых расстрелов ни в чем не повинных людей, так же, как лесной массив по Могилевскому шоссе у дер. Поддубцы.

Комиссия считает, что захоронение произведено в 1937-1940 гг. репатриированных советских людей. Останки следует захоронить на месте их обнаружение. Для этой цели и рытья могилы выделить людей директору завода ЖБИ Облмежколхозстрой тов. Закревскому И.М.

Комиссия: Пищалов Г.Х. Андрейкова Г.Н. Лосев В.А. Ризатов В.Д. Лучин Н.С.

Список литературы

1. Валентина Соскина. “Необратимое” http://mishpoha.org/n24/24a13.shtml
2. „Bez sądu, świadków i prawa…” Listy z więzień, łagrów i zesłania do Delegatury PCK w Moskwie 1924-1937. Pod redakcją Romana Dzwonkowskiego SAC.
3. Шифрин З. Ш. “Как это было…” https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4013
4. Ковалёв В.К. при участии Ковалёва О.В. “День первый - день седьмый”. Минск, “Белпринт”, 2018. https://proza.ru/2019/01/01/1569
5. С.Дубавец і А.Аляхновіч. “Хроніка палітычнага тэрору: 1918-2008. Крупскі раён. Малое Палессе. Друцка-Берэзінскі край”.
6. Газета “Ленінскі прызыў”.
7. Газета “Літаратура і мастацтва”.
8. Улада і грамадства: БССР у 1929-1939 годы (у дакументах Сакрэтнага аддзела/ Асобага сектара ЦК КП(б)Б. Складальнік І.Раманава. Логвінаў, 2019

Содержание